

Ասա Կոճոբեւ

ԵՍԼՄԵԲԵԿ ՇԱԳՈՂՉԱԻԵԿՆԱՆ

СУЛУМБЕК САГОПШИНСКИЙ

(роман)

Кодзоев Исса

vk.com/ingbooks

Посвящается истинным патриотам прошлого, настоящего и будущего,

отважным рыцарям чести и народной свободы,

несломимому духу галгайскому, тем,

кто склоняется перед Всевышним,

но не склоняется перед Тираном.

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ГЕРОЯХ ИНГУШЕЙ

Ей Богу, наши ингушские мозги съехали на бок и их надо водворять на место. Кто есть кто? и Что есть что? - вот в чем вопрос.

Национальные герои.

Где нам их искать? А где угодно, но только не среди генералов и офицеров. Среди многочисленных прославленных военных из ингушей XIX, XX и XXI вв., всего несколько человек, отличавшихся патриотичным духом, и один из последних Кортюев Джабраил.

Мы не говорим, что ингушские военные не были героями вообще. Были. Но были героями Российской империи, были героями Турецкой республики, были героями СССР, были и есть герои РФ, но они не суть герои ингушского народа, так как не пожертвовали ни одним волоском со своей головы во имя своего родного народа. Они просто делали военную карьеру, делали честно и мужественно, используя личную доблесть. Мы ими даже гордимся, как храбрыми людьми, хотя подвиги они совершали за чужие интересы. Нам приятно, что они не были трусами. Но памятники им пусть ставят те, чьи интересы они защищали, не щадя своих жизней.

Возьмите любого ингуша и спросите: знает ли он истинных героев своего народа - он, не задумываясь, вам ответит, что знает, и с гордостью начнет перечислять имена генералов и офицеров, служивших в разные времена Царям-Батюшкам и Отцам Народов, таких служак с лихо закрученными вверх усами, при наградном оружии, эполетах, погонах и орденах.

Грамотеи каждого ингушского тайпа составили полный иконостас этих бравых молодцов - знай, мол, наших!

Да! Да! Они были, несомненно, храбрыми людьми, прекрасными воинами, но они служили не своему народу. Они были далеки от интересов своего народа. Их вообще не интересовал свой народ. Мы даже допускаем, что среди служивых были и такие, которым не чуждо было чувство патриотизма, глубоко-о, глубоко-о-о спрятанное в душе, так чтобы, не дай Бог, об этом не узнал Хозяин. Такой патриотизм умирает вместе с обладателем, никак не проявившись, как дитя-выкидыш, умерший во чреве матери.

А были среди служак и такие, которые с оружием в руках помогали чужакам приводить в

покорность родной народ, «ради его же блага», как они, может быть, предполагали - и числятся у нас в героях. Парадокс: изменники на пьедестале героев!

Я не назову народным героем служаку, если даже у него будет обвешена звездами не только богатырская грудь, но спина и то, что ниже нее. Он прекрасно служил своему Хозяину, и Хозяин по достоинству оценил его услуги. Все! Он получил то, что заслужил сполна. От народа, для которого он ничего не сделал, ему ничего не полагается. Он чужой для нас.

И честь, и хвалу, и славу пусть ему воздают потомки тех, кому он служил.

Такие служаки называются ландскнехтами. Народным героизмом здесь и не пахнет.

Герой обладает тремя качествами: патриотизм, мужество, самопожертвенность. Патриотизм - на первом месте. Герой - патриот, патриот своего народа.

Наши истинные герои ушли в Вечность. Их могилы заросли бурьяном. Их имена и деяния преданы потомками забвению, а иногда позору и поношению. Их чурты зарываются в землю, а эпитафии покрылись прахом...

Герою мало быть героем - надо еще, что бы у него было достойное потомство.

В этой книге я попытаюсь сдунуть пыль чурта одного из наших истинных народных героев. Попытаюсь. Удалось мне это или не удалось - судите сами.

Нам следует вытаскивать из тьмы забвения на божий свет имена истинных наших героев, которые безоглядно жертвовали собой за жизнь, за честь и достоинство своего народа и Родины.

Одним из таких был Сулумбек Сагопшинский, сын Гоарожа, из тайпа Г1оандлой.

ПЕСНЯ О ГЕРОЯХ

Мир бранный построен

Из горя и бед.

В нем трудно найти

Счастливых.

Но правде послужит

Отцовский завет,

В нем хитрости нет

*И лукавого слова:
За честь и достоинство,
За счастье здесь жить,
За место под небом,
За солнечный свет,
За наш благородный
Галгайский Эздел,
За нашу Отчизну,
Народ за родной,
Сражаться, как лев,
До последнего вдоха.*

«С именем Саламбека связаны самые дерзкие набеги Зелимхана, в то время как Зелимхан одухотворял шайку своей религиозно-политической популярностью, Саламбек производил на шайку магическое действие своей неустрашимостью и своей безумной отвагой. За ним абреки шли почти на верную смерть, в самый центр города, отдаваясь прямо в руки войск. Кроме храбрости, Саламбек отличался необычайной силой воли свойством не теряться в минуты опасности и, главное, - беспощадностью. Безумная храбрость Саламбека - это идеал, которого желал бы достичь каждый абрек. Словом, Зелимхан и Саламбек взаимно друг друга дополняли». К-ский.

(из книги Дзахо Готуева «Зелимхан»)

ВНУШЕНИЕ ДОБРОНРАВИЯ ПО-ГОРСКИ

Он не щадил ни своих сил, ни юного тела подростка. Гоарож очень старался. И не гнев побуждал его к этому, а желание внушить сыну правила хорошего тона. Устав от тяжких отцовских трудов, он подумал, что, пожалуй, достаточно этих назиданий, сын должен исправиться, если вообще способен исправляться.

Когда отец наконец отпустил его, мальчик первым долгом поднял с земли упавшую при трепке шапку, отряхнул и водрузил на голову. Невозмутимо поправил одежду и, как будто ничего не случилось, твердо и серьезно посмотрел на отца.

- Вот, теперь, когда ты закончил свое дело, хотелось бы знать: какова причина твоего гнева против меня.

- Ты не знаешь? - отец вперил в сына свирепые глаза.

- Не знаю. - просто ответил он - Нет.

- Я тебя послал учиться грамоте, а не драться. Учитель жалуется, что ты подрался с сыном Баадала Борцакха¹ и сильно избил его. На что это годится? Человека послали учиться, а он бросается на людей, как бешеный пес! Не йовсурствуй!²

- Хорошо, Вот. Речь идет обо мне. И от тебя взбучку получил тоже я. Раз это так, тебе, как отцу, не помешало бы немного справедливости.

- Что ты сказал?

- Сперва тебе следовало отделить ложь от правды, а побить всегда успеется. Куда я могу деться?

Мальчик, перенеся суровое наказание, не был напуган, не шмыгал носом и не просил пощады.

- По-твоему учитель говорит неправду?

- Говорит-то он правду, только.

- Что только?

- Только его правда похожа на полчаплика. Половину правды он сказал тебе, а другую половину оставил себе. Тебе следовало получить полную правду.

- Как это?

- Пошли, зайдем в учебное помещение, там дети скажут тебе все, как было. Я бы промолчал, если бы ты не заговорил о йовсурстве. Я это не могу принять.

Когда Гоарож вошел в класс, дети встали, приветствуя его.

Учитель, который стоял у стола, повернулся к ним.

- Хамбор, отец меня побил, после твоих жалоб. Отцы на то и созданы Богом, чтобы наказывать провинившихся детей. Это битье не унижает мое достоинство, а наоборот делает мне честь: не было бы отца - не побил бы. И все же я задам своим товарищам несколько вопросов, с твоего разрешения. Канты, говорите чистую правду. Позавчера между мной и Хуци возникла ссора?

- Возникла!

- Возникла!

- Эй, мальчик! Сулумбек, вопросы буду задавать я - разве не я учитель в этом классе?

- Да, ты учитель, но наказание по твоей жалобе понес я. Ты можешь задавать сколько угодно вопросы касательно нашей учебы. Но сейчас мы должны постичь истинную причину случившегося. Мальчики, мы в тот день сидели и учили задание учителя. Так это было?

- Так! Так!

- Да, мы все читали урок.

- Хуци ведь пришел на урок с опозданием. - сказал Сулумбек.

- Да, он опоздал. - подтвердили одни.

- Он вошел в класс с опозданием, а на нем была новая бухарская шапка. - сказали другие.

- Разве все не высказали ловца [3](#) по поводу этой обновки? - спросил Сулумбек.

- Все. Все.

- А я высказал?

- И ты высказал, Сулумбек. Ты сказал: «Носи на здоровье! Красивая шапка».

- А что было дальше?

Класс неожиданно замер, смолк одновременно.

Но вдруг вскочил один мальчик:

- Хуци остановился у стола Сулумбека и говорит: «Яьй, ты чего уткнулся в бумагу? Говори ловца громко, чтобы все слышали, Завидуешь? Твой отец Гоарож все лето роется в земле, как червь, а зимой - в навозе, как майский жук! Он никогда не купит тебе такую, если даже

будет рыть землю рылом, как дикий кабан. Сулумбек вскочил и ответил: «Ты как смеешь произносить имя моего отца, ублюдок? Не твой ли отец наживается на копейках, продавая детские жвачки и женские штаны. Нашел чем гордиться! Кличка у твоего отца Хаче Барч»? Хуци бросился на Сулумбека. Они подрались. Сулумбек его побил, сильно побил. Вот все.

- Дети, так это было? - удостоверился Гоарож.

- Так.

- Так было, Воти.

Гоарож повернулся к учителю и обжег его суровым прямым взглядом:

- Почему ты не сказал мне все, как было?

- Я-то. Я. подумал, что не стоил ворошить детские дразнилки. Мы, взрослые.

- Детские дразнилки, говоришь? Этим дразнилкам дети учатся у взрослых в собственных семьях. Воистину, правда, что и мои предки, и я обеспечиваем себя тем, что добывают вот эти руки. Мы землепашцы и скотоводы. В набеги не ходили, торговлей не занимались. Господь одарил нас честным, чистым хлебом. Семьи были обуты и одеты. Никогда не голодали. Оказывали прием гостю, помогали нуждающимся. - Гоарож поднял огромные свои натруженные руки. - Они нас кормят, как и ваших отцов. но среди нас попадаются и другие - к ним никакой зависти. Я прямо отсюда поеду к Баадалу Борцхаку, и если я что-либо ему должен, верну долг... Ну а то, что я тебя побил - заслуженно.

- Я не понял за что, отец.

- Видишь ли, мальчик, я сам хорошо не знал, за что тебя наказываю. А получилось правильно.

- Объясни мне, Воти, подходчивее.

- Сын Баадала Борцакха нанес нам оскорбление языком.

- Так?

- Так.

- А ты чем ответил?

- Тоже языком.

- Мальчик, - Гоарож назидательно махнул перед его носом шершавым пальцем. - Это женщины парируют языком на язык. у мужчин для этого на поясе кинжал. Теперь ты понял?

- Теперь-то я понял.

- Мы - честные труженики, Сулумбек. А честь свою защищаем вот этим, - он хлопнул по рукояти кинжала, а потом показал пальцем на свой язык, - это не наше оружие. Оставь его бабам.

- Но у меня нет, Воти, кинжала.

- Будет!

Гоарож вытащил из кармана рубль серебром и положил на стол перед сыном:

- купишь себе бумаги, чернил, карандашей.

Горец бросил еще один уничтожающий, беспощадный взгляд на учителя и вышел из класса.

Дети в окно видели, что всадник поскакал к центру Нясаре⁴, где располагались магазины нясаринских богачей.

- Хуци, - сказал тот правдивый мальчик, - твоему отцу не позавидуешь! Эшшахь!

Дети засмеялись.

БОДЛИВЫЙ БЫЧОК

Поперек седла лежал туго набитый мешок кукурузы, Сулумбек вел коня под уздцы не спеша, жалея животное.

На зимних каникулах отец сделал ему два дорогих сердцу для любого молодого кавказца подарка - коня и кинжал. После неприятного случая в школе с сыном мясаринского торговца Гоарож совершенно изменился по отношению к сыну, стал воспринимать его, как взрослого.

- Сулумбек, - наставлял его отец, вручая серебряный пояс с кинжалом. - Носи, но помни: за каждый его взмах мужчине приходится отвечать перед другими, и за не взмах в нужном месте приходится отвечать перед своим мужским сердцем до самого могильного холмика. Тот, кто считает себя галгаем, должен усвоить эти две науки. Теперь на занятие поедешь на собственном коне, он стоит в сарае. Корм для твоего коня я привезу сам. Знаешь, как нужно относиться к коню?

- Скажи, Воти. Я мало что в этом смыслю.

- Конь должен быть накормленным и ухоженным. Подчини его своей воле. - сурово наставлял Гоарож.

- Я постараюсь.

- Ты уже бегло читаешь любую газету и переводишь его смысл на наш язык. Учитель доволен твоими успехами. Может быть, после окончания школы мы отправим тебя учиться дальше в Буро или Кизляр.

- Нет, Воти, не стоит этого делать. Я не хочу сидеть на шее семьи. Это будет стоить больших средств. Я не стану обузой для семьи. После школы я вернусь домой и буду помогать тебе и братьям.

Гоарож подумал немного и с теплой улыбкой на лице проговорил:

- Это слова мужчины и хорошего сына.

Первая и последняя в жизни похвала отца.

Детские крики вернули Сулумбека из родного отчего дома в Насыр-Корт, на тропинку, ведущую к мельнице. Слева была пологая поляна, а по ней бежала девочка, спасаясь от преследовавшего её бычка.

- Ва-а-ай! Вай! По-мо-ги-те!

Над кручей несколько мальчиков закатывались смехом.

Бычок нагнал несчастную, боднул, опрокинул и пробежал шагов двадцать. Потом

развернулся для новой атаки. Девочка присела и в ужасе закрыла глаза, заплакала навзрыд.

Сулумбек отпустил лошадь и бросился наперерез животному, но не успел. Бычок пронесся в двух шагах от мальчика, повалил девочку, отбежал и застыл в боевой позе.

- Хлайт! Хлайт! Уходи, глупое животное! - замахал на него руками Сулумбек, бросил камень. Но бодливый бычок «бекнул» и бросился на защитника девочки. Могучим ударом он свалил с ног мальчика-крепьша, но тот успел схватить противника за один рог обеими руками. Оба покатались по поляне. Бычок вырывался, подросток не отпускал. Те, что стояли, перестали смеяться, наблюдали за сражением, подбадривая своего:

- Уци! Уци!⁵ Дай ему, как следует!

До слуха Сулумбека дошли эти слова.

- Аь! - он вышел из себя, силы утроились, схватил оба рога, опрокинул животное на спину, выхватил из ножен кинжал, громко крикнул: «Бисмиллях!»⁶ и в следующий миг полоснул кинжалом по горлу. В лицо и на грудь фонтаном хлестнула кровь. Сулумбек встал. Бычок бился на земле, заваливаясь то на один, то на другой бок.

- Эшшах, мальчик! Что это ты наделал? Будет большой скандал. Хозяин этого животного очень неприятный человек. Может, тебе быстрее уйти отсюда и сообщить своим родным? Могут сгоряча побить.

- Нет, Дади, меня бить безнаказанно нельзя. - ответил Сулумбек старику.

- Тебя родители не похвалят. - настаивал старик.

- А что тогда, сынок?

- Тогда я их накажу. - твердо ответил подросток.

Старик смерил его с ног до головы, восхитился отвагой юного человека:

- Видать ты отпрыск бесстрашных. Но и тебе да будет известно, кант, я хоть и старик, но мужского достоинства терять не собираюсь. Эта девочка из нашего тайпа. У меня есть такая зацепка. Постараемся решить дело миром, а если не получится, тогда, тогда посмотрим. Меня зовут Иэсолта.

Впереди шел полнотельный холеный мужчина, за ним семенил, опираясь на посох, старик.

- Кто? Кто зарезал моего быка? Кто? Я спрашиваю.

Он встал в боевую позу: запрокинул голову, левая рука на пояснице, правая - на кинжале.

- Я зарезал твоего бычка, - невозмутимо ответил Сулумбек, двинувшись навстречу этим двоим.

- Ты?

- Я. Он не давал здесь проходу людям, бодался. Вон ту девочку он чуть не убил. Ваши мальчишки этим забавляются. Вы старшие не знали об этом?

- Ай-я! Чтоб.

Сулумбек сообразил по губам мужчины, что тот готов произнести гадкое оскорбление в адрес его отца, это могло закончиться печально. Он надвинулся на полнотелого, положил руку на рукоять кинжала и сквозь зубы произнес:

- Побереги тебя Бог сказать плохое слово о моем отце!

Полнотелый по стальному блеску глаз понял, что мальчик готов пустить в ход кинжал, сорвись с его губ неблагородное слово.

Тут вовремя вмешался старик Иэсолта, он обратился к отцу полнотелого с укором:

- Я удивляюсь тебе, Махьи. Где твое приветствие, или ты решил сложить с себя эздел? Ну сын твой погорячился, хотя тут не стоит мужчинам горячиться из-за несчастного животного.

- Я виноват. Я заторопился. Ассаламу алейкум, Иэсолта! Что здесь произошло на самом деле?

- Ваалейкум Салам, Махьи! Ты хочешь знать, все как есть?

- Говори правду. Говори.

- Вот эти ваши подростки с самой весны не дают проходу людям по этой тропе к мельнице. Напускали бодливого бычка. Напустят его, а сами смеются над тем, как животное издевается над человеком. Разве это хорошо? Этот мальчик шел впереди меня, на коне поклажа. Вдруг крики: «Помогите! Спасите!». Видим бычок сбивает несчастную девочку раз за разом с ног и бьет своими рогами поверженную. Мальчик бросил лошадь и побежал на выручку. Так ваш бычок и его затиранил, повалил и давай бодать. Ну сгоряча он его и зарезал. Посмотри на него, он почти взрослый мужчина. Не убивать же за это. А девочка та из нашего тайпа, дочь Аскхе Исхака. А, не дай Бог, если бы животное выбило ей глаз или сломало что-нибудь, чтобы ты тогда сказал, Махьи? А? Ты об этом подумал? Людям не нравится, когда на них спускают бешеных собак или бодливых животных.

- Это был племенной бычок, купленный в Моздоке специально для улучшения породы наших коров, а вы его зарезали? Кто нам возместит ущерб? - вопрошал полнотелый Бача.

- Это уже другой разговор, Бача. Ущерб надлежит возмещению. На это есть народные судьи. Но и ты не забывай, и вам могут выставить счет - животное забодало и девочку, и этого благородного мальчика.

- Я ничего не знаю и знать не хочу, пусть возместят мне полную стоимость моего быка.

Никто не просил этого амбала бросаться с кинжалом на мое животное, только за то, что оно из-за своей природной резвости заигралось с той девочкой. Кем она приходится ему?

- Отныне она будет моей сестрой. - сказал Сулумбек твердо.

- Да? - усмехнулся Бача, - Что ж, вот ты и считаешься за то, что натворил из-за сестры. Ты чей?

- Я сын Гоарожа из Сагопши, наш род Г1оандлой. Меня самого зовут Сулумбеком.

- А что ты делаешь здесь в Нясаре?

- Я здесь учусь, я живу у ноанухоевского7 родственника Баке Чоалдара.

- Иэсолта, раз ты взял на себя роль заступника за этого. Сулумбека, будешь и посредником. Возместите мне ущерб! Все!

Бача демонстративно развернулся и пошел туда, откуда пришел.

Иэсолта поманил мальчика, пошли, мол, отсюда поскорее.

Сулумбек махнул утвердительно головой, поднял мешочек старика с земли, положил на круп своего коня, двинулся по тропе к мельнице. Иэсолта пошел рядом, придерживая одной рукой свою кладь. Казе Махьи достал кинжал и склонился над тушей бычка, чтобы освежевать.

- Махьи, это мясо можно есть. - бросил Иэсолта на ходу.

- Да? Бисмил сказали? - спросил обрадованно тот.

- Очень даже громко! - усмехнулся Иэсолта.

Когда они удалились шагов на сто, старик Иэсолта облегченно вздохнул:

- Хвала Богу! Он нас избавил от больших неприятностей. В таком, по сути, пустячном споре, слово за слово, дело доходит до оскорблений, а потом и до кинжалов.

- Дади8, это не были люди, отстаивающие свое кинжалами.

Но они могли сказать грязное слово, и тогда их пришлось бы наказать.

- О, мой мальчик! В галгайской кинжальной схватке никто не выигрывает: ни тот, кто получил удар, ни тот, кто нанес его.

Ты думаешь, отец согласится возместить им целого быка?

- Дади, мой отец не мелочный, он - мужчина! Хотя все, что мы имеем, сделано его руками. За это не беспокойся.

- Ругать будет?

- Нет. Он бы поругал, если бы узнал, что сын не отозвался на зов о помощи. Он говорит: сутары⁹ и зовзы¹⁰ пусть умрут в колыбели. - Я знаю род Глоандлой, род благородный и отважный. Никто не смеет бросить тень на вашу честь. Но сейчас тяжелые времена. Чужаки принесли свои законы. Они внушают галгаям понятия доастама¹¹, мужество и отвага возведены в глупость, честности предпочитают хитрость и коварство. Наступает зама¹² низких. Блюстителем галгайского эздеда и древних традиций тяжело придется в этом новом мире. Ой как тяжело! Мяржая¹³! Мяржая!

На мельнице было много женщин. Так уж сложилось, что это дело возлегло на плечи слабых женщин, так как обычный помол составлял пуд или полпуда. Мужчины считали для себя постыдным нести на мельницу такую малость, да еще идти горбясь на виду у всего села. Другое дело - большой помол: мешок или два мешка - взвалил на лошадь или осла и понес. На мелкий помол ходили такие, как Иэсолта, у которых не было ни женщин в доме, ни подростков.

Девочка Йиси стояла позади всех, оттесненная старшими.

Женщины хотели пропустить старика Иэсолта, но тот заявил решительный протест:

- Нет. Я займу очередь и, когда она наступит, смолю свою кукурузу. Таково решение схода. Но я бросаю вам, женщины, укор за то, что эту девочку-сиротку вы оттеснили из очереди.

Впредь так не поступайте. И да будет впрок и на здоровье вам то, что вы здесь смололи!

- Спасибо тебе, Иэсолта! - стыдливо опустила глаза одна из женщин. - Твой укор справедлив, и впредь мы будем внимательнее к младшим. Иди сюда, девочка, встань впереди меня.

- Нет. Теперь она будет с нами. Мой укор за обиду не принимайте, Ребенка на мельницу отправляют не от легкой жизни.

- Иэсолта, ты прости меня, но у этой девочки полнотелая, холеная мачеха. Почему она посылает с непосильной ношей этого кузнечика!

- Дела чужой семьи, родная.

Возвращались с помолом вместе. Смолотый жувр¹⁴ аккуратно уложили на коня. Сулумбек вел коня, рядом с ним шла Йиси, а старик Иэсолта, придерживая ношу, шел рядом. Девочка поминутно бросала взгляды на своего защитника - восхищение, обожание и кристальная детская любовь!

Иэсолта хотел снять свой мешочек у своего проулка, но Сулумбек не позволил, подвел коня к самому его дому.

- Сынок, ты теперь знаешь, где я живу. Меня зовут Берснаки Иэсолта. Мы с больной женой остались одиноки, в прошлом году от чахотки умер наш сын. Благослови тебя, Господь. Если

будут с этими людьми трение, обращайся ко мне.

- Хорошо, Дади. Я отцу передам твои слова.

Потом он потрепал девочку по головке:

- А ты, родилась в рубашке, раз такого защитника нашла. Не забывай его. В наше время даже за родную сестру не каждый хватается за кинжал.

Девочка засияла от счастья, а из глаз брызнули слезы. Сулумбек смутился.

- Далеко до твоего дома?

- Вон алыча растет у наших ворот, там. Мы живем с отцом и с...

Вручая сумку с помолом, Сулумбек спросил девочку:

- Ты знаешь, кто я?

- Тебя зовут Сулумбеком.

Он нагнулся к ней.

- Да, я Гоарожа Сулумбек. Но я еще твой брат. Если кто обидит, приходи ко мне в школу, я там учусь. Ты знаешь, где школа?

- Знаю. Это вон там. Какая я счастливая! Ва Дяла!

Она прижалась к нему боком и поцеловала в пояс, направилась по заросшему травой двору к дому. У дверей она обернулась и помахала ручкой.

* * *

- Иэсолта! - во дворе у самой калитки стоял Аскхе Исхакк, - Ты дома, Иэсолта?

Хозяин вышел на веранду, взмахнул правой рукой:

- А-а, это ты, Исхак? Приди свободным!

- И вам жить свободными, Иэсолта.

Старик направился к гостю, они поздоровались за руки.

- Ассаламу алейкум!

- Ваалейкум салам!

- Проходи в дом.

- Благодарю тебя, Иэсолта. Как жена?

- Болеет, постельная.

- Да, тебе не позавидуешь. На то видать воля Божья. И болезнь от Него, и исцеление от Него.

- Так оно и есть. Спасибо. – понурил голову старик.

- От людей я услышал, что ты видел тот неприятный случай с моей дочерью у мельницы. Я сам об этом узнал только сегодня. Скажи, как это было.

- Было так, я нес в мешочке с пуд кукурузы. Дошел к самому спуску к реке. Впереди кто-то ведет лошадь с мешком на спине. Слева там такая пологая поляна, по ней бегают девочки и кричат: «Спасите! Помогите!».

За ребенком гонится свирепый бычок. Догоняет, ударом в спину сваливает девочку. Та корчится на земле, а он ее бодает.

Я бросил свой мешочек на землю, чтобы помочь ей, но меня опередил тот, кто вел лошадь.

Иэсолта подробно рассказал все, что там потом случилось, рассказал и о словесной перепалке, и как удалось погасить этот скандал.

Исхак выслушал все это и устался на землю.

- Сыновья Казе Махьи оперились, устроившись охранниками, зазнались, думают, что некому их проучить. Ингуш терпит, когда наглец взбирается ему на спину, терпит, когда наглец взбирается на голову, а когда наглец снимает штаны, чтобы оправиться, ингуш его сбрасывает на землю и убивает... Они получают то, что заслужили. - Исхак развернулся, чтобы уйти.

Иэсолта сразу смекнул глубинный смысл слов этого корявого трудяги. Резьба терпения с него сорвалась - он наломает дров, может, кого-то изрубить и сам погибнуть.

- Именем Всемогущего заклинаю! Остановись и выслушай меня! Ты погубишь себя и семью! Не делай глупостей! Мальчик убил животное, наказал за побои твоей девочки. Казе Махьи, его сын Бача и около десяти подростков с палками спускались вниз воинственно, но встретив неустрашимый взгляд храброго мальчика, потухли, поболтали, покричали и ушли. И, клянусь Создателем, он готов был сразиться с ними насмерть. И мне некуда было деваться - кинжал ведь на поясе. Оставь это, как есть. Ну а если, по решению, старейшин, кто-то должен будет кому-то компенсацию - поступай по совести. Исхак, твою дочь защитили лучшим образом. Лишним скандалом ты только обесценишь то, что сделано. Лишнее - есть лишнее.

Исхак снова потупился, потоптался:

- Иэсолта, умный ты человек. Умных людей следует, слушать. Как ты думаешь, Махье Бача потребует возмещения?

- Может потребовать. Хотя, как мне стало известно, они бычка освежевали там же на месте и унесли мясо домой. По народному суду ему полагается не больше половины.

- Раз ты невольно втянут в это дело, сообщишь мне решение суда - я заплачу.

- Благородная мысль, Исхак. Отцу мальчика это будет приятно. Не из-за денег, как бы это сказать, ты таким образом высказываешь благодарность. Хорошо, я передам ему это.

Исхак не уходил, стоял, угрюмо глядя в землю:

- Скажи мне, Иэсолта, что говорят люди о моем доме, о семье, о девочке, о жене?

- Я не хочу вмешиваться в чужую семью. Наши предки считали для чужой руки и для чужого языка три предмета у мужчины неприкосновенны: конь, оружие, жена.

- Иэсолта, с рассветом я встаю, совершаю намаз, ем, что Бог послал, и ухожу в поле, возвращаюсь в сумерках, усталый до невозможности. Люди знают больше о моей семье, чем я - отец. Я пришел за советом - не отказывай мне, скажи то, что сказал бы родному брату.

- Ну что ж, раз так. Исхак девочке очень тяжело. Сколько ей лет?

- Девять.

- Девять. Твое хозяйство полностью на ней. За скотом ухаживает, холит, кормит. В доме убирается она. Я смотрел, как она несла кукурузу на мельницу, гнется как лозинка. Худенькая! Мяса на ней вообще нет. Жалко ее. Твоя жена болеет?

- Нет! - грустно усмехнулся Исхак. - Она здорова. Разве она похожа на больную? Мне-то говорит, что сама делает все. Ладно. Тебе спасибо за правду. Пошел я. Оставайтесь с миром! Ах да! Иэсолта, помоги мне найти такую женщину, которая была бы добра к моей девочке.

- Ты что, Исхак? У тебя красивая, молодая жена. И ты не богач, чтобы содержать двух жен. Где она будет жить? Две жены в одной комнате?

- Не забывай о моей просьбе. Мне нужна в доме нормальная женщина, хозяйка - он пошел, но у калитки обернулся назад. - Иэсолта, ты умный человек, но лишний совет и тебе не помешает, даже совет такого недалекого, как я: Иэсолта, ты общественный мужчина. Никогда не бойся говорить правду.

Лучше всегда молчать, как я. Я молчу, потому что мало смысла в людских делах, сокрытых в сердцах. Но, но кое-что ведомо и мне.

В то утро Исхак нарушил установленный им самим порядок трудового дня. Он не пошел в поле с восходом солнца.

Запряг телегу, вынес мешок кукурузы из сапетки, сказал жене угрюмо:

- Полуши ее и проверь, чтоб чистая была для помола. Я вернусь через два часа.

Позвал дочь:

- Йиси, одень то лучшее, что у тебя есть.

- Исий¹⁵, у меня больше ничего нет, кроме того, что на мне. - сказала дочь. - А где платье и мячи¹⁶, что тебе подарила моя сестра?

- Их другой девочке подарили.

- Кому подарили? Кто подарил? - возмутился отец.

- Я подарила! - стала в позу жена. - Пришли женщины в гости, ребенок с ними, девочка ее возраста. Не могла же я без подарка отпустить. Ты ни в чем не разбираешься, кроме плуга и тяпки.

Постоял Исхак, подумал и подтвердил слова жены:

- Да, я мало в чем разбираюсь. Ты права. Йиси, садись на воз, мы с тобой поедem к дяди¹⁷.

- Прямо сейчас садиться?

- Да. А ты, - он повернулся к жене, - принимайся за работу, к моему возвращению кукуруза должна быть готова к помолу.

Он поехал к замужней сестре, которая жила в соседнем селе. Там зять и сестра встретили его радушно, усадили, накормили. Уходя, он протянул сестре деньги:

- Сходите на базар, купите что нужно, оденьте девочку. И пусть она у вас побудет дня три.

Мешок с кукурузой стоял на том самом месте, куда его поставил Исхак. Дело было к обеду. Жена сладко спала в своей постели. Неубранная посуда после завтрака была черна от мух.

Постель Исхака не была прибрана. А она спала.

Исхак постоял молча и вышел во двор. Нашел толстую орешниковую палку и стал ею лупить по мешку со всей своей мужской силой. Сам и проверял в большом медном чара¹⁸. Получилось полмешка чистой кукурузы.

Исхак снова зашел в дом. Жена спала, перевернувшись на другой бок. Он не стал ее будить. На мельнице очереди не было.

Исхак быстро смолот свою кукурузу, уплатил боал¹⁹, уложил жувр на круп коня и пошел по тропе домой. Там, где бык бодал Йиси остановился - на земле пятно запекшейся крови и ключья шерсти на траве. Постоял, подумал, ухмыльнулся и мотнул головой. Жувр нельзя оставлять в мешке сразу после помола, обязательно разложить в прохладном месте на просушку, чтобы не пропах.

Он это сделал на единственном столе в доме. Наконец-то она проснулась и жалобно заохала, как ей трудно, что она больна, что никто к ней не чувствует жалости.

Исхак вышел во двор и запряг коня в телегу. Войдя в дом, он сказал, не повышая голоса, но твердо:

- Одевайся.

- Я и так уже одеваюсь. - пробубнила она.

- Быстрее, мне некогда.

- В чем спешка? Можно подумать, что потоп.

Исхак подождал пока она натянула платье, накинула платок, одела мячи.

- Зачем я тебе?

- Ни за чем. Ты мне больше вообще не нужна.

Схватил ее за запястье и повел во двор. Она попыталась вырваться, но у этого закоренелого пахаря руки, словно клещи.

- Садись, - указал на телегу. - К твоим едем.

- Да! - она радостно заерзала в сене, как курочка в гнезде.

- Давай, поехали. Надо бы нарядиться.

Исхак не ответил, дернул вожжи и поехал со двора. Всю дорогу молчал, хотя жена время от времени бросала ему в спину колкие словечки: по какой надобности ему вдруг вздумалось посетить родственников? Почему едем с пустыми руками? Не стыдно показываться на люди в этом грязном тряпье? И конь - доходяга и воз - развалюха.

В те времена каждое поселение состояло из отдельных куров-кварталов. Один кур - один тайп. Как предписывает правило Эздеда, Исхак сошел с воза и повел коня под уздцы, въехав в кур тайпа жены. У ворот тестя он остановился.

- Сойди. Пусть выйдет кто-то из мужчин.

Соадо жеманно сошла с воза и открыла калитку отчего дома. Она ничего не подозревала, да и не считала мужа способным на что-то решительное.

Вышел со своего двора сосед тестя, двоюродный брат его и с ним двое мужчин. Поздоровались, обменялись любезностями.

- Почему стоишь на улице? Заезжай к нам, если Суосарка не пускает, мы одни. Вот и свойственники твои идут.

Два брата Соадо приветствовали зятя, младший из них стал открывать ворота.

- Я не войду сейчас в ваш двор. Не открывайте. Хотел бы поговорить с Суосарко. Он дома?

- Дома. Что-то очень важное?

- Важное. Позовите.

Старший пожал плечами, до сих пор Исхак не встречался с тестем лицом к лицу. Однажды это приходится делать, подумал он.

- Позови, - приказал старший младшему.

По лицу старика было видно, что он учуял что-то нежелательное. Исхак сперва поприветствовал его, а потов твердо сказал:

- Я почитаю ваш тайп и ваш дом, поэтому и породнился с вами. Суосарка, с твоей дочерью у меня жизнь не получается. Четыре года терпел, старался - не слаживается. Поэтому я возвращаю тебе твою дочь Соадо.

Потом он произнес формулу, разрывающую брачные узы.

- Простите, оставайтесь с миром. - он смущенно опустил голову и повел своего коня прочь от этого двора. Через день к Исхаку приехали с претензиями, привезли посредников, хитроумных дипломатов, знатоков тонкостей ингушских традиций. Исхак ничего сам не стал объяснять - он позвал соседей и старика Иэсолта.

Приехавшие, заранее, еще дома, обыграв все возможные варианты развития диалога, говорили напористо, дескать, их род оскорблен тем, что бывший зять, ни с того, ни с сего сбросил, как мешок, с возу, Соаду у ворот отца и уехал. Причины должны быть веские, а они не были названы. Требуем назвать их.

На это Исхак возразил:

- Я не сбросил Соадо, как вы выражаетесь, у ворот отчего дома, а при свидетелях сдал ее с рук на руки родному отцу. А насчет причин развода, я не хотел вам, бывшим родственникам,

говорить тяжелые, неприятные слова. Вот соседи знают, как мы тут живем.

- Неужели она такая плохая жена? - спросил старший брат Соадо.

- Она и не хорошая и не плохая - она никакая не жена. - таков был ответ Исхака. - Пусть люди скажут. Хотите, пройдите по улице.

- Ваша Соадо, молодая, ладная на вид женщина. Но мы никогда, ни разу не видели, чтобы она что-то во дворе делала. - сказал Йэсолта.

- А кто же им делал женские работы?

- Сам Исхак и девочка.

- Какая девочка?

- Дочь Исхака.

- Этот ребенок?

- Да.

- Хорошо. Тогда разрешите нам задать девочке несколько вопросов.

- Задавайте, сколько хотите.

Йиси позвали со двора. Она предстала перед старшими в новом платье, тапочках и косынке.

- Как тебя зовут, девочка?

- Йиси.

- Кто тебя одел так красиво?

- Дяди.

- А Соадо тебя часто била?

- Нет. Никогда не била. - девочка мотнула головой.

Приехавшие радостно переглянулись меж собой.

- Соадо тебе обновку какую-нибудь дарила?

- Нет.

- Ни разу за четыре года?

- Нет. Но когда дяди в прошлом году подарила мне новое платье, Соадо отдала другой девочке, которая у нас гостила с женщинами.

- Она тебя обстирывала?

- Нет. Я стираю ее вещи. Она же больная всегда, всегда уставшая.

- А еду кто вам готовит?

- Я и Воти иногда, когда я не успеваю.

- А Соадо чем, занимается по дому?

- Она же болеет. Она спит.

Тут резко вскочил с места старший сын Суосарки:

- Я не хочу больше продолжать этот разговор. Все и так ясно - потом он повернулся к бывшему зятю, - ты не знаешь, кьонах, как лечат ленивых женщин? Кнутом!

- Я на это не способен, - прямо ответил Исхак, - лишний раз животное не могу ударить кнутом, не то, что женщину. Нет, что вы, лечите ее сами.

Они надеялись напористой дипломатией водворить Соадо на место. У ингушей женщины-жеро²⁰, не в почете. Послали за Соадо. Оказывается, ее оставили здесь в селе у дальних родственников.

- Собирай свои вещи. - приказал отец. - Где ее вещи?

- Пусть заберет все, что считает своим, - Исхак вышел во двор, вывел за руку дочь.

Во дворе соседи каждому приехавшему в отдельности рассказали о житие семьи Исхака, те ничего приятного о Соадо не услышали. Уехали.

Соседи разошлись по домам. Отец взял за руку Йисии повел в дом. На пороге они остановились: их жилище было опустошено. Он бросил взгляд на очаг: она унесла даже очажные щипцы. Этими щипцами его мать поправляла огонь будучи невестой. Этого он допустить не мог. Выбежал во двор, вскочил на коня и догнал их за околицей своего села. Щипцы ему вернули.

Он им пожелал счастливого пути. У этого угрюмого, молчаливого человека вдруг оказалось много долгов чести.

Вечером он заявился к Баке Чоалдару.

- Чоалдар, я пришел высказать свое уважение к тебе и благодарность твоему племяннику, Ты, наверное, слышал?

- Да. Все село только об этом и говорит.

- По преданиям старших, были времена Га, Канта, Галгая, когда мужчины поступали по зову чести и сердца. Сейчас уже другие времена. Этот юноша, наверное, забредшая не в свой век душа. Но да будет его путь честен и благороден на весь тот срок, который ему уделит Господь! Этому быка и еще что полагается я отдам.

- Нет! Нет! Исхак, я уже ходил к Казе Махьи с деньгами, но тот категорически отказался брать. Наоборот, сам извинился. «А мальчику, - говорит, - передай спасибо, что избавил меня от проклятий односельчан». Сын что-то хотел возразить, но отец огрел его посохом. «Стыдно, - говорит, - из-за бычка, которого мы сейчас едим, столько шума поднимать. Заходи, и на твою долю кое-что осталось».

- Махьи не глупый человек и мужское достоинство имеет. Теперь выведи мне защитника Йиси. Я хоть посмотрю на него.

Вышел из дому и поздоровался этакий крепыш, плотно сбитый, словно вытесанный из цельного крепкого материала. Синие глаза смотрели прямо и просто. На поясе - кинжал.

- Воти, вы хотели меня видеть? Добрый вечер! - поздоровался мальчик.

- Это я хотел на тебя посмотреть. Я отец Йиси. Как зовут твоего отца?

- Гоарож.

- Да, тяжелое имя. А как он в семье? - поинтересовался он.

- Как тебе сказать, Воти, он не любит болтунов, лентяев и трусов. Рука тяжела, но справедливая. И он не мелочный.

- Это видно, сынок, по тебе. Ты заступился за мою дочь.

Ее обижали все, даже дети нашего тайпа. Ее некому было защитить. Несчастных никто не любит. Разве она виновата, что лишилась рано матери? На ней одни кости и кожа. Не понимаю, как она ходит. Всего-то веса в ней с гусиное перо, легкая такая. Да воздаст тебе Господь добром! Чем мне тебе отплатить?

- Не расстраивайся, Воти, никто больше не посмеет ее обидеть.

Исхак повернулся, чтобы уйти:

- Передай Гоарожу мое почтение. Я, Бог даст, навещу его, лично поблагодарю за то, что вырастил отважного канта.

Гоарож молча и внимательно выслушал очередную выходку сына. Баке Чоалдар изложил все подробности заклания бодливого быка.

- Там такая пологая поляна, которая спускается к самой реке. Раньше так и называлась Пологая Поляна, теперь, после этого случая, она получила новое название - Гюандалой клянька уст бийначе²¹.

Гоарож ухмыльнулся, но голову не поднял.

- Говоришь, имя Бога помянул, прежде чем зарезать?

- Да. Иэсолта был в двадцати шагах от него. Бык его несколько раз сбивал с ног. А те мальчики подбадривали животное, кричали, смеялись: «Уци! Уци!». А нашего это и взбесило. Вскочил, схватил за рога и опрокинул на спину, выхватил кинжал, крикнул «Бисмиллях!» и полоснул по горлу.

- Я его вины в этом не вижу, Чоалдар. А ты что думаешь?

- Правильно. Он мальчик смелый и гордый, не перенес насмешек.

- Да, да. В его возрасте сердце еле умещается в груди. Он пошел в моего деда. Как ты думаешь, может, лучше его увезти домой? Как бы он чего еще не натворил.

Так обрадовался Чоалдар этим словам Гоарожа:

- Увези! Ради Бога увези! Если бы ты знал, как я боюсь. Он у тебя, как порох: малейшая искра - взрыв. С вечера до утра - я счастлив, а с утра до вечера - сердце в тревоге. Увези! Пусть он будет у тебя под рукой. У него такой возраст.

Гоарож хлопнул огромными ручищами себя по коленям:

- Так. Чоалдар, я его увезу, но не сей раз. Если Сулумбек уедет со мной, те пустят слух, что он сбежал со страху. Потерпи как-нибудь с месяц. Но а я с сыном поговорю.

- Ладно.

Позвали Сулумбека.

- Сын, ты научился языку бумаги? - вопрошал отец.

- Да, Воти. - отвечал сын.

- Ты можешь прочитать любую бумагу и книгу.

- Могу.

- А указы царя? - допытывался Гоарож.

- Тоже могу.

- И все понимаешь?

- Почти.

- Что ты намерен делать дальше? Хочешь дальше учиться?

- Воти, для чего мне дальше учиться? Чтобы стать талмачом или писарем? Или пойти в армию, чтобы заработать золотые погоны и шелковые аксельбанты? Талмачи и писари бессовестные люди, обманщики, а те - просто хвастуны. Мне стыдно тебя и братьев. Разреши мне вернуться домой и делать работу мужчин. Как только я закончу эту школу.

Ответ понравился отцу.

- Разрешаю. Можешь и не заканчивать, раз ты в хакимы не лезешь. Правильно. Хакимы из наших - хуже чужаков, стараются бессовестностью перещеголять их, и голодные, как пиявки. Моему сыну среди них не место. В конце месяца вернешься домой. И еще в день раз, пока ты здесь, проедешь по улицам. Но никого не задевай. Соблюдай эздел, встретишь старшего, сойди с коня. Бояться никого не надо, кроме Бога, но и прыгать на людей не надо, как драчливый петух. Вот. Понял?

- Понял. Гоарож засобирался домой. Сын повел его коня под уздцы за околицу села. Так положено.

БЕЗЫСХОДНОЕ ГОРЕ СТАРИКА АДИ

У мудреца спросили: «Что является мерилем человеческого горя?» - Мудрец ответил: «БЕЗЫСХОДНОСТЬ».

Высокая Худая сторбленная фигура старика Ади выражала безысходное горе.

Старая кляча лежала мертвая, прямо в оглоблях. Телега слегка накренилась, и из нее выпали на землю несколько початков кукурузы.

Ади стоял, опустив голову, и печально смотрел на мертвую лошадь.

Моросил мелкий дождь. Тоненькие ручейки стекали по полям войлочной шляпы на грудь и плечи.

- Мярж-яь, Маштак! Тебе-то хорошо - ты освободился, наконец, от тяжелых трудов. А что будет со мной и с больной моей старушкой? Дождался бы пока свезли эту кукурузу домой и издох бы себе. Что теперь с нами будет? Кто нам поможет? Время такое: каждый старается выжить, как может. У каждого своих дел предостаточно. Хоть бы мы со старухой умерли раньше тебя! И зачем, не пойму, Господь удерживает нас в этой жизни, стариков, не имеющих сына-наследника. Но был один у нас сын, хороший сын, Асламбек, - убили гяуры в Буро, ни за что убили. Доживаем свои дни в одиночестве. Мы воле твоей покорны, о Боже!

Дождь усиливался. Осенний холодный дождь казалось проникал в самую душу, поливал холодом старческое сердце Ади. Сулумбек остановил воз с кукурузой рядом, соскочил и поздоровался со стариком:

- Да будет вечер твой добрым, Ади! Что приключилось с тобой?

- Будь Господь доволен тобой, сынок. Вот Маштак оставил нас с Моаши умирать от голода. Мне вы, старики, надоели, говорит, живите теперь, как хотите, а я пойду на покой.

Сулумбек отъехал в сторону, распряг свою лошадь и привязал ее к возу. Потом стал высвобождать падшую из оглоблей.

- Что ты делаешь, сынок? Поезжай себе домой.

- Такое не говори, Дади. Лучше помоги мне оттащить твою лошадь в сторону, дорогу людям освободить, ее теперь нашими стенаниями не оживишь.

Старик бросился к испутившей дух лошади, ухватился за заднюю ногу. Исхудавшее животное немного весило, и они вдвоем без особых усилий оттащили ее шагов за двадцать от дороги. Могучего телосложения юноша смог бы и сам это сделать без помощи хозяина. Но он правильно поступил, что увлек старика Ади работой, тот немного отошел от шока. Сулумбек деловито сложил все гужевое снаряжение на воз старика, а потом стал впрягать свою лошадь в его телегу.

- Что ты делаешь, сынок? - замахал руками Ади.

- Запрягаю свою лошадь в твою телегу.

- Зачем?

- Чтобы свести твою кукурузу домой и тебя на твоей телеге.

- А твой воз?

- Я приеду за ним потом.

- Как я могу это принять, когда ты убираешь свое поле?

- Э-э, Дади. Моя кукуруза никуда не денется. Твою лошадь оживить я не смогу, но могу свести твою кукурузу на своей.

- Живи долго, сын Гоарожа! Уже и то, что ты остановился и посочувствовал мне, многого стоит. Потом ты почти сам скотину мою падшую с дороги убрал. И за это спасибо. Езжай себе с миром. До села немного осталось. Я за ночь как-нибудь управлюсь сам, в мешках перетаскаю. А может мне Инзи из нашего тайпа даст лошадь на пару часов.

- Инзи из вашего тайпа, извини меня, Дади, тебе лошадь не даст. Он скупой. По селу ходит слух, что он даже пхъаджи²² конские не дал соседке, чтобы в глину замешать. Ты, Дади, садись. Нам некогда. Дождь, как видишь, сильнее полил, да и ночь надвигается.

Сильная лошадь Сулумбека легко покатила воз по дороге, не успевшей размякнуть от дождя.

Во дворе Ади Сулумбек полностью распряг и сел на коня верхом, старику сказал:

- Не беспокойся, Бог даст, твоя кукуруза будет дома, эту под навес убери, чтобы не запрела. У тебя она, что, в поле вся в одном ворохе?

- Да, в одном. Я же не думал, что Маштак. Я поэтому стебли оставил, думал, потом понемногу домой привезу. Моя кукуруза в початках. Даже на случай, если ночью придется возить, я жердь поставил с красной тряпochкой на конце.

- Знаю, Дади. Люди в шутку - твой - ворох назвали Ади Боарз²³. Не ходи к Инзи, не проси, - конь понес его в поле. Следующим заездом он отвез свою кукурузу домой. Во дворе он быстро разгрузился и рассказал жене старшего брата о том, что случилось с Ади в поле, попросил ее вынести винтовку и патронташ, хотя за поясом торчал револьвер.

- Скажешь нашим, что я буду возить кукурузу старика. Им надо помочь. У не то есть родные племянники, но они никчемные люди: лентяи и проходимцы-воришки. Не умирать же старикам от голода. Я поехал. Дотемна он успел загрузить телегу доверху и вернуться в село. Пока они с Ади разгружали, начало темнеть.

- Мальчик, пожалуйста, поезжай домой. Я боюсь за тебя, ненароком звери объявятся, набросятся и загрызут тебя. Сулумбек ничего не ответил, развернулся и поехал снова в поле. Пока он нагружал, все было спокойно. На дорогу он выехал без помех, но когда стали подъезжать к тому месту, где лежал труп, лошадь Супумбека стала капризничать.

Юноша понял, что зверье начало свою трапезу - или одичавшие бездомные собаки, или волки. И те, и эти одинаково опасны.

Он сошел с воза, забросил карабин за плечи, достал из кобуры шестизарядный револьвер, повел коня под уздцы. Почуввав руку хозяина, лошадь немного успокоилась. Несколько теней метнулись в его сторону. Из темноты на него свирепо зарычали. Сулумбек, не останавливаясь, прицелился и выстрелил в мелькнувшие тени и огоньки два раза подряд. Жуткий визг, а потом возня. Огоньки погасли, теней не стало. Сулумбек достал из кармана два патрона, зарядил пустые гнезда барабана. Когда он точно поравнялся с издохшей лошадью, кто-то жалобно завыл. Но это не был волк. Волчий крик Сулумбек отличает от других. Лошадь стала упираться. Вот-вот сорвется и понесет.

Он дал ей понять силу своей мужской руки, так что та сперва попятилась назад, а затем присмирела. Страх у лошади надо усмирять страхом перед хозяином. Когда она совсем успокоилась, юноша снял с плеча карабин, присел на корточки. Там, где лежала лошадь старика Ади, шевелился жадный клубок голодных тварей. Он прицельно сделал три выстрела. Опять удаляющиеся визги.

Сулумбек встал, зарядил карабин и сел на арбу.

- Я вас не трогал. Это вы пытались напасть на меня. Ешьте себе на здоровье! Маштаку теперь все равно, да и Ади тоже. А дорога и человек на дороге неприкосновенны. Закон предков. Люди сидели за поздним ужином, когда Сулумбек подъехал к дому Ади. Тут уже были его младшие братья Магомед и Усман.

Они быстро разгрузили воз, но уговорить брата не ездить в эту слякоть на поле им не удалось. Братья знали, когда с ним бесполезно говорить.

- Ладно, Усман. Я впрягу свою лошадь в телегу старика Ади, а ты возьми телегу нашего дяди. Другого выхода нет. - сказал Магомед.

Так и сделали: за один раз вывезли весь оставшийся урожай бедного старика.

Домой они вернулись под утро.

Сулумбек сильно заболел. Его бросало то в жар, то в холод. И это продолжалось целую неделю.

Старик приходил каждое утро, остановился у ворот и ждал, пока кто-нибудь случайно по делу не выйдет. Стоял, опершись на толстую палку, печально глядя во двор этого добрейшего юноши. Обычно к нему выходила жена старшего брата.

- Проходи с миром, Дади. Почему ты стоишь здесь? В доме лучше.

- Да возлюбит тебя Бог, родная. Как там мальчик? Лучше?

Когда ему отвечали как прежде, все еще плохо, - старик вытирал слезы со своих старческих глаз, печально махал рукой и уходил, сокрушенно причитая:

- Лучше бы мы умерли, чем приносить горе в чужую семью.

Но однажды, увидев старика, из дому выбежал Усман.

- Доброе утро, Дади!

- Да будут все дни твои добрыми, сынок. Как там мальчик?

- Лучше, Дади. Он просит тебя зайти.

- Ты меня успокаиваешь по доброте души своей. Вы все добрые люди. Другие бы на вашем месте прогнали меня. - упирался старик.

- Ва-вай! Что ты такое говоришь, Дади? Так ты зайдешь в дом?

- Как я буду вашим в глаза смотреть?

- Просто так и будешь смотреть. Сулумбек попросил еду, а потом узнал, что ты здесь, и говорит: «Позвать Дади, а то есть не стану».

Дед заторопился, засеменял на длинных, худых ногах.

Сулумбек, одетый, сидел на краю неубранной постели. Ади ахнул, схватился за голову, увидя больного:

- Вай! Вай! Вай! Бог мой! Был парень дуб дубом - весь истаял. Болезнь выжала из тебя все соки. Как ты себя чувствуешь?

Сулумбек весело улыбнулся:

- Дади, ну как чувствует себя человек, который собирается съесть целую сковороду жареного курдюка с горячим чуреком. Вот я с тобой и поделюсь своим завтраком.

- Ты на старика не обижаешься, сынок?

- Дади, я бы до самой могилы обижался на себя, если бы оставил твой урожай в ту ночь в поле. Бродячий скот мог потравить. Воры, любители чужого пота, могли увезти. Что бы вы ели весь год? А болезнь - она, как приглашала, так и уйдет. Садись, курдюк остывает.

Старик ел с аппетитом. Но вот он положил кусочек курдюка на край сковороды и

неожиданно сказал:

- Сынок, я вчера ходил к мулле, чтобы он в васкете²⁴ указал мою просьбу, когда я умру, хочу, чтобы ты уложил меня в лахьту²⁵. Господь, говорят, прощает тому, кого уложили на вечный покой милосердные руки.

- Что ты, Дади, говоришь такое?! - ясные голубые глаза юноши наполнились слезами. - Живи долго!

ЗОЛОТОЕ КОЛЕЧКО

Дай только искре вспыхнуть, а чему загореться, всегда найдется. Ссора - та же искра, только от нее загорается не имущество людей, а сами люди. Из маленькой искры может загореться пожар целой войны, в котором сгорят судьбы многих людей. Искры вспыхивают то там, то здесь, но их гасят хорошие люди, носители добра. На этом зиждется тот относительный покой, который именуется обыденным словом «мир».

Косили сено. С одной стороны косили кумыки, с другой - ингуши из Сагопши. Каждый знает свое место, на чужое не претендует. Они соседи, испокон веку живут рядом. И те мусульмане, и эти мусульмане. Роднятся. Накосили. Погода сухая. Убирают.

Молодой ингуш собирает сено в копна, через дорожку на своем участке копнит сено девушка-кумычка - ловкая, красивая, жизнерадостная. Засмотрелся на нее ингуш. Хороша! Поговорить бы с ней, да рядом их мужчины арбу сеном нагружают. Нагрузят, повезут в Чичбалку. Правильно рассчитал ингуш: нагрузили, что-то крикнули девушке и поехали. Так, теперь, как с ней заговорить - повод нужен. Так просто не подойдешь: закричит, кумыки сбегутся, их много в поле.

Когда хочешь поговорить с красивой девушкой, повод нужно найти, голова для чего дана ингушу. Он придумал. Взял свой кувшин, что стоял при крытый сеном под стогом, воду из него вылил, пошел к дороге. А девушка, вон она в шагах тридцати, поет и работает. Ингуш подносит кувшин ко рту, вроде пьет, но сам за девушкой наблюдает, смотрит ли она в его сторону. Конечно, поглядывала, но делала вид, что вовсе его не замечает. Терпение у ингуша кончилось, драгоценное время уходит, надо заговорить, пока никого рядом нет.

-Эй, кхыз²⁶!

Вилы опустила, смотрит по сторонам, вроде не знает, откуда ее окликают. Повернулась спиной. Он понял, что она его специально мучает. Рассмеялся. Девушка резко поворачивается.

- Ты?

- Я! Я!

- Чего тебе? - показала девушка мимикой.

Он переворачивает кувшин вверх дном - видишь, туг воды совсем нет. Показывает, что хочет пить - жажда совсем замучила, просто умирает.

- Су бар?²⁷

- Бар. - она побежала к дальней копне. Не побежала - полетела, как птица, легкая, вроде ее не ноги несли, а ветерок подхватил и понес на крыльях. Белый платок сверкает. Приносит воду.

- Показывай свой кувшин, налью туда. - она не словами сказала, а легкими движениями рук.

Наливает. Хочется, чтобы эта вода текла тоненькой струйкой долго, долго. Она вблизи еще красивее. Вот сейчас струя оборвется и все кончится, второй раз хитрость с водой не пройдет, надо начать, надо что-то сказать, чтобы завязать разговор. И вот беда: он плохо знает по-кумыкски, она, видимо, ни слова не знает по-ингушки. Почти вся вода из ее кувшина перетекла в его кувшин. Была ни была:

- Сен якхши кхыз![28](#)

Молчит, улыбается. Значит не сердится. Пойдем дальше:

- Сылу![29](#)

Опять улыбается. Вода кончилась. Она с пустым кувшином стоит, он против нее с полным кувшином.

- Рахмат[30](#)! А знаешь, ты - гуль[31](#)!

Это тоже ему сошло с рук, не убежала, не закричала, но смотрит по сторонам - не наблюдают ли за ними, кого это не касается.

Совсем осмелел парень:

- Как тебя, гуль, зовут? Вот я - Асламбек. Асламбек! А тебя как зовут?

Поняла, рассмеялась:

- Гульбике. Я - Гульбике!

- Гульбике! Гульбике! Красивое имя.

Положил себе руку на сердце и сладко пропел:

- Гульбике! - добавил по-ингушки, - Была бы ты моей.

В награду получил звонкий, смех, такой чистый, что ему захотелось броситься и обнять ее. Но он сдержался, нельзя ни в коем случае, стал пить. Она что-то учуяла, отошла на несколько шагов. Так надежнее - уж слишком у него глаза горячие.

- Иш[32](#) - сказала девушка.

Он отпил треть кувшина, оторвался от горлышка, пропел:

- Гульбике!

Снова припал - попил:

- Гульбике!

Когда осталось воды с глоток, снял шапку мангал-кий³³, вылил на голову, зажмурил от удовольствия глаза:

- Гуль-би-кс-е-е!

Она захохотала и побежала положить кувшин на место. Асламбек тоже пошел к своей копне: все хорошо в меру, ей может не по нравиться чрезмерная навязчивость. Начало есть! Вот с языком беда. Э-э, Асламбек, надо было выучить кумыкский. Все говорят, что их язык очень легкий. Выучит, когда она станет моей женой - или он выучит кумыкский или она выучит ингушский.

Что он сделал дальше? Это сено у дороги оставил на будущее, на завтра, для возможности здесь встретиться. Отошел, стал наблюдать, что будет делать кумычка. Она, кажется, поняла его замысел, копнит в другом месте, а эту у дороги оставила про запас. Так, значит у них есть негласное согласие. Ей, наверное, интересно. А может, она его решила подурочить. Как тебе угодно, Гульбике, но птица, которая клюет возле силков, однажды попадается. А как по-ихнему «Я тебя люблю!» Понимаешь, тут надо спешить. Сено убирается за несколько дней. Соберет сено, уедет, ищи потом. Потом и не подступишься. Желающих ее заиметь в невесты и в родном селе будет предостаточно. Лови удачу, Асламбек! Смелее. А как все же по-ихнему сказать «Я тебя люблю!» Э-э! У него же родственница кумычка, жена близкого дяди - Дайбат, Он решил с ней посоветоваться. Сразу после рабочего дня побежал к ней.

- Асламбек, - расхохоталась она, - за один день кумыкской речи не научишься, но есть другой язык - язык сердца, ты этот язык, кажется, начал понимать. Есть особенности: у женщин одно, у мужчин - другое. Ты, наверное, ей понравился.

- А какая особенность у женского сердца, Дайбат?

- Женское сердце любит подарки и красивые слова. Красивым словам я тебя научу, но а подарочек. сам подумай.

- А если не возьмет?

- Возьмет, если подарок будет такой, что от него трудно отказаться, возьмет, если ты ей не противен.

- А что подарить: золотое кольцо, шелковый платок? Что еще?

-Золотое кольцо она не возьмет и платок тоже. У нее же спросят, где она взяла. Вот если бы ты смог купить ис-су,

- А что это такое?

- Духи! Один флакончик чего стоит! А запах! Это сейчас самый дорогой подарок. Редкая девушка такой получает. Навряд ли твоя Гульбике сможет от него отказаться. Дня три тому

назад я видела духи в лавке в Инарки.

У него были деньги, он копил их на бухарскую шапку и пуховый башлык. Обойдется барашковой шапкой, а башлык у него еще совсем даже хороший. На второй день с утра поехал в Инарки, купил. Действительно, флакончик искрился радужными цветами. Понюхал. О-о! один раз понюхал, больше не стал, закрыл - а чтобы чудесный запах из него не выскочил.

Когда он приехал на покос, девушки видно не было. Асламбек стал бегать вдоль, дороги, выглядывая ее. Неужели дома осталась? Все пропало! Катастрофа! Ай, веж! Во-о-он ее белый платочек. «Гюльбике, что ты со мной делаешь! Иди же сюда поближе!». Ага, он догадался: ей неудобно подходить, когда он здесь. Не девушки идут к парням, а парни к девушкам. Асламбек отбежал к дальней копне и стал наблюдать. Она с граблями. Сгребает там, где сена давно нету. Асламбек про себя засмеялся. Он тоже вскочил, пошел за вилами. Сам вроде собирает там, где вчера собирал, а глазами девушку высматривает. Вот она уже на вчерашнем месте. Стал Асламбек медленно подбираться к ней. А она неожиданно грабли на плечи и пошла прочь, Потерял голову Асламбек, вилы бросил, побежал к дороге:

- Гюльбике! Гюльбике! Остановись же! - закричал поингушки.

Повернулась:

- А! Это ты? Чего тебе? - глазами спрашивает.

Все перемешалось в голове, слова, выученные от Дайбат, вылетели из памяти.

- Су, - попросил он, как вчера.

- Су?

- Су. - он утвердительно махнул головой. ~ Конечно, су. Она пожала плечами, бросила грабли на землю, пошла за водой, Как она красиво ходит! Надо, чтобы она ходила в моем доме.

Пока она несла воду, Асламбек пришел в себя, стал припоминать урок Дайбат: первым долгом подарок вручить, а потом теми красивыми словами атаковать.

Она протягивает кувшин. Он берет кувшин, целует его бока. Она вроде в удивлении. Глаза большие и еще красивее. Отпил немного и возвращает кувшин. Гюльбике берет, Тогда Асламбек положил на узкое горлышко флакончик духов. Хорошо получилось - она не может вернуть - руки заняты, Запах. Она сделала неосторожное движение - понюхала и вздохнула от удовольствия. Она глазами на него: что это?

- Булак [34](#). Ис-су. Совлат. Понимаешь. Подарок.

Она глазами: забери, не возьму.

Он взмолился мимикой и жестами: ну, пожалуйста! Ты же хорошая! Слова пошл»:

- Ты - ай35! Ты - гуль! Сылу гюзель36! Ровшан37! Не просто ровшан, алтын38 ровшан. Мой жирек39 сильно махабат40. Я хочу, чтобы ты стала моей калындык!

Он отскочил на несколько шагов, чтобы исключить возможность возврата подарка.

От этой атаки она была в замешательстве. Конечно ей нравятся такие красивые слова. Но надо быть осторожной, надо что-то возразить этому сумасшедшему ингушу. У нее есть очень сердитый брат, еще атай, которые, если поймают их, то ой-ёй-ёй что будет: и ему, и ее тоже не поглядят.

А Асламбек серьезно отвечает:

- А я к твоему атаю аксакалов41 из Сагопши пришлю: давайте вашу Гюльбике нашему Асламбеку.

И вдруг он заметил на ее пальчике тоненькое золотое колечко.

Она: да что ты? Разве можно?

Он: ну, пожалуйста.

Она замахала головой: нет! Нет! Никак нельзя!

Все! Значит она его вовсе не любит. Напрасная надежда!

Он опустил голову и понуро побрел к своим копнам.

- Алсамбек!

Он остановился: может, ему послышалось.

- Алсамбек!

Да, это она его зовет. Он повернулся и пошел к ней. Она все так же обеими руками держала кувшин. Пальчик с колечком был оттопырен. Сперва он посмотрел ей в лицо: оно было грустное. Он сказал, что у него чистые помыслы, а в жиреке вот такое вот большое махабат. Потом осторожно снял колечко двумя пальцами, поцеловал и надел себе на мизинец. Затем они долго стояли и разговаривали глазами через дорогу.

Он первый стал удаляться. Уходил, постоянно оглядываясь. Там у своей копны он станцевал.

На следующее утро, не ведая о том, что их проследили, Асламбек смело подошел к дороге и, увидев невдалеке женщину в белом платочке с граблями, позвал:

- Тюльбике!

Асламбек опомниться не успел, как из-за копы выскочили молодые кумыки и стали его тузить. Он отбивался, как мог, но они его повалили и давай бить, били и приговаривали:

- Бер алтын сакина⁴²!

Нет, колечка он им не отдаст. Сжал пальцы в кулак со всей молодой силой. Ему заламывали руки.

На крики первыми прибежали Сагопшинцы, вступились за своего. Тогда закричали уже терпящие побои кумыки. На помощь своим поспешили жители из Чич-Балки. Свалка разрасталась. Слава Богу, дело не дошло до оружия. Прибежали старики и с той и с другой стороны, разняли, развели дерущихся. Стали по обе стороны дороги, посылая друг другу угрозы, словесная перепалка, оскорбления. Не выдержали, бросились в свои села за оружием. Через несколько часов два отряда по обе стороны дороги, готовые сразиться насмерть.

Но тут появился на своей лошаденке старик-кумык в красном бешмете. Проехал по ряду своих, что-то им говорил. Потом сошел с коня и пешим направился к Сагопшинцам.

- Изи-мулла! Изи-мулла! - ингуши, как по команде, сошли с коней.

- Саламат⁴³! Есть среди вас молодой человек по имени Асламбек?

- Есть. Это я.

Изи-мулла остановился напротив него.

Старик горестно покачал головой:

- Тебя побили кумыкские парни?

- Да, и я это не оставлю. Их было шесть-семь человек.

- А ты ничего дурного им не сделал? - спросил Изи-мулла у юноши.

- Нет. - ответил тот твердо.

- С девушкой Гюльбике разговаривал?

- Разговаривал.

- Кольцо с ее руки снял?

- Снял.

- Зачем чужую девушку трогал?

- Я не трогал. Я не прикасался к ней.

Старик усмехнулся:

- Как можно снять с руки девушки кольцо, не притрагиваясь к ней?

- Она протянула вот так палец, а я осторожно снял колечко и надел на свой палец. Спросите у девушки. Я говорю правду.

- Так Хорошо. Такое может быть. У Гюльбике есть брат Бораган. А теперь скажи мне, Асламбек, если бы Бораган тайно разговаривал с твоей сестрой и взял у нее кольцо, что бы ты сделал?

Асламбек замялся, опустил голову, стал топтаться на месте.

- Вот видишь. Вас выследили. Гюльбике вчера сильно побили дома. А здесь драка. Чуть большая беда не получилась.

Зачем с девушкой говорил?

- Изи-мулла, она мне очень понравилась. Ничего дурного в голове не было. Разве за это наказывают?

- Что будем делать?

- Не знаю.

- Отдай кольцо мне. - потребовал мулла.

Асламбек молчал, но со всех сторон сагопчане потребовали:

- Отдай. Отдай. Ты не можешь отказать такому известному человеку. Говорят, он овлияь [44](#)

Асламбек снял колечко с мизинца и положил на ладонь священослужителя.

- Где Тарко-хаджи, почему его здесь нет?

- Он поехал в Нясаре мирить кровников. Вечером будет.

- Передайте ему, чтобы при ехать ко мне, как только вернется домой. Идите, отнесите оружие домой.

Вдруг взгляд муллы упал на юношу-крепьша. Что-то особенное, неповторимое узрел Изи-мулла в его облике. Старик прошептал молитву, а потом обратился к молодому человеку:

- Как твое имя, сынок?

- Сулумбек.

- Чей ты?

- Гоарожа.

- Гсандло?

- Да.

- Я однажды был у вас, читал мовлид, давно. Ты родственник Асламбека?

- Дальний.

- Я тебе поручаю вечером привезти ко мне Тарко-хаджи. Вдвоем приезжайте. Я буду вас ждать.

- Хорошо, Изи-мулла.

- А теперь все поезжайте в село и повесьте дома оружие. Сено собирайте, пока погода стоит, дожди начнутся - запрет.

Старик вернулся к своим. Что-то сказал, махнул рукой, кумыки безропотно поехали в сторону Чич-Балки, на прощание кое-кому помахав кулаками.

Тарко-хаджи очень встревожился, услышав про случайна косовице. Ему сообщили, что Изи-мулла поручил Сулумбеку привести его к нему. Юноша подъехал после предвечерней молитвы на бедарке. В бедарке было свежее пахучее сено, а сверху новая яркая кошма.

- О, Сулумбек, ты меня везешь прямо как генерала! С удобствами и почестями.

- Дади, генералу отдают почести из страха, а мы почитаем своих старших из любви и уважения за ваш ум, доброту и знания жизни. Мы без старших все равно, что тело без головы.

- Ты сегодня был на косовице?

- Был, Дади.

- Кто виноват в скандале? Они или мы?

Сулумбек долго ехал, молчал, обдумывал ответ.

- Это, наверное, тот случай, когда виноватого и вовсе нет. Я не знаю, кого здесь можно винить.

- Растолкуй мне это.

- Асламбеку понравилась девушка-кумычка. Говорят, что и она благоволила к Асламбеку. Асламбек хочет жениться, зажечь свой очаг. Что здесь плохого, Дади? Они нашли общий

язык. Вместо того, чтобы помочь им соединиться и устроить семью, их обоих наказали, побили. Изи-мулла сказал нам, что родные девушку сильно побили. Асламбек, видимо, попросил каралоацам⁴⁵ колечко, девушка отдала. Такое же бывает. Обычай такой. Чей-то злой язык. Между соседями чуть побоище не получилось. Теперь будем коситься друг на друга, долго так будет. Если бы не Изи-мулла...

- Изи-мулла, сынок, святой человек. Мы с ним подумаем, как выйти из этого положения так, чтобы в будущем ссора снова не вспыхнула.

В доме Изи-моллы гостей приняли очень тепло, чувствовалось, что их ждали. В главной комнате сидели кумыкские аксакалы, человек пять. Тарко-хаджи завели туда, а Сулумбека усадили отдельно с сыном моллы.

Гостей угощали обильно мясом, медом, фруктами. Пили ароматный калмыцкий чай, долго и обстоятельно говорили.

Старики беседовали оживленно до полуночи. Потом очень тепло расставались.

Въезжая в Сагопши Тарко-хаджи сказал своему младшему:

- И как бы ты хотел, чтобы завершилось это дело?

- Дади, я слишком молод, чтобы судить о таких вещах.

- Ну если бы это от тебя зависело? - снова спросил хаджи.

- Я бы поженил Асламбека на этой девушке. А кто из-за этого хочет умереть, пусть разобьет голову об угол своего дома.

- Вот. Ты правильно судишь, сынок. Так и сделаем. Поженим их. Мы с отцом ее говорили. Согласился. Давай заедем к дяде Асламбека Бунхо, хотя и поздно.

Несмотря на позднее время, Бунхо долго ждать не пришлось. Одетый, обутый и застегнутый на все пуговицы, он вышел во двор. После взаимных приветствий, Тарко-хаджи пояснил причину своего визита:

- Бунхо, из-за сына твоего брата чуть не получились неприятности. Слава Богу, что среди кумыков оказался божий человек Изи-мулла, предотвратил худое. Мы с этим юношей едем оттуда.

- Да? Согласны они на примирение? Ведь ничего страшного не случилось: никто не убит, членовредительство не произошло. А Асламбек совсем не скандальный. Как это получилось?

Тарко-хаджи, девушка, говорят, уж очень красива.

- Я ее не видел, Бунхо, но так говорят и тут, и там. Парня не вини: мы же сами были молоды.

Дело это примет большую огласку - надо бы забрать девушку. Как ты думаешь?

- Да разве отдадут после того, что случилось?

- Все в руках Аллаха, Бунхо: и судьба Вселенной, и судьбы людские. Ты сделай так: завтра после обеда снаряди двух-трех стариков на одной бедарке и арбу. Барана хорошего, покрупнее, да пожирнее, головку сахара побольше, ну и разные сладости для детей и женщин.

- Ваи-и! - вскинул руки Бунхо, - а не прогонят меня со всеми подношениями с позором.

- Не прогонят. Завтра состоится сватовство, мы получим слово. Они умные люди. Так будет исчерпан конфликт, а ты женишь, наконец, сына брата - большое облегчение. Дня через три как будет оглашено сватовство, сведем на той дороге к руке всех мужчин из обоих сел. А вот этот Сулумбек будет нам служить, пока добром не завершится это дело.

- Хаджи, без тебя я побоюсь туда послать сватов.

- Из-за меня дело не станет. Буду ждать.

В назначенное время сваты поехали в Чич-Балку на линейке, убранной коврами. Коней вел Сулумбек. За стариками ехала арба, нагруженная подношениями, как положено в таком случае, коня вел подросток, сын Бунхо.

Не более как через час сватовство состоялось. Прыткие молодые люди потащили упирающегося барана в дальний угол. Юркие девочки унесли сладости в дом.

Ужин был веселый и обильный. За полночь прощались родственниками. А Изи-мулла отвел в сторону Сулумбека:

- Сынок, у меня к тебе поручение. Отдай вот это Асламбеку. Только не теряй.

Это было золотое колечко Гюльбике.

Изи-мулла не отпускал его. Сулумбек понял, что он хочет еще что-то сказать, очень важное.

- Сулумбек, у тебя будет нелегкая судьба. Ты столкнешься с несправедливостью. Будешь грозой гяуров и умрешь от их рук. Не бери у того, КТО кормится своим потом. Не покушайся на свободу человека, это больший грех, чем убить. Когда плачет обиженный, слушай свое сердце. Твоя рука помечена божьим ангелом. Никого и ничего не бойся, кроме Аллаха!

ТОВСАРИ

Он долго и тихо ехал за ней, наслаждаясь видом ее стройного стана и легкой походкой. Кудал46 с шелковым широким шнуром дополнял красоту ее стана и походки. На горловине кудала был положен медный чами47. Вот если бы в этот чами налили воду, навряд ли бы она разлилась. Так ровно и мягко она шла. Две толстые косы лежали на спине на целый аршин ниже пояса. Они отливали золотом.

Сулумбек посмотрел по сторонам и глубоко, глубоко о чем-то вздохнул.

Он знал ее. Они несколько раз встречались на ловзарах48. Ее звали Товсари. Красивая такая до невозможности. Бог, когда создавал ее, привередливо собирал самые изящные материалы. Красивых девушек много, но таких мало. Может, даже она единственная.

Сулумбек давно на нее глаз положил, очень много думал о ней. Однажды сон приснился, что свадьбу играет. Э-эх! Была ни была! Что будет, то будет!

Он пришпорил коня и поравнялся с девушкой.

- Добрый день, Товсари! И не тяжело тебе нести этот груз?

- Ах! Это ты, Сулумбек. Да будут и твои дни счастливые! Но насчет ноши - не беспокойся. Этот кудал вмещает столько воды, сколько мне под силу нести.

- Да нет, Товсари, я не о кудале. - засмеялся юноша.

- А о чем тогда? У меня нет другой ноши.

- Есть, даже две - твои золотые косы.

- Вот о чем ты! их я даже не чувствую.

- Могла бы жаждущему путнику воды предложить?

Девушка остановилась, ловким движением поставила кудал на землю, налила в чами доверху воды и протянула всаднику. Сулумбеку, чего греха таить, случалось и водку русскую пробовать, и вино грузинское, и них49 ингушский, но слаще этой воды, приятнее для души ничего до сих пор не пивал. Он выпил ее до последней капли. Поднял над собой чами, сделал движение вроде отжимает его, дождался, когда упала капля в рот и вернул чами.

- Благодати тебе Бога! Да возлюбит тебя каждый, кто хоть раз в жизни испытывал жажду!

- Живи долго и счастливо, Сулумбек! - она аккуратно поставила чами на место.

- Да о каком счастье ты говоришь, Товсари? Когда мне некому вот так вот, как ты сейчас, протянуть чами с благодатной водой. Во снах своих я бываю счастлив, а проснусь - тает мое

счастье, как утренний туман. Как тяжело одинокому, если бы ты знала. Э-э, Товсари! Товсари!

- Тебе некого в этом винить, Сулумбек. Ты сам виноват. Кругом столько красивых девушек, выбери себе одну из них она тебе станет преданной подругой и опорой, и ты не будешь одиноким. Счастливые сны, конечно, приятны, но лучше быть счастливым наяву.

- Значит, ты считаешь, мне следует одну из них выбрать? нагнулся он с седла

- Ну да! Конечно.

- Я уже выбрал. Это - ты, Товсари! В следующее мгновение Товсари оказалась в седле. Пыль столбом. Далекое эхо копыт.

* * *

- А ну-ка иди сюда, храбрый человек, - с явной издевкой сказала хозяйка дома, родственница, куда Супумбек привел похищенную им девушку.

- Ты говорила с ней? Неужели она не согласна? - затревожился Сулумбек.

- Она-то ничего против тебя не имеет, но против вас, Глоандлой, имеет ее отец и ее род.

- А в чем дело?

- Дело в том, Сулумбек, что родной дядя по отцу в ссоре с Гандалоевыми. Что-то такое там было кинжальное, а примирение не состоялось. О чем думала твоя голова?!

- Девушка красивая, понравилась... и не очень, кажется, была против.

- Э-э-эх! Много чего красивое нам ласкает глаз, да не все это наше. Надо срочно послать человека к родителям, а то дело может принять плохой оборот - посчитают, что Гандалоевы просто унижают их. Я мужу сказала, он пошел в пойму за конем. Ты поезжай, скачи домой, сообщи своим. А вдруг те нагрянут. Ай, молодежь, молодежь, сперва совершает поступок, потом думает.

- Я не отдам Товсари! - ударил он себя в грудь.

- Не отдашь? Ты хочешь подставить под пули и кинжалы своих людей? А что ты скажешь, если кого-нибудь из них покалечат: отрубят руку, сделают хромым, выбьют глаз? Ты будешь счастливо жить со своей Товсари, глядя на него? А если, не дай Бог, в схватке погибнет кто-то - ваш или ихний? Проклятье ляжет на тебя и на нее. Не-е-т! Не все то достается нам, что понравится, и тебя тоже это касается, мой мальчик. Тебе сколько лет-то?

- Двадцатый пошел.

- Мы не в лесу живем, а в человеческом обществе. Наши поступки касаются не только нас. Когда что-то делаешь, надо думать о других.

- О-о, Ковси, красивая она очень.

- Э-э-эх! Красивая! Ты когда-нибудь на альпийском лугу был?

- Был, а что?

- Вот цветок растет. Останавливаешься, любишь, а рядом другой - красивее этого, и так переводишь взгляд с одного на другой - который самый красивый? Так и на галгайском лугу - девушек красивых и характером покладистых очень много. Какая из них тебе суженая, Бог его знает. Разве ты старик, что торопишься с этим делом?

Оказывается, девушка и не знала, что Сулумбек из Гандалоевского рода, а как узнала, сразу настроение переменилось. Она попросила позвать его.

- Сулумбек, я не буду делать вид, что была против. Мы встречались на ловзарах. Ты мне понравился. Я не знала, из какого ты рода, знала только, что ты Сулумбек из Сагопши. В том, что случилось, ровно половина вины моя. Мой отец, дяди, братья родные и двоюродные - люди с тяжелыми характерами. Они считают, что в том прошлом, лет двадцать тому назад, скандале перевес был на вашей стороне. Ничем хорошим это не кончится, если ты постарайся удержать меня. Мы же хотим счастья, а не горя. Верни меня отцу, Нам не суждено было...

- Как бы мы с тобой жили, хорошо ладили бы, Товсари! - сказал он в отчаянии.

- Что поделаешь - судьба так распорядилась. Сулумбек, мы мужем и женой не будем, люди нам этого не позволят, а убежать от людей в лес - мы же не звери.

Он молчал, грустно опустив плечи.

- Когда ты поднял меня на лошадь, я тебя поцеловала. У меня это получилось само собой. Это было моим признанием. Будешь ли ты меня укорять в душе за это?

- Нет, - хрипло выдавил он. - Но я буду помнить.

- Помни. Сулумбек, верни меня отцу, предотврати беду. Хмуро опустив голову, он вышел от нее.

* * *

Тарко-хаджи взял с собой еще двух стариков, отвез Товсари к отцу. На второй день на

перекрестке двух дорог, как положено по обычаю, Гандалоевы поклялись, что они не покушались на честь похищенной. На Сулумбека наложили компенсацию за моральный ущерб. Установленную сумму передали через посредников.

Так закончилась первая попытка Сулумбека жениться, обрести семейное счастье.

ЛОМОМ ПОДПОЯСАННЫЙ

- Чтобы ты синим огнем сгорел, проклятый боров!
- Это кого ты такими страшными проклятьями ругаешь, сноха? - согнувшись в три погибели, через порог перешел Сулумбек.
- Ты за мной присылала?

Женщина повернулась от плиты, и, извиняясь, пояснила младшему деверю:

- И-и, кяньк50! Не ожидала, что ты услышишь, это я на пирстопа51 так сердита. Я за тобой мальчика посылала. Думаю, пусть мужчина близкий будет дома, когда этот гоавар придет.
- Байзат, кто придет? Зачем придет? Причем здесь пирстоп?
- Этот пирстоп прислал холуя своего эакх52-Султана, что сегодня наша очередь кормить его. Чтобы обязательно курица была и водка. Ну, курицу я заняла у соседки, своей нету, а где я ему водки возьму. Брата твоего дома нет, был бы дома, мне забот, чтобы курицу сварить. Теперь я не знаю, что мне делать. Ему все водку ставят. Там на краю села эти пришлые люди, говорят, приторговывают водкой. Каьньк, что будем делать? Он вот-вот должен явиться.

Сулумбек от души рассмеялся:

- И это все, что тебя заботит? Главное хорошо свари курицу. Халтамаш53 сделала?
- Уже варятся.
- Ком-берх54 сготовила?
- Готовый стоит на столе давно.
- Водка у меня есть - припрятанная бутылка.
- Вот хорошо-то! На полгода избавимся от него. Чтобы она на пользу ему не пошла эта курица!
- Я тебе, Байзат, даю мужское слово, что не пойдет она ему на пользу. Буду стараться. - заверил Сулумбек.
- Прочитать бы какую-нибудь такую молитву против этого проклятого керастана55...
- Без молитвы обойдемся, Байзал. Я мигом.

Он выскочил и через несколько минут вернулся с бутылкой водки, поставил ее на стол, а рядом с бутылкой поставил граненый стакан.

- А я-то боялась, кяньк, что без водки придется еще день его кормить. Так он установил.

- Не придется, сноха. Я об этом позабочусь. Ты, главное, курицу хорошо отвари.

Пристав пришел, когда стол был накрыт. Увидев нераспечатанную бутылку водки, он от удовольствия крикнул и расплылся в довольной улыбке:

- Молодец, марушка-ингушка, уважаю таких. - взгляд, его остановился на Сулумбеке, что спокойно восседал на почетном месте и не встал, приветствуя приход столь значительного лица.

- Ты, юнак, встань-ка оттедова, там положено старшему сидеть. Кхьш!

Сулумбек ему не ответил, он властно приказал снохе:

- Байзат, займись-ка ты хозяйскими делами во дворе, иди, ты тут больше не нужна. Я сам позабочусь об этом госте. Женщина тихо вышла во двор.

Сулумбек указал Чалкину на табурет:

- Садись, если хочешь. если сесть не хочешь - стой. дело твое.

Сулумбек распечатал бутылку и налил до края, деловито взял стакан в руки, осторожно поднял, не пролив ни капли, стал пить, лицом выражая великое удовольствие. Выпил до дна, чмокнул губами, ахнул и поставил стакан на стол и, не удостоивая никаким внимание Чалкина, принялся за курицу.

- Ты... Ты чего это творишь, абормот... моя водка... для меня поставлена. курица.

Сулумбек ел и делал вид, что не замечает пристава:

- Ах ты, сукин сын! Нагленьш! Я же тебя..., - Чалкин подскочил к столу, размахнулся для удара. Руку его поймали на лету и вывернули назад, затем пирстоп был награжден пинками в то самое место, которое скромные писатели-стыдливо не называют, а намекают. Таким вот образом пирстоп был выпровожен за калитку. Байзат подметала двор, увидев как ее деверь обошелся со столь большим хакимом⁵⁶, она в ужасе схватилась за голову. - Ва устаз⁵⁷! Ва устаз! Что с нами будет!?

- Тебя возлюбит Бог, сноха! - рассмеялся Сулумбек, - твой замечательный обед съест деверь, а не эта грязная свинья. Такое нежное мясо! Такой берх! А халтамы ныряют в желудок, как рыбы в воду! Пойду доем, а то эта водка пожар устроила внутри, горит все!

Игло вернулся в сумерках, жена рассказала ему об инциденте с пирстопом. Игло начал хохотать да так, что долго не мог остановиться.

- Пинками под зад?! До самой калитки! Самого пирстопа! Ну Сулумбек - шальная башка!

- Ты смеешься? - изумилась жена.

- А что мне остается делать? Пирстоп при сабле на одном боку, револьвере на другом боку - и пинки в зад. Ва-ха-ха-ха!

- Он нас теперь в покое не оставит.

- Это - да, - посерьезнел Игло, - что сделано - то сделано. Пинки назад не вернешь.

Сагопшинские дети проходу не давали пир стопу:

- Ей, Чалка, Сулабек идот! Маарьга58 дает! Бежай!

Сорванцы босыми грязными ногами издали демонстрировали это действие.

Пирстоп гонялся за ними, размахивая плетью:

- Чтобы вас,.. мать, абреческое племя. Вот поймаю!

Взрослые при виде Чалкина ухмылялись.

Пирстоп, конечно, своему начальству ничего не сказал, какой позорной экзекуции его подверг Сулумбек, он стал писать донесения, что братья Гаравожевы возмущают односельчан против власти, у них дескать укрываются абреки, они хранят оружие и боеприпасы и т.д.

Два обыска за одну неделю. Даже в женских тряпках копались. Ничего не нашли. Каждый из взрослых мужчин имел свое личное оружие, чаще всего винтовку, но это оружие пряталось так искусно, что его никаким обыском найти невозможно было. Редко, когда обыскивателям удавалось найти запрятанное горцем оружие. Оружие - самое дорогое после жизни, это - последний аргумент в желании добиться справедливости. Поэтому оно должно быть всегда в исправности и в надежном месте.

Казачи, как водится, всячески хамили, чтобы задеть самолюбие ингушей, спровоцировать. Приходилось стиснуть зубы и терпеть.

Ни один из братьев не упрекнул Сулумбека, но он чувствовал себя виноватым перед самыми близкими ему людьми. Сколько неприятностей из-за него. Ладно, он поговорит с этим Чалкиным. Хорошо поговорит, доходчиво. Человек он в конце то концов или нет? Хоть немного совести у него осталось?

Подсторожил его у въезда в село, спрятался под тутовником. Увидел - едет, и выехал навстречу. Кони стоят друг против друга.

- Чалкин, я с тобой хочу поговорить по-хорошему. Ты зачем на нас казаков насылаешь? Ты же хорошо знаешь, что мы мирные люди, землю пашем - так хлеб кушаем. Как тебе не стыдно?

Пирстоп был сильно выпивши, мирный голос юноши принял по-своему: испугался, мол, и теперь готов от него все стерпеть, ехидно улыбнулся и послал:

- Пошел ты на. а то зарублю!

В глазах потемнело. Когда Сулумбек опомнился, пришел в себя, пирстоп лежал на дороге, в пыли, избитый ногой до потери сознания. Мундир был во многих местах изорван в клочья.

Отдышался он, покачал сокрушенно головой, махнул рукой и поехал прочь. Через неделю дом окружили казаки, а пирстоп кричал через плетень:

- Гаравожев, выходи. Дом окружен - тебе не уйти.

- Побежишь - убьем. Не дури! - кричали казаки.

Сулумбек выскочил во двор, тут его схватили, скрутили и связали.

- Поглядим теперь, какой ты у нас герой нашелся. За все расплатишься, басурманин неумный! - надвинулся на повязанного пристав.

Казаков наехало человек двадцать. Пристав вел себя вызывающе, махал перед носом арестованного ногой, но близко подходить все же боялся. Уряднику, старому казаку, который приехал арестовывать, поведение пристава не понравилось:

- Будет! Расхрабрился! Надо было храбричать, когда он тебя ногой хлестал, как норовистую кобылу. Тоже мне - служивый: при сабле, при нагане, а его юнец-кунак отодрал, за баловство, отойди от заарестованного! Не положено.

- Дай мне его ногой хоть разочек по нахальной морде басурманской хлестнуть.

- Другой раз встретишь и отхлещишь, коли не испугаешься, а таперича не займай.

Стали казаки сажать арестованного на коня, втроем еле подняли:

- Ну ты и здоров, кунак! Что твой буйвол! Бедный коняга аж прогнулся под ним. Прощевайся, кунак, с родными-то.

Казаки были добродушно настроены по причине того, что дело обошлось без кинжала. Так здесь редко бывает. Но сегодня им повезло.

Арестанта повезли в Буро и заключили в тюрьму.

В камере сидел мальчик лет пятнадцати, жевал большую краюху хлеба.

- Здравствуй, мальчик. - приветствовал Сулумбек.

- Здравствуйте, дядя. За что взяли?

- Пристава мал-мала бил ногойкой. Надоел, как б-з-з-муха. Перестань! - не перестает. Бил. А ты, что сделал? Маленький еще.

- Я мешок хлеба украл. Воз целый подвезли к магазину. На нем было много, много. Я который мешок поменьше взял и убежал. Поймали.

- Били?

- Сильно били, дядя.

- А зачем в тюрьму, если уже били? Расчет уже.

Мальчик пожал плечами.

- Ничего, подержат немного и отпустят. - посочувствовал горец.

- А тебя отпустят, дядя горец?

- Нет. Меня не отпустят. Судить будут. Посадят.

- Жалко. Ты хороший, добрый.

Сулумбеку от души понравился этот русский, ладно сбитый мальчишка.

- Русский?

- Да.

- Зачем большие русские сажают маленьких русских?

- А знаешь, дядя, русские они разные. есть очень плохие. А ваши горцы все хорошие?

- Что ты?! Есть настоящие собаки, даже хуже, чем собаки.

- Как звать?

- Колька. Коля - Николай. А вас?

- Сулумбек.

- Дядя Саламбек, значит.

- Хорошо так - уважение. Молодец!

- Хлеба хотите?

- Нет. Спасибо.

К вечеру в камеру с шумом водворили еще одного. Он долго перепирался у дверей с надзирателями, ругал их бранными словами, те его в конце концов швырнули в камеру. Новый бросил свой сверток с вещичками на пустые нары, скорчил презрительную мину:

- Приветствуйте Аркана, лаптежники.

Сулумбек, конечно, не понял, что значит лаптежники. Новый «квартирант» ему сразу не понравился, но приветствие короткое бросил:

- Здравствуй, лаптежник.

- Чиво?! Чиво?!

- Как ты сказал - так я сказал.

Смилостивился Аркан:

- Ай, кунак! Да я вижу, ты вчера с гор спустился, жизни нашей цивилизанской не понимаешь. Научим. Человека сделаем. - потом он неожиданно ущипнул мальчика за полную щеку.

- Ух ты, и девка тут имеется! Вот лафа-то!

- Я не девка, - огрызнулся Колька. - Я парень.

- Не был девкой - будешь девкой! Это у нас тута запросто.

Сулумбек и это не понял - посчитал, что такая своеобразная русская шутка. Но мальчик придвинулся к горцу, подальше от Аркана. Было видно, что Коля почему-то его сильно боится. Конечно он, мужчина, его в обиду не даст. Да и скандала не хотелось, думал, хорошим поведением смягчить надсмотрщиков и судей - он их не различал.

В сумерках принесли коптилку. Над дверями была неглубокая ниша, туда ее и поставили.

- Ложитесь и не галдите. У нас тута строго, - посоветовал надзиратель, - если что, то пеняйте на себя.

- Иди! Иди! Учитель тут нашелся. Бывали мы в ваших апартаментах.

- Ты, Аркан, уймись! Уймись, говорю. Хоть ты истарый «фатерант», спуску не будет и тебе.

- Ну, ну! Не пужай!

Этот арестант всем своим видом показывал, что он бедовый, никого и ничего не боится, даже этих надзирателей. Сулумбек даже немного позавидовал его смелости.

Укладываясь спать, он заметил, что Колька ерзает, на лице какое-то отчаяние, в глазах непонятный страх. Он кивнул одобряюще мальчику и лег спать, был уставший и быстро заснул.

Он проснулся от сдавленного крика мальчика. Сперва подумал, что это ему приснилось, но звуки повторились. Супумбек присел. Коптилка потухла, но в зарешеченное окно косо падал свет от полнолуния. Все было видно.

Мальчик лежал на своих нарах навзничь, а Аркан сидел на нем верхом, одной рукой зажимал своей жертве рот, а второй бил по рукам.

- Убери руки! Зашибу! Удушю!

- Дядя го-ре-ц!

Мальчик обеими руками удерживал штаны, а Аркан пытался их стащить. Омерзительная догадка поразила горца. Он где-то слышал о таких делах, хотя не верил, что такое в жизни может быть. Плохие люди придумывают всякое, грязное.

- Яьй! Брось мальчика! Не трогай!

На того крик Сулумбека не подействовал:

- Проснулся, кунак? Иди поддержи лучше ему руки, пока я, а то первый раз даже девке страшно.

- Оставь это грязное дело!

- Ну не нравится - отвернись. Намотай рубаху себе на голову и дрыхни.

Сулумбек одним прыжком оказался около этих нар. Удар оплеухи, как пистолетный выстрел, - Аркан кубарем полетел на пол, он грязно выругался, очень грязно. Это окончательно вывело ингуша из себя. Пинком он опрокинул этого мерзавца на пол, тот охнул и распластался, встать сил не имел, но браниться не перестал. Тогда Сулумбек схватил его сзади за штаны и шею, оторвал от пола, поднял, как тюфяк, и начал тереть лицом о шероховатую стену камеры.

Жуткие, душераздирающие вопли разбудили погружившуюся в тяжелый сон тюрьму. Топот тяжелых сапог по коридору. Звякнули в дверях ключи. Надзиратели с фонарями в руках ворвались в камеру и обомлели: на нарах, свесив босые ноги, сидел молодой горец, преспокойно сворачивал сигарку в кукурузный лист. Мальчик свернулся клубочком и дрожал в страхе. А третий арестант лежал на полу в лужах крови и был без сознания.

- Кто это сделал? - спросил старший надзиратель.

- Я. - невозмутимо ответил горец.

- Зачем?

- Надо было. Грязный человек. - сокрушенно помахал головой Супумбек.

- Да ты знаешь ли, на кого руку поднял?

- Не знаю. Царь что ли?

- Это же самый главный атаман наших уроков. Вот кто такой.

- Урка-мурка - это его дело. Но грязное не делай, где мужчины находятся.

- Этого срочно в лазарет, может, жив останется, на этого кандалы надеть - на руки и на ноги, приковать к нарам!

Сулумбека заковали тут же, но из камеры не увели. Мальчика допрашивали, но у него со страха язык отнялся.

- Утро вечера мудренее. Придет завтра начальство - разберется, что к чему. А ты, малец, боишься с ним в одной камере остаться?

Мальчик отрицательно махнул головой.

- Не боишься-таки? Ну, не бойся, он теперь от своих нар никуда.

А утром вызвали из камеры мальчика.

- Федотов Николай, пошли-ка с нами. - потребовал надзиратель.

- Куды меня? Вещи взять.

- Сам иди, вещи оставь. Ишь заторопился домой. Раньше надо было думать.

Долго его не было. Привели перед самым обедом. Первым вошел начальник тюрьмы, еще какой-то офицер, затем надзиратель и Колька.

Для начальника принесли специальный стул. По миролюбивым лицам Сулумбек почувствовал нечто доброе.

- Вот он, значит, Илья Муромец! Эк, как разделал Аркана нашего, неукротимого! Каешься, что с человеком сотворил такое?

- Нет. Не каюсь. Это не человек. Это. это грязный.

- Значит, не каешься. Снимите-ка, братцы, с него эти браслеты.

Начальник усмехался себе в усы, пока снимали с арестанта тяжелые кандалы.

- Саламбек, ты сильный парень?
 - Есть немножко. Но когда я сердитый - в десять раз сильнее.
 - А ночью ты очень осерчал?
 - Оч-чень!
 - За мальчика осерчал, за губошлепа русского?
 - Да. Зачем его трогать. Русский-мусский - какая разница?
 - Молодец Гаравожев. И не будет тебе ничего за это. Награды давать не могу, но по-своему отблагодарю - там твои пришли: брат, сноха и адвокат, мешочек с харчами принесли. Пойдешь за ворота, с часок посидишь с ними, поговоришь и воротишься, А вы, братцы, выпустите его.
 - Убегнет, вашеблагородие. - предупредил надзиратель, как деру даст.
 - Не убежит. Этот не таков.
 - Народ бедовый, вашеблагородие.
 - Народ этот - он разный. Есть такие, что всеми святыми клянутся, но и не подумают клятву свою соблюсти, за честь почитают русского начальника обмануть. А этот ~ из другой породы. Я их него брата по глазам вижу. Отпусти. Сбежишь, Гаравожев?
 - Нет. Один час, да?
 - Да. Можешь и два. Как-никак душе успокоение и с адвокатом потолкуете.
 - Хорошо.
- Его выпустили. Перед тюрьмой на длинной скамейке сидело много людей. Игло вскочил, увидев выходящего брата. Байзат со слезами бросилась на деверя.
- Как тебя выпустили?
 - На два часа под мужское слово.

* * *

Как-то во дворе тюрьмы встретились Семеньч и начальник тюрьмы.

- Ну, Семеньч, как там твой квартирант Гаравожев?

- Покладист, вашеблагородие. Тихо сидят себе энти двое. Никак не ожидал. Думал - зверь-человек, а он сидит целый день, газетку читает.

- Читает, говоришь?

- Читает, вашеблагородие. Неделю как читает. Во дворе подобрал-с. Политические бросили. А таперичамальцу мать книжку принесла. Они ее и читают-с. Целый день читают-с.

- Весьма интересно! А так покладист, говоришь?

- Покладист, Никаких забот с ним, не то что энти урки городские: то порежутся, то подерутся - ни минуты покоя от них.

А энти - не сглазить бы - говорят, читают. И фатеру содержат в порядке.

- Пошли, Семеныч, к ним в гости. Веди.

Увидев на пороге начальника тюрьмы, оба арестанта вскочили со своих нар, видно было по веселым их лицам, о чем-то интересном говорили.

Начальник прошел в камеру, осмотрелся и нашел порядок удовлетворительным: пол подметен, ни соринки, шерстяные одеяла и подушки аккуратно сложены у изголовья.

- Так что читаем, арестантики? Покажите-ка вашу книжицу.

- Про Робинзона Крузо, господин начальник, - отчеканил Коля бойко, - как на диком острове долгое время один проживал.

- Даниэль Дефо? Весьма занятное чтение и кругозор ума расширяющее. Гаравожев тоже читает?

- Мы по очереди, господин начальник. Он грамотный. Учился он в ихней школа аж два года.

- Ну-у, коли целых два года - весьма преуспел в образовании твой защитник, Федотов Николай. Так ты всегда промышляешь воровством, или как?

- Не всегда, господин начальник - когда приспичит.

- И много было хлеба в мешке-то.

- Пять караваев, господин начальник. В каждом мешке по пять караваев.

- Бросил бы ты это занятие, Федотов. По ворам всегда тюрьма плачет. Тюрьма - не рай, сам пробовал. Не попадись тут тебе этот Гаравожев, что бы с тобой случилось? А? В работники пошел бы, ремеслу какому-нибудь обучился.

- Да никто не берет, мал, говорят. У меня мамка больная, еле ходит, мне ее кормить надо, а

то бы я ни за что не крал.

- Я говорил с хлебопеком. Обещает не жаловаться на тебя.

Может, выпустим тебя. Хлебопек тебя истопником пристроит. Будешь ему честно служить, голоден не будешь ни ты, ни мать твоя. Будешь хлебом обеспечен.

- Буду стараться. Спасибо.

- Ну, ну. Мать пожалей. Защибить ведь могут. Воришек никто не любит. Гаравожев, скоро суд. Дело твое опасное: пристава избил до полусмерти. А пристав он, почитай, государев слуга, над вами поставленный, чтобы закон блюсти. Знаю, что ты хочешь, Гаравожев, сказать - судье скажешь. Мы свое доброе слово скажем, чтобы помягче обошлись с тобой. На волю, конечно, тебя не выпустят. Эх, Гаравожев, Гаравожев! Не нами эти порядки в мире установлены, не нам их и менять. Уймись ты! Утихни! Смирись! Начальник ушел. А Сулумбек вдруг притих, сел и задумался. Долго сидел так.

- Дядя Салам бек, у Вас голова болит?

- Нет, голова не болит. Я про книжку думал.

- Про ту, что мы читаем? Про эту вот?

- Да.

- А что? Сулумбек взял у Кольки истрепанную книжицу, зажал между ладонями.

- Посмотри, какая она маленькая! Маленькая, маленькая! А какие большие дела в нее залезли! Как этот Робинзон Крузо куда-то поехал. Как начался ветер. Море заиграло туда-сюда. Корабль, как палочку, бросает из стороны в сторону. Люди в море падают. Робинзон на эту землю попал. Остров. Потом там жил. Дикий человек появился. Другом стал. Это же, Коля, целый мир. Разве не интересно, как все это умещается в этой маленькой книжке?! Я удивляюсь. Знаешь, что я подумал?

- Что, дядя Саламбек?

- Всех ингушских детей надо посадить учиться. Наш ингушский мир очень маленький. Вот такие книжки должны читать. А может еще умнее есть. Тогда наш мир будет боааальшой! А то мы сидим и думаем: Сагопши-Нясаре-Буро - кончился мир. Где-е-е-то там еще далеко-далеко, какая-то Москва!

- Все! Не-е-ет! Мир большой! Колька, конечно, всей глубины мыслей Сулумбека не понял, но он обожал своего друга-богатыря за невероятную силу, за доброту и душевность. Кольку выпустили. Сам начальник пришел за ним в камеру:

- Ну вот, Гаравожев, что скажешь дружку своему закадычному на прощанье? Какие напутствия? Его matka ждет за воротами. Ждет - не дождется. Рад за него?

- Оч-ч-чень рад, господин начальник. Большое спасибо! Выему помогли. Колька, ты мне теперь, как младший брат. Больше не воруй. Если кушать не будет, приходи в Сагопши чего-нибудь для тебя найдем. Вот. Иди! На суде Сулумбек вел себя настолько естественно и просто, что удивил выдавших виды судей. Ни одним словом он не соврал, не хитрил, не увёртывался, говорил то, что знал, что думал.

Судья. Гаравожев, Вы признаете себя виновным в избиении ногой пристава Чалкина.

Сулумбек. Нет, я не виноват.

Судья. Как же так, Гаравожев? На следствии Вы признались, что избили Чалкина.

Сулумбек. Правильно. Бил. Я не отказываюсь.

Судья. Тогда выходит, что Вы виноваты.

Сулумбек. Нет, не выходит. Я его остановил за селом, чтобы поговорить один на один. Он доносы пишет, пишет, приходят казаки обыск делать. Каждую неделю один или два раза приходят. Надоело! Он очень плохой человек, большой дурак.

Судья. Я Вам делаю замечание, Гаравожев, за словесное оскорбление государственного чиновника. Я предупреждаю Вас.

Сулумбек. Ладно. Нельзя так нельзя, хоть и правда. Я хотел по-хорошему с ним поговорить, а он меня. мне плохие грязные слова сказал, очень грязные. У него там, где у людей рот - жопа. Разговорить надо, а он пердит. (Публика в зале засмеялась, заседатели тоже. Сам судья еле сдерживался).

Судья. Последнее предупреждение, Гаравожев.

Сулумбек (поднимая обе руки). Ладно. Ладно. Раз правду нельзя - не буду. Но Вы сами посмотрите на него, вон он сидит - разве это человек? Я ничего не буду говорить - сами посмотрите.

Судья. Вы уже высказались весьма определенно.

Суд приговорил Сулумбека к трем годам заключения в тюрьме. Через три дня после объявления приговора, осужденного арестанта отправили в Грозненскую тюрьму. Первые дни его держали в одиночной. Спал на голых нарах без тюфяка. Скучно. Все знакомые песни пропел, все назымы. Эх, вот бы книжку ему сейчас про Робинзона или целую газету. Два раза в день приходил чеченец-надзиратель, но он был молчалив, как пень, совсем почти не чеченец. Поставит чашку с баландой и кусок хлеба и уходит. На все вопросы «да», «нет». Но газету принес, целую большую газету. Сперва Сулумбек прочитал небольшие статейки о новостях, потом взялся читать все подряд. За неделю выучил наизусть.

- Бауди, ты принеси мне какую-нибудь книжку.

- А что ты мне дашь?

- У меня ничего нету.

- Вон перстень на руке, отдашь? Толстую книгу принесу. Хорошая книга. Русские любят.

- Принеси, отдам перстень. Бауди принес в тот же день вечером.

- Давай перстень. Вот книга.

Сулумбек на глаз определил ее значимость, размера солидного, хорошая обложка, не затрепанная. Он снял перстень, положил на протянутую ладонь, взял книгу. Бауди спешно покинул камеру и оттуда чему-то засмеялся. Сулумбек довольный сел на нары, положил книгу на колени и... , к своему ужасу, увидел на обложке оттиснутый золотом, что вы думаете? - Большой крест! Он глянул на кожаный корешок - там золотом написано «Новый заветы». Ему всучили библию.

- Чтобы погубил тебя, Господь, нохчольг⁵⁹ проклятый! взревел Сулумбек. - Забери свою книгу, верни мой перстень!

- Не буянь, галга. Это как раз чтение по тебе вы - галгаи совсем недавно приняли ислам. Бауди весело захохотал.

- Ну, Бауди, дверей железных сломать я не смогу, но мы завтра с тобой объяснимся здесь в камере. Я не Сулумбек, если ты не пожалеешь.

- Просвещайся, галга. На нашу встречу не надейся: целую неделю меня не будет, а тебя к тому времени переведут в общую камеру. Прощай, галга. Лучше ловца скажи за перстень.

- Чтобы. - Сулумбек хотел сказать «чтобы у тебя отсох палец, на котором мой перстень», но вспомнил слова отца, что сардамаш (проклятья) - удел женщин. Ладно. Полежал часа два, отошел немного, присел и взял книгу в руки. Красиво сделана. Корешок из кожи. Умеют книги делать. Давай посмотрим, что там внутри. Может, интересные рисунки, как в той, что была у Кольки. Нет, рисунков нет. Печать какая-то необыкновенная. Каждая страница делится пополам. На правой стороне русские буквы и слова понятные, хотя не все, слева - странное письмо. Буду читать то, что понятно. Не стану же я керастаном от того, что почитаю чуть-чуть. Сабар⁶⁰! А может, это Шайтан явился в образе Бауди. Стоило его хорошо поколотить. Один старик говорил: главное не бояться. Они входят в того, кто испугается, а от храброго сами пугаются. Подожди, Бауди, подожди! Все равно я тебя где-нибудь заловлю. Сперва Сулумбек смысла вообще не постигал, читал, разбирая понятные слова. Потом кое-что до него начало доходить, очень смутно. Ну Иисус, это Ийса-пайхамар (да приветствует его Господь!). Ну и что? Ийса-пайхамар - наш мусульманский пророк. И здесь про него хорошие слова написаны. Как только что-нибудь плохое про него или вообще о мусульманах прочитает, он тут же эту книгу изорвет в клочья. Так, читая строчку за строчкой, Сулумбек увлекся. Но он себя строго контролировал, чтобы керастанство незаметно не вошло в него. Среди ингушей существовало поверье, что человек, читающий

керастанский джей61 сам не заметит, как станет керастаном. Он это будет чувствовать, но ничего не сможет поделать. Рука сама, вопреки воле хозяина, будет подниматься и креститься. Но таких желаний он в себе не ощущал, значит пока он еще не в опасности. Можно читать дальше. И он читал строчка за строчкой, страница за страницей. Вместо Бауди к нему был приставлен старый казак Макарыч.

- Бери завтрак, кунак. - увидел на нарах Евангелие и удивился. - Ты христианин что-ли?

- Нет, мусульманин.

- А для чего тебе тогда это?

- Интересно. Очень интересно. Здесь ничего плохого не написано.

- Во-о! Дурья башка - плохого! Это же божественное писание. Самое хорошее!

Сулумбек протестующим жестом поднял руку, возразил:

- Самое хорошее - Коран. Это тоже неплохое, хорошему учит. - потом схватил книгу, развернул и показал левую сторону страницы, - это что? Я это не могу читать.

- Дак это так писали в старое время, лет двести-триста тому назад.

- А-а! - понял Сулумбек. - Хорошо. Спасибо. Я купил эту книгу.

- Купил? Дак их здесь так выдают, бесплатно, их привез купец Салазкин целый воз. У кого купил?

- У Бауди.

- Вот шельмец! Бестия этот Бауди. Он тебя надул, обманул. Да я тебе таких десять принесу. В дежурке у нас стопками стоят. Ну Бауди! Что дал этому жмоту?

- Кольцо, серебряное. Казак ушел, покачивая головой. В этот же день после обеда Макарыч повел арестанта на прогулку. Возвращаясь в камеру, Сулумбек увидел Бауди, который сопровождал арестантов, несших бачки с горячей баландой. В несколько прыжков он оказался около Бауди, схватил его за плечи и сдавил с такой силой, что тот закричал, будто его режут. Онемевшие руки повисли, как плети. Сулумбек спокойно снял с пальца свой перстень, шепнул на ухо:

- Здесь бить не буду. Это останется, как долги - потом. Прибежал Макарыч, начал мутузить арестанта, что есть силы. Сулумбек не отвечал на удары, только быстрее зашагал:

- Ах ты, абрек, медведь непутевый! Что задумал?

- Я перстень свой забрал. Я больше ничего не сделал оправдывался арестант.

- Ничего он не сделал. А то, что ты в самой тюрьме напал на служивое лицо - это, по-твоему, ничего.

- Почему он обманывает?

- Ты арестант, а он - тюремщик над тобой поставленный. Это тебе понятно? Что вытворяет! Гнев Макарыча быстро утих по причине того, что молодой ингуш никакого сопротивления ему не оказал, на тумаки не ответил.

- А меня почему не бил, раз ты такой храбрый?

- Вы большой, старый человек, мне отцом могли быть. Когда старший бьет - это ничего, это - почет. А Вы грязные слова не сказали. Когда обманывают, обидно, прямо сердце давит. Я забрал свой перстень, разве я неправильно поступил?

- Я тебе объясню, юноша, нельзя в тюрьме нападать на тюремщика, за это тебя могут сильно наказать. Понятно тебе, бедовая голова? А перстень. Сказал бы мне, что хочешь вернуть. Я бы к начальнику пошел. Он бы и приструнил Бауди. Начальника сейчас туточки нету. Уехали в Ростов. Потому тебя и держат в одиночной, его дожидаются. Ты ж у нас не простой фатерант, ты пристава чуть до смерти не забил. Ты больше так не делай. Загубишь себя.

- Ладно. Инцидент этот ему так не сошел. Тюремщики решили примерно проучить буйного арестанта, руками других арестантов - уркачей. Был в Грозном такой вор по кличке Калган, человек азиатского происхождения. Калган славился среди кавказского воря необыкновенной жестокостью и физической силой. Коренным приемом его боевых качеств был удар головой. Никто не мог устоять против этого удара. Калган сидел в отдельной камере в окружении тюремной шушеры. Тюремщики использовали Калгана в «воспитательных» целях. Бросали в его камеру тех, кого считали необходимо укротить. И Калган укрощал. За такие заслуги знаменитый урка получал тюремные привилегии. Он и его шайка жила припеваючи.

- Приказано тебя, кунак молодой, к уркам на фатеру переселить. Сам виноват. - Макарыч явно ему сочувствовал. - Слыхал такого - Калган?

- Нет. Кто такой? Большой человек?

- Здесь в тюрьме он большой человек. Урка. Сколько людей загубил и покалечил. Мне приказали тебя туда отвезть, ахфицер.

- Хорошо, ведите.

- Он головой сильно дерется. Как ударит - все лицо сплошное мясо - и нет лица. Ты поберегись.

- Ничего, - Сулумбек стал собирать свои вещи, - посмотрим, кто такой Калган.

- Не боисси?

- Нет. Что будет - то будет. Увидим.

- Вещички оставь.

- Зачем?

- Тебя потом сюда принесут.

- Принесут? Меня? Почему принесут? У меня ноги есть.

- Так. Других приносили.

Нехорошо так усмехнулся Сулумбек:

- Посмотрим.

- Мне приказали наручники тебе надеть - не возьму грех на душу - целей будешь. Там их восемь архаровцев. Перекрестить бы тебя, да басурманин ты.

- Ничего. Вы меня заведите. Быстро закрывайте и уходите. Ладно?

- Там другой тюремщик. Я тебя ему сдам. А там - Бог с тобой, кунак. Может, обойдется. Ты с Калганом по-мягкому, ласково. Макарыч привел его к той камере, там его дожидался молодой надзиратель-солдат.

- На, принимай, Санек, кунака Гаравожева, а я пошел, меня другие ждут.

- Ты подожди, Макарыч, как заведем туда, пойдешь себе.

- Дак, мне некогда. А ты не бойсь - он смирный, коли его не трогают. Раскрылась тяжелая железная дверь, Сулумбек мигом оценил боевую обстановку. Посередине на нарах сидел главный урка, сложив под себя калачиком ноги. У него была необыкновенно большая голова. На голове полотенце, повязанное чалмой. На обширной голове маленькие злые глазки, сидящие близко к переносице. Да, не робкий должен быть человек, чтобы без содрогания выдержать этот взгляд. Другие урки сидели по бокам. Дверь с гулом закрылась сзади.

- Ассалам алейкум! - приветствовал обитателей камеры новый пришелец, всем видом показывая, что он абсолютно не понимает, для чего он здесь. Ехидное, злое хихиканье было ответом на приветствие. Это урки хихикали, а сам Калган гипнотизировал жертву, сверля взглядом.

- Здравствуйте. - сказал Сулумбек по-русски. Опять хихиканье с шипеньем сквозь зубы.

- Я - Калган! Слышал про меня? - выдавил сквозь зубы урка.

- О-о! - удивился и развел руками Сулумбек. - Как не слышал? Ты - самый большой человек. Ты - страшный! Все говорят. Даже во Владикавказе слышал.

- Жить хочешь?

- Хочу.

- Целуй сперва парашу, а потом - мои ноги и лезь под нары - может, не убью, пощажу.

- О-о! Будем целовать! Будем! Но давай так: сперва ноги целовать, потом парашу.

- Для чего так?

- Параша грязная. Поцелую парашу, потом твою ногу, грязные губы замарают твои ноги. Так нельзя. Сперва ноги, потом парашу - так лучше. Хихиканье стало одобрительным. Урка, что сидел по правую сторону от Калгана, скорчил рожу, поднял палец и со значением произнес:

- Умный попался, кунак. Одобряю.

Калган вытянул ногу, пошевелил грязными, немывтыми пальцами:

- Жить будешь. Целуй! Пощечина была такой силы, что Калган рухнул на нары, а потом скатился на пол. Несколько сокрушительных ударов кулаками нанес другим уркам. Остальные потеряли всякую волю к сопротивлению, забились в углы. Сулумбек подтащил Калгана к параше и стал бить его лицом о чугунную крышку. Состоялось целование параша. Из камеры неслись вопли и крики о помощи. Санька за дверью кричал:

- Караул! - но открывать остерегался. Когда прибежали другие тюремщики, у Саньки дрожали руки, он не попадал ключом в скважину замка.

- Дай уж. Спужался! - Макарыч взял у Саньки ключи, отомкнул замок, раскрыл дверь и вошел первым. Калган лежал на полу с разбитым лицом, весь в крови. Двое еще лежали, охали на полу, один лежал ничком на нарах, свесив руки и голову, кровь капала на пол. Сам Сулумбек сидел на нарах, сворачивал сигарку. Макарыч переступил через Калгана, посмотрел по сторонам, позвал остальных:

- Заходите. Усмирились уже. Только: кто кого? Говаривал вам. Таперича начальник приедет, сами ответ держите - я правду скрывать не буду. Пришли санитары из арестантов, побитых унесли. Когда камеру снова закрыли, урки ныли:

- Не оставляйте нас с ним. Этот зверь покалечит нас. Не закрывайте! Заберите его от нас.

- А когда вы змывались над другими, хорошо было? Сидите тут, да тихо, не то разгневаается кунак на вас. - Макарыч закрыл камеру, но через некоторое время пришел с кандалами.

- Приказано тебя опять заковать. Да пойдём отсель в свою фатеру. Сулумбек преспокойно дал себя заковать.

Начальник сидел за своим столом, офицеры на отдельной скамье, тюремщики нижних чинов стояли на вытяжку вдоль противоположной стены.

- Поглядим, как вы службу-то несли, пока меня не было тут. Докладывайте. Офицеры переглянулись между собой, затем старший пожал плечами:

- Все, как обыкновенно, господин полковник. Ничего особенного. В тюрьме - как в тюрьме. Бывали случаи нарушений - мы их пресекали, как положено. Вот. А так, чтобы особого случая - такого не было.

- Так-таки не было?

- Не было, господин полковник.

- Макарыч, так оно? - обратился начальник к старейшему из служак, с которым он юным офицером начинал здесь свою службу.

- Оно, конечно, так, вашеблагородие, ежели не говорить об окаянном Калгане.

- Что с Калганом?

- В лазарете-с.

- Как он там оказался? Свои порезали?

- Никак нет-с, вашеблагородие. Его кунак из ингушей, который Гаравожев, изувечил. Зубы повыбиты. Оглух на одно ухо, кровь оттуда течет и четыре ребра поломаты. Два дружка евовные тоже-с в лазарете: у одного плечо сломато, а другой совсем плох - грудь поломата, кровью харкает. А третий дружок Калганов косою остался после.

- И что, Макарыч, буйный такой, этот кунак? Не унять?

- Никак нет-с, вашеблагородие, очень даже смирный, коли его не трогать.

- Так не трогайте, мало вам буйных. Как он в камеру к уркам попал?

- Приказ-с.

- Кто приказал? Макарыч кивнул в сторону скамьи:

- Вот господин офицер-с. Начальник бросил строгий, испытывающий взгляд на офицерскую скамью, те опустили глаза.

- Я дознаюсь до всего. Виновные будут наказаны. Начальник открыл папку с делом, именуемым «Сапамбек Гаравожев» - 3 года тюрьмы. К делу была приложена служебная

записка начальника Владикавказской тюрьмы Казанцева: « Уважаемый Валерьян Ярославович! Отправляю к Вам арестанта, осужденного для нахождения в Грозненской тюрьме (3 года) ингуша Гаравожева Саламбака. Ему двадцать лет. Характера независимого, но покладистого до времени. Оскорблений не сносит, отвечает незамедлительно. Очень силен. Неузнаваемо изуродовал здешнего главаря воров всех мастей Аркана. Может слышали. Причина такова. Этот Аркан попытался в камере попользоваться мальчиком в роли женщины, но Гаравожев воспротивился этому. На Аркана теперь страшно смотреть: от лица остались только глаза да верхняя губа. Он стер ее о стенку камеры. Она же шероховатая. А так спокоен, что прикажешь - тут же исполнит. Мне точно донесли, что урки ксиву (то бишь записку) посылают туда к своим товарищам, чтобы расправу учинили над Гаравожевым. Может Вы, Валерьян Ярославович, взяли бы опеку над ним. Отсидел бы свое, да ушел с Богом. Жаль кунака-то. Пропадет ни за что? Ваш покорный слуга капитан Казанцев А.Л»

Прочитал и задумался Арефьев, стучал карандашом по столу.

- Макарыч, возьми двоих-троих, что посильнее, да приведите-ка этого великана, что урок усмиряет, хочу поглядеть на него.

- Не надо никого, вашеблагородие. Я сам-с.

- Справишься?

- Что справляться-то, он как теля, куда поведешь, туды и идет. Не брыкастый.

- Ну гляди, Макарыч.

- А позвольте, вашеблагородие, кандалы сниму - мается с ними бедолага.

Начальник махнул рукой:

- Делай как знаешь, Макарыч. Когда старый тюремщик вышел, начальник стукнул ладонью по столу и в сердцах выпалил:

- Вы все, вместе взятые с господами офицерами, не стоите одного Макарыча.

- Он запанибрата со всяким отребьем, вот и получается, что.

Тут начальник вскипел:

- Да мы имеем отребье. Не будь этого отребья - не было бы у вас службы и хорошего жалованья. А с Макарычем мы восемнадцать лет на этой службе. И вовсе он не запанибрата. И не все арестанты - отребье. Разные есть люди. Макарыч - законный служака. Потому его уважают. В прошлом году чеченец из Атагов сбежал. Отряд снарядили для его поимки. Поймали? Где там! А Макарыч поехал сам на коне. Нашел, где он скрывался, погостил у этих чеченцев и привез. Уговорил: что ты, дурачина, из-за двух с половиной лет весь век будешь бегать, да семью экзекуции подвергать? А вы так можете?

Макарыч привел Сулумбека:

- Заходи, Гаравожев, сам начальник хочет с тобой погугарить.

Салумбек встал удвери:

- Здравствуйте.

- Здравствуй! Здравствуй! Кунак. Ну что скажешь? - спросил начальник.

- Ничего, - помялся арестант.

- Жалобы есть?

- Нету. Зачем жаловаться: тюрьма есть тюрьма, не рай.

- А за что Калганова и его друзей изуродовал?

- Не хотел парашу целовать - грязная, там гамно. И ноги чужие целовать не хотел. Лучше умереть.

- Калганов требовал парашу целовать и ноги свои?

- Да.

- Вот оно что! Ну да ладно. Ты их примерно поучил. А чего ты вообще хочешь, Гаравожев?

- Три года тихо сидеть, и айда домой - землю пахать, сено косить!

- Гаравожев, если я тебя истопником поставлю, будешь дрова рубить, печи топить. Ты мужик сильный. Будешь ходить свободно по двору. Над тобой начальство учредим - Макарыча.

- О-о! Большое спасибо! Спасибо! Макарыч как отец умный, хороший.

- Ты никому из тюремщиков не груби, не дерзи. Слушайся. Если что к Макарычу обращайся. Хорошо? Сам не рукоприкладствуй.

- Хорошо.

- А там, во Владикавказе, мальчик тот из ваших был, из ингушей?

- Не-е-ет! Русский. Колька. Хороший такой, но силы мало.

- Ишь ты! За справедливость значит. Ну веди его, Макарыч, в свои апартаменты, да смотри за ним. На твоей совести.

Началась относительно спокойная, тюремная жизнь Сулумбека Гаравожева. Он рьяно исполнял возложенные на него обязанности по обеспечению нарубленными дровами тюремных печей. В каждую свободную минуту он читал все, что попадалось ему под руку: книги, газеты, старые журналы. К выходу из тюрьмы его кругозор расширился. Он имел представление об истории. Знал примерную географию Земли. Каково было его удивление, когда впервые узнал, что Земля, на которой он живет, большущий мяч. Действительно, он был очень сильным человеком. Как-то арестанты зимой ломали ломами лед на дорожках, чтобы начальство не падало.

- Саламбек, - говорит один, - в Таганроге, говорят, есть один силач, может согнуть лом в кольцо. Ты не сможешь.

- Смогу.

- А ну согни.

- Макарыч ругать будет. Нельзя. Его спросить надо.

- Мы уговорим его. Пошли, привели Макарыча, и тот дал такое разрешение.

- Ладно. - берет он лом, пропускает за спину, руками за два конца, поднатужился и свел оба конца на животе.

- Вот это да! Ломом подпоясался. Ай, да силушка богатырская! И стала кличка у Сулумбека - Ломом Подпоясанный - и пошла гулять по тюрьмам и катажкам кавказским. От шалостей и скандалов уходил. За месяц до освобождения на него спящего напали двое арестантов с ножами. Успели нанести раны. Сулумбек вскочил и поймал их за руки, калечить не стал, отвел и сдал на руки Макарычу. Раны ему перевязали санитары - отлежался и вышел на свободу.

ПОХИЩЕНИЕ СОПЛЕМЕННОЦЫ

Старик-посредник загибал палец за пальцем, перечисляя достоинство Хакиевых.

- Их пятеро братьев: Хаки Лаами, Хаки Солса, Хаки Бустарьг, Хаки Тонта. Ваша девушка понравилась сыну Тонты Саипу. Не вы первые, не вы последние - так повелось издревле: понравится канту девушка - похищает. Не в рабство же ее увели. Стоит ли из-за этого поднимать шум, скандал, подвергая опасности кровопролития два тайпа? Молодежи свойственна горячность, но старшие должны быть умнее. Рекомендую вам примириться - у вас будут хорошие и состоятельные родственники. В нашем селе Хакиевы известные люди: они богаты и в большой дружбе с властью, а это многое значит, Ваша женщина будет сыта и одета. А что еще нужно в наше время? Сказано же: ищи сыну - потомство, дочери - сытость. Заговорил второй из посредников:

- Хакиевы - сильные и дружные люди, на доброе и злое поднимаются все, как один. Их уважают и побаиваются. С такими лучше говорить по-мягкому. Тонта согласен на любые условия, ради примирения с вами. Хочу, говорит, быть захалом Гюандлой. Вы знаете, как печально кончаются такие дела у галгаев, если умные люди вовремя не возьмут ситуацию в свои руки. Гюандлой, вы древний и благородный род. Ума и терпения вам хватит, даже на других.

Старый мулла перебирал четки, глядя себе под ноги, слушал своих товарищей и, наконец, решил, что ему пора привести последние веские аргументы и вытянуть из Гандалоевых то слово, за которым они пришли. Самый раз. Спокойное, молчаливое выслушивание хозяевами двора их миссии примирителей посредники восприняли в свою пользу. У него, у муллы, аргументы вески, ибо изложены будут с позиции знатока Корана и деяний Пророка Мухамеда (д.с.ц.).

- Мы - мусульмане, и это обязывает нас быть терпеливыми, спокойными и миролюбивыми в любых случаях земной, проходящей жизни. Все, что случается, происходит по воле Всесильного, и не нам, его творениям, препятствовать его решениям. В одном джейне я как-то прочитал слова с глубоким смыслом: «Упрямого судьба тащит, а покорного ведет». Не без воли свыше ваша девушка понравилась сыну Тонты. Значит так было начертано в Книге Судеб. И если ваша дочь суждена сыну Тонты, то не только ваш род, но и все люди на земле не смогут изменить это. Чийтмар, Гоарож, Поандлой - вы чистые и честные люди. Чийтмар, этот дом в уважении односельчан. Да будет с тайпом вашим мир! Мы ждем вашего разумного слова. Двор Акмарзы, отца похищенной, был битком набит людьми: сотайпинцы, племянники Гюандлой, друзья, односельчане. Слушали посредников, затаив дыхание. В толпе молодежи стоял Сулумбек. Да, воистину тонок ум ингушских дипломатов-посредников, отточенный в веках. Они знают, где можно надавать, а где следует польстить, пощекотав достоинство того, к кому пришли, восхвалить его род, славных предков, его дом, наконец. Они называют себя «Мохкя-народ и говорят от имени всего народа. Получается так: ты уважил их просьбу - уважил весь народ, значит ты совершил целый моральный подвиг. И они берут на себя обязанность заявить где-нибудь на большом собрании людей, что к такому-то мы пошли с очень тяжелым для него делом, и такой-то выслушал нас,

уважил Мохк и решил дело миром такой-то настоящей кьюонах, хозяин своего двора и своего слова. Они знают и как запугать малодушных. О-о, вы столкнулись с сильными и дерзкими людьми. Благодарите Бога, что в это дело вмешались хорошие люди и пытаются предотвратить непоправимое. Воспользуйтесь случаем и выйдите из ситуации с честью.

В древности это был институт умных, справедливых и неподкупных, пока туда не вмешались носители чужеземных влияний. Ко времени, описываемого нами, в посредники выбивались люди ловкие, хитрые, которые, конечно же, хотели решать дела миром, но этот мир часто утверждался за счет давления на слабую, обиженную из сторон, как и сегодня. И все же я склонен считать, что институт посредников жизнеспособен и необходим нашему народу, раз он пережил тысячелетия. Ни в коем случае его нельзя уничтожать, а следует усилиями всего общества вернуть к правде и справедливости. Не всегда же мы будем думать чужими мозгами, дышать чужими легкими, видеть чужими глазами, говорить чужими словами. Должны же мы когда-нибудь вернуться к своему национальному «Я». Вот тогда этот институт станет одним из основных наших жизненных законов.

- Вы - уважаемые и нужные люди, - заговорил ровным, спокойным голосом Гоарож, - вы - посредники, ваше дело утверждать мир и справедливость в народе. По мере сил, вы это и осуществляете. Я прошу вас понять и отца этой семьи. Сын Тонты плохо поступил, что набросился на чужую женщину, как голодный зверь. Это дерзкий поступок. И, вообще, похищение женщин для вступления с ними в брак - не галгайская традиция. Это пришло к нам извне, где люди делятся на сословия: одни внизу, подчиненные, другие - наверху, властвующие. Мы, галгаи, все равны, нет среди нас ни князей, ни рабов. В юности я слышал, как один старый мудрец говорил: «Когда меряют зерно, берут гердовую [62](#) мерку, насыпают доверху, а потом деревянной планкой убирают лишнее. Подобно этому поступил Дяла, когда создал галгайский народ - провел своей десницей по головам и сказал: «Да будете все равны! Снесите голову тому, кто захочет стать выше вас!». Мы ничего не имеем против Хакиевых. Мы хотим мира с ними, как и со всеми тайпами галгаевскими.

Девушка, которую увели они, является дочерью одного из Г1оандпой. Мы не давали никому права отлавливать наших дочерей, как овец на закланье. Г1оандлой - свободный род. Если Хакиевы этого не знают, объясните им это вы, уважаемые люди. Мы требуем вернуть нашу дочь до закатного намаза. Когда нам вернут дочь, тогда и поговорим об условиях заключения мира. А до этого между нами разговор о мире и других делах - просто пустые звуки. - Гоарож показал рукой на солнце. - Когда это светило повиснет на линии горизонта, а похищенная не будет возвращена, Г1оандлой это расценят как надменность, нежелание разговаривать на равных, как оскорбление этому дому и покушение на достоинство всего рода. Вот наш ответ. Передайте его Хакиевым.

- И другого слова у вас не будет? - настырно спросил старший из посредников.

- В этом деле нет. - ответил Гоарож.

- Чийтмар, я высказал мнение всего рода или нет?

- Ты, Гоарож, сказал то, что думаем все мы. Посредники встали и двинулись к выходу, там

на улице их ждала шикарная линейка, усталая коврами и запряженная в две лошади. Линейка тоже признак силы и богатства Хакиевых. Люди попроще присылают воз, запряженный в одну лошадь. Сулумбек вздрогнул от радости. Он боялся, что под давлением этих опытных людей старшие уступят, оставят родственницу у Хакиевых. Когда посредники уехали, заговорил древний старец Чийтмар, Гоандало из Нясаре:

- Хороший ответ, Гоарож. Но нам следовало бы знать, что думают наши младшие. Старшие - голова рода, а младшие руки и ноги его. Любое дело решают старшие, а исполняют младшие.

- Хорошо, Чийтмар. Правильно. Позовите Сулумбека - распорядился один из старцев.

- Вот! Вот! Я именно хочу это услышать от Сулумбека.

Сулумбек встал перед старшими, как подобает младшему скромно, но с твердым блеском в глазах:

- Сулумбек, - обратился к молодому человеку уважаемый во всем роде Чийтмар, - скажи нам, каково отношение кантов Гоандлоевских к тому, что мы сказали этим посредникам?

- Вы, старшие, сказали то, что сказали бы и мы. Старец посмотрел себе под ноги и долго вертел в руках посох, о чем-то думая. Сулумбек смотрел на этот посох и на эти руки, точно зная наперед, что старец вынесет конкретное решение.

- Торопливая вода до моря не добежит: расплещется по пути, но и стоячая тоже, так как с места и не сдвинется. Все свое время. Сулумбек, мы им определили срок - это наше слово, его нарушать нельзя. Вы, канты, поняли какой это срок?

- Да, дади. Это ловже, время закатной молитвы.

- Правильно, Сулумбек. Самое главное - свое слово сдерживать. Любой человек стоит столько, сколько стоит его слово, тайп - тем более.

- Мы не нарушим данное вами, старейшинами тайпа, слово.

- И у вас, у наших кантов, есть согласие? - допытывался ларец.

- Есть, дади.

- Хозяйка несколько раз посылала к нам мальчика, звала к беду. Пойдем, Гоарож, пойдем, мы свое дело сделали. - старец мотнул головой в сторону плотной толпы молодежи, - они делают свое, если, хотя я мало рассчитываю на благоразумие Хакиевых. Они кичливы.

- Ни о чем не беспокойтесь, старшие. Идите и спокойно обедайте. Главное, что вы у нас есть, и вы - не слабы духом. Ничего не бойтесь. Вашим мужеством держится честь нашего рода в стране галгаев. Старец Чийтмар многозначительно покачал головой и встал со своего места.

* * *

Разведчики, друзья и родственники Гандалоевых приносили свежие сведения по поводу намерений Хакиевых. Огромное сборище людей, вся улица запружена возами, вдоль всего плетня стоят привязанные кони. Там тоже заседает фамильный совет. И он выработал тактику затягивания дела: посылать на перемирие делегацию за делегацией до самых сумерек. Посредники будут говорить, что не знают, где скрывают молодые похищенную. Ищем. Как только найдем - сразу вернем. Если похищенная провела ночь в чужом доме, на ее достоинство падает тень в любом случае. К ней больше не посватается молодой человек, в лучшем случае она выйдет за мужчину сорока-сорока пяти лет. Тут, чаще всего, идут на мировую: отдают девушку похитителю. Совет старейшин Хакиевых заседал во дворе Тонты, а девушку держали в доме двоюродного брата Гарси, который считался среди них отважным человеком. Отряд гандалоевских кантов и их друзей притаился в лощине у околицы Инарки. Сулумбек изредка поглядывал на солнце. Ждали новых вестей, самых свежих. Приходит первый:

- Возвращать не будут. Хотят, чтобы ночь наступила, тогда девушка останется им. Нас не боятся: они надеются на власть. Думают, что мы побоимся власти. Они готовятся к свадьбе. Я видел, как подростки за домом ставили большой котел, в саду привязанный к яблоне стоит жирный бык.

Приходит второй:

- Нашу Сахи они держат в доме Гарси на той же улице. Сам хозяин сидит во дворе с винтовкой, вооруженная охрана человек двадцать, в доме полно женщин. Там наверху на склоне стоял третий разведчик. Он снял шапку и стал ею размахивать.

Сулумбек дает короткую, четкую инструкцию: Помните: наша цель - освободить сестру из неволи. Берегите свои руки от женщин и детей. Стрелять на поражение в крайнем случае. Я скажу. Языками не воевать - это женская война. Робости не проявлять. Пошли! Отряд стремительно вылетел из лощины, поднялся вверх, где стоял наблюдатель.

- Что?

- Они отмолились и выходят из мечети.

- В самый раз. Вперед! - Сулумбек пустил коня во весь галоп. Завидев скачущих всадников, сельчане жались к плетням, не понимая, что происходит, но чувствуя недоброе. Прохожане только выходили из мечети. Народу стояло много. Сулумбек осадил коня и крикнул:

- Мы - Гоандлой. Эакх-накьен⁶³ из вашего села похитили нашу девушку. Мы приехали за ней. Мы не хотим родниться с доносчиками! Доносчики пусть женятся на буронских кхяхпа⁶⁴. Ингушские девушки - для настоящих мужчин! Отряд вихрем пронесся по главной улице села и резко свернул в проулок. На дальнем конце - возы, лошади и много снующих

людей. Там заседает совет старейшин Хакиевых.

- Вон тот третий дом, где на веранде много женщин, - указал юноша, поравнявшись с Сулумбеком, - там наша сестра. Похитители и опомниться не успели, как во двор ворвались всадники на разгоряченных конях. Гарси вскочил с древокола, но выстрелить не успел - грянул выстрел, оружие упало на землю, а левая рука повисла, как плеть.

- Смерть тому, кто поднимет оружие! Нападавшие действовали стремительно. Те, что ворвались в дом, прыгали с седел на веранду. Женщины изнутри закрыли двери, но их просто выломали, вывели перепуганную Сахи. Какая-то женщина уцепилась за платье девушки и ее приходилось буквально тащить по двору, это надоело кантам. Один схватил ее за руку, развернул и так пнул в мягкое место, что та отлетела на несколько шагов и рухнула с воплем:

- Ва устаз! Меня искалечили! Кто-то с обнаженным кинжалом бросился в драку, свирепо оскалья зубы:

- Ах вы, йовсары! Голодранцы! Воюете с женщинами! Сулумбек, свесившись с седла, огрел его плеткой по руке, кинжал выпал, зазвенел по булыжникам мощного двора. Беспощадная плеть поднималась и опускалась на несчастного, пока он, обессилив, не рухнул вниз. Конечно, сопротивление было бесполезно - с плетня во двор смотрело много стволов, готовых исторгнуть холодный свинец.

- Кого это дело не касается - не вмешивайтесь! Кому надоела жизнь - мы к вашим услугам! Сулумбек сделал по двору круг на гарцующем коне, махнул своим рукой:

- Поехали! Мы здесь больше не нужны. Выехав со двора, он повернул не в ту сторону, откуда приехал, а поехал прямо туда, где у дома Тонты толпились люди. Сулумбек выхватил из кобуры револьвер и выпустил весь барабан в воздух. Поднялась пальба. Привязанные кони шарахались в стороны, ломали плетни. Люди жались к возам, а кое-кто прятался и под возом. Поднялась страшная паника. Тонта выскочил на улицу и столкнулся лицом к лицу с Сулумбеком.

- Вот ты-то и был мне нужен - главный сексот! Косым ударом плети он сбил с Тонты шапку, а потом огрел по спине.

Тонта юркнул назад во двор, и это спасло его от дальнейшей экзекуции. Отряд Гандалоевских кантов ускакал, увозя с собой освобожденную Сахи. Дело это тянулось еще три месяца, а потом в конфликт вмешался всенародный авторитет Тарко-хаджи Горданов. За рану, нанесенную Сулумбеком Гарси, кхел назначил виру. Акмарза, отец дочери, в тот же день уплатил это. Похищение девушки и избиение ногой отца и сына уравнивали. На том и помирились. По селениям галгайским пошла гулять песня, сочиненная агопшинскими девушками. Ее пели на вечеринках, на девичниках, на свадьбах, в ней восхвалялись доблесть и честь, порицались трусость и подлость. А однажды ее спели на многолюдной свадьбе в Няна-Нясаре. Там оказались родственники Хакиевых, они подняли скандал, схватились за оружие:

- Заткните рот своим женщинам, иначе мы не отвечаем за себя - прольется кровь! Тогда на середину двору вышел один кьюонах в самой простой одежде, в чувяках и ноговицах. Он сдвинул шапку на лоб, положил мозолистую руку на рукоять черного широкого кинжапа и сказал твердым голосом:

- Вы хотите народу заткнуть рот? Я первый сложу свою голову за эту песню. Думаю, что найдутся и другие, ибо не оскудеет галгайское племя отважными людьми. Защитим свою песню, кьюонахи! К месту спора хлынула волна мужчин. У всех руки на рукоятях кинжалов. Жалкая кучка скандалистов поняла свой проигрыш и с позором покинула этот двор. Но то было время, когда у каждого на поясе висел кинжал, а кинжал, что ни говори, веский аргумент против зла и насилия.

Вот вам и эта песня:

Я-лалай-лай! Я-лалай-лай!

Живари [65](#), девушки, сестрицы-подружки

Повеселим-ка сердце нежное чистым цыном [66](#),

Выпьем по пол-чаши, но не более,

Да так, чтобы старшие о том не проведали.

Да так, чтобы голова не кружилась, а яснилась.

Да так, чтобы язык развязался, а не заплетался,

Чтобы голос не хрипел, а звенел, как струна.

Живари, девушки, сестрицы-подружки,

Споемте-ка песню о храбрых кантах наших,

Про Сулумбека споем, волка отважного.

Я-лалай-лай! Я-лалай-лай!

О сестрицы-подружки, девушки галгайские,

Ваши взгляды все равно, что солнце вешнее.

Мы пришли в этот мир быть любимыми.

Мы пришли в этот мир, чтобы самим любить

Я-лалай-лай! Я-лалай-лай!

О сестрицы-подружки, девушки галгайские,

Нынче в народе у нас, у галгайского,

Много всякого дурного приключается,

Петухами одни ходят да хвастаются:

Дескать слуги мы паччаха⁶⁷ керастанского.

На народ свой родной смотрят сверху они,

На мужчин и кантов строчат доносы.

На отцов и дядей черный поклеп возносят

Братьям и к1орням⁶⁸ могилы копают.

На народ свободный хотят узду надеть,

Узду железную надеть, да в рабов превратить.

Сами князьями хотят над нами встать.

Что с народом с галгайским приключилось?

Целые тайпы эакхов подлых народились.

Я-лалай-лай! Я-лалай-лай!

Так случилось, что увезли девушку нашу,

Как голодные псы на нее накинулись

Паччаха керастанского слуги подлые

Из позорного рода грязных доносчиков.

Я-лалай-лай! Я-лалай-лай!

А девушка без брата, что цветок в пустыне,

Ее может обидеть и овца заблудшая.

Потоптать ее может конь копытом своим.

Даже заяц трусливый ее может запугать.

Волк бесстрашный Сулумбек Сагопшинский,

На коня боевого как свирепый барс вскочил,

Клич бросил кантам отважным галгайским,

Как ураган налетел на тот эаххов двор

И сестру-девушку вырвал из рук насильников.

Ячпалай-лай! Я-лалай-лай!

Тот, кто братом сестре хочет называться

Должен быть таким же, как Сулумбек Сагопшинский

А если не может быть таким, как Сулумбек Сагопшинский,

Так пусть братом сестре не называется!

Я-лалай-лай! Я-лалай-лай!

ПРОЩЕНИЕ КРОВИ БРАТА

- Остановись, Муно! Остановись! Доставай свою винтовку и повернись лицом ко мне. Ты же знаешь, что это я, Сулумбек, еду за тобой. На тебе кровь моего брата Иглу. Бедарка остановилась. Муно сидел тихо на своем месте.

- Бери винтовку, защищайся! Я в безоружных не стреляю.

Муно, не поворачиваясь со своего сиденья, ответил:

- Сулумбек, винтовку в руки я не возьму и защищать свою жизнь не буду - она принадлежит тебе. Бери свою кровь и покончим с этим.

- С оружием в руках легче умирать.

- Это так, Сулумбек, - Муно развернулся на сиденье в сторону мстителя, бросил вожжи, - я убил твоего брата, рано или поздно я или кто-то из моих близких должен умереть за это. Пусть кара постигнет того, кто это заслужил. Я готов к смерти. Моя кровь - твоя. Стреляй, да не дрогнет твоя рука. Только просьба к тебе, как к благородному человеку.

- Какая?

- Тело мое положи в эту бедарку и отвези в мое село, у околицы оставишь. Муно соскочил с бедарки, поправил на себе одежду, встал во весь рост.

- За что ты убил моего брата?

- Я защищал свое добро.

- Свое добро? - переспросил Сулумбек.

- Да, я погнался за похитителями скота. Хотел отбить. Думал, попугать... Выстрелил. Он упал. Подхожу - Игло, твой брат. Я заплакал, когда он сказал, что хотел таким образом собрать деньги на твое освобождение. Стреляй, Сулумбек, мне надоело прятаться. Когда-нибудь это должно случиться. Сулумбек опустил карабин, повесил за ремень на луку седла вплотную подъехал к Муно и заглянул в бедарку – там с краю на кошке лежала новенькая винтовка. Кровник ничем не выдал своего страха, но он опустил глаза: трудно смотреть в лицо тому, чьего брата ты убил. Даже когда Сулумбек медленно доставал кинжал из ножен, не дрогнуло веко у Муно.

- Муно, подойди ближе. Тот сделал два шага и оказался на вытянутую руку от мстителя,

- Муно, сними шапку.

- Не позорь меня, Сулумбек. Я хочу умереть в шапке.

- Сними шапку, Муно!

- Что ж сегодня во всем ты прав. - Муно стянул с головы папаху. - Делай, что задумал. Сулумбек нагнулся с седла и срезал кинжалом прядь волос с макушки кровника.

- Муно протяни свою ладонь. Тот покорно исполнил и это приказание. Сулумбек положил в протянутую руку волоски.

- Забирай свои волосы, Муно. Перед Богом и людьми я прощаю тебе кровь моего брата Иглу. Отныне ты и твои родные свободны. Сулумбек провел рукой по голове Муно и тихо поехал прочь. Когда до Муно дошел смысл того, как с ним поступил этот прославленный на весь Кавказ кьюонах, он стал бить себя кулаками по груди и кричать:

- А-а-а! Ва Сулумбек, ради Бога твоего, остановись!

Всадник повернулся:

- Что тебе, Муно?

- Почему ты так поступил со мной? Я заслуживал смерти. Абрек сдвинул шапку назад, помахал головой.

- На моей памяти, Муно, в нашем с тобой родном Сагопши в отместку за кровь сотайпинцев убито более двадцати достойнейших мужей. Я проанализировал все эти случаи и пришел к поразившему меня выводу: смертоубийственные преступления, обычно, совершают трусливые йовсары, а расплачиваются за это своими жизнями лучшие наши люди. Сначала я думал, что это так только в нашем селе. Когда порасспросил людей из других мест, оказалось, что везде точно так: за злодеяния подлецов отвечают кровью настоящие кьюонахи. Почему? Мстители считают для себя унизительным мारаться в крови никчемных, даже если они убийцы, они выбирают стоящих мужчин. Получается, что галгаи истребляют лучших из себя, оставляя для потомства самых слабых и никудышных. Эти никудышные останутся жить и плодиться. Каково семя - таковы и ростки, говорят старики. К этому добавляется и другая страшная беда: власти тоже сознательно отстреливают самых правдивых и отважных из нас. Если дело пойдет и дальше так, и мы не сможем остановить эту мельницу смерти, то пройдет совсем, совсем немного времени, Муно, народ галгайский окончательно захиреет, носители эздеа, диенала и отваги будут уничтожены, от народа останется один мусор. Смелый, гордый галгайский народ перестанет существовать. Отвага, преданность дружбе, щедрость, диенал, эздел будут преданы поруганию, раболепие, трусость, предательство, донос, зависть, жадность станут качествами оподлившихся наших потомков. И галгаями будут называться жалкие создания, униженные и заслуженно попранные остальными. Вот чего я боюсь, Муно. Лучше нам всем умереть сегодня такими, какие мы есть, чем дожить до этого дня. Твое поведение, Муно, показало, что ты обладаешь и эздеа, и диеналом. Живи, Муно! Живи!

- Сулумбек, можно я передам твои слова народу?

- Для чего, Муно?

- Чтобы наши люди начали думать о своей жизни.

- Хорошо, Муно, передай. И если мои слова надоумят кого-то опустить к земле хоть один ствол, нацеленный в настоящего галгайского кьюонаха, наша с тобой встреча сегодня окажется не бесполезной. Мир тебе, Муно! Он уехал. Муно чувствовал себя, как во сне. Неужели это все ему не приснилось, а на самом деле с ним произошло? И Сулумбек его не убил? А он убил его старшего брата Иглу, когда Сулумбек идед в тюрьме. Такое трудно простить. А он простил. Сколько лет он жил в постоянном ожидании смерти. Эта беда висела над его семьей, как лавина. Никаких радостей. Даже рождение детей не отмечал ось праздником. И вот эти тучи ушли. Солнце засияло на небе. Муно оглянулся вокруг: на дорогу, на поле, на гребни гор все так прекрасно. После стольких лет он, наконец, услышал пение птиц.

Он должен был сейчас лежать в лужах крови. А он живой и здоровый! Он убил Иглу. Сгоряча убил. Но Сулумбек простил его. И такие слова сказал. Когда пришли люди, лошадь тихо пощипывала траву в стороне от дороги, а Муно сидел в глубокой задумчивости, обхватив обеими руками голову. Муно рассказал им этот поразительный случай.

- Эй, Г1оандлой, вы дома? Остановились две бедарки, с которых стали сходить старики. И много всадников спешили у ворот. Братья в большой тревоге вышли из дома, на ходу поправляя на себе одежду. Магомет вышел через калитку, а Усман широко раскрыл ворота. Тарко-хаджи поднял руку:

- Оставь ворота, сынок. Мы недолго у вас задержимся.

- Свободные и с миром входите в наш двор, уважаемые старейшины! Видать, счастливый жребий выпал нам от Всевышнего Бога!

- Живите и вы свободными. Выслушайте нас. Мы принесли слово, чистое слово, которое сегодня на устах у галгайского народа. Это слово касается вашего брата Сулумбека. До сих пор мы знали о нем, как об отважном человеке. В глазах народа он был, как скала. Мы гордились им. Вчера он простил кровь человеку, убитшему старшего брата. Мы были в Инарках на тязете [69](#), и там Муно плакал и рассказывал, как это случилось. Сыновья Гоарожа, в глазах нашего народа ваш брат Сулумбек из утеса вырос в гору, подобную Беш-Лоаму, Молим Великого Творца, чтобы в каждом галгайском тайпе народились по десять кантов таких, как Сулумбек!

- Амин! Да будет так.

Бедарки со стариками развернулись и поехали в сторону Пнарке, свита из всадников - за ними. На второй день Даурбековы пригнали к дому Сулумбека целое стадо.

- Мы не продаем кровь брата, - сказали братья, - кровь прощена во имя Бога!

ДОКУМЕНТ

Вернувшись из тюрьмы, Сулумбек дал себе зарок жить тихой, мирной, крестьянской жизнью. Братья его поженились и жили своей жизнью. У каждого свой дом и хозяйство. Старый отцовский дом остался за Османом, но в том доме Сулумбеку выделили комнату и рядом небольшой участок земли. На этом участке Сулумбек решил построить себе сперва турлучный дом, а со временем, окрепнув и женившись, - большой саманный на каменном цоколе, крытый красной черепицей. Но это в будущем. Он любил свободу, независимость. А в селе ты независим, только имея свое жилье. Брат, конечно, близкий человек, ближе не бывает, но и в его доме чувствуешь себя скованно. Магомед и Осман решение Сулумбека строиться горячо поддержали. Вечером лопатами и тяпкой расчистили место, где предполагалось строить дом, а рано утром вышли и разбили: пять шагов в ширину и шесть в длину. Две комнаты и ийче⁷⁰, по ингушской традиции. С лесом ему помогли родственники по матери - сами привезли готовые, очищенные столбы, предоставили ему лошадь с арбой до конца стройки. За неделю заготовили прутья для каркаса. А в один солнечный день гандалоевская молодежь сплела этот каркас - собравшись на белхи⁷¹. Сулумбек от радости не чувствовал под собою земли: ему казалось, что выстроен целый замок. Дальше работа пошла еще быстрее. Прежде чем обмазать, дом покрыли камышом и соломой. Господи, вот у него уже своя крыша над головой! И он свою постель перенес туда, несмотря на протесты снохи. Братья на свои деньги заказали сельскому столяру двери и окна. На вторые белхи собрались гандалоевские женщины. Они намазали каркас заранее заготовленной глиной. И эту глину он месил сам при помощи лошади. И печку он сложил сам. Он знал, что это не сложно, просто все нужно делать аккуратно, особенно, когда выводишь трубу: милейшая искра - пожар, и дом сгорит в считанные минуты. Когда еще отец был живой, им эту печь клал один мастер кумык, а Сулумбек ему подсобничал. Ничего тут сложного. Надо правильно топку сложить и вывести аккуратно трубу. Больше ничего. Дом почти был готов, а Сулумбек стал возить в бричке красную глину. Обложил ею цоколь на целый аршин, а потом глиной же поднял пол.

- Для чего это? - спросили у него.

- Желтая глина хорошо противостоит сырости, а пол поднят на случай сильных дождей, чтобы дом не залило водой. Этому меня один арестант научил. Люди покачивали головой.

- Ты в тюрьме многому научился.

- В тюрьме можно научиться и хорошему, и плохому: Там насыщенная жизнь. Выбирай, что тебе надо. Поздней осенью, когда деревья окрасились в золотистые и багровые цвета, в честь въезда Сулумбека в новый дом, состоялся молебен-мовлат с последующим застольем. Снохи побелили дом, и он выглядел веселым. Когда женщины наложили в печь сухих дров и принесли огонь из дома Османа, жена Игло высказала самое доброе послание этому очагу и дому:

- Дай-то Бог, чтобы в этом очаге огонь поддерживала счастливая, любимая мужем жена! На своем участке он посадил две яблони, грушу и сливу, до заморозков вскопал, обнес забором

из жердей. В сарае Усмана стоит стельная телка, принадлежащая Сулумбеку, а у Магомеда четыре овцы и баран. Следующей осенью он построит сарай для скота и стойло для лошадей. Верховая лошадь ему досталась в наследство от отца, ему еще нужна сильная тягловая лошадь. В тюрьме чеченцы рассказывали, что можно хорошо зарабатывать где-то за Астраханью на соляных копиях. За сезон, если сильно потрудиться, можно накопить на свадьбу. А зимой, на похоронах родственника, он встретил человека, который нанялся охранником отары грузинских овец. Овец весной гонят из гор на плоскость за Терек. Это долгий и утомительный путь. Их постоянно преследуют воры. Бывают случаи, что угоняют десятками и более овец. Охранник берет охрану на себя. Это большая ответственность, работа опасная, часто приходится вступать в бой с целыми бандами. Но зато платят хорошо.

- Мне хозяин овец, князь, за один сезон (восемь месяцев) дал двенадцать овец - восемь из них по нашему договору и четыре от себя в благодарность. Винтовку подарил и двести рублей денег. Но я охранял этих овец и от воров, и от его же пастухов, которые норовят по пути продать.

- Нападали? - поинтересовался Сулумбек.

- Два раза за лето. Кажется, то были кумыки. Один раз ранили в ногу, но не сильно. А так все больше воры попадают. Что только не выдумают: то ямы-ловушки, то еще что-нибудь: А один вор вот какой хитрый был. Это у нас. Едет он на бричке с высокими дощатыми бортами. Бричка-то у него с двойным дном. В нижнем - дыра. Останавливается на дороге, якобы чтобы овец пропустить. Забредает овца под телегу в сутолке движения, он незаметно нагибается, хватает за шерсть и втягивает на воз. Там у него доски специальные. Люк закрывается. Укладывает на место доску верхнего дна. Солому расстелил, уселся поудобнее и поехал домой. Сын пастуха заметил. Мне сообщили. Я догнал его и отобрал овцу. За сезон столько разных случаев Грузины охотно берут в охрану наших людей. Меня просили рекомендовать подходящих. Я могу поговорить о тебе. Сулумбек был почти счастлив. Он будет служить честно и добьется полного доверия. Допустим ему дадут только восемь овец по договоренности и двести рублей. Ему этого вполне хватит для женитьбы. Ну, конечно же, хозяева не пожелают расстаться с таким хорошим охранником их добра. В последующие годы он заработает на большой светлый дом и обстановку. У него будет дом - полная чаша! У него будет красивая и хлопотливая жена и дети - сытые, веселые, озорные!

* * *

- Старший, ты дома? - позвала со двора жена Магомета.

- Дома, что там? - отозвался Сулумбек.

- Там гость у нас, брат твой просит прийти.

- Я сейчас оденусь и приду. Гости обычно приезжают к вечеру, а этот в такую рань, люди только завтракать собираются.

- Ассалам алейкум. Марша воаг Ийла, Султан! Султан - брат жены Магомета. Гость ответил на приветствие вставанием.

- Сулумбек, Султан работает во дворе канцелярии начальника Котляревского, все новости знает - и хорошие, и плохие. Пришел с плохой вестью. Как родственник, поспешил сообщить нам, чтобы мы были готовы ко всему.

- А что случилось? - похолодело в душе Сулумбека.

- На тебя сделали донос в канцелярию начальника Котляревского.

- О чем донос?

- Что ты увел стадо коров у Гажи-Юртовских казаков.

- Люди же знают, что это неправда. Я вообще никуда не отлучался, кроме как в лес, да по родственникам. А кто сделал донос?

- Пирстоп написал.

- Богуславский?

- Да.

- Да чтоб он пропал, пьяница несчастный! Когда он оставит меня в покое?

- Надо что-то делать. Тебя могут вот-вот арестовать. Только ты пристава не трогай - еще хуже будет.

- Хорошо! - Сулумбек встал. - Султан, большое тебе спасибо за предупреждение. Вы спокойно завтракайте, а я пойду подумаю, что мне следует предпринять.

* * *

Среди местного населения о Котляревском сложилась молва, как о благородном офицере, знающем цену мужскому слову: сам, мол, слово свое бережет и дающему верит. Такой случай рассказывают. Один молодой человек украл чужую лошадь. На него показали и хотели судить. Навар поклялся на Коране, что не крал чужой лошади. Он поверил и отпустил. Проходит время. На прием к начальнику являются мулла Тахир и отец с сыном.

- В чем дело? - спрашивает начальник.

- Он украл лошадь. - заявил отец. - Лошадь найдена и находится у нас в сарае. Он дал ложную клятву на Коране это страшно! Его убить положено, но у меня на сына рука не поднимается. Заберите его и сделайте с ним, что по вашим законам положено. У меня

большей сыновей нет, а этот вовсе не человек. Старик-мулла тихо молился. Котляревский де утешил несчастного отца, но вора приказал арестовать и судить, как положено. Вот за эту нить и ухватился Сулумбек. Он явился на прием к начальнику вместе со старым муллой Тахиром, другом юности его отца. Когда сказали, что в ожидальной комнате старик-мулла, Котляревский приказал немедленно привести его к нему. Муллу впустили, а Сулумбека удержали.

- Здравствуй, старик. - Котляревский встал.

- Здравствуй, начальник.

- Что случилось?

- Там парень со мной. Его не пускают.

- Ах, он с Вами. - он распорядился администратору. - Впустите молодого! Сулумбек поздоровался и встал рядом с муллой.

- Ну, так что скажете важного? По-русски говорите?

- Говорим, господин начальник. Меня зовут Сулумбек Гараводжев. Я из Сагопши. На меня написали донос, что я украл в Фельдмаршальской у казаков коров. Это неправда. Я хочу свою невинность подтвердить присягой на Коране. Вот мулла примет мою присягу.

- Старику, положим, я верю, молодой человек. В его честности и праведности я не сомневаюсь. А Вы?

- Мулла знал моего отца. Спросите у него, можно ли и мне верить. Котляревский вопросительно взглянул на Тахир-муллу, старик утвердительно махнул головой.

- Очень любопытно! Я слушаю Вас, молодой человек! Мулла достал из-за пазухи сверток, завернутый в бархатный лоскут, то был Коран. Произнес молитву, раскрыл и положил на стол. Он взял правую руку Сулумбеку:

- Сынок, если ты каким-то образом связан с этой кражей, то не произноси присягу. Земное наказание за кражу чужого имущества в тысячу раз мягче, чем кара в День Кия мата за лжеклятву.

- Что он тебе сказал? - спросил начальник.

Сулумбек перевел в точности.

- Действительно, как страшно! Мулла тихо опустил руку Сулумбека на раскрытые листы Корана:

- Говори свою присягу. Сулумбек весь побледнел, по телу прошла мелкая дрожь. Он глубоко вздохнул и произнес по-ингушки:

- Клянусь Всевышним Богом и его Святым Кораном! Я этих коров у людей из ст. Фельдмаршалской не крал, никоим образом этой краже не способствовал и не укрывал краденое. Эту же присягу, не отнимая руки от Святой книга, он произнес по-русски. Во время произнесения присяги Котляревский стоял вытянувшись по стойке «смирно».

- Господин начальник, примите от меня еще одну присягу. Пожалуйста!

- Так. Я Вас слушаю. Что еще? Эту присягу он произнес только по-русски:

- Клянусь этим Кораном, ту лошадь, за которую я отсидел три года, я не крал. Мулла отнял руку Сулумбека от Корана, аккуратно завернул его в бархат и сунул себе за пазуху.

- Подождите! Так получается, что Вы отсидели в тюрьме не за свой грех?

- Да, господин начальник. Меня очень не любит пристав и старшина села тоже. Они хотят затолкать меня в тюрьму или. в лес выгнать.

- Зачем в лес? Жить что ли там?

- Нет, абреком сделать. Мой отец пахал землю, содержал скот, и мы жили в достатке, не хуже людей. Я тоже хочу так. Пожалуйста, скажите приставу Богуславскому, пусть он оставит меня в покое. Помогите мне стать мирным человеком. После ухода посетителей начальник округа вызвал к себе писаря, молоденького ингуша:

- Съезди-ка ты мне, брат, в Сагопши и разведай все про Гараводжева Саламбека. Был осужден за кражу лошади. Отсидел свое в Грозненской тюрьме. Порасспроси поподробнее, особо о поведении и привычках. Где, с кем живет? Мне очень интересен этот человек. Съездил Мухтар-писарь к родственникам в Сагопши, погостил два дня и привез для своего начальника очень много интересного: что де сей житель села Сагапчи действительно был осужден по обвинению в краже лошади. Люди сомневаются, что лошадь такая вообще существовала в природе, что она выдумана приставом, он же и обеспечил лжесвидетелей. Пристав, мол, мстил за то, что молодой человек отхлестал его плетью. А рассказ про тот злосчастный обед рассмешил начальника:

- Так он ко всему и шутник получается. Ах ты забавник какой! Пристав усами шевелил, да облизывался, а он знай себе курицу уплетывает, да водочкой запивает. Ну ты, Саламбек, шутник ты наш кунацкий! Долго смеялся начальник, воображая себе эту картину.

- Ну а сейчас что он?

- Дом турлучный за лето построил, делянку, что по наследству от отца осталась, жердяным забором обнес, фруктовых деревьев насадил несколько корней. Эту делянку до сильных заморозков вручную сам вскопал. Печь в доме им самим сложена, сам себе лежак смастерил, стол тоже и скамеечки о трех ножках. Но.

- И что за «но», Мухтар?

- Характера говорят независимого, оскорблений, особливо когда ругают по матушке, не переносит.

- Да, Мухтарушка, по этой части наш мужик русский большой мастак, да и среди благородных не редкость, а тут к этому еще не привычны. Ладно. Пособлю этому Сулумбеку в мирной жизни обосноваться. Пусть живет себе.

Действительно, начальник вызвал к себе пристава и строго отчитал его за пьянство и за неумение общаться с местным населением. Богуславекий было возражать начал:

- Воры они все, да конокрады, да. Начальник стукнул кулаком по столу:

- Молчать! Народ здешний вздумал против царя возмущать! Такого оборота дела Богуславский никак не ожидал: чтобы начальство заступилось за «басурманина», даже если он в чем-то прав. Ведь администрация на Кавказе придерживалась строгого правила, что в споре пришлых с местными всегда виноват «басурманин». Полтора года наслаждался Сулумбек мирной, спокойной жизнью. За это время он построил стойло для лошади и овчарню под одной крышей, сапетку для кукурузы, и она была не пустая - запас на год сытой жизни. Сулумбек был вполне счастлив. Но счастье - самая хрупкая из всех субстанций на земле. Она складывается из материальных и духовных составляющих. Форма счастья и содержимое в этой форме замысливает и обретает сам человек. А вот удержать даже самое примитивное счастье немногим удастся, не удалось это и Сулумбеку, как ни старался.

* * *

Через неделю ему выезжать в Грузию для найма на работу охранником отар. Оружие ему выдадут там, лошадь должна быть своя. Лошадь у него есть, хотя и не бог весть какая, но седло худое, починке совсем не поддается, в конец рассыпалась его деревянная основа. Сулумбек ходил по всему Назрановскому рынку, торгуясь и присматриваясь. Он решил купить новое седло, а осенью к седлу купить и хорошего иноходца. Вот оно стоит на импровизированном прилавке, блестя дубленой кожей.

- Сколько просишь? Ты его поставил на показ или на продажу? - пошутил Сулумбек, указав пальцем на картонный ценник.

В это время его сзади окликнули по-ингушки:

- Гоарожа Сулумбек, это ты?

- Да. - развернулся Сулумбек к говорившему, но тот, который его окликнул, юркнул в толпу, исчез, а сам Сулумбек. Оказался лицом к лицу перед урядником и тремя казаками.

- Вот ты, голубчик, нам и нужен! Пошли-ка с нами.

- Куда?

- В управление. - разъяснил урядник.
- Зачем?
- А затем, что ты вор и похититель чужого скота.
- Я никакого скота чужого не брал. - оправдывался Сулумбек. - Все воры в том клянутся.
- Ведите меня к начальнику, - решительно заявил Сулумбек. - Я ему объясню. Вы человеческого языка не понимаете, а он - человек!
- Мы тебя и ведем к нему. А это тебе ни к чему, бедовая бошка! - урядник вытащил кинжал из ножен Сулумбека. - Отгулялся уж. Будешь не кинжалом сверкать, а кандалами звенеть. Гололобая твоя башка! Его ощупали по бокам, но другого оружия не обнаружили.
- Шагай! Слава Богу! Внутри черкески под газырями был пришит Кармашек, а в том кармашке лежал маленький восьмизарядный пистолетик Маузера. Его привели в управление. Первый, кого арестованный увидел, был Сагопшинский пристав Богуславский. Тут Сулумбек понял, что находится в опасности.
- Ну, молодчик, теперь тебе не отвертеться! Говори, куда справил краденный у сунженских казаков скот? - пристав злорадно усмехался.
- Думаешь под присягу тебя отпустят? Нет твоего заступника.
- А куда он девался! - осведомился изумленный Сулумбек.
- Четыре дня как в Тифлис перевелся. Нынче новый начальник - новые порядки, настоящие, расейские... Сулумбек опечалился. Ничего хорошего его тут не ожидает. Дело состряпают, лжесвидетелей сколько угодно. Ему тюрьмы не избежать. Что делать? Надо бежать и немедленно. Он оценил обстановку. Семь человек в управлении, кроме ингуша-писаря. Без кинжала ему с ними не справиться. Только внезапность!
- Документы какие имеешь, кунак? Бумаги покажи, выкладывай.
- Документы? - обрадовался Сулумбек.
- Конечно есть! Как без документа? Я вам покажу - вы сразу меня отпустите. Хорошие документы! Казаки засмеялись, а урядник говорит:
- Покажь тогда, кунак, свой чудо-документ.
- Ладно, смотри, - спокойным таким движением Сулумбек запустил руку за пазуху, выхватил пистолетик и стал палить во всех подряд. - Вот мой документ! Дорогу, кто умирать не хочет! Он на ходу успел взять со стола свой кинжал и исчез из управы. Во дворе вскочил на лошадь пристав и умчался. Раненые стонали и ругались. А писарь-ингуш усмехнулся себе в усы:

- Да, документ, действительно предьявительный!

* * *

Вечером Сулумбек заявился к писарю в дом. Тот начисто выложил все: на него пристав Богуславский написал донос, обвинив в краже четырех коров и быка у сунженских казаков. Еще, мол, он обстрелял пастухов, чуть не убил их. Есть «свидетели», называют его приметы: рыжий волос, синие глаза, коренастый, говорит неплохо по-русски. По этому доносу новый начальник приказал арестовать его и предать суду. Ему грозит тюрьма. Бурсага Бунхо⁷² говорил: «для больного зуба нет другого лекарства, кроме цепких щипцов, Его надо удалять, если хочешь избавиться от постоянной боли». Что ж, придется удалить этот больной зуб. Устроив засаду на дороге из Владикавказа, Сулумбек убил Богуславского, забрал трофеи: коня, револьвер и штурцерную и винтовку. Прощай мирная жизнь и несбывшиеся мечты о крестьянском счастье! Судьба! Днем у ближайших родственников сделали обыск, обыскали двор самого Супумбека, истыкали штыками все стены, сапотку с кукурузой, разворошили три копны с сеном, пригрозили, что все равно поймают, закуют в кандалы, а потом повесят пусть лучше сам явится с повинной. А вечером того же дня он неожиданно явился на свадьбу родственника, станцевал на ловзаре, одарил отца жениха деньгами и скрылся. Его трудно было поймать, потому что он менял лошадей, урку и шапки. У преданных ему родственников в стойлах стояли запасные лошади, на гвозде висели бурки и шапки, разные по покрою и цвету. Сексоты-доносчики путались. Они видели, как в село заезжает Сулумбек на гнедой лошади, в андийской бурке, в белом башлыке и черной папахе. Сообщают власти, те устраивают засады на всех подъездах к селу. А он, погостив, меняет коня, бурку, башлык и папаху, преспокойно удаляется мимо засады. Власти затем начинают повальный обыск - нет птичка улетела. «Не бойся рычащего зверя, - говорили предки, - от него можно защититься кинжалом. Бойся ползучей змеи, которая жалит ядовитым зубом исподтишка». Предал его близкий родственник, офицер по имени Хаки. Этот Хаки обещал Сулумбеку достать винтовочные и револьверные патроны. Они встретились в Ачалуках у общих родственников, как случайно, но позже Сулумбек рассудил, что Хаки был подослан.

- Ты смелый и решительный человек, и ты мой родственник. Мы должны помогать друг другу. Что я могу для тебя сделать? Вот если тебе понадобятся патроны - пожалуйста, обращай ко мне. Мне ничего не стоит достать несколько сот патронов по самой низкой цене. Патроны новые, сверкают золотом. Старый патрон может подвести. - доверительно поговорил Хаки. А у Сулумбека как раз было туго с патронами. Они сговорились. Цена вполне устраивала. Сулумбек выложил деньги. Назначили место и день встречи во Владикавказе. Засада. Сулумбека повязали.

Следствие не тянуло это дело, быстро все «состряпали» и пере дали в суд.

Судья: Лошадей у моздокчан уводил?

Сулумбек: Нет.

Судья: Есть свидетели.

Сулумбек: Врут.

Судья: У сунженских казаков четыре коровы и быка ты угнал?

Сулумбек: Нет.

Судья: Свидетели показывают на тебя.

Сулумбек: Врут, как собаки.

Судья: Пристава Богуславского убивал?

Сулумбек: Да.

Судья: Почему?

Сулумбек: Надоел.

Судья: Как так надоел?

Сулумбек: Очень надоел, как больной зуб.

Бессовестный этот Хаки, имел наглость явиться на суд в качестве свидетеля, и даже не стесняется!

Сулумбек подтвердил все, что тот показал, а потом обратился к Хаки по-своему:

- Ты меня предал, Хаки.

- Ты неправильно назвал то, что я делаю. Ты - глупый человек, Сулумбек, мало что смыслишь в жизни. Русский царь хочет устроить для нас нормальную жизнь, а такие, как ты, мешают этому.

- наших людей сгоняют с равнинных земель, одни уходят в скалистые горы, а другие в Турцию и Арабию, но там с ними обращаются, как со скотом. Это как называется? Это по-твоему забота царя о нашем народе?

- Это? Когда хочешь воспитать капризного ребенка, то приходится сурово наказывать его, для его же блага. нас наказывают, как глупых детей.

Сулумбек покачал головой:

- О Хаки! Я думал ты просто предатель за деньги - ты предатель в душе. Ты слышал, что приключилось с телятником, который стоял рядом с ослом. Чтобы я больше поверил ингушу, который носит погоны! Змеиная шкура впору только змее. Вы, погононосители, - все

предатели. Если я когда-нибудь выйду на свободу, то буду искать встречи с тобой. Помни это.

- И что ты намерен со мной сделать? Убьешь?

- Нет. Я отрежу тебе нос [73](#).

Осудили на каторгу.

ПОБЕГ

- Долго ли собирается нохчинский волк засиживаться в этой вонючей яме? - речь была ингушская. Зелимхан резко обернулся к говорившему, смерил его с ног до головы: такие вот «крючки» забрасывают тюремные сексоты, чтобы проверить нутро арестантов, ради профилактики. С ним поравнялся молодой ингуш крепкого телосложения. Это был единственный ингуш среди полной камеры чеченцев. Нет, такие сексотами не становятся. Сексотами становятся обычно обиженные Богом и природой: слабосильные, калечные, малодушные. Ингуш смотрел прямо и ясно своими большими синими глазами. Взгляд - взгляд мужчины. Арестантов вывели во двор на прогулку. Люди разминали свои тела после суточного сидения на одном месте. Кто ходил в одиночестве, некоторые парами. Все двигались, чтобы успеть насладиться движениями за короткое время прогулки. Эти двое шли так, что другие не подумали бы о них ничего подозрительного, ОНИ, дескать, не интересуются друг другом. Этот худой, чернявый, идет по своему пути, а рыжий, плотный идет, стараясь не мешать движению другим, и то, что они оказались рядом - случайность.

- Может галгайский волк нащупал какой-нибудь лаз?

Рыжий стал обходить чернявого, не смотрит на него, смотрит на стену тюрьмы:

- За это стеной - наша камера, а вон - каменный забор. А за тем забором шумит Шолж⁷⁴, а далее леса, горы - свобода! Нас отделяют от свободы эти две стены. Одну можно перелезть. А чеченский волк валяется на нарах, его кусают блохи и клопы, дерзко окрикивает комбо⁷⁵. Прямо не знаю, что и подумать. А ты приглядывайся. Э-э! А я-то думал, что нохчи - свободолюбивые люди! Зелимхан прикусил губу от обиды. Ишь, этот галга на самолюбие чеченское давит. Издевается - шутит. Потом они разошлись, пошли по одному, но их глаза примечали, измеряли, рассчитывали, прикладывали. Под самый конец прогулки их «орбиты» снова пересеклись.

- Стена толстая, каменная, - бросает, глядя в небо чернявый.

- Люди дырки делают даже в железе, - замечает рыжий, глядя в обратную сторону.

- Забор высокий. Даже самому ловкому не ухватиться за край.

- А здесь везде доски валяются: приставил - и пошел.

* * *

Мы, современники, вынуждены констатировать тот факт, что во времена Сулумбека и Зелимхана среди наших народов трусов и доносчиков было гораздо, гораздо меньше. Новые хозяева Кавказа только, только начинали прививать аборигенам вкус своей имперской цивилизации, вернее подлонизации. Камера была битком набита людьми - большинство чеченцев, несколько русских рабочих, два тата, ногаец и один ингуш Сулумбек. Как можно в

тайне от сокамерников рыть подкоп? Это невозможно. И ни один из них не донес, наоборот, все помогали, чем могли: шумели, пели, землю выносили в туалет. У русского старика выменяли железную ложку на мешочек толокна. Обретя это орудие, Зелимхан совершил омовение, потом намаз в два ракаата, дуа с мольбой об удаче начатого святого дела. Он полез под нары. Сулумбек отошел к двери проверить угол обзора. Стоящему у двери надзирателю человека под нарами не видно. Это очень важно. Рыть подкоп будут четверо: Зелимхан, Сулумбек и двое молодых прытких чеченца. Когда Сулумбек сидел здесь в первый раз, начальство его заставило вместе с рабочими ломать стену старой пристройки и выносить это во двор и ровно укладывать перед домиком, где обитали надзиратели. Цоколь был сложен из щебня, речной гальки, бульжников, песка, замешанных на известковом растворе. Но отличалось это особой прочностью. Однако, хватка у бульжника с раствором слабая. Местами даже вокруг камня образовывалась пустота. Они легко отваливались. Гальку тоже можно отщипывать. Весь этот опыт Сулумбек передал своим товарищам. Начальство любило, когда арестанты-чеченцы пели священные зикры. Значит покорны воле судьбы. Пойте сколько душе угодно! Это можно. Хлопать в ритм можно, только сидя, а вставать, двигаться по кругу, покачиваясь и топая ногами, нельзя, не надо. Начальству становится жутко от этого: звуки какие-то. уж очень воинственные. Ну что за народ - даже молится по-боевому! Зелимхану за одну «смену» удалось пробить окошко в шпукатурке в целый аршин: щебень, пыль и куски глины рассовали по карманам и на вечерней opravке вынесли в уборную.

- Карманы каждый раз тщательно отряхивать, чтобы следов пыли не было. Наши карманы часто проверяют на наличие недозволенного. Не дай Бог, чтобы камушек остался в кармане - сразу заподозрят. Будьте бдительны и осторожны! - отдает распоряжение Зелимхан. Это исполняется всеми со всей серьезностью. Оловянные ложки, что выдаются в тюрьме, тоже годны для этой работы, но они удивительно быстро стираются. Три «смены», и нет ее, остается тот кусочек, который держишь в руке. Выбрасывается вместе с землей в туалет.

Чеченцы садятся на полу в круг, тихо запевают зикр. Среди охранников и надзирателей много чеченцев, они тоже любят слушать зикры о пророке Мухаммаде и о его асхабах. Соберутся под дверями, откроют оконце в двери и слушают. Когда зикр идет размеренным темпом, копай свой подкоп, грызи камень. Ничего не бойся, все спокойно. Если зикр сопровождается тихим похлопыванием, - будь настороже. Это сигнал. Ну коли зикр переходит в быстрый ритм с сильными похлопываниями - вылезай, кто-то идет, будут открывать дверь. Сигналы подает Соип, молодой чеченец, человек с необычайно чутким слухом. Он сидит у дверей. Он даже различает по шагам, кто идет по коридору. В камере находился угрюмый, молчаливый ногаец. Он много кашлял. Кашляет, кашляет, а потом сидит глубоко дышит лицо болезненное. Он поманил к себе Зелимхана, а когда тот подошел, показал, чтобы сел рядом. Садись, мол, дело очень важное. Это говорилось не словами. Зелимхан сел. Ногаец снял с ноги башмак. Зелимхан глянул на этот башмак - башмак, как башмак ничего особенного. Ногаец полез в него рукой, достал войлочную прокладку. Хорошая подкладка, мягкая, толстая. Зелимхан опять не понял, зачем она ему, чужая подкладка. Он чувяки носит, если дает, то пусть дает две. А что делать с одной? Ногаец взял руку Зелимхана: потрогай, мол, вот здесь. Потрогал и весь напрягся, как пружина: там внутри что-то твердое и узкое. Что это может быть? Чеченец внимательно рассмотрел

подкладку - она двойная, из двух войлочных слоев. Этот твердый предмет помещен между слоями. Зелимхан сел спиной к людям, ногаец жестами попросил его так сесть. Надавил рукой, где пятка, а у носка вылезло острое стальное жало. Вытянул - маленький кинжальчик с костяной ручкой, шириной в палец. Ногаец ногтем постучал по узкому клинку - горец угадал по звуку чистый звон хорошей стали. О-о! Им можно копать в пять раз быстрее и результативнее. Это тебе не оловянная ложка, и даже железная ложка ни в какое сравнение не шла. Зелимхан спрятал драгоценнейшее оружие за пазуху, прошептал:

- Рахмат! Пойдешь с нами!

- Я копать не смогу. Сил нет. Скоро умру. Хочу умереть свободным человеком. Лишь бы, где воздух свободный.

- Ты пойдешь с нами. - дал ему слово Зелимхан.

- Кыдай берген76! У-у-у. Работа пошло спорее. За следующую «смену» Зелимхану удалось выгрызть два больших булыжника. Но как их вынести из камеры. Сулумбек это решил в два счета: тихо спустил их в парашу. В камере была традиция, что парашу выносили по очереди молодые, отстранив от этого старших. Надзиратели открывали камеру, двое брали парашу и шли сами по коридору до уборной. Их обычно не сопровождали, не видя в этом надобности. Очень удачная придумка получилась. Кому придет в голову заглядывать в зловонную парашу? Зелимхан усмехается про себя: у этого галгая голова не для виду посажена на плечи! Отличный товарищ, смелый и смекалистый. Хороший бы получился из него абрек! Но Бог его знает, зачем ему свобода. Это уже не важно. Главное выбраться из этого каменного мешка, а там каждый живи своей жизнью. Главное - свобода. Век неволи, даже сытой, не стоит одного дня свободы, от восхода до заката! Да, этот галга незаменим в тяжелых ситуациях, но всегда говорит с подковыркой. Постоянно подшучивает над чеченцами. Хочешь его чем-нибудь удивить - не удивляется, нарочно не удивляется. Вот он ему один раз начал рассказывать про волка и собаку:

- Я расскажу тебе, Сулумбек, национальную чеченскую прибаутку про волка и собаку. Однажды голодный волк, худойхудой, встречает жирную собаку.

- Тоъит77 Зялмах! Дальше не надо. Я ее знаю.

- Откуда? Это же чеченская прибаутка.

- Нет, это ингушская прибаутка. Вы ее услышали у нас, понесли к себе, а теперь напрочь отказываетесь, что украли у нас. С этой прибаутки начинается воспитание своего наследника каждый ингуш. Ты мне лучше про асхабов расскажи, это у тебя получается хорошо. А про волков. волками у нас учат выть с колыбели. Зелимхан не знал, как на него реагировать. Сделать замечание? Какое? Поругаться? За что? Эти большие синие глаза смотрят на тебя так просто, доверчиво, а в глубине веселые искорки. Но как бы ему хоть раз так возразить, чтобы смутить.

- Ладно. Значит про волка и собаку это ваша прибаутка?

- Наша. Точно наша.

- Хорошо. Тогда, наверное, про льва тоже вы сочинили?

- Про Льва? А как она начинается?

Зелимхан засмеялся:

- Она, как начинается, так и кончается. И уж, наверное, такую прибаутку никто, кроме галгаев, не мог сочинить. Расскажика мне ее, Сулумбек.

- Я что-то не припомню.

- Это про Льва и Свиной.

- Про Льва и Свиной? Зелимхан, как это может быть - про Льва и свиной? Ты хоть соображаешь - Лев и Свины?

- Значит, ты признаешь, что это не ингушская прибаутка.

- Ник-как не ингушская! Стали бы мы про свиной сочинять!

- Ты ее оставляешь чеченцам?

- Оставляю. Берите ее себе.

- Ну так вот слушай. Поймали раз Льва и посадили в клетку. Он грозный царь всех зверей, а ему куски бросают в клетку, как нищему сага⁷⁸. Детишки дразнят, пальцами на него показывают, всячески унижают. У-у-х! разорвал бы всех на куски, да клетка крепкая. Вот раз заснул он, и во сне приснилась ему свобода: лес, поле, река, львы и львицы, левята резвятся на поляне. Проснулся Лев, вскочил и стал бросаться на клетку с разбега грудью. Бился, бился и пробил брешь. Побежал. Бежит и Богу клятву дает, что, не щадя своего живота, бросится освобождать любое живое существо, находящееся в неволе. И тут его путь проходил мимо большого деревянного забора. А за забором какие-то живые существа ходят. Разбежался Лев и обрушился грудью на досчатый забор, образовался огромный пролом.

- Бегите на волю! - прокричал Лев, а сам развернулся и дальше побежал. Добегает до леса, оборачивается, но бегущих не видит. - Вай-и, что это! Но вот показалась какая-то мордочка, потом вторая и еще много морд. Поглядели они по сторонам, похрюкали и снова скрылись за забором. Удивился такому делу Лев, покачал головой и скрылся в зарослях. Тут Зелимхан замолчал, не рассказывает дальше. Все притихли. Интересно!

- Ну? А дальше? - не выдерживает Сулумбек.

- Дальше? Это были свины. Зачем им свобода, если есть помои, чтобы кушать, и грязь, чтобы поваляться. Не всем по вкусу свобода. Чеченцы исподтишка наблюдают за Сулумбеком, как он реагирует на это. А Зелимхан усмехается.

Сулумбек поднимает многозначительно палец:

- Вот если хорошенько допытаться, то, у этого чеченца, что сочинил это, обязательно окажется, что мать была галгайка. Камера загремела со смеху, чеченцы схватились за животы и падали на бок. Это было первое поражение Сулумбека в шутках с чеченцами. Надзиратели сбежались на шум, заскочили в камеру, а тут дикий хохот. Анекдотами, значит, коротают свое время горский народ. Вот и пойми их. Одно слово - дикари! Ни хрена в цивилизации не смыслят: водки не пьют, ядерным матом не ругаются, на свадьбах кольями ребра друг другу не ломают, по бабам чужим не шастают, а вот от анекдотца ржут, как кони! Ну что с них взять - туземцы, дикари, гололобые. У них-то и рассказа нет про то, как спяну заловить чужую бабу да завалить ее где-нибудь под забором, как положено у культурных людей. Отсталость одна! Ничего в жизни нормальной не смыслят! Подошло время вечерней поверки. Зелимхан вышел из под нар, отряхнулся, поправил на себе одежду, взглянул на сообщников живым, радостным блеском карих глаз, и на вопросительные взгляды других, коротко махнул головой - благая весть! Сам не удержался, шепнул на ухо Сулумбеку:

- Я увидел свет через отверстие с палец.

- О-о!

- Но там большой камень, очень большой. Трудно будет.

- Его надо выдавить ногами.

- Да. После поверки. Подождем, пока стемнеет.

По коридору шел старший надзиратель, стучал ключами во все двери и кричал:

- Вечерняя поверка! Вечерняя поверка! При-а-товсь! Начальник самолично обходит все камеры, остальное тюремное руководство за ним, человек около десяти. Все встают, потом их сажают. Идет переключка. Каждый, чье имя произнесли, откликается громко: «Я!», «Издес!», «Еста!», «Моя!». Убедившись, что арестанты все в наличии, начальник покидает камеру, а за ним уходит вся свита. После вечерней поверки принесли коптилки. Некоторые арестанты стали расшнуровывать сумки со снедью. Сулумбек и Зелимхан переглянулись: пора!

- Наверно, лучше я первый, ногами вытолкаю этот камень.

- Ладно, сразу уходи. За наружной стеной часовой.

- Знаю. С Богом! Сулумбек залез под нары Зелимхана, а Зелимхан подошел к Дукузу, известному зикристу:

- Дукуз, исполни назым о взятии нашим Пайхамаром [79](#) (мир ему от Бога!) крепости Хайбар. Прощу тебя. Последняя просьба.

- Прямо сейчас?

- Сейчас. Дукуз дал знать чеченцам жестами усесться в кружок для исполнения священного гимна. Сам вытянул шею, вздохнул всей грудью и запел.

Зелимхан подошел к ногойцу, взял его за руку:

- Пошли, Нурутдин.

- Уже? - радостно удивился тот.

- Уже. Они прошли мимо поющих, уселись рядом на нары Зелимхана.

- Как там?

- Выдавил. Я пошел. - голос Сулумбека оттуда. Двое молодых чеченцев сидели поодаль. Зелимхан дал знак одному, потом второму. И они исчезали под нарами. Зелимхан показал Нурутдину взглядом вниз:

- Во дворе постарайся не кашлять.

- Лучше умру, задохнусь, чем. Исчез и Нурутдин, только после этого шмыгнул туда сам Зелимхан.

* * *

Выбравшись из камеры, Сулумбек стремглав бросился к забору, но, пробегая мимо уборной будки, заметил широкую и длинную новую доску, прибитую сбоку. Он подскочил, ухватился руками, уперся одной ногой и рванул, что было силы. Гвоздь жалостно заскулил. Доска оторвал ась, Сулумбек упал на спину. Вскочив, он мигом оказался у стены. Приставил доску и буквально взлетел наверх стены и спрыгнул вниз. Встал на ноги и увидел в десяти шагах спину часового с винтовкой на плече. Часовой развернулся на шум и встретился лицом к лицу с беглецом.

- Тс-с! - цыкнул на него Сулумбек, подошел, снял с плеча его винтовку со штыком, прижал сильной рукой к стене. - Жить хочешь - молчи!

- Я молчу! Я молчу! Не убивай меня, горец! Не.

- Не кричи! Со стены стали прыгать остальные. Предпоследним прыгнул ногоец. Но где же Зелимхан? Вот он!

- Этого убить? - спросил Сулумбек у тамады.

- Не надо. Мы первые не прольем крови. Заберем с собой. Перейдем реку - отпустим. Побежали к Сунже. Нурутдин задыхался и отставал. Тогда Зелимхан посадил его на спину солдату, заставил нести. Перешли вброд Сунжу. Солдата, сняв ремень с подсумками для

патронов и связав назад руки, оставили там же на берегу реки.

- Пока руки не развяжешь, в реку не лезь - утонешь! - посоветовали ему беглецы и удалились. В полночь присели отдохнуть.

- Кто взял с собой какую-нибудь еду? - спросил Зелимхан, сам вытащил из кармана краюху сухого черного хлеба и кусок сыра. Парни чеченцы, оказывается, основательно подготовились к побегу, у обоих по сумочке с едой. Зелимхан разделил это на две части: одну уложил в полотняную сумку и передал Нурутдину.

- Нурутдин, здесь наши дороги расходятся. Твой путь - на север, наш - на юг. Это тебе еда на дорогу. А это то, что от твоего кинжала осталось. Твой - бери. Аллах - твой помощник!

Ногаец часто-часто задышал:

- Спасибо! Спасибо! Удачи! Теперь я спокоен: умру под открытым небом. О-о, кыдай!

Второй половиной еды беглецы поужинали. Встали. Пожали по-кавказски руки и пошли каждый своей дорогой. Когда ногаец скрылся за полумраком ночи, Сулумбек остановил Зелимхана:

- Я доволен тобой, как тамадой. Если бы ты полез в пролом первый, я бы в тебе усомнился: так поступает тот, кто больше боится за себя. Ты выпустил своих товарищей, сам пошел последним. Так поступает кьюонах. Второе, что я оценил - это поступок с ногойцем. Когда нужен буду, позовешь. С тобой пойду хоть куда. Вот это возьми! --- он протянул винтовку и подсумки Зелимхану.

- Нет, нет! Это я не возьму. Законные твои трофеи, - стал отмахиваться чеченец. - Ты разоружил часового. Сулумбек ловко повесил винтовку на плечо Зелимхана, сунул ремень с под сумками в руку и назидательно сказал:

- Галгайские мужчины считают, что все трофеи должны складываться к ногам тамады, а тамада делит поровну. Замаг¹⁸⁰, присвоивший что-то из трофеев, подобен голодному щенку, который прячется от других с украденным куском мяса. Я на щенка похожим быть не хочу. И делить здесь нечего.

- Что дальше будешь делать?

- Воевать с русским царем, пока справедливость не восторжествует. Нам больше ничего не остается. До свидания. Я пошел.

- Куда?

- Домой, в Сагопши.

- Вместе пойдём.

- Лучше врозь. Я дорогу знаю, - и он скрылся в ночи, и оттуда из-за кустарников донесся его насмешливый голос, - И все-таки мать того чеченца, что про Льва рассказал. ингушка была. ингушское молоко.

Зелимхан вскинул руки:

- Ваи-и! Что это за человек? Сердиться на него - не за что, не сердиться никак нельзя. Остопурлах!

ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Вчера здесь была офицерская попойка, настоящая оргия с городскими веселыми девицами. Неубранная посуда с остатки пиршества на столе, недопитые бутылки вина и разбитые рюмки - следы отчаянного веселья. За полночь друзья разъехались по квартирам, каждый со своей кралей. Харитону (Хаки), по всеобщему согласию оставили знаменитую Катю Сдобную Булочку, твердо наказав:

- Катенька, хорошенько попрактикуй его, он еще в этих делах мало что смыслит. Так ты постарайся! Скоро невесту приведет, оплошает - позор всему офицерству. А Катя сдобная булочка отвечала:

- Не сумлевайтесь, офицерики - картузники, уж я его попрактикую, не пожалею сил своих, научу делу этому важнецкому в супружеском обращении. Довольны будете! Идитекося отсель, оставьте меня с ним один на один. Только если у него эта штука цела и годна для дела, а то. Поднялся дикий хохот - офицеры по достоинству оценили шутку Кати, а Харитон в скандал полез:

- У меня? Эта штука? Я тебе покажу, как она годна!

- Ну уж покажи, покажи, миленький! Поглядим на что ты способный, храбрец ты мой чернявенький! Разъезжались по городу офицеры-гуляки и все заливались смехом.

- Ну Катька - Сдобная Булочка! Небось практикует уже Харитона, как ему с невестой обходиться! Ай краля, так краля! Другой такой нету! В предрассветный час, щеколда, поддетая концом кинжала, откинулась, и в квартиру вошел человек. В нос ему ударил кислый запах вина, табака, остатков пищи. Комната предстала перед ним в том отвратительной виде, в каком бывает, когда ее покидают гулявшие. Незнакомец брезгливо сморщился и подошел к кровати.

- Чтобы вы пропали! - выругался он по-ингушски, увидев распластавшихся в вольных позах абсолютно голых мужчину и женщину. Он поднял с пола скомканное летнее одеяло и прикрыл им наготу женщины, тронул ее за плечо, потряс. Она не проснулась была в глубоком опьянении. Незнакомец задел ногой недопитую бутылку с вином, что стояла рядом с кроватью - вино с бульканьем полилось на пол. Тогда незнакомец перешел на другую сторону кровати, нагнулся к спящему, взял его за волосы и потряс. Голова болталась, как на ниточке, пробуждаться не собиралась.

- Как прикасаться к этому грязному телу? - сам себе задал вопрос, - Но я же не могу так уйти. Другого удобного случая может и не быть. И я ему обещал. Ладно, потом искупаюсь в Тереке. Он его, голого, поднял и посадил на тяжелый дубовый стул с высокой спинкой. Тот норовил завалиться на бок и упасть на пол. Ночной посетитель сорвал с кровати простыню, надрезал кинжалом, оторвал длинную полоску и ею туго связал руки спящего за спинкой стула. Затем он хладнокровно привязал его ноги к ножкам стула. Затем из другой комнаты принес большой медный кувшин с водой и стал лить тонкой струей на голову сидящего.

Сперва пьяный просто пофыркивал, а потом бурчал под нос, бранился грязно по-русски. Несколько раз пытался вырваться и присмирел. Нежданный «гость» пошел за вторым кувшином воды, налил на голову, плеснул в лицо. На полу образовалась большая лужа.

- Очнись, Хаки! Очнись! Ты меня задерживаешь. Хаки с трудом поднял голову, открыл глаза:

- Ты кто? - проямлил он заплетающимся языком.

- Сулумбек.

- Какой Сулумбек?

- Сулумбек, которого ты предал. Хаки рванулся, хотел вскочить, но не в силах был сделать это, так как громоздкий стул крепко держал его за руки и за ноги. Весь хмель из него мигом улетучился, он осознал свое бессилие перед этим мстителем.

- Сулумбек, заклинаю тебя! Ради. Сулумбек не дал ему договорить: закрыл рот широкой ладонью, а затем затолкал туда простыню.

- Я не слышал твоих заклинаний. Убивать тебя не собираюсь, но обещание свое сдержу. И запомни, Хаки, я тебе не мщу - я тебя подвергаю казни за предательство. Старики говорят, что в стране Галгаев последний раз предателя карали триста лет тому назад - отрезали нос и отпустили в назидание другим. Я возобновляю эту традицию. Всякий, кто взглянет на тебя, будет воочию видеть, насколько мерзко предательство. Посмотрим, что скажет твоя невеста. К обеду из Мочки-Юрта приехали молодые родственники, нашли Хаки, голого лежащим на полу со стулом, а знаменитую буронскую кхахпу Катьку, сладко спящую на его кровати. Пол в крови, на столе - отрезанный нос. Это во всех своих подробностях стало достоянием всех галгайских сел. Родители девушки отреклись от жениха и с готовностью уплатили штраф-цабоашам. Наивные сельские девушки в те времена с радостью выходили замуж за офицеров, мечтали о легкой красивой жизни в городе, где не надо пачкать чувяки в грязи - тут ходят в непогоду по высокому бульвару.

Многие потом каялись, но было поздно.

ТОВ

Когда небо очищается от туч и гряда Кавказских гор, освещенная солнцем, встает во всем величии и красоте, человеку кажется, что он находится не на грешной земле, а где-то в преддверии рая. Воистину, Господь, ты Творец несравненный! Воистину, творения Твоей Красоты никем неповторимы! Воистину, Господь, из всех красот Земли, Тобой сотворенных, самое прекрасное - это Кавказ! Ты дал нам эту землю в удел. Хвала тебе! Любой из нас, живущих здесь, увидевший хоть раз это небо, эти горы и это солнце, не может сказать, что не был однажды счастлив. Да, Родина, наша Мать прекрасна, но. много хищников, падших до чужого. Нам не легко из века в век отстаивать свое право на свою мать. Сияла двуглавая вершина Беш-Лоама. Солнце поливало священную землю благодатным золотом. Легкий ветер играл концами башлыков и гривами боевых коней. Всадники выстроились в один ряд, лицом к абреку. Они пришли из разных поселений выслушать его слово.

- О, галгайские кьюнахи и канты! Я, Сулумбек из Сагопши, созвал вас на этот тов⁸¹, чтобы сказать свое правдивое слово и чтобы вы разнесли его по всем поселениям, где живут вайнахи. В этом суть нашего това. Я убил пристава за то, что он отнял у меня мирную жизнь. Меня осудили на каторгу, но я бежал из тюрьмы вместе с такими же бедолагами, как я. Я стал абреком и убил свой страх окончательно. Я не боюсь теперь русского царя, ни его генералов, ни полковников, ни их сексотов, не боюсь смерти, но я боюсь клеветников с грязными языками, вас, братья, я прошу защитит меня от них. Примите от меня клятву. Клянусь Всевышним Богом! Что в седло меня посадили не гордость и жажда славы, не погоня за благами земными, не нажива. Поверьте слову человека, у которого в этой земной жизни ничего не осталось, кроме слова. Я сын простого труженика, и я сам готовился стать тружеником. У меня из рук вырвали плуг. Хотели грязными сапогами растоптать мое сердце, унижить мое мужское достоинство. Мириться с этим не могу. Я думал. Много думал. Мирно жить мне не дадут. Кьюнахи, вот вам мое слово: Сулумбек прольет человеческую кровь, только защищая честь, свободу и жизни свою и тех, кого он любит. Сулумбек покусится на имущество только тех, кто сам покушается на собственность других. Если когда-нибудь наступит мирное доброе время для нашего народа, вспомните обо мне и помолитесь опрощению моих грехов. Других слов у меня нет. Горы сияли благородной красотой. Солнце питало жизнью все сущее на земле. А ветерок нежно гладил траву и кроны деревьев. Только всадники застыли, как статуи. Глаза смотрели на землю, а в душах что-то творилось. Об этом не расскажешь это чувствуют. Вот крайний справа, не поднимая взора, вскинул руку, развернул коня и поехал. Потом другой поехал в другую сторону. Еще, еще. Когда последний растаял за горизонтом, поехал и Сулумбек. Так мирный пахарь стал абреком.

УРОК СТАРОМУ СЕКСОТУ

Молодому человеку положено за целый квартал сойти с коня при виде сидящего старца. Сулумбек подъехал к нему вплотную, сошел и сел рядом. Не только садиться рядом, но при старших вообще и садиться-то не положено. На голове старика красивый беттиг⁸² с кисточкой, а в руках четки. Он их машинально перебирает:

- Во славу кого ты, Уми, перебираешь эти четки? - Сулумбек схватил рукой четки и остановил предполагаемое священнодействие.

- Я тебя спрашиваю, Уми, кому произносишь славу? Отвечай мне, ибо я пришел специально за этим ответом. Я ответа требую.

- Как кому? Ему, а кому же еще?

- Когда ты говоришь «Ему», кого имеешь ввиду - Бога или Дьявола? Вот что я хочу знать.

- Где твой эздел, сын Гоарожа. Я тебе в отцы гожусь, а ты мне дерзишь. - старик попытался встать, чтобы уйти, но Сулумбек удержал его, взяв сзади за бешмет, прижал к скамье.

- Сиди и слушай, тебе никто не скажет то, что я скажу, во-первых, потому что многие еще не знают, кто ты на самом деле, а во-вторых, даже если и узнают, то людям стыдно в лицо старцу говорить, что он доносчик - у людей есть эздел. Я его с тобой соблюдать не намерен. Эздел следует соблюдать с благородными людьми, а с такими, как ты, Уми, нужно поступать, как с прокаженными собаками. Доносительство - это проказа души человека. Доносчик - вонючая тварь, Уми. Один из них - ты! Ты посылал сына своего Сейпала к приставу? Посылал? Что он должен был сообщить? Что Сулумбек приехал домой на ночевку и его можно взять прямо в постели. Так? Так! Хорошо, я знаю? А знаешь, Уми-сексот, от кого я это узнал? от твоего сына Сейпала. Знаешь, где сейчас Сейпал? Ты-то думаешь, что он у пристава. Нет, он не у пристава - он стоит там внизу в яру, привязанный таким образом, как в старину привязывали бешеных собак: во рту палка, ремешки туго завязаны на затылке. Сиди тихо! Я не таких, как ты, укрощал. А Сейпал он не совсем висит на челюсти - на носках стоит. Я ему это специально устроил. Он пока держится. Вот устанет, тогда повиснет. Сиди, сказал! Ничего с твоим ублюдком не станет меньше будет доносить. Хотел сначала ему язык отрезать, но он заплакал, упал, нош стал целовать. Я потом свои сапоги в реке вымыл. Он мне все рассказал. Тридцать рублей серебром в год вам дают за доносы. Это немалые деньги, но страшные. А ты знаешь Уми-сексот, кому первый раз заплатили за донос? Это было давно-давно, почти две тысячи лет назад. Человек по имени Иуда донес на славного пророка Ийса-пайхамар (да приветствует его Господь!) и за это получил тридцать серебряных денежек, не знаю, как они тогда назывались. Я это сам читал в тюрьме в русской священной книге. Вот на такие деньги вы купили себе бедарку Сейпал мне еще двоих назвал из нашего села. И они с четками ходят, как ты, Уми-сексот. Ты же стар, вот-вот за твоей душой Молколмовт⁸³ придет. Ты думаешь, на всех вас в аду места не хватит? Хватит! Один молодой алим⁸⁴ рассказывал, что для сексотов в аду выделено отдельное место. Там растут большие черные деревья с длинными железными щипами. Вы

будете висеть за языки на этих деревьях. Почему ты не боишься Бога? Ты себе уже ад заработал. Почему этому учишь сына? Или в вас вселился сексотский ехъ85? Откуда он пришел? Уми-сексот, предупреждаю: следующий раз вешать твоего сына за челюсть не буду - убью! Иди теперь, беги, развяжи своего ублюдка, как бы ненароком сознание не потерял, тогда повиснет и рот себе разорвет. Сулумбек отпустил бешмет. Уми вскочил и, всхлипывая, побежал в сторону яра. Сулумбек вскочил на коня и ускакал.

НЕЗАДАЧЛИВЫЕ ГРАБИТЕЛИ

- Эй, вы что там творите? А ну перестаньте издеваться над стариком! Всадник стоял наверху на дороге и зорко смотрел вниз. Там на берегу реки небольшая ольховая роща. По поляне были разбросаны какие-то мешки, отдельно стояли два ослика. Дрались возле мула. Не то чтобы дрались - трое молодых пытались отнять у старика поводья. Тот не отпускал, его били кулаками, пинали, ругались бранно по-ингушски.

- О чтобы ты съел труп своего отца!

- Отпуска, а то умрал будешь! Отпуская мула!

- Давай его зарежем! Старик увертывался, как мог, но за мула держался из последних сил - за седло и за узду. В пылу сражения молодые люди крика сверху не услышали.

- Яьй, сабаки! Отпустите, я сказал! Услышали и повернули головы в ту сторону.

- Ты кто такой! Иди своей дорогой, а в чужие дела не суйся, может, живой доберешься до своей нани86. Как раз к сыскалу87 поспеешь, если поторопишься. Старик оставил мула и побежал к всаднику.

- Молодой человек! Молодой человек! Не бросайте меня. Эти разбойники отобрали у меня кошелек с деньгами, двух ослов и мула хотят отобрать. Я небогатый человек, чтобы меня грабить. Они товар мой разбросали. Скажите им, пусть вернут, что отняли, и с миром отпустят меня. Люди в городе говорили, что ингуши грабят только богатых. Молодой человек! Пожалуйста! Из носа и рассеченной губы сочилась кровь. В крови была вся одежда впереди, седая бородка. На лбу и на щеках царапины. Один из грабителей достал берданку, щелкнул затвором:

- Сейчас я размажу твои внутренности по этим скалам. Убирайся, если хочешь жить! Не шутить вышла кантий тоаба88. А ну, пошел вон!

Всадник сокрушенно замотал головой:

- Эшшахь! И ты, наверное, тамада этой тоабы? По усам вижу. А ружье хоть заряжено?

- Так посмотри же! - он прицелился и нажал курок - клац! - осечка. Пружинный звук долго звенел, как струна.

- Да, действительно, здесь шутками и не пахнет. Всадник спокойно сошел с коня, бросил бурку на седло. Грабители увидели на его плече новенький пятизарядный карабин, а на поясе в кобуре - револьвер. Недоуздок и карабин он передал старику.

- Подержи, отец. Я поговорю с этими храбрыми людьми, сказал он на чистом русском языке.

- Не ходите, пожалуйста, их трое, а Вы один.

- Мы не будем драться, отец. Мы же не звери. Поговорим по душам и разойдемся. Ты не бойся, отец. Всадник спустился на поляну к ольховой роще. Взял у незадачливого стрелка ружье, направил ствол кверху и выбросил патрон. Поднял его, покачал недовольно головой.
- Ружье не виновато: и пружина тугая, и боек глубокую ямочку в капсуле оставил. Патрон никуда не годится. С таким боеприпасом ты вышел на большую дорогу? И это все ваше оружие? Всадник говорил очень миролюбиво, несмотря на то, что в него только сейчас чуть не выстрелили. Самый младший с первым пушком на губах вытащил из-за пазухи кремневый пистолет.
- У меня вот это! - заявил он гордо. Он доверчиво протянул свое оружие. Всадник отвел в сторону ствол, взвел курок.
- Это совсем другое дело. На полке сухой порох. Можно я пальну вверх?
- Стреляй! Раздался громкий выстрел, облачко белесого дыма поднялось вверх и мигом растаяло.
- Хорошо, замаг, что не ты в меня целился. Сейчас бы мне было не до смеха. Так, канты, теперь объясните мне, что вы тут делали. Вот говори ты. - он вернул пистолет хозяину.
- Мы решили пограбить.
- Ограбить старика? Этого несчастного? Те, устыженные, молчали.
- А вы знаете, как называется то, что вы задумали? Йовсарий куташ⁸⁹! Не галгайское это дело.
- Ты не знаешь за кого заступаешься, - вскипел хозяин берданки. - Он - айсор!
- Кто?
- Айсор.
- Айсор? Ну и что? Какая разница - нохчо, галга, хире, айсор, перс, русский - он старый человек. По эзделу он неприкосновенен. Посмотри, во что он одет, бедолага несчастный стыдил он грабителей.
- Это они специально бедно одеваются, чтобы обманывать других людей.
- Ты глупо рассуждаешь, къуонах, людям для того и нужно богатство, чтобы носить красивые одежды, сытно кушать и жить в светлых больших домах. Ты посмотри на этого старика. Посмотри хорошенько. Похож он на богача?
- Они, айсоры, когда празднуют свои мархаш⁹⁰ вместо винодельни.

Аккуратно положите в мешки. И, когда грабители не двинулись с места, он сказал очень

резко:

- Позорно поступать, как вы, не позорно поступать справедливо. И мне не хотелось бы, чтобы мы здесь поспорились. Когда сержусь, я плохой становлюсь, очень плохой. Первым двинулся младший, за ним те двое. Все снова собрали в мешки, увязали на спины животных и вывели их на дорогу.

- Мне вернули все, добрый молодой человек. Спасибо!

- Нет, не все. Они вас оскорбляли и били.

- Я их прощаю! Я их прощаю! Из носа кровь перестала течь. А губа заживет. Я их прощаю!

- Тогда с Богом отправляйтесь домой, старый человек.

- А нам, молодой человек, не по пути?

- Нет, отец. Почему спрашиваете?

- Боязно одному.

- Не бойтесь. Если кто пристанет, скажите, что пожалуетесь Сулумбеку Сагопшинскому.

Айсор резко вскинул руки:

- Вы не шутите? Вы действительно абрек Саламбек?

- Это я. Не похож?

- Да обласкает Вас Лучезарное! Старик Изак будет молиться за Вас. Среди жителей города молва идет, что пули не берут Саламбека - имеет такой талисман.

- Талисмана у меня нет, отец. Но миловал Бог, пули до сих пор избегали меня. Я им благодарен.

- Я буду говорить, что Вы - мой друг. Можно? Говорите. Старик повел свой маленький караван в сторону города. Через несколько минут он скрылся за поворотом. Сулумбек вскочил в седло легко, несмотря на мощное тело:

- Итак, канты, кто из вас еще не прочь пограбить, я буду ждать послезавтра в сумерках вот в этом самом месте. Мы не будем обирать стариков-старьевщиков и не будем шарить в сумках у нищих. Найдем, кого потрясти. И конь вихрем унес его от этого места.

- Я, говорит, Сулумбек Сагопшинский! Врет! Не такой Сулумбек. - спохватился тамада этой шайки.

- Дяра⁹¹, Сулумбек! Сулумбек - большой человек, и этот такой же. Сулумбек - рыжий, и он

тоже. А какой бесстрашный? Сулумбек!

* * *

- Ты здесь? - спросили из темноты.
- Да, здесь, тхамада.
- Ты один?
- Один, - ответил юноша, - те не захотели, не поверили.
- Так лучше. Где твой конь?
- Здесь недалеко, у дерева.
- Едем. Пистолет с тобой?
- Со мной. Но у меня, кроме этого пистолета и кинжала, другого оружия нет.
- Хватит на первый случай. По одеялу, говорят, и ноги протягивай. Они ехали рядом.
- Как тебя зовут?
- Коасам.
- А что ты умеешь еще делать, Коасам?
- Как что? Работать на пашне. Косить. На охоту ходить зимой.
- А еще?
- Но... наверное, об этом стыдно говорить.
- Почему?
- Я умею кричать по-петушиному, выть по-волчьи, шуметь, как ветер. Я люблю подражать голосам. Лаять умею, блеять. ржать.
- Мы сегодня испытаем твое искусство.
- Это пригодится в набеге?
- Очень. Они шли по лесной тропинке в абсолютном мраке часа два-три не останавливаясь. Стало заметно светлее, когда вышли из леса на поляну. Сулумбек остановил коня. Заговорил шепотом:

- Слушай! Что слышно?

Коасам затаил дыхание, приложил руку к уху:

- Собака лает и теленок мать зовет, сосать хочет.

- Здесь внизу казачий пост. У них сейчас праздник - пасха. Самое время казака дернуть за ус. Отсюда до Ангушта совсем близко. Мы много брать не будем. Ничего на свете нет хуже жадности. Они спешили. Отвели коней с тропы в сторону и привязали рядом за одно дерево.

- Вон высокое, как столб, видишь?

- Вижу

- Это тополь. Прямо под ним, слева, коновязь. Там кони стоят под седлами. Выберешь нам самых лучших. Каждому по коню. Остальным кинжалом седельные ремни перережешь и уздечки. Двух коней сюда приведешь. Стрелять в крайнем случае. Лучше кинжалом. А потом подойди к посту поближе и завой по-волчьи. Я пошел. И он скрылся. Коасам, оставшись один, сначала растерялся, но взял себя в руки. Ему в этом помогло спокойное поведение Сулумбека, словно он что-то такое самое простое обыденное делал. Подойдя близко к тополю, Коасам пополз. На пути забор оказался из жердей, но вход во двор был открыт. Плетеная калитка лежала в стороне. Почувяв чужого, кони захрапели. С поста вышел человек, зашел за угол, помочился и, напевая песенку, пошел назад. Пьяный! На Коасама нашло отчаянное спокойствие. Какие из этих коней лучшие? Темно. Ничего не видать. Он наугад оставил две крайние лошади, а всем остальным стал подрезать седельные ремни и уздечки. Те две лошади он отвязал и повел со двора. Пару раз твякнула собака. Его никто не окликнул. Почему-то казалось, что он идет очень медленно, а хотелось бежать. Лошадей он привел на место. Сулумбека не было. И шума никакого. Коасам стал привыкать к темноте, ориентироваться. Он направился в другую сторону поста по неглубокой лощине и вышел к скотному стойбищу, навес, крытый соломой и будка какая-то. Залаяли, прибежали собаки. Коасам шум во вздохнул, хлопнул себя ладонями по бокам и закукарекал по петушину. Собаки от удивления перестали лаять. Тогда он присел на корточки, зажал рот руками и издал собачий визг от боли. Собаки были полностью сбиты с толку. Последовал долгий нарастающий волчий вой. Ему ответили рычаньем, мол нас ты не испугаешь. Но последовали вои еще нескольких волков - тут собачьи нервы не выдержали, с тревожным лаем и скулежом бросились в сторону поста. А там шум поднялся, кто-то пальнул вверх. Коасам сорвался оттуда, побежал туда, где стояли их лошади. Сулумбека не было. Тут он затревожился. А может, это стреляли в него, и теперь он лежит убитый в лужах крови. Но Коасам точно видел, что стреляли вверх - длинное пламя брызнуло в небо. Разве такого, как Сулумбек, свалишь одной единственной пулей? Нет, так нельзя. А что делать? Искать. Коасам достал свой кремневый пистолет и побежал в ту сторону.

- Яьй, къуонах, ты далеко собрался? - и тихий смех из темноты.

- Слава Богу! Я испугался, они же стреляли.

- Это старый казак выпалил в воздух, волков попутать.

Там, кажется, волки кружили вокруг скотного двора. Он явился, как призрак, из кромешной темноты.

- Соврал мне тот человек. - сказал Сулумбек.

- Какой человек?

- Который мне сказал, что на ангуштовском посту у всех казаков пятизарядки. Ни одной пятизарядки, у всех однозарядные казачьи карабины. На вот тебе и карабин, и патронташ. Молодцы эти казаки - патронташи у них всегда набиты патронами. Ничего, добудем тебе и пятизарядку. Я у Элбузко спрошу. Он знает где достать.

- А кто такой Элбузко? Он абрек?

- Нет. Элбузко - одинокий волк из тайпа Коазой. Дерзкий. Среди белого дня подъехал к крепости в Буро, зарубил часового, снял с него пятизарядку и патронную сумку. С крепости по нему открыли стрельбу, ранили.

- Ему удалось уйти?

- Его осетин-старик спрятал. У этого осетина с казаками были свои счеты - они сына его убили. Элбузко обещал отомстить.

- И отомстит?

- Должен, раз обещал. Слова нельзя бросать впустую. На посту начался переполох. Слышно было как кричали: «Кони! Кони! Кунаки проклятые!». Пару раз выстрелили.

- Поехали. Нам пора. Рассветало, когда они выбрались в безопасное место. Сулумбек сошел с коня недалеко от стойбища старого знакомого. Так с ходу являться нельзя - может быть засада. Перебежками, перебежками он подошел к самой овчарне и увидел, что старик доит козу.

- Доброе утро, Хасолт!

- С миром приди, Сулумбек. Сына хочу напоить козьим молоком - простудился. Сказал ему: нельзя долго купаться в горном ручье. Не слушает.

- Хасолт, власть тебя не тревожила из-за нас?

- Нет. Никто не заявлялся.

- Мы не помешаем?

- Ты что говоришь, Сулумбек?! Как можно?! Пошли в хижину. Этого молока ему хватит.

- Со мной товарищ.

- Веди его сюда и ни о чем не думай. Места хватит всем. Тут только, когда спешились у хижины Хасолта, Коасам увидел, что с луки коня Сулумбека свисает увесистая холщовая сумка и еще две винтовки. Своих лошадей они стреножили на лужайке перед хижинкой, а казаки Хасолт увел подальше в сокрытое от глаз людских место.

- Только добро да переступит порог этого жилища! - Сулумбек вошел, снял с плеч сумку и винтовки, поставил к стене. С нар приподнялся юноша лет пятнадцати и хриплым голосом приветствовал гостей:

- Быть вам свободными на Божьей земле!

- Лежи, лежи. Бог даст здоровье. Сулумбек присел к больному, приложил руку ко лбу.

- О-о! У тебя жар. Пей козье молоко. Это полезно. А знаешь, как нужно лечить канта в твоём возрасте? Ему дают обнять любимую - сразу болезни как не бывало.

- Ваи, воти, что ты говоришь?! - засмутился юноша. - Какая там.

- А вот какая! - абрек резко сорвался с места, взял одну из винтовок и положил рядом с больным на одеяло. - Ласкай свою невесту. Лучшей невесты канту не сыскать, когда кругом враги. Закре, я дарю тебе ее. Больной провел рукой по гладкому ложе, погладил ствол и стал подниматься.

- Я уже вылечился. Уми, - позвал он младшего братишку, принеси мою одежду. Я не могу лежать, когда у нас такие гости, их следует охранять, чтобы незаметно казаки не подобралась.

- Нет, ты не встанешь, пока не выздоровеешь. За нас не беспокойся. Мы за собой никого не привели. Но а любимую можно поласкать и в постели.

- Охранять буду я. На утесе растёт самое высокое дерево. С него видно все. Сулумбек взял сумку, поставил перед собой на пол и раскрыл. Удивленно отпрянул назад и захохотал:

- Вак-ха-ха! Ну почему говорят, что казаки люди без эздеда, они даже позаботились об угощении больного. Ва-ха-ха! - стал доставать, из сумки небольшой кувшинчик с медом, четырехугольный хлебец, крашеные яйца и большую бутылку с пробкой. Сулумбек открыл пробку, понюхал и остался доволен.

- Ах-х! Отпразднуем русские мархаж, раз они на славу угостили нас. Них видать шальной, дух такой острый, что ноздри щекочет. Развели в очаге огонь. Хасолт бросил в дил [92](#) вареную баранину, чтобы согреть, достал деревянный оаркув [93](#) с халтамами. - Мед - больному. Моя мать нас от простуды лечила медом. Заварит кондар [94](#) и заставляла пить с медом. Вот этот сискал, как Глала [95](#), для Уми. По одному крашеному яйцу съест каждый, благословив христианские мархаж. А вот это, - Сулумбек указал на бутылку, - Закре нельзя. Хасолт не употребляет, соблюдает мусульманский закон. Уми даже нюхать не дам, а сам я

все же причащусь, чтобы казаков не обидеть. Хотя и враги, а уважить положено. Он налил в деревянную чашу из бутылки, выпил и охнул.

- Ох-хо-хо! Все нутро пожаром полыхает. Чтоб вас, казаки! Позавтракали на славу и собирались прилечь на отдых. А Коасам никак не мог понять, как Сулумбеку удалось пробраться на пост и вынести без единого выстрела карабины, патронташи и эту сумку с пасхальным угощением. Он задал прямой вопрос.

Сулумбек поднял голову с кожаной подушки и бросил через плечо:

- Очень просто. Во дворе у них там стоит большой пень в два обхвата. Я сидел за ним, когда раздался волчий вой. Они повыскакивали. Одни побежали к скоту, а другие к лошадям. Старый казак с порога пальнул в воздух: «А ну уходи, волчара!». У коновязи крик поднялся: «Кони пропали! Кони пропали! Кунаки проклятые!». Тогда все выскочили, я юркнул в дверь. Никого. Один пьяный валяется на нарах, что-то бурчит. Я взял винтовки, те, что поближе стояли, сумку эту и был таков. Вот и все. Уже засыпая, он произнес: - Самый удачный набег тот, когда ты возвращаешься с добычей и не пролив ни одной капли крови: ни своей, ни чужой. За кровь придется ответ держать перед тем, кто влил ее в вены человека. Упаси Бог! Коасам, а с тем твоим тамадой и теми кантами вы могли бы сделать это?

- Нет, Сулумбек. Нет.

- Правильно. Этот глупец мог бы вас бросить под пули казачьи, сам погибнуть и людей погубить. С казаками шутки плохи. Они люди грубые, эзда не знают, но храбрости у них не отнять. Трусов среди них мало. Я. не встречал.

КАВКАЗСКАЯ ПЛЕННИЦА

Александр Константинович Александроси был не успевшим еще полностью обрусеть греком. Когда-то он со своей маленькой семьей жил в городе Филиппополе, но после взятия русскими войсками города, он вступил в эту армию в качестве ветеринара. Закончилась русско-турецкая война. Александр продал свое небольшое хозяйство и выехал вместе с полком в Россию. Тогда ему было двадцать восемь лет. Жена и сын Федорос составляли всю его семью. Вначале он попал в Крым. Пять лет семья не имела постоянного места жительства - куда полк, туда и она. В молодости это не тягостно. Потом Александрос перешел на интендантскую службу и положение семьи заметно улучшилось. Полк отправили на Северный Кавказ на место постоянной дислокации. Молодая семья поселилась во Владикавказе, в небольшом городе у подножья кавказских гор у самого входа в знаменитое ущелье Дарьял. Тут родилась Елена. Купили себе домик и пустили корни. «Никогда не останавливайся на достигнутом, - говорил отец, разорившийся купец, - мы принадлежим торговому сословию. Купцы мы. За удачами следуют неудачи. Это жизнь, сынок. Никогда не отчаивайся и никогда не кичись успехом. Будь честен. Это очень важно. И еще: постоянно расти. Когда останавливается рост, купец хиреет. Голова дана человеку, чтобы думать. Глазам следует быть зоркими, ушам бдительными. Оглянись вокруг, послушай и посмотри внимательно: чего здесь не хватает людям и откуда это можно доставить: Деньги к тебе потекут. Сперва закапают медяшки, а затем потечет серебро и золото». А чего не хватает во Владикавказе? - думал молодой предприимчивый грек. И, наконец, пришел к выводу: Владикавказ растущий город, а растущему городу нужны строительные материалы: доски, брусья, рей, кладочный камень, черепица, гвозди и т.д. Владикавказ в те времена был городом деревянный. Дома состоятельных людей - бревенчатые, покрытые тесом, а народ попроще жил в турлучных хижинах, крыша лубяная или камышовая, а у совсем бедных - соломенная. Только некоторые казённые здания да дома самых богатых были из каленого кирпича с черепичными крышами. И понял Александр Константинович, что городу позарез нужен жженный кирпич, доски, брусья, балки. О своей догадке никому ни слова. Стал разведывать. Калить красный кирпич или черепицу - очень сложно. Надо построить завод, найти годную на это дело глину, сыскать мастеров этого дела. Ему это сейчас не по кошельку. А вот лесоматериалы - совсем другое дело. Оно, вроде проще. Этим делом в городе занимался один перс. Работа шла под открытым небом. Пилили вручную. Очень тяжелая работа. Доски дорогие. Очень дорогие. Грек знал от сослуживцев, что в городе Ростове работает машина, которая пилит доски механическим способом, что машина приводится в движение локомотивом, и она то ли на керосине, то ли на нефти. И вот ему представилась возможность побывать в Ростове по делам службы. Он нашел лесопилку, удивился ее мощности. И доски были гораздо лучшего качества, чем ручной пилки и дешевле намного. Огромная железная рама, а в ней пилы. Бревно на твоих глазах превращалось в доски. Как замороженный смотрел он на эту чудо-машину. Вот бы ему такую! Навел справки, но так, чтобы, как он думал, никто не заподозрил его истинный интерес. Всеми работами руководил немец Крамор Роберт. Александр подружился с ним. Роберт с ребяческим задором показал ему, как приводится в действие лесопилочная рама.

- Эта рама работает на мазуте. В Европе придумали моторы на керосине, а в Америке, я слышал, уже используют электричество. Можно запрячь мельничное колесо, как раньше, там

где есть хорошая река. Немец знал дело, как самого себя. Паяльной лампой накалили докрасна железный шар. Стали раскручивать большие в рост человека маховиковые колеса. Они делали полуоборот туго и возвращались в прежнее положение.

- Еще раз! Еще! Осторожно! Р-р-раз! - Раздался глубокий вздох, потом еще, еще - и машина заработала.

- Теперь можно и саму раму подключать, пусть только немного разогреется. Смотрите на трубу - видите, дым кольцами? Вот, когда колец не станет, машина заработает во всю свою силу. Инженер Дизель придумал. Моторы – сила! Не надо людей мучить, тягловых животных. И реки не надо. В пустыне поставил - и работает. Прогресс! Включив раму, немец повел Александра в сторону, где шум рамы не мешал им слышать друг друга. Они сели на отесанные с двух боков бревна.

- Александр, давайте говорить напрямую. Вы не просто интересуетесь лесопильной рамой. Что Вы хотите от меня?

- Помогите мне обрести такую же и поставить ее у нас во Владикавказе.

- Там лес есть?

- Сколько угодно.

- А деньги у Вас есть?

- Некоторая сумма имеется, а недостающую я возьму из казны под залог. Я интендант армии. Буду расплачиваться пиловыми материалами.

- Хорошо. Александр, вечером после работы встретимся у Вас, где Вы квартируетесь, там обговорим. Сейчас мне нужно работать. Вечером они встретились. Роберт положил перед Александром лист бумаги, где были все расчеты на покупку и запуск рамы.

- Вам под силу такие расходы? - немец поставил вопрос ребром. Грек утвердительно махнул головой.

- Я-то ожидал, что это будет стоить гораздо дороже.

- Так оно и есть, господин Александр. Но я решил Вам помочь, надеясь от Вас получить взаимопонимание. Дело в том, что три года тому назад один богатый человек закупил эту раму из заграницы, но сам в том же году умер от сердечного удара. Его сын-наследник перестал интересоваться делами отца, загулял. Раму так и не поставили. Эта рама работает на мазуте. Она лежит во дворе, ржавеет, и, кому не лень, откручивают от нее детали. Мы ее купим за самые малые деньги, за два-три месяца восстановим и пустим в работу, если.

- Если?

- Если Вы согласны с моими условиями.

- Какие Ваши условия?

- Я иду к Вам на работу. Первый год Вы мне платите столько, сколько я получаю здесь. Через год - десять процентов от дохода - становлюсь Вашим компаньоном. Я буду руководить работой рамы, а Вы снабжать и реализовывать нашу продукцию. Можете подумать.

- Я не буду думать - я согласен.

- Хорошо. Тогда составим договор. Составили и подписались. Рама, о которой говорил Роберт, оказалась в Царицыне.

- Через два месяца заканчивается мой контракт здесь, получаю расчет и еду к Вам со своей женой. Найдите для нас одну комнату. Роберт, как истинный немец, прибыл во Владикавказ точно в назначенное время с женой Анной и багажом. Через неделю он выехал в Царицын. Купил и отправил по железной дороге контейнеры с лесопильной рамой, сам остался, чтобы найти и закупить недостающие детали. Вернулся через месяц. По городу поползли слухи, что неизвестный промышленник ставит машину, которая будет про изводить дешевые доски и рей, дошло это и до ушей перса. Он приехал на двуколке и увидел людей, копающих квадратную яму под бетонную станину. Посмотрел на это перс, усмехнулся, произнес:

- Фифф! - и уехал успокоенный. Через два месяца он приехал снова на той же двуколке, когда рама уже заработала. На его глазах толстенное бревно было разрезано на доски за короткое время. На лице перса выразились ужас и отчаяние.

- Ай! Ай! Ай! - он уехал. Распустил своих рабочих, продал все и исчез. За пять лет производство расцвело. Рядом поставили гвоздильный цех и цех скобяных изделий. Доходы росли. Александр построил себе в центре города большой светлый двухэтажный дом и загородную виллу с широкой верандой с видом на горы на берегу буйного Терека. За виллой был разбит фруктовый сад. Рядом с виллой Александра Роберт выстроил себе небольшой домик - во дворе цветочные клумбы, за домом садик из двенадцати фруктовых деревьев и огород - поле деятельности вечно хлопочущей Анны. Эти две семьи были вознаграждены за хлопоты и труды, были счастливы.

* * *

В тот самый миг, когда друг хозяина дома господин Крамор поднялся с бокалом вина, чтобы произнести тост, во дворе в беседке музыканты заиграли Венский вальс Штрауса. По рядам гостей прошелся одобрительный шумок, дамы заулыбались, засияли, а кавалеры заерзали на своих местах. Роберт улыбнулся:

- Господа, я вас не буду томить длинными речами, да и не умею. Несколько искренних слов о хозяине этого дома, моем друге и благодетеле Александре. Он хороший человек. Он честный промышленник. Любая страна гордится такими людьми. Промышленность

приводит в движение мотор жизни. Все, что Александр имеет - есть награда за неустанный труд. Предлагаю выпить за счастье и процветание семьи Александровых. Гости хором подхватили тост, осушили бокалы, встали со столов и пошли во двор на мощенную дубовыми досками площадку перед беседкой.

- Вы сегодня какая-то скучная, Елена. Вы отказали мне в танце. - бравый поручик остановился перед скамьей на которой сидела девушка, безразлично поглядывая на танцующие пары, явно скучая.

- Простите, Борис. Вы же знаете, что я не люблю танцевать, и, если танцую, то только из уважения к кавалеру, которого может обидеть мой отказ. Но Вы в нашем доме не первый день, должны знать и уважать мои привычки.

- И все же я надеюсь, что в следующем танце Вы мне не откажете. Если Вам не желательно обидеть случайного кавалера, тем паче не хорошо обижать друзей, особенно, человека который всячески добивается Вашего расположения. Елена поняла, что этот офицер так не отстанет, ей придется его терпеть весь этот вечер. Он будет садиться рядом, «развлекать» ее своими подвигами в сражениях с бунтовщиками и абреками. Она не переносила рассказы об этих жестокостях, а он этого понять не мог, даже когда ему об этом заявляли открыто. Чем больше ужасается женщина (в данном моменте молодая красивая и богатая гречанка), тем он героичнее в ее глазах - так кажется любителю ужасных приключений. Но есть люди, которые не любят, душевно не переносят ту массовую жестокость, названную войной. Елена относилась к той редкой категории людей. Она любила уединение, тишину и томик стихов Шарля Бодлера, хотя в душе была натура страстная. Праздновали день ангела отца, шестидесятилетие, а то бы она осталась в своей красивой комнатке с букетом свежих цветов на столе и роялем. Слава Богу, что ей не придется петь этой развеселившейся толпе. Отец пригласил музыкантов, целый оркестр, даже тата, который играл на всех горских инструментах, если кому из гостей взбредет в голову поразвлечься музыкой кавказских народов. Поручик присел рядом и завел речь о всем том же, что он считал важным и интересным. А Елена думала о своем, но голос офицера все же мешал ей, как мешает надоедливая муха, когда сидишь на веранде в кресле, обласканная весенним утренним солнцем, а она, будь она неладна, жужжит и жужжит у самого лица. И исчезни эта муха, был бы такой покой, такое счастье! Тут она вспомнила, как весной нанятая артель рабочих копала их сад. Старшая - женщина лет сорока - серьезная и сильная, расставила всех. Стали копать. А среди них была девушка, миловидная и полненькая. Так вот один из молодых копальщиков стал проявлять к девушке знаки внимания. То воду ей принесет, то пряничек ей предложит. А она копает себе и копает, никоим образом не отвечает на эти ухаживания. А молодой все ближе к ней и ближе, норовит понравиться. Ан нет. Девушка всаживает лопату глубоко в землю и громко обращается к старшей:

- Теть Насть, убери от меня Митьку, а.

- А чего он тебе, Люся?

- При стает. Огрею лопатой - не обижайся за племяша своего. У меня жених есть, а он шуры-муры. Митька, идь отсель! Митька устыдился и ушел в другой конец огорода. Вот как просто

решаются отношения у обыкновенных тружеников: если человек неприятен, так и говорят. А тут так нельзя, и нахала приходится терпеть, так заведено в этом обществе. Это называется учтивостью.

Когда оказываешься рядом с неприятным человеком, одолевать начинают неприятные воспоминания. Елена вспомнила свое неудачное замужество, если его можно назвать замужеством. Военные люди были постоянными гостями их хлебосольного дома, неудивительно, ведь хозяин сам совсем недавно служил в армии. За хозяйской дочерью Еленой стал ухаживать известный лихостью офицер Алексей Кубатов. За ним закрепилась слава лихого губителя дамских сердец. Кроме того говорили, что он заядлый карточный игрок. Обладал красивой внешностью, прекрасно танцевал и поражал владикавказских красавиц знанием классической поэзии. Его почитали и принимали за широко образованного человека. Будь в том обществе люди действительно разбирающиеся в литературе, определили бы сразу, что сей «знаток» поэзию заучил всего-то не более пяти, шести выдержек из книг знаменитых на весь мир творцов поэзии. Конечно, он был актер по жизни. Мог стать в позу и многозначительно произнести: «О, женщины! Вам имя - вероломство», - как сказал великий Шекспир». «Осмелюсь привести слова моего любимого философа Ницше: «Смерть достаточно близка, чтобы можно было не страшиться жизни» или «По этому поводу коллега Лермонтов изрек: «Была без радости любовь, Разлука будет без печали». В двадцать лет Елена по уши влюбилась в этого красавца офицера. Поняв, что девушка попала в его сети, Кубатов пошел на штурм - добиться руки и сердца, и, к своему удовольствию, не встретил сопротивления ни от девушки, ни от членов ее семьи. Дали согласие. Их обвенчали. О, боже! Елене жутко вспоминать этот день. Свадебное торжество состоялось в доме отца, а к вечеру молодые поехали на квартиру. Здесь офицеры устроили банкет. Ну, в начале все было прилично. Но захмелев, речи стали грубоваты. Елена извинилась и покинула гуляющих, ушла в спальню. Алексей ее проводил и вернулся к друзьям. У нее сильно разболелась голова и, как была в свадебном наряде, легла и заснула. Она проснулась, когда офицеры шумно уходили. Невеста присела в постели, стала ждать жениха, но он не пришел, ушел с друзьями, оставив ее одну в квартире в первую брачную ночь. Елена открыла дверь в зал - прислуга убирала посуду. «Может, такая шутка или причуда офицерская - покидать молодую в первую ночь?», но на душе было пусто и гадко. Рухнула на постель и разрыдалась. Заснула. А проснулась она от бесцеремонного, грубого окрика:

- Извольте проснуться-с! Я не могу так долго стоять возле Вас. Начнем-с. Я устал-с. Елена к своему ужасу увидела у своей постели сослуживца Абраменко, к которому Елена чувствовала непреодолимое отвращение.

- Что Вам угодно? Алексея нет дома.

- Алексея не будет сегодня. Домой не придет-с.

- Ну так что Вам угодно? Придете, когда Алексей будет дома, а сейчас не смею Вас задерживать.

- Никак нет-с. Не пойду-с.

- Не пойдете? По моему требованию из моего дома?

- Нет-с.

- Так чего Вы хотите?

- Карточный долг-с, извольте оплатить.

- У меня нет денег для Вас. Требуйте у того, кто Вам их проиграл.

- Вы не поняли-с, мадам. Мной была поставлена большая сумма-с, а Ваш супруг, так как денег не имел-с в наличии - ночь с Вами, мадам. Всего одну ночь-с. Снимите аммуницию-с. Хочу получить долг-с.

- Что? - все нутро Елены закипело от гнева,

- Да как Вы смеете? Подите вон из моей спальни, мерзкий Вы негодяй. А еще офицерские погоны носите. Вон! Я сейчас позову слуг, чтобы за городовыми пошли.

- Как Вам угодно, мадам, но тогда Вашему супругу остается застрелиться-с: вот так вот - пистолетик к височку или к сердцу, нажал курок - б-бах! Как Вам угодно-с, коли не хотите натурой своей платить, так и передам-с Алексею - домой не ждите. Гроб заказывайте, Вы - вдова-с! Напрасно возмущаетесь, дело здесь обычное-с. Он был пьян. Напился, вероятно, для такого случая. Ушел, напевая, бравурную песенку про гусар. Не мешкая ни одной минуты, Елена собралась и на извозчике поехала к отцу и все ему рассказала. Федору решили не говорить. Александров-отец утром второго дня посетил полковника и все рассказал, как было. Кубатов, Абраменко и трое других офицеров были взяты под стражу и заключены на гауптвахту. Федор узнал о случившемся только к обеду. Он галопом пронесся по улицам города, соскочил у казармы, но оскорбители уже были недосыгаемы. А он намеревался их просто расстрелять. Говорят, потом Кубатов пытался застрелиться. Приставил пистолет к груди и произвел выстрел - рухнул на пол, но ожил, открыл глаза. Офицеры, присутствовавшие при этом, расстегнули мундир и обнаружили внутри в кармане серебряный рубль, вдавленный в середине пулей. Тут такое поднялось. Состоялся суд чести, где все вышло наружу - троих офицеров перевели, а Кубатова и Абраменко уволили из армии! Елена осталась с отцом. И с тех пор ненавидела всех офицеров, считая их нечестными и мерзкими существами. На следующий танец поручик Дубов повел Елену в круг. Хотя и пошла она нехотя, но легкая музыка подхватила ее и закружила, как золотой осенний лист.

- Вы восхитительны, Елена!

- Благодарю Вас, поручик, за комплимент.

- Это не комплимент. Я Вами очарован.

- Вы бездумно расточительны, Борис. Поберегите Ваши комплименты для других. Здесь много красивых дам.

- Такой, как Вы, Елена, другой нет во всем белом свете.
- О, Боже, что Вы говорите?
- Что мне такое сделать, чтобы Вы стали более снисходительны ко мне? Скажите - и Вы увидите мою преданность.
- Я же сказала, что ценю Вашу дружбу.
- Я не о дружбе. К величайшей радости Елены музыка тут кончилась. Она сделала легкий кивок головой и пошла к скамье. Но кавалер последовал за ней. Наступил короткий миг тишины: музыканты, сложив свои инструменты на колени, отдыхали. Дамы направлялись к своим скамьям. Кавалеры раскланивались и отходили в сторону. Внимание всех обратил на себя гулкий стук подкованных копыт. В шагах двадцати мощенная дорога, которая вела из города до переправы через Терек.
- Хотите, Елена, я Вам сейчас живое цирковое представление устрою? Таких представлений Вы не видали.
- Я не понимаю, что Вы имеете ввиду.
- Вы когда-нибудь видали горскую джигитовку?
- Нет. Не приходилось.
- Это такой танец с конем. Я сейчас - это для Вас! - и Дубов побежал к дороге. Вся компания повернулась в ту сторону. Всадник ехал рысью со стороны Терека, увидев на дороге офицера, он сбавил ход.
- Стой! - поднял руку Дубов. - Стой, говорю! Всадник остановился.
- Джигитовать умеешь?
- Умею. Зачем спрашиваешь?
- Хочешь заработать? Благородное общество желает посмотреть, как это делается. Хорошо заплачу.
- Сколько дадите?
- А сколько ты хочешь?
- Двадцать пять рублей.
- Ты их получишь. Только ты, джигит, уж постарайся.

- Хорошо, господин офицер, Вы будете довольны. Деньги приготовьте. - горец говорил по-русски. Затея всем понравилась, только Елена в душе своей чуть-чуть огорчилась: даже их знаменитая кавказская гордость никнет перед хрустом новеньких банкнот. Наездник был в бурке, на голове шапка. Подъехав вплотную к мощенной площадке, он поприветствовал публику:

- Добрый вечер, господа! Это было так неожиданно, что многие ответили на приветствие горца, а дамы отвесили поклоны. Тут всадник увидел среди музыкантов тата:

- Играйты.

- На зурне?- переспросил тат.

- Нет. На зурне играют аварцы. Ингуши любят звон струн. Тат присел на край площадки, взял в руки небольшой трехструнный инструмент и заиграл необыкновенно страстную мелодию. Всадник улыбнулся, удовлетворенно мотнул головой тату и стал готовиться: резким движением обеих рук поправил ремень, шапку натянул до самых бровей, нагнулся к самым ушам своего коня и что-то такое, коню понятное, сказал, а тату бросил:

- Начинай тихо ингушскую. Тело коня дрогнуло, на груди заиграли мышцы. С минуту он так стоял весь во внутреннем движении, потом в такт музыки сделал первые шаги, перебирая ноги.

- Господи! Да он по-настоящему танцует! Да как искусно! Посмотрите же, что он выделяет! - кричали восторженные дамы. А Дубов временами бросал взгляды на Елену, желая знать, как ей это нравится - ради нее же и затеяно. Елена была изумлена тому, как конь и всадник, в органичном единении выполняли этот прекрасный танец. Это же как надо чувствовать музыку! Она радостно засмеялась и захлопала, а за нею и все остальные. Елена душой поняла, что видит нечто очень тонкое и благородное. Это не был цирковой номер эквилибриста с конем, а было само изящество, красота движения живого здорового тела коня и всадника в едином порыве и согласии. Когда музыка набрала ускоренный темп, лошадь неожиданно встала на задние ноги и пошла по кругу в ритме быстрого танца. Всадник взмахом руки дал знать тату, тот враз заглушил струны. Конь остановился, как вкопанный, перед Дубовым и Еленой.

- Вы довольны, господин офицер?

- Весьма!

- Тогда платите, как мы с Вами уговорились. Дубов полез в карман и достал ассигнацию, протянул всаднику. Тот на вытянутой руке рассмотрел купюру, остался доволен.

- Все правильно, господин Дубов. Это двадцать пять рублей - полный выкуп за девушку.

- Ты собираешься сегодня похитить девушку? Подожди-ка, ты меня знаешь?

- Знаю. Вы из команды Вербицкого, а девушку я, действительно увезу. Вот вам, Дубов, выкуп

от Сулумбека-абрека, - он положил ассигнацию на плечо офицера и в следующее мгновение легонько наклонился с седла и подхватил Елену за талию. Она скрылась у него под буркой. Опомниться не успели, как он вихрем понесся обратно в сторону Терека. Дубов выхватил револьвер и выстрелил - в темноту. Трое казаков, которых на такой случай поставили в саду, бросились в погоню.

Там у Терека загревели выстрелы. Исчез всадник, растаял во мраке ночи. Казаки палили в волны Буйного Терека со зла, чтобы отвести душу. Но Терек на них не обиделся - пали себе сколько хочешь, ему нисколько не больно. Но на тот берег перебираться они не осмелились, да и смысла не было. Темная ночь, ревуший Терек и скалы до самых небес. Где его искать тут? А он еще небось вооружен. Кто ему под бурку заглядывал? Увез кунак красавицу-гречанку. Может, вернет месяца через два за большие деньги, а может, и себе оставит, если понравится. Могла ли гречанка Елена, дочь богатейшего промышленника, подумать о том, что будет похищена диким, необузданным горцем? Все произошло так неожиданно. Вначале она ничего не поняла. Ее вроде ветерок подхватил с земли и понес. Она не услышала даже выстрела, который произвел поручик Дубов из своего револьвера. Ее привел в себя стремительный бег коня, рванулась высвободиться, почувствовала твердую мужскую руку, которая держала ее.

- Сидите тихо! - приказал властный голос. Ее это возмутило: как же так, ей приказывают? Да как он смеет?! Она рванулась сильнее, уперлась в его могучую грудь двумя ладонями и напряглась, что есть мочи. На ее усилия освободиться - тихий смех, до того обидный.

- Ну куда Вы? Я Вас не отпущу. А если и отпущу, то Вы полетите по скалам вниз и разобьетесь. Елена запротестовала, но это получилось как-то по-глупому.

- Отпустите меня, плохой человек! Мне здесь очень темно под Вашей буркой.

- Пожалуйста! - он откинул край бурки и высвободил ее голову. Стало чуть светлее. Видны стали в темном мраке ночи неясные очертания гор и послышался оглушающий шум Терека.

- Что Вам от меня нужно?

- Ничего от Вас, девушка, ничего. Совсем ничего.

- Тогда отпустите.

- Нет. Держитесь крепче - Терек! - и в следующее мгновение они оказались в кипящих волнах знаменитой своей неукротимостью реки. Елена почувствовала, что она в воде, охнула от страха и резкого холода, схватилась за бока черкески своего похитителя и инстинктивно прижалась к нему. Их бросало то влево, то вправо, иногда волна накрывала их по самую грудь. Елене то и дело казалось, что они идут ко дну. Вдруг конь сделал резкий скачок, рванулся вперед - и весь этот кошмар враз прекратился. Он спустил ее на землю и спрыгнул сам.

- Выжмите свою одежду. Он шагнул в сторону.

- Вы куда? Бросаете меня одну?

- Я буду рядом, за этим камнем. Выжмите Ваше платье, а то будет прилипать к телу. Как позовете, я приду. Никогда прежде с ней такого не случилось, чтобы она промокала до последней нитки, а потом отжимала платье среди темной ночи, где-то в диких горах. Но платье, действительно, неприятно прилипало. Ей стоило немалых трудов снять его и выжать. Девушка заплакала от бессилья.

- Вы готовы?

- У меня не получается выжать.

- Какая Вы слабая. Положите платье на камень и отойдите за лошадь. Она его послушалась. На другой стороне лошади она присела на корточки. Она видела, как его тень подошла к камню, взяла мокрое платье.

- Вот готово. Идите, одевайтесь, - а сам снова ушел за скалу. Одеваясь, она почувствовала, что платье почти сухое. Тут и он вышел, Теперь она даже не противилась, когда сажал на коня.

На той стороне реки во тьме блеснули выстрелы.

- Казаки. - сказал он равнодушно.

- Это они за мной. Вот они доберутся сюда, увидим, что Вы за храбрец.

- Нет. Они сюда не доберутся. Казаки, конечно, не трусливы, но не глупые, чтоб соваться ночью в горы, где я могу их всех перестрелять. Это они так, чтобы душу успокоить. Лучше согреемся! - конь рванул с места вскачь. Она до того продрогла, что стала дрожать всем телом. Сильная волевая рука прижала ее к себе, она этому не воспротивилась ради тепла, прислонилась всем телом, как прислонялась к голландской печи в их загородном доме зимой, возвращаясь с холода. Тут ее снова ошарашил шум воды.

- Господи! Опять Терек?

- Нет. Это водопад. Справа от нас. Терек сзади остался. Дорога пошла круто вверх. Елена отогрелась, платье на ней стало сохнуть. Тут она вспомнила, что отогревается не у своей голландской печи, а на груди своего похитителя, дикого горца, совсем-совсем чужого ей и противного человека. Она снова уперлась руками в его грудь, чтобы высвободиться. Рука, держащая ее, позволила ей чуть-чуть отойти, но продолжала держать чтобы она не свалилась с лошади. Он понял ее движение и громко рассмеялся.

- Чему Вы смеетесь?

- Вы интересная! Смешная.

- А Вы какой?

- Вы же сами сказали, что я плохой. Я - плохой.

- Да, Вы плохой. Очень плохой! Хуже некуда. У нас был праздник. Вы ворвались туда и все испортили. За что? Вы хотите за меня выкуп получить? Как это гадко! Как это низко! Он вздрогнул всем телом и натянул поводья.

- Выкуп? Вы сказали выкуп?

- Да, выкуп! А зачем же я вам понадобилась? Не думаю, что вы решили меня сделать своей женой.

- Нет, - сказал он почти растерянно, - я об этом и не думал.

- Тогда что вы от меня хотите? Значит - выкуп. Деньги! А что еще? Скажите.

Тучи на небе стали расходиться, лунный свет засиял на ближайших скалах, стало так светло, что стали видны ближайшие предметы. Абрек сошел с коня и спустил на землю пленницу.

- Девушка, скажите мне свое имя.

- Меня зовут Елена. Вам это о чем-то говорит?

- А вы знаете, кто я? - спросил он ее.

- Извините, господин горец, Вы мне раньше не представлялись.

- Вы слышали про абрека Сулумбека?

- Не о том ли Саламбеке речь ведете, что ограбил полицейскую казну зимой?

- Он самый. Это - я.

- Вы? Вы - абрек Саламбек?

- Я.

- О, Боже! - она в отчаянии схватилась за голову. А он ровным гортанным голосом стал говорить:

- По вашему, мне нужны деньги? У вас все меряется деньгами. Деньги! Деньги! Деньги! Э-э-э! - он безнадежно махнул рукой. - Да что вы понимаете в жизни? Вы нич-ч-чего не понимаете!

- А может Вы меня застрелите? - это она сказала, чтобы сильнее задеть его самолюбие. - Чего медлите? Стреляйте!

- Стрелять? В женщину? Я что казак, по-вашему, или русский солдат?

- А что казаки и солдаты убивают детей и женщин?

- Конечно. А Вы не знали? Моя мать была из ангуштанских. Она помнила, как русские брали Ангушт. Она тогда была девочкой. Своими глазами видела: солдат держал поднятую винтовку со штыком, а там - ребенок, еще живой. И еще видела, казак скачет по улице, а на пике голова женщины с волосами. Она часто это рассказывала. Вы думаете, что мы это забыли? О-о, вы - интересные люди!

- Ну так позвольте, для чего же Вы меня увезли? Что вы думали, когда бросили меня на коня?

- Я не думал. - промямлил он и вдруг рассердился, - А подождите. Вы правду любите? Хоть немножко?

- Люблю. Кто правду не любит?

- Я ехал по своей дороге, никого не трогал. Вы там у себя халай-валай, танцы-манцы... Этот Ваш офицерик остановил меня: давай с конем танцуй - деньги дам. Я что циркач? Вам мало того, что вы с нами сделали: земли забрали, людей одних убили, других в Турцию продали, - вы хотите нас еще танцевать заставить? Вам скучно? Теперь она стала понимать, что побудило этого человека увести ее: он оскорбился! В самом деле, для достойного человека это оскорбление: станцевать на коне за деньги. Поручик Дубов не мог бы такое предложить, к примеру, другому офицеру.

- Я его накажу за это. Посмотрим, что он за мужчина.

- Вы думаете наказать поручика? . .

- Этот Ваш поручик?

- Он не мой поручик.

- Что такое поручик?

- Офицерский чин такой.

- А! - он усмехнулся.

- Я подумал, что он Ваш это. когда девушка много, много любит мужчину, прямо умирает.

- Ой, Боже! Да он мне противен.

- Это Ваше дело, не знаю, но я видел, что он липнет к Вам, как. - он не нашел слова для сравнения. - Ладно, пошли дальше, нам теперь осталось немного. Садитесь на коня. Холодно. Попытки ее подняться в седло не увенчались успехом. Сулумбек подхватил ее, как ребенка, и аккуратно опустил в седло. - Держитесь вот за это. - его рука взяла ее руку и положила на луку седла, сам взял коня под уздцы и повел по узкой тропинке вверх. - Скоро

будем, где надо.

- Сулумбек, а можно я Вас буду так называть? - страх у нее прошел, осталось любопытство. Елена почувствовала, что горец не попытается даже воспользоваться ее слабостью.

- Называйте. Это мое имя.

- Сулумбек, а где Вы научились русскому языку и вежливости?

- Я два года учился в школе. Что Вы еще сказали?

- Разговариваете на «Вы», уважительно. Это называется вежливость.

- Вежливость, - повторил он, - у нас дома, еще когда отец был живой, в одну зиму жила семья русских. Они паяльщики были. В медной чашке или кумгане дырка - к ним несли, они паяли. Хорошие люди. Не такие, как остальные русские. Добрые. Они мне объяснили, что на старшего или гостя надо говорить «Вы». Такой у вас эздел. Хорошее у других надо брать. Но у вас мало хорошего, чтобы брать. Она ему возразила:

- Вы ошибаетесь, Сулумбек. Вы еще не знаете русских.

- Может быть, там где-то в вашей русской стране есть другие люди, но те, что здесь, хуже диких зверей. Ваш царь - дикий кабан. Генералы - бешеные псы, а офицеры - шакалы, в голове масла чуть-чуть, совсем мало: «Убей! Выгоняй! Забирай!» больше ничего не знают. А Ваш отец кто? Генерал?

- Мой отец, Сулумбек, промышленник. Очень богатый человек. Он торгует лесом. Не слышали про Александра Александрова?

- Александров? Это Ваш отец? Да?

- Мой отец. Мы - греки. Он Вам за меня даст столько, сколько захотите. Тут он резко остановился, лошадь уткнул ась мордой в его спину, толкнула вперед. Сулумбек рывком повернулся, лицо было искажено гневом, махнул пальцем перед ее лицом.

- Вы, девушка, больше никогда не говори мне про деньги. Если они мне понадобятся, я возьму у Вашего отца, у любого другого богача, в любом банке на Кавказе, - он был взволнован, передохнул и добавил, - кроме Грузии. Понятно? Я заберу, что мне надо. Деньги! Деньги! Как будто, больше ничего на земле нету. Деньги! Кому деньги принесли радость? Он сердито дернул коня за уздечку. Конь рванул и Елена чуть не упала с лошади.

- Сулумбек, простите! Вы не поняли меня. Я не то хотела сказать. Он разочарованно махнул рукой.

- А! Ладно.

Они поднялись на ровную площадку, а впереди в горе зияла черная дыра. Тут они и

остановились.

- Тут сегодня наш дом.

- Но там темно. Я боюсь туда входить.

- Ничего, будет светло, тепло тоже будет. Некоторое время он возился с конем, расседлал его, привязал за что-то, затем пропал в этом темном проходе. Было слышно, как он чем-то металлическим чиркал. Сыпались снопы искр. Явился маленький огонек, который стал быстро расти. И, когда вся пещера озарилась от яркого света костра, Елена ахнула от радости и поспешила к огню.

- Ах! Как хорошо! Какое счастье - теплота огня! А у нас есть дрова, чтобы поддержать костер?

- Есть. Дрова здесь всегда. Каждый, кто ночует, уходя оставляет готовые сухие дрова, чтобы другим хорошо было.

- Это очень правильно придумано. Она села на корточки перед огнем, подставив теплу свое тело. Сулумбек ушел куда-то в темноту и принес невысокую трехногую скамеечку.

- Садитесь. Будем ужин варить.

- У нас и ужин будет? - спросила Елена.

- Будет, но не такой, как у Вас дома. Наш кавказский ужин. Что есть - есть, что нету - нету.

Он подвесил на палке котелок с водой.

- И вода есть?

- О-в-вой! Воды много, как вода! Я неправильно сказал? Целый водопад! Хватит на всех! Еда приготовилась удивительно скоро. Он налил ей из котелка в деревянную чашку похлебку:

- По нашему это называется глурт⁹⁶, кусочки мяса, сухой чурек и кондр, еще хорошо туда лук, масло, но лука и масла нету. И ложки нету. Вот это песка⁹⁷. Так называется по-нашему. Он дал ей деревянную лопаточку. Кушайте, если. Она почувствовала приятный травяной аромат:

- Пахнет хорошо.

- Кондр. Пахнет, как духи, и полезный - никогда живот не будет болеть. Елена поймала лопаточкой кусочек мяса и взяла в рот - поразилась тому, что он вкусный.

- Это мясо сушеное?

- Да. Горный тур. Дикий баран вот с такими рогами.

- Вы его убили на охоте?

- Не я убил, а Сали, пастух. Еще зимой. Я плохой охотник за турами. Я люблю охотиться за вашими офицерами.

- Вы поручика Дубова решили убить?

- Да, убью. Зачем ему жить? Плохой.

Она стала хлебать похлебку с края чашки, как это делал ее похититель, и еда ей не показалась противной. Возможно на нее действовало пережитое. О, если бы ее увидели родители: в диких горах, в темной пещере у костра рядом с этим необузданным, как они думают, горцем, с самим Сулумбеком, который грабит богатых граждан города среди белого дня. Мать бы лишилась чувств, а отец, ее добрый отец - как он себя чувствует бедный? Некоторые, небось, злорадствуют: вот мол и до тебя добрались свирепые ингуши. Он стал устраивать ей постель. На сухую траву расстелил большую шубу, вместо одеяла его бурка. Сам устроился на другой стороне костра, под голову - седло. Сперва вытянулся, потом резко присел и помахал, как маятником пальцем:

- Спокойной ночи! Спите и нич-ч-чего не бойтесь! Нич-ч-чего!

Она поняла, что он имел в виду, и с радостью юркнула под бурку.

- Я большую ошибку допустил. Со слабой девушкой стал воевать. Надо было этого офицера отхлестать кнутом, из его мундира тряпку сделать. А я на девушку напал. Мужчина тоже! Хотел им очень больно сделать. Елена, скажите, что Сулумбек не мужчина.

- Не скажу. - пролепетала она сквозь сон. - Ни за что не скажу!

- Спасибо! Большое спасибо! Завтра отвезу, отдам отцу, э-э, Сулумбек, Сулумбек! Большой ты дуврак!

* * *

Такой красоты ей прежде никогда видеть не приходилось. У нее перехватило дыхание. Цвета были такие чистые и яркие, что просились на полотно. Она вспомнила все знакомые ей картины на кавказские темы. Куда там! Это были жалкие потуги довольно талантливых людей перенести то, что видят глаза, на полотна. Здесь соревноваться с природой напрасные старания. Какая радость и торжество света на озолоченных солнцем скалах! Какая таинственность в этих тенях, таящихся в боковых ущельях! А вон тот туман, что повис как легкий прозрачный шелк! И радужные брызги света от росы на кустарниках! И вдруг ее взгляд упал на Сулумбека, который совершал намаз на разостланной черкеске. Как величественно и отрешенно он это делал. Да, воистину, этот человек молился Богу, а не исполнял ритуал.

- Ва-а-а Сулумбек! - мальчик бежал как дикая серна, делая длинные прыжки, временами останавливаясь.

Сулумбек, завершив намаз, встал, отряхнул черкеску, стал неторопливо одеваться. Мальчик отдышался и быстро, быстро заговорил на своем языке. Елена поняла только два слова - «казаки», «Вербиска команд». Сулумбек слушал и утвердительно мотал головой.

- Диканд! Диканд! Диканд⁹⁸! - упорно посмотрел на похищенную им женщину и как-то грустно сказал, - Елена, Вас ищут. Солдаты и казаки идут в горы. Сюда тоже направился один отряд. Вы можете остаться. Через час они Вас тут найдут.

- А Вы, Сулумбек?

- Мне придется скрыться.

- Я не хочу, чтобы они меня нашли одиноко сидящую на камне. Не хочу.

- А что Вы хотите?

- Я хочу, чтобы Сулумбек, как обещал вчера, отвез меня прямо к родному дому. Откуда увез - туда и верни!

Его голубые глаза полыхали необыкновенной радостью. Он засмеялся:

- Спасибо! Так! Но два-три дня придется. домой нельзя будет - везде казаки, солдаты.

- Ничего, я потерплю.

- На Столовую гору пойдём.

- На Столовую гору? Ту, которую видно из Владикавказа?

- Да, видно.

- На самую вершину?

- Можно. Там еще снег лежит.

Они немедленно собрались и двинулись в путь. Тропа была до того узка, что конь боком терся о скалы, а внизу - пропасть. Сулумбек шел впереди, вел коня. То крутые спуски, то большие подъемы. Выше и выше. И вот, после очередного подъема, горы раскрылись, как широкие ворота, - и перед ними зеленая долина - альпийский луг весь в весеннем цвету.

- Сулумбек, это - рай?! - со вздохом вырвалось у девушки, или это мне снится? На земле такое невозможно! Она сползла с седла и побежала туда, где цветов было много, села.

- Красиво! Скажи, Сулумбек, красиво?

- Да, - смутился он, - Вы, Елена, тоже красивая.
- Я о цветах.
- Цветы красивые, а Вы, как самый большой цветок! - решительно выпалил он. - Воллах! так!
- Сулумбек, Вы мне комплимент сказали!
- Плохо сказал? Обидел?
- Нет! Вы хорошо сказали, даже очень хорошо.
- Не знаю.
- Сулумбек, я Вас не боюсь.
- Не надо бояться. Зачем бояться? Я людей не кушаю. Пройдя через долину, они добрались до стойбища. Старая женщина делала сыры из овечьего молока. Отжимала в самодельном дуршлаге, заворачивала в широкие листья лопуха, завязывала бечевкой и подвешивала на перекладине. На очаге стоял весь черный от копоти котел с молоком. Хозяйка радостно приветствовала гостей. В горах всегда рады гостям, любому рады, лишь бы не враг был.
- Свободным ходи по этой Божьей земле, мой племянник!
- Мир очагу твоему! Живи долго, не зная болезней, дорогая няци⁹⁹ Гошмоаха! - они обнялись. Потом старушка приветствовала гостью и тоже обняла ее, поцеловала в щеку.
- Здравствуйте, бабушка! - Елена ответила поцелуем. Старушке это очень понравилось.
- Какая приветливая! И пахнет, как ведолыг¹⁰⁰! Супумбек она не наша? Кто она? Где ты ее нашел?
- Гречанка. Я ее украл.
- Зачем?
- Сам не знаю. Со зла. - и он вкратце рассказал, что случилось в Буро.
- Эй-я! Овдал! Овдал¹⁰¹! Свою злобу на офицера решил на этот солнечный лучик выместить. Как тот, который боялся лошади, бил седло. А Бога не боишься? Проклятье предков забыл?
- Вспомнил. Но мы с ней помирились, наьци.
- Помирились? Как Вы мирились? Ка-а-ак? Х1ай?
- Ва-а-а наьци! О чем ты подумала? Разве я похож на насильника?

- Как ее зовут? Елена.

- Елен, Суламбик, дурной башка, палхой? А?

- Нет, бабушка, хороший. Гошмоаха схватила орешниковую палку и несколько раз стукнула племянника по спине. Тот преспокойно переносил эту экзекуцию - весь послушание и покорность. Елену умилила эта сцена.

- Сулумбек, это твоя родная тетя?

- Не прямо. близко так. Больше нету.

- Она прелесть!

Управившись с сыром, Гошмоаха занялась стряпней для гостей. Вся кухонная утварь - медный чайник, горшки, чашки из глины и дерева. Гордостью старой горянки - сковорода с длинной ручкой.

- Она очень нежна, мой сухой ячменный балаж¹⁰² ей в горло не полезет. У меня имеется белая, как снег, пшеничная мука. Локамы¹⁰³ сделаю. Как раз еда для такой красавицы. И-и! Плохой ты! Глупый человек видит цветок и бросается на него, срывает. А он через час чахнет. И вот вялая, померкшая трава - нет красоты. Тебе локамы не дам.

- И не надо, няци. Я поем твой ячменный хлеб с сыром. Локамы - это женская еда. А мед дашь?

- Меду, Слава Богу, в этом году много. Кушай, сколько можешь. Старуцка вынесла из хижины низенький трехногий стульчик.

- Иди, золотце, садись тут. Проголодалась? Кушай локамы. Во всех кавказских горах ни одна женщина не умеет делать их такими вкусными, как Гошмоаха. Кушай, солнечный лучик! Кушай на здоровье. Гошмоаха положила перед Еленой дощечку и прямо со сковороды клала на нее эти локамы. Сама показала гостье, как это следует есть: брать из глиняной чашки мед, намазывать на локамы и в рот.

- Мед свежий - цветами пахнет! Ахь! - и впрямь мед издавал альпийский аромат.

- Идите, Саламбек, садитесь есть. - Елена пригласила его к своей трапезе.

- Нет. Нельзя.

- Почему?

- Няци не дает.

- Ты ее боишься?

- Да.

- Отчего это?

- У нее палка толстая, бить будет. То, что Вы кушаете, только для гостей. А я не гость.

- Сулумбек, пожалуйста, не говори мне на «Вы».

- Почему?

- Потому что. потому что, когда говоришь на «ты» - легче.

- Хорошо, если Вы. ты так хочешь. Я поем и уеду - надо посмотреть, что там происходит внизу. Ты останешься с няци.. Она хочет, чтобы ты переделалась. в этом легко узнать - люди с плохими глазами и языками есть и в горах, которые за серебряный рубль мать продадут. Няци тебе даст платье дочери.

- А когда ты приедешь? А ты обещал снег показать.

- Няци тебе и снег покажет, а приеду я, наверное, завтра. Нельзя мне тут сидеть, донесут - беда будет. Елена сразу обмякла и загрустила, но добрая Гошмоаха присела рядом, обняла пленницу и приласкала, как капризного ребенка. Завершив все домашние дела, старушка позвала Елену в хижину и показала на платье из грубой шерстяной ткани, во что она незамедлительно обрядилась. Сняла туфли, обулась в чупаки. Путь на вершину Столовой горы у них занял не более полутора часа. Да, здесь сильно дул ветер, было прохладно, а в ложбинах еще лежал снег. Елена взяла комочек - тяжелый, как свинец. Они стояли на самой вершине. Гошмоаха показала рукой вниз:

- Онгаште, - но, сообразив, что гостя ее не понимает, поправилась. - Тарски. Каззак - саббак! Показала рукой на запад: - Буро - Владикавказ!

- Да! Я там живу!

* * *

Более двух недель Елена прожила на стойбище у самой вершины Стоповой горы. Сулумбек то появлялся, то исчезал. Однажды он принес листовку, которую расклеивали люди ее отца на деревьях, на скалах или просто разбрасывали на тропах, ведущих в горную Ингушетию: «Славный абрек Саламбек Гараводжев! Я точно уже знаю, что мою дочь Елену увез ты. Ни я, ни моя дочь, ни моя семья перед тобой ничем не провинились. Говорят, ты сильно оскорбился из-за того, что один из моих гостей предложил тебе поджигитовать за деньги. Разве я или кто другой из моей семьи сделал тебе унижающее достоинство предложение? Считай это письмо моим извинением перед тобой за то, что произошло в моем дворе. Пожалуйста, верни мне дочь. Я согласен на любые твои предложения. Пришли своего человека. На мое слово и мою честность можешь положиться. Александров Александр,

промышленник. Июнь сего года». Казаки задержали горцев-пастухов, которые везли из города на осликах черную соль для овец. Их заперли в каталажку и морили две суток, потом отпустили. Во дворе этого заведения с горцами разговаривал бравый офицер, весь обвешанный оружием:

- Я - поручик Дубов из команды Вербицкого! Ваш вор абрек Саламбек увез мою невесту. Передайте ему, что я его найду и отхлестаю вот этой ногой, а потом отправлю по этапу в Сибирь, если он в течение двух суток не вернет мне невесту. Если явится с поклоном, может я пощажу его. Передайте ему это. Пусть встретится со мной, если он мужчина. Идите! Эти слова толмачем были переведены, и вот что поняли из этого ингуши:

- Я - офицер из команды Вербиска, крепкий, как дуб. Сулумбек, верни мою девушку, потому что ты не мужчина, а просто жалкий воришка. Я тебя поймаю, раздену догола, отхлестаю и погоню до самой Сибири пинками под зад.

От тропы к тропе, от аула к аулу, эти страшные слова дошли до ушей Сулумбека с более жесткими и оскорбительными эпитетами. Эш-ш-шахь! Сулумбека сразу ударило в сердце, а потом в голову, а затем кипящим свинцом гнев воспалил все тело до последнего волоска.

- Ах ты, кхяхпа буронская! Возомнил себя героем? Думаешь, если нацепил на себя побрякушек, да навесил разных женских лент - ты мужчина! Ну Дубов! Я считал, что мы в расчете. Я тебе должен остался оказывается. Сулумбек в долгу не останется. Так взбешен был Сулумбек, Елене даже страшно стало. Он долго ходил по поляне, сам с собой разговаривал, жестикулировал. Вскочил на коня и умчался. Приехал только через два дня. Елена стала привыкать к новой жизни. Человек ко всему привыкает. Она сама бродила по горам, даже сама сходила на Столовую тору. Гошмоаха вручала ей короткое копьё и демонстрировала, как нужно действовать в опасной ситуации. В первые дни в новом наряде, в шерстяном платье она чувствовала неудобство. Потом привыкла. Каждый вечер пастухи гнали овец в пещеры и приходили к стойбищу на ужин, поесть горячего. Они приносили с собой охапки удивительно красивых, невиданных досель цветов. Вручали гостю огромные букеты и вежливо произносили:

- Пажаласта! Это Гошмоаха сказала им, что гостю любит цветы. Поужинав плотно, они возвращались к овцам в пещеры, также вежливо простившись.

- Дасидани! Хороший оставляй! - это произносил мужчина лет сорока, он у них почитался за знатока русского языка. Те, что помоложе, брали с собой лук и стрелы, вечером приносили убитую птицу, с удивительно нежным и вкусным мясом. Так они ее по-своему баловали. Рано до восхода солнца пастухи спускались позавтракать. Елена сквозь сон слышала их разговоры за скорой трапезой.

Они старались говорить тихо, чтобы не будить ее. На всю жизнь она останется благодарной этим суровым людям. За две недели, проведенные здесь, ни один из них не бросил на нее нескромного взгляда. Сулумбек приехал к обеду. К его седлу была пристегнута другая лошадь.

- Завтра, Бог даст, ты будешь дома. Сегодня переночуем возле водопада, рано утром выедем. Переодевайся.

- Да, я в свое оденусь. Но в этом так удобно здесь бегать.

- Елена, Гошмоаха попросила купить тебе другую одежду. Наш обычай. Когда девушка в гости приходит. Без этого нельзя. Примерь. Старушка повела ее в саклю, через некоторое время она вышла оттуда в национальном наряде ингушских девушек: шелковая чоха с серебряным нагрудником и серебряным поясом и шапочка с длинной фатой. Сулумбек залюбовался:

- Оф-фой! Прямо как. - дальше он не знал, что сказать. Как раз! Красиво! Свое бальное платье она оставила на память для дочери Гошмоах. Расставались оба со слезами.

- Нани яла хъа даъла! Ма кӀаьда дог долаш саг я-кх![104](#)

- Бабушка Гошмоаха, я буду помнить твою ласку всю жизнь. Живи долго, долго и никогда не болей. Они двинулись в путь, каждый вел своего коня под уздцы. Когда отошли от стойбища на солидное расстояние, Сулумбек усадил девушку на коня, объяснил, как крепче держаться в седле. Было еще светло, когда они прибыли на место. Он отвел лошадей куда-то, вернулся и развел костер. Елена вдруг резко встала и вышла из пещеры. Сулумбек подумал, что она пошла по естественным надобностям. Но когда ее долго не стало, сильно забеспокоился. А что делать? И пойти искать тоже неудобно, если. Он вышел из пещеры и прислушался - никаких звуков, только внизу шумит водопад. Абрек вернулся к очагу. Если бы она сорвалась с тропы, закричала бы. Крика не было. А что может случиться? Он немного еще подождет, а потом пойдет искать. Не надо было ее вообще сюда везти. Подвиг совершил! А еще себя къуонахом считает. Когда зашуршали шаги на тропе, абрек от радости подскочил. Шапочку с фатой она держала в руках, мокрые волосы покрыли плечи и спину.

- Что случилось? Что случилось? Где ты была?

- Я искупалась под водопадом.

- Водопад? Искупалась? Эй-йахь! - его всего передернуло, он съежился, как будто это он оказался под потоками падающей со скалы ледяной воды, - под водопадом?

- Помнишь, ты мне сказал, что тот, кто искупается под водопадом, никогда болеть не будет. Все! Я теперь всегда буду здоровая.

- Ваи-и-и! Что ты за человек?! - он усадил ее близко к огню и развел жаркий огонь. - Ты меня с ума сведешь. Зачем я с тобой связался?! Ночь в горах наступает стремительно. Второй раз в жизни она спала рядом с чужим мужчиной: на той стороне очага он, а на этой - она, но страха не было.

Старик Кави, татарин-дворник, раскинул в стороны руки и замер на месте, пораженный, не веря своим глазам. Всадник и всадница сошли с коней. Девушка отдала недоуздок напарнику и пошла к калитке.

- Кави, ты не узнаешь меня? - девушка улыбнулась и подошла вплотную. - Меня уже домой не пускают? Так я уеду опять в горы, Кави. У старика затряслась голова, он долго не мог произнести слова.

- Ты нашлась. ты нашлась. Слава Аллаху! Я побегу старухе скажу. Нет, сперва матери Вашей, потом старухе. Как хорошо! Как хорошо! Раиля плачет, плачет. Теперь радость будет.

- Так ты меняпусти во двор.

- Да, да! Заходи! О-о! Какая радость! Есть Аллах! Дворник отошел в сторону. Елена сделала несколько шагов, что-то вспомнила, повернулась назад и встретилась с грустным взглядом Сулумбека. Большие ясные голубые глаза абрека излучали теплоту и глубокую печаль.

Она вернулась к нему:

- Прощай, Сулумбек! Хорошо было с тобой.

- Да, прощай. Это - люди будит спрашивать: Сулумбек плохой? Сулумбек собака? Что скажет Елена?

- Елена скажет, что Сулумбек смелый и благородный человек, рыцарь.

- Рыцарь? Это что такое?

- Рыцарь - самый смелый и хороший мужчина.

- Спасибо. Прости, что увез тебя - я сердитый был тогда. Знаешь, за деньги танцевать - я цыган что ли?

- Не думай ни о чем. Ты когда-нибудь еще ко мне приедешь?

- Зачем?

- Чтобы повидаться. Мы же друзья с тобой.

- Ты хочешь, чтоб я приехал? - не поверил он свои ушам.

- Да. Я буду ждать. Хорошо?

- Ладно. - он заметно повеселел. - Обязательно приеду!

- Храни тебя Бог, Сулумбек, счастливого пути!

- Спасибо. - он вскочил на коня и ускакал.

* * *

Весть о том, что прославленный абрек Саламбек Гараводжев вернул без выкупа дочь владикавказского промышленника Александра Александрова разлетелась по всему городу. Все благородное общество посчитало своим долгом заявить свою радость по этому поводу. Целую неделю родители встречали и провожали гостей: чиновников, промышленников, купцов, офицеров, артистов. Елена к ним не выходила. Сразу поставила условие родителям, что она этого делать не станет. Конечно, по такому случаю Александров вынужден был дать званый вечер. Елена, чтобы не огорчить родителей, согласилась на этом вечере выйти к гостям, но решительно заявила что - ни танцевать, ни играть на рояле не станет. Родители уступили. Людей образованного общества города раздирало любопытство, особенно женщин. По «культурным» домам пошли слухи и невероятные сплетни дескать дочь промышленника стала любовницей абрека, что их знакомство завязалось при романтических обстоятельствах несколько лет тому назад. Выход Елены к гостям был встречен дамами восторженными «ахами», «охами», а кавалерами суровым молчанием. Она вышла в том самом наряде, в котором вернулась из гор в отчий дом. Спокойной, грациозной походкой прошла по залу и остановилась между отцом и матерью, положив руки на спинку стула, специально поставленного для нее. Но она не села.

- Господа, вы, кажется, хотели видеть меня. Вот я перед вами в том самом одеянии, о котором так много говорят в нашем городе с того самого дня, как я вернулась домой. Большинство из вас были свидетелями моего похищения абреком Сулумбеком. Будьте справедливы, господа: он ехал себе мимо нашего двора, а господину поручику Дубову вздумалось предложить ему погарцевать в удовольствие публики за двадцать пять рублей. Предложение это абрек принял за оскорбление, и, чтобы ответить больнее, он сперва заработал эти деньги и ими же уплатил выкуп за меня. Так что я в претензии не на Сулумбека, а на господина поручика. Мы были на той стороне Терека, когда казаки стали палить в небо. Господа, первую и последнюю ночи моего пленения, я провела в темной пещере наедине со страшным, как вы полагаете, Сулумбеком. По столам гостей прошли возгласы ужаса.

- О, Боже! О ужас!

- Бедная Елена!

- Как страшно!

- В середине неглубокой пещеры был устроен очаг из камней. Он и разделял пещеру на женскую и мужскую половины. Постель из сухой травы и шубы, укрывалась я буркой самого Сулумбека. Спала, как убитая. Он не покушался на мою честь - и в мыслях такое у него не было. Вел себя, как настоящий рыцарь. Хотите - верьте, хотите - нет, со мной обращались обходительно.

- Ах, как романтично!

- Вот, вот! Сулумбек - романтик. Романтик героизма и мужской чести. Как я потом поняла, все они романтики, но по-разному. Что ему стоило меня обидеть: оскорбление требует возмездия. Я в его руках, как пташка в когтях у орла. Телом этот человек настоящий богатырь. Но он устыдился и каялся, что вздумал возмещать зло на слабосильной девушке. Он бы меня вернул сразу, если бы люди господина Дубова не перекрыли дороги. Меня повезли к пастухам, высоко в горы. Днем в хижине старая женщина, хорошая такая, добрая и ласковая, как моя няня Раиля. Я там без дня неделю провела. Вечером пастухи пригоняли овец. Четверо мужчин. Трое молодых и старший. Эти молодые горцы каждый вечер приносили цветы. Я таких здесь в городе не видела, из-за того кажется, что они заметили, как я старалась смастерить венок. Цветов там много. Они растут повсюду. Меня одели в свое старенькое платье. В городском бальном платье по горам не побегаешь. Ингушка дала мне копье с острым наконечником и показала как защищаться, если зверь какой попадет. Но мне звери не попадались. Целыми днями лазила по скалам. Старушка окрестила меня Лейлой. Запоздаю я, потеряюсь, вот она и кричит: «Лейла! Ва Лейла! Мичай хьо?» (Лейла! О, Лейла, где ты?). А когда я появляюсь, ударит себя ладонями по бокам: «О в-вой, Лайла...!». Меня это забавляло. Старались кормить меня своими деликатесами: утром поили парным овечьим молоком. У ингушки была сумка с белой пшеничной мукой. Из нее она пекла для меня оладьи и тоненькие пироги с сыром - называются чапильги. Очень вкусные! Варила чай из горных трав с медом! Мед такой ароматный - от диких пчел. Однажды пастухи взяли с собой лук и стрелы, а вечером принесли трех убитых птиц. Нежное мясо. Как могли, так меня баловали, так как я, по их разумению, не пленница, а гостья. Как-то вечером мы ужинали при свете костра. Голодная собака подползла совсем близко и заскулила. Мальчик запустил в нее поленом и нехорошо выругался по-русски, ну точно так, как позволяют себе выражаться казаки и некоторые господа офицеры, окажись они в обществе простых людей. Старик залепил юнцу оплеуху и жестами передо мной долго извинялся. Господа, этот костюм, что на мне вам нравится?

- Елена, он Вам очень идет!

- Элегантное платье!

- Так знайте же - это подарок. Они хоть небогаты, но гордые люди. Я раньше горцев боялась. Теперь я знаю, что их бояться не следует - их надо уважать и понимать.

- Госпожа Елена, Вы не назвали ни одного имени, не назвали места, где Вас держали... - вскочил с места Дубов.

- Ах, вот оно что! Я не стану этого делать. Вы из меня фискала не сделаете!

- Вы должны, Вы обязаны!

- Я обязана Богу за жизнь, дарованную мне. Я обязана родителям за ласку и воспитание. Больше я никому ничего не обязана, господин поручик, тем более Вам. Господа, я оставлю

Вас, приятного Вам времяпровождения! Елена спокойной походкой прошла по залу и скрылась в своей комнате.

* * *

Встреча тет-а-тет поручика Дубова с Сулумбеком произошла той же осенью на временном посту у поселка Балта. Было тихо, спокойно. Поручик полулежал на лежаке, изредка потягивая из плетеной бутылки молодое кахетинское вино. Казаки шумно во что-то играли на дворе под навесом. Наступила резкая тишина. И в этой тишине - дальние выстрелы.

- Вашескородие! Кунаки! Стреляют черти! - вскочил в будку есаул.

- Где? - лениво приподнялся Дубов. - Где стреляют?

- У лесочку. Там, где наши охотники в засаде сидят.

- Поезжайте, разведайте, что там. - распорядился поручик.

- Ловить, прикажите, вашескородие?

- Расстреливать всякого из них, кто покажется подозрителен!

- Слушаюсь, вашескородие! Дигавцов, останешься при его высокоскородии, на посту.

- Слушаюсь. Разъезд казаков умчался туда, где шла пальба: Ингуши появились неожиданно, как привидения, двое в дверях. У одного в руках револьвер. Молодому казаку Дигавцову Петру один из них погрозил пальцем:

- Сиди тихо! Хирт-пирт не делай. Ты - Диковцов. Ваш тайп знакомы, хороши люди. Твой кровь нам не надо. Второй сдвинул шапку на затылок и засмеялся.

- Дубов, ты - звал, я - пришел. Что будем делать? Выходи, будем смотреть, кто мужчина: ты или я.

- Ты кто?

- Забыл? Сулумбек. У офицера руки и ноги отнялись, не сделал даже попытку оказать сопротивление. Развязку сделал непрощенный гость, он взял лежащего за пояс и вынес во двор на вольный воздух. Когда разъезд возвращался на пост, то издали заметили флаг, который развевался на высокой жерди. Подъехали поближе и увидели, что это вовсе не флаг, а штаны «вышескородия». Сам офицер был распят на коновязи, был без штанов - на нем трудно было найти живого места. Казак Дигавцов, связанный по рукам и ногам, лежал на полу в будке. Винтовка его была подвешена к потолку. Поручика уложили на телегу и повезли в городскую лечебницу. Казаки не любили офицеров-чужаков, этих «вашескородий» за высокомерие и надменность, другое дело офицер из казаков, свой. Радовались от души по

такому поводу.

- Ну, кунаки! Что удумали - флаг из штанов его «вышескородию»! Ха-ха-ха! Через несколько дней этот случай стал достоянием всех станиц Войска Терского. Казак гнал коня от станицы к станице только для того, чтобы рассказать об экзекуции, которую учинили кунаки над одним из «вашескородий». Хохотали казаки, казачки у родников, на площадях станиц.

- Ах ты, Саламбек, башка бедовая! Одно слово - абрек! А пост тот злосчастный казаки перенесли в другое место из-за насмешек ингушей - «Пост-Штана».

ПОХОРОНЫ СТАРИКА АДИ

Теплое весеннее солнце грустно смотрело с высоты небес на толпу людей, суесящихся вокруг новой могилы. Шли последние приготовления. Двое молодых мужчин устраивали лахт. В стороне стояли носилки с телом старика Ади и ровным рядом лежали ипховые [105](#) доски из дуба. Старик их приготовил сам для себя за год до смерти.

- Все готово. - сказал молодой человек из могилы. Старый мулла присел на корточки и внимательно осмотрел последнее прибежище Ади, остался доволен:

- Вы сделали все очень хорошо. Да вознаградит вас Аллах! Вылезайте. Им протянули сверху руки, они ловко выпрыгнули из могилы.

- Кого из вас больше всех любил бедолагу Ади? Двое. Сойдите туда вниз и уложите усопшего. Прикосновения к телу должны быть осторожными, мягкими, чтобы не причинить телу боль. Кто из вас уложит старика? Тут толпа раздвинулась и вперед вышел Сулумбек. Так неожиданно было его явление.

- Да будет ваш следующий сбор на радостное дело! Махмад-мулла, не Вы ли составляли завещание Ади?

- Я писал, кант, я писал со слов самого Ади.

- Скажите, в том завещании было упомянуто мое имя?

- Воистину, было. Ади просил тебя, Сулумбек, уложить его в лахту на вечный покой.

- Я пришел исполнить последнюю волю усопшего. Будет ли мне это позволено сделать? Как тут сорвется со своего места племянник Ади, подскочил к мулле и, жестикулируя руками, закричал: - я запрещаю ему прикасаться к телу моего дяди. Он курит табак и вино пьет. Понимаете? Мулла вопросительно глянул на абрека.

Сулумбек спокойно, тихим голосом ответил мулле:

- Был такой грех, но Ади при жизни сам попросил меня об этой услуге. И я обещал. Сказав это мулле, Сулумбек резко повернулся к Соипу:

- Вот здесь на носилках лежит твой родной дядя. И по обычаю галгаев, ты можешь запретить мне исполнить то, для чего я сюда пришел. Не устраивать же потасовку на похоронах. Ты верно напомнил нашим односельчанам, что я курю табак и тот другой грешок, который со мной случается иногда. Но запомни, Соип, если ты воспрепятствуешь мне, я, конечно, уйду и буду ждать тебя за оградой этого кладбища. И мы с тобой поговорим без свидетелей. Наступила неловкая тишина. Мулла перебирал четки и смотрел вверх голов на ясное небо. Люди переводили взгляд с Соипа на Сулумбека. Соип состроил комическую гримасу и отступил назад, по траурной толпе прошел еле заметный смешок.

- Бурку106! - приказал Мулла. - Скоро время обеденного намаза. - Сулумбеку он утвердительно махнул головой. - С оружием туда нельзя, кант. Абрек снял с себя чоху, разложил ее на траве и сложил с себя все оружие, вплоть до пояса с кинжалом, а потом прыгнул в готовую яму. Молодежь за руки аккуратно спустила и старика мюрида, знатока траурного ритуала. Над могилой растянули бурку. Сулумбек и мюрид приняли тело Ади, так нежно, как берут на руки ребенка и тихо положили в лахту.

- Лежи с миром, добрый старик, до Судного дня! И да смилуется над тобой Милосердный! - сказал Сулумбек и прослезился.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ПО-АБРЕЧЕСКИ

- Я пришел тебя навестить, Шутро. Да очистишься от этого недуга! Больной уперся локтями в постель, чуть приподнялся:

- О-о! Как ты вспомнил обо мне, Сулумбек? Спасибо, что пришел, а насчет очищения от болезни, - наверное, это придет вместе со смертью. Шутро был так истощен, что даже кожа плотно облегалась его кости. Казалось на этом теле нет мяса вообще.

- О смерти не думай - она сама думает о нас, придет точно в назначенный час, ни мгновением раньше, ни мгновением позже. Пока живы, давай думать о жизни.

- Сулумбек, разве это жизнь? Мученье. Себя мучаю, семью мучаю. Уж лучше скорее бы.

- Врачам показывался?

- Был у меня врач. Брат привез его из Буро. Осмотрел. Сильно смотрел. Через какую-то трубку слушал, спину слушал, грудь слушал, пальцем стучал. Сел и думает. Думал, думал и вот что говорит: тебе, говорит, в Пятигорск надо поехать лечиться. Три месяца лежать. Вернешься здоровый. Здесь, говорит, тебя никто не вылечит, нет таких мастеров, а там есть. Это большой доктор, он мой друг, поезжай к нему. Я тебе бумагу дам. Заплатили мы этому врачу из Буро и отвезли домой.

- Ну а почему бы тебе не поехать к этому большому доктору в Пятигорск? Да, далеко, зато здоров будешь.

- Э-э, Сулумбек, Сулумбек! Легко сказать: поезжай. За больницу надо платить - три месяца! Врачу тоже деньги надо дать. Лекарство даром не дают.. Кушать надо, да туда-сюда. У нас кроме коровы и телки ничего нет. Этого даже на один месяц не хватит.

- Где эта бумага, которую буронский врач тебе написал?

Жена больного, печально стоявшая у стены, достала со старого шкафа сложенный вдвое листок бумаги и подала гостю. Гость внимательно прочитал бумажку, сложил и вернул хозяйке дома с напутствием:

- Береги этот листок, не потеряй. Твоего мужа направляют к самому профессору. Понимаешь: к про-фес-сору! Это значит - доктор над всеми докторами. Вот! - Сулумбек улыбнулся. Ты, кажется, хозяйка, забыла, что гостя надо кормить.

- Ли-и! Чтобы ты пропала! - больной сердито глянул на жену. А та, вся красная от смущения, побежала во двор - то ли за дровами, то ли курицу ловить гостю на угощение. Сулумбек подвинулся ближе к больному, наклонился и тихо заговорил:

- Шутро, вот что: оставь это хозяйство на попечение старшего брата и езжай со своей женой в Пятигорск. У вас пока детей нет, поэтому можешь спокойно лечиться.

- Сулумбек. Гость движением руки прервал хозяйна:

- Слушай дальше. Ничего с собой не берите, кроме одежды и еды на несколько дней. Думаю, брат тебя отвезет, на это у него в оба конца уйдет неделя, не больше.

- Брат-то отвезет.

- Вот и хорошо. Ты постельный, тебе нужен покой - оплатите целый купе: и тебе лучше, и людям не будешь мешать.

- Но.

- Вот этого вполне хватит и на лечение, и на жизнь, и на поездку, - Сулумбек достал из сумки сверток, перевязанный туго ремешком, вложил в руки Шутро.

- Это деньги?

- Да, деньги.

- Так много? Где ты взял?

- Положи их под подушку, Шутро, И ни о чем не думай, кроме как о своем лечении. Деньги взял там, где они никогда не переводятся: из казны русского царя. Он не обеднеет, если за его средства вылечится один ингуш. Шутро, жена у тебя болтливая?

- Нет. Она молчаливая женщина.

- Это хорошо, для вас хорошо, а мне все равно. Людям скажете, что родственники собрали.

Больной прослезился:

- Если выздоровею, постараюсь скорее вернуть.

- Кому? Русскому царю, Шутро? Это он нам должен. Он у нас все равнинные земли отобрал и казакам отдал. Он нас тиранит своими приставами и солдатами. То, что мы, абреки, у него берем, все равно что крохи с его стола. А пирует он на этом столе за счет нашего добра.

- Тебе я хочу вернуть, тебе.

- Не надо, Шутро. Об этом не думай. У меня денег будет столько, сколько мне надо, только зачем они мне? Я не купец, не промышленник, не овцевод. Я - простой селянин. Я в абреки не хотел, меня к этому принудили. Я свою дорогу знаю. А ты выздоравливай, Шутро. Сколько тебе лет?

- Двадцать восемь, двадцать пять было, когда женился.

- Вот видишь. Девушка надеялась, что построит семью, заживет счастливо.. , а ты заболел. -

Сулумбек встал, взял и сильно пожал руку больного. - Да исцелит тебя от недуга Господь!

- А как же ужин?

- Съешь его за меня, Шутро. Я отослал твою жену, чтобы наедине сказать тебе то, что сказал. Сулумбек ушел.

* * *

Всадник ускакал, а Солт стоял с пачкой денег в руке, не совсем веря, что такое может случиться в жизни, а не в сказке. Он ему не родственник - просто односельчанин. Подъехал, вызвал, поздоровался и вручил деньги.

- Сулумбек, ты даешь их мне в долг?

- Пусть будет так, раз ты хочешь - в долг.

- В какой срок, когда я должен их тебе вернуть?

- Когда у тебя появятся свободные деньги. Солт, храни молчание!

- Хорошо! Конечно же, деньги Солту нужны, очень нужны. Четвертый год, как они засватали за младшего сына девушку, а забрать не могут - бедность. Семью преследовали неудачи. Старшего сына арестовали за драку с казаками. Еле из беды вытащили - корову и лошадь продали. Потом засуха была. А в прошлом году воры последнего бычка увели. Старые люди говорят: беда одна не приходит, она за собой ведет девять других бед. Семья почти обнищала. Солт сжал в руке пачку, деньги хрустнули. Значит это правда. Первым делом он купит лошадь, а потом приданое для невесты. Через месяц младший сын будет женат.

- Господь благослови щедрую руку! Пошли ему удачу! Не дай врагу сразить его! Солт почувствовал прилив сил, взялся обеими руками за плетень и с хрустом выпрямил согбенную спину. Он совсем еще не старик, ему пошел пятьдесят седьмой год. Но беды и беспросветные дни стройного мужчину сгибают в дугу. Солт сунул деньги в карман, пошел к дому, стараясь держаться ровно. Обрадовать бы домашних, но нельзя, никак нельзя. Он понял, почему его об этом предупредил абрек. Он никогда никому не расскажет, кроме как Богу в день Киямата. Он будет за него молиться. Воистину сказано древними: не останется народ галгайский без отважных и достойных мужей!

МАРО

- Леночка, это твой абрек налетел и на нас. Ты слыхала?
- Постой, Маро, я ничего не понимаю, не сон ли ты собираешься рассказывать? Какая - то ты сегодня.
- Леночка! При-клю-че-ние! Разбойники, как у Шиллера. Они были на конях, обвешаны разными оружиями. Эго был твой абрек. Я его сразу узнала.
- Сулумбек что ли?
- Да. Так он назвался отцу. Мы собирались обедать: отец, мама, тетя Нуца, мамина сестра, и я. Все, кроме мамы, сидели за столом на веранде, там мы летом обедаем и ужинаем. И тут как залетят: др-р-р! Елена повела Маро в беседку. У Маро, единственной душевной подруги Елены, отец состоятельный армянин, а мать кахетинка. Они подружились в гимназии, очень любили друг друга. Они уселись рядом на скамейке. Елена взяла Маро за руку:
- Рассказывай, Маро, только ничего не путай и не сочиняй. Глаза Маро, трепетные губы, беспомощные руки - все выражало нечто похожее на страх, восторг и удивление. Удивление как будто застыло во всем ее хрупком облике.
- Усадьбу окружили, а главный с двумя молодыми разбойниками въехал во двор, сам сходит с коня и идет прямо на нас. Мы сидим клубочком - ни живые, ни мертвые. Останавливается. «Ты, - спрашивает у отца, - купец Арютюновэ
- «Я Арютюнов, - папа встает с места, - а в чем дело? И кто вы такой?»
- «Я Сулумбек Гаравожев, абрек».
- «А что Вам от меня угодно, господин Гаравожев? Как понимать Ваше посещение? Неужели грабить меня собираетесь? Прошу Вас: берите все, что угодно, но семью не трогайте, особенно женщин».
- «Арютюнов, - говорит абрек на довольно сносном русском языке, - мы пришли тебя оштрафовать, а не грабить. А насчет женщин не беспокойся, мы не казаки, чтобы с женщинами воевать. Заберем штраф и уйдем».
- «Могу ли я узнать, в чем я провинился перед вами».
- «Конечно. В прошлую пятницу на собрании именитых граждан у городского головы собирали деньги на содержание охотничьего отряда, который воюет с абреками. Вы, Арютюнов, первый внесли большую сумму».
- «Вносил. все вносили, нас принудили, я не мог иначе поступить. Поймите. »

- «И Вы, Арютюнов, поймите, что мы, абреки, тоже иначе не можем поступить. Вы - кавказский человек, Вы должны были нам сочувствовать и помогать, а Вы помогаете нашим врагам. Ваши деньги пойдут на покупку коней, винтовок и патронов. Как Вам не стыдно? С другими мы будем говорить по-другому: будем грабить, усадьбы поджигать. С Вас пока двадцать тысяч рублей штрафа».

Отец замешался, сильно испугался. У него дрожали руки. Мы забились в дальний угол веранды, перепуганы до смерти.

«Навряд ли. у меня дома найдется сейчас такая сумма денег. Пойдемте со мной в комнату. там поговорим». Отец и главный абрек поднялись наверх. Двое молодых всадников сошли с коней и уселись на наших скамейках на веранде. А стол был уже накрытый. Я смотрю, один берет из большой вазы яблоко и откусывает. Видимо понравилось, что-то сказал другому. Тот тоже взял яблоко и тоже стал есть. Сидят, переговариваются, яблоки едят. Отец с этим недолго задержался. Спускаются.

«Тут шестнадцать тысяч, остальное додам золотом. Позови, Марфа, свою хозяйку. нет, звать не надо, попроси ее принести шкатулку с драгоценностями.»

Марфа, наша новая служанка. Уходит Марфа в мамину комнату и возвращается с нею. Мама несет шкатулку.

«Давид, зачем тебе мое золото?»

- «Саломе, у меня тут срочный долг объявился. Немного не хватает. Ты не одолжила бы кое-что из своего золота, я потом возмещу».

Абрек стал смотреть то на маму, то на отца, а потом вдруг уставился на тех своих товарищей, что сидели за столом. Он что-то такое строгое, сердитое сказал, те соскочили и надкусанные яблоки положили на стол, смутились.

«Этого уже теперь не надо» - говорит маме, показывая на шкатулку, и папе возвращает те деньги, что держал в руке.

«В чем дело? - спрашивает папа, - вы забираете штраф или нет?»

- «Нет! - махнул абрек рукой и к маме обращается, - у тебя грузинское имя».

- «Я кахетинка».

- «Вай! Как все плохо! Совсем плохо».

- «Что плохого-то?» - допытывается отец. А тот показывает на своих товарищей: «Эти юные глупцы поели с вашего стола, теперь мы - ваши гости. И хозяйка сестра-грузинка. Плохо - штраф не можем забирать. Стыдно получилось! Уходим!». И он стал спускаться во двор. Тут мама говорит абреку: «Слушай, как тебя звать, абрек?»

- «Супумбек Гаравожев я».

- «Раз ты мой гость, то должен знать, что грузинки со своего стола так гостей не отпускают. Садись и зови всех своих друзей - я буду вас угощать».

Усаживаются гости за стол. Мама позвала нас с тетей Нуцой: «Вы чего там забились в угол, как мыши? Не видите, у нас столько гостей. Помогите их обслужить». Мы все женщины: мама, Марфа, тетя Нуца и я стали обслуживать абреков. Сначала я сильно боялась, подходила к ним с опаской, но они вели себя вежливо, как воспитанные и культурные люди. На еду не набрасывались. От вина отказались, фруктовую воду пили с удовольствием, дважды Марфа ходила за ней в погреб. Потом встали, извинились, поблагодарили. Прощаясь, маме говорят: «Сестра, мир вашему дому!».

Когда они ушли, я маме говорю: «Они совсем, совсем не страшные. А один молодой, который яблоки ел, сильно краснел, когда я с едой подходила».

- «Глупая ты, Маро, - говорит мама, - никто добровольно не идет в абреки. Это несчастные по сути люди. Их притесняют».

- «Мама, а почему их главный к отцу обращался на «Вы», а к тебе на «Ты»?».

- «У ингушей нет обращения на «Вы». Этому он где-то научился. К чужим - на «Вы», а ко мне - на «Ты», так как считал своей. Я так поняла».

Леночка родная! Все что я тебе рассказала - чистая правда - так было на самом деле. Я его узнала сразу по рыжей бороде. Глаза у него красивые - голубые, голубые! Я чуть не влюбилась. А может, Леночка, я уже влюбилась? А? Они такие простые и понятные. Елена неожиданно рывком обняла подругу и прижалась к ней.

- Ой! Что с тобой? У тебя сердце бьется. Испугалась за меня?

- Маро, дорогая, помолчи немного. - Елена легонько погладила ее по спине. - Посидим так. Вот так хорошо! Я сейчас успокоюсь.

На лице Маро удивление перешло в смятение, ее глаза бегали взглядом из стороны в сторону. Когда объятия подруги ослабли, Маро чуть отодвинулась и уставилась в ее глаза. Внезапная догадка поразила ее:

- Ле-ночка! И ты тоже?

Та засмуцалась и ответила:

- Да, Маро! Да! И я не могу ничего с этим поделать. Господи! Господи! Возможно ли это?!

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

- Я же не камень холодный. Я тебя чувствую, даже когда нахожусь очень далеко отсюда. А когда ты близко. я. я не знаю, как это сказать. ль.
- Ты меня любишь? Скажи, что меня любишь!
- О-и-и! Конечно, разве ты это не знаешь? Он опустил глаза.
- Посмотри на меня, Сулумбек. Почему ты смотришь в сторону?
- Боюсь.
- Ты, Сулумбек, боишься?
- Боюсь.- признался он честно.
- А чего ты боишься?
- Боюсь, ты рассердишься.
- За что я могу рассердиться на тебя?
- Когда узнаешь, что я тебя. Сулумбек-абрек, а ты богатая, красивая, ученая, хорошая. Ящик-гармони играешь. духами пахнешь. Возле тебя, как в раю. Она неожиданно обняла и поцеловала его, прижалась к нему, как к могучему дубу. По всему телу абрека прошла мелкая дрожь, он застонал, взмолился по-своему:
- Господи, дай мне силы! Чего я буду стоять, если потеряю эздел? А она была загипнотизирована полыханием его больших ясных глаз.
- Сулумбек, откуда у тебя, у горца, синие глаза?
- От папы. Наши Гюандлой почти все синеглазые. Старые люди говорят, что раньше все ингуши тоже были с синими глазами. Горные люди тоже с синими глазами. Он осторожно, но с превеликим нежеланием, высвободился из ее объятий, отошел, стал приходить в себя.
- Что с тобой? Ты бледен. Тебе неприятно? Разве я не невеста тебе? Сулумбек, что с тобой?
- Невеста. Приятно. Невеста. Сильно. это. боюсь, пока не станем муж и жена. чтобы ни на земле, ни на небе никто не мог показать на нас пальцем: ай-яй-яй! Когда очень сильно любишь, трудно. Я боюсь. А если меня убьют, что ты потом будешь делать? Мужчина должен держать себя. Эздел! Вот! Елена поняла, как сильно этот мужчина любит ее. И каких усилий ему стоит держать себя в рамках дозволенного, каким высоким, непоказным благородством и нравственной чистотой он обладает. Нет, в том кругу, где она вращается, таких не встретишь. И он будет ее.

- Рыцарь! - вырвалось из ее груди.

- Что? - поднял он голову.

- Ты рыцарь! Настоящий рыцарь.

- Я - царь? Какой я царь?! Я абрек - несчастный человек. Самый бедный. Она принесла себе стул и села рядом.

- Сулумбек, я посижу с тобой рядом. Мне тоже нелегко, ты не думай. А это азда, который ты часто называешь.

- Эздел.

- Это книга такая?

- Нет. Но все галгаи знают это. Старики учат.

- И все соблюдают?

- Нет, не все. Люди разные есть: собаки-люди, свиньи-люди, коровы-люди, бараны-люди, звери-люди. Зачем им эздел? Эздел только для настоящих людей. Эздел держат крепкие люди. Елена задумалась. Нет, она его не упустит. Он будет принадлежать ей. И она пойдет с ним, куда он захочет. Нелегко будет, она знает, была же в горах, видела их жизнь. Ну и пусть, тяжелая, но настоящая жизнь. Любимый будет, муж. Он уж не уступит свою брачную ночь другому за карточный долг. Елена усмехнулась, представила, что бы сделал Сулумбек, если ему такое предложили. Бедный рыцарь! Бедный Сулумбек, гонимый испорченным веком за свое свободолобие и мужество.

- Сулумбек, я же христианка! т-и-и. э-э. а-а. м-м.

- Знаю. А как становятся мусульманами? Это правда, что кипяченой водой обливают?

- Кто тебе это сказал?

- Поп один.

- Дурак он. Есть такие слова - их надо сказать.

- И все?

- Да. Скажешь эти слова и веришь только в одного Бога, в много богов - нельзя.

- А мы христиане тоже в одного Бога верим.

- Нет, Елена. У вас много: Бог-Отец, Бог-Мать, Бог-Сын, Бог-Дядя, Бог-Тетя, потом Боги-Дети пойдут. Елена от души расхохоталась религиозной полемике Сулумбека.

- Что ты смеешься?

- Смешно же - Боги-Дети!

Потом она серьезно спросила:

- Сулумбек, а эти слова тяжелые?

- Нет.

- Скажи. Сулумбек произносил, а она за ним повторяла.

- Аь! Ты.

- Да. Я теперь мусульманка. И есть только один Бог, и никаких богов-сыновей, дядей, тетей и детей. Я не шучу. - она повторила шахаду. Сулумбек резко повернулся к ней, обнял, прижал к себе и отпустил.

- Сулумбек, ты сильно устаешь в горах, в лесу?

- О-о, Елена! Очень. Спать охота - а нельзя!

- Приходи отдыхать ко мне, к своей невесте. Высыпайся тут.

- Солдаты придут.

- А ты приходи незаметно. Там со стороны Терека по обрыву узенькая тропинка. Ночью приходи. Не бойся, ничего не бойся. Наша прислуга честная, хорошие старики.

- А они будут плохо думать о нас.

- Не будут, - успокоила она, - я им все объясню. Старая женщина Раиля - няня моя, молочная мать. Она никогда меня не выдаст. Дочерью считает.

- А отец, брат?

- Отец меня любит, мне верит, а брат Федя - он мужественных людей уважает. Я с ним поговорю, объясню. Они меня поймут.

ВЕРООТСТУПНИЦА

Елена сердито постучала кулачком по столу:

- Ах ты, рыжий негодник! Был же в городе. Абрек! Разбойник! Видите ли деньги ему срочно понадобились. Врун! Навестить обещался. Ух! Грабитель! Вот я тебя перестану любить - пожалеешь. Статья называлась «Экспроприация по-абречески» в скобках - «Горький юмор»: «Вчера, в три часа дня, наш славный Владикавказ своим очередным посещением осчастливил Его Абреческое Превосходительство господин Саламбек Гараводжев-Сагопшинский - далее в том же тоне рассказывалось о том, как шайка абреков, гарцуя на своих конях, спокойно проехала по улицам города и остановилась у почтового ведомства. - Господин Гараводжев Сагопшинский был предельно корректен. Был спокоен. Он вообще, говорят, не переносит шума и спешки. К служащим обращался только на «Вы». Мужчин аккуратно поставил лицом к стенке, а дам: секретарш, кассирш, почтальонш и телеграфисток - рассадил в приемной на длинной скамье, поставленной для удобства посетителей. И, представьте себе, стал угощать пряниками. Возможно таким образом он решил насладиться видом красавиц города - соскучился, небось, в своих горах и лесах по дамскому обществу. Молодые телеграфистки нашли абрека весьма даже привлекательным, рассказывали об этом визите с восхищением. Тем временем, два молодых товарища Саламбека аккуратно переложили в свой мешок все имеющиеся в наличии в кассах деньги. Затем абрек вежливо попрощался, откланялся - и был таков! Вот какие нынче абреки пошли! Сказывается титанический многолетний труд администрации края по внушению диким горцам цивилизованных привычек».

Самая настоящая женская ревность вскипела в душе молодой гречанки:

- Вам женского общества захотелось, Ваше Абреческое Величество? На стенографисток загляделся? И на секретарш ведомства. Я тебя презираю, рыжий абрек! Вы тогда еще, когда увезли в горы, показали свое безразличие ко мне. Никакого внимания. Да что можно от Вас ожидать, необразованный, неотесанный, рыжий. Она вскочила и бросилась в зал к фортепьяно. Открыла крышку, вскинула руки, точно крылья, и замерла - несколько мощных аккордов - и полилась вихревая музыка Бетховена, музыка ярости, музыка любви и ненависти - могучий шторм человеческих чувств. Она играла самозабвенно, страстно, душою растворяясь в музыке. Хорошо она играла? Елена не была, конечно, великой пианисткой, но она чувствовала музыку всем своим существом, и играла только тогда, когда это чувство у нее появлялось. Значит у нее было родство с музыкой. Чтобы сестра за фортепьяно, ее должны были посетить радость, грусть, гнев, что-то такое, что само входит в сердце, не спрашиваясь вас. Последнее прикосновение к клавишам, последний воинственный аккорд - руки повисли по бокам, голова опустилась, она глубоко вздохнула.

- Как хорошо, что я не фортепьяно! - и одинокие аплодисменты. Елена подняла голову и встретила взглядом с братом Федором. Он стоял сбоку, облокотившись на инструмент. Федор многозначительно улыбался.

- Чему ты смеешься? - напустилась сестра на него.

- Это я подложил тебе газету. И это я места те подчеркнул.

- Ты?

- Я. я все знаю, сестричка. Все знаю!

- Что ты знаешь?

- Что ты влюблена.

- В кого?

- В Саламбека Гараводжева. Она откинулась на спинку стула.

- Ты как? Федор рассмеялся, пошел в угол, принес себе стул и сел рядом с сестрой, взял ее руку и заглянул в глаза.

- Леночка, ты не умеешь скрывать свои чувства. Ты думаешь, что ты скрытная? Совсем нет. Вот сколько я с тобой говорю (это после гор), ты всегда сводишь разговор к нему. У сестренки глазки светятся, щечки розовеют, дыхание учащается - вся теплишься счастьем!

- Молчи! Я приказываю.

- Нет, не буду молчать. Все знают про тебя.

- Кто все?

- Наши домашние. Папа знает.

- И папа?

- Да. Раиля с Кави тоже. Посмеиваются исподтишка, потакают тебе, все хорошее о нем говорят.

- Ну и пусть. Ты меня, Федор, порицаешь?

- Нет. Ты молода, красива, здорова - надо же кого-то любить, а некого. Я тебя понимаю. Кого здесь полюбишь? Офицера? Ты на этом обожглась. Жаль, что я его не убил. За такие дела ингуши, чеченцы, другие горцы убивают, и не на дуэли, а просто рубят кинжалами, там где настигнут. Я тоже хотел, но не успел. Со мной абазинец служил, дружили. Я ему как рассказал твою историю, так сразу говорит: «Езжай, Федор, убей его, как шакала!» - «Я говорю: «Отпуск. » - «Какой отпуск-мотпуск езжай и убей». Вот как они действуют в таких обстоятельствах.

- Так ты думаешь, что я его люблю только потому, что больше некого?

- Думаю - да, - прямо взглянул сестре в лицо Федор. - Ни Печориных, ни Онегиных, ни даже

Ленских в нашем обществе я не встречал, среди офицеров тем паче - одни чинуши, служаки и мразь. Я уйду, сестричка, из армии, по стопам отца пойду. Буду богат и свободен. А ты люби своего абрека, нет греха в том, но, у этой любви нет будущего, сестричка. Как ты себе это представляешь: замуж за него пойдешь?

- Пойду, если позовет!

- Ты окончательно сошла с ума! Господи! А он, твой абрек об этом знает.

- Думаю, что знает. Мы об этом говорили но...

Федор опять взял руки сестры, сильно сжал, придвинулся к ее лицу и спросил:

- Признайся мне, сестрица, он к тебе приставал там в горах, когда Вы были одни?

Елена сердито, рывком вырвала свои руки:

- Как ты можешь так о нем думать?! Даже намека такого не было. Лишний раз взглянуть на меня стеснялся. А то, что он меня похитил и увез - так на его гордость плюнули!

- Все. Все! Я больше не буду, сестрица. Но знай, что у них очень тяжелая, суровая жизнь, и женщины несут на себе бремя тягот, тебе непосильных.

- Но зато мужья не оплачивают ими карточные долги. Как тебе сказал друг абазинец?

Федор печально покачал головой:

- Да! Сестра моя неизлечимо больна.

- Пусть так. Я люблю абрека-ингуша Сулумбека! Ты этого от меня хотел услышать? И что? Если он заявится ко мне, ты его застрелишь или выдашь властям? ·

Федор резко выпрямился, весь побледнел:

- Ты меня обидела, нет, оскорбила.

Елена бросилась к брату, обхватила руками и прижалась к груди:

- Прости меня, Феденька! Прости, а! Вырвалось у меня это слово. Ну плохая я, сумасшедшая. Что тут поделаешь. И вовсе дело не в том, что некого любить. Понять должен ты.

- Я-то тебя понимаю, сестрица, да поймет ли общество?

- Какое мне дело до общества?

- Оно будет в претензии за твою любовь к твоему отверженному горцу.

- Пусть. Оно меня изгонит - я уйду в горы. Ты простил меня, Феденька?

- Простил, простил. Отпусти уж.

- Какой ты хороший! Ни у кого такого брата нет. А насчет моей любви - я просто люблю и больше ни о чем не думаю. Люблю!

- Есть еще одна препона между вами - вера.

- А что вера?

- Видишь ли, сестрица, в нашем цивилизованном обществе отношение к религии, как к нечто такому дополнительному, но не обязательному. Ты когда была последний раз в церкви?

- На пасху.

- А когда последний раз молилась? Она не могла вспомнить.

- Видишь. Горцы к своей вере относятся серьезно, она у них не второстепенное дело, а даже главное. Твой абрек мусульманин. Сужу о нем по опыту дружбы с абазином Мухабом Хамасовым. Мы жили с ним в одной комнате. Несколько раз в день молился. И не просто, как мы, христиане, становился и крестился, когда вздумается - каждый раз перед молитвой совершает омовение. Он потому и дружил со мной, что я с пониманием относился к его обычаям. А вот один из офицеров задумал насмеяться, так Мухаб залепил ему так пощечину, что лицо вздулось, а потом говорит: «Теперь вызывай меня на дуэль - я тебя убью». Не вызвал, на мировую напросился. Мы очень разные с ними люди - два мира. Елена выпалила:

- Значит я буду мусульманкой!

- Что? Хочешь стать вероотступницей?

- Почему вероотступницей?

- Ты же крещенная.

- А меня спрашивали, когда крестили? Федор так и рухнул на стул.

- Елена, ты не просто сумасшедшая, ты.

- Влюбленная! - докончила она фразу брата.

Федор вскочил, взялся за голову и пошел из комнаты, а вдогонку ему прозвучало «Похищение из Серая» Моцарта. Брат резко вернулся назад, отнял ее руки от клавиш, захлопнул крышку» сердито спросил:

- И ты думаешь завлечь этого свирепого абрека свой игрой на фортепьяно?

И получил такой ответ:

- Однажды я его заполучу и сыграю все, что умею. И ему это понравится.

Федор просто убежал от нее.

- Господи! Спаси и помилуй ее! Она больная! Она не в своем уме! Сумасшедшая!

* * *

Для прислуги был отдельный домик из двух комнат, там жили Кави с Раилей. За домом со стороны сада стояли низенькие стульчики и медные кумганы для омовения. Лежал плоский синий камень, на который ставили мытые ноги. Гуляя по саду, Елена часто видела, как совершает ритуальное омовение ее старая няня. Раньше она никогда не подходила к ней в то время, когда та священнодействовала. На этот раз она решилась. Тихо прошла и села рядом на свободной скамеечке. Старик Кави только что встал с нее и прошел в дом. Старушка закончила омовение, прошептала молитву, провела ладонями по лицу и улыбнулась Елене:

- Мое солнышко гуляет!

- Нет, няня, я так пришла. Хочу что-то спросить.

- Ну спрашивай, мой котенок. Спрашивай!

- Няня, это правда, что ты меня кормила грудью?

- Правда, мой котенок, правда. Тебе было три месяца от роду, а у матери пропало молоко. У меня на руках Гамид был, сын мой. Пришлось покормить тебя. А что?

- Да так. Выходит я тебе в молочные дочери прихожусь.

- Ай, красавица моя! Если хочешь - так. Но няня за тебя жизнь отдаст. Старый тоже. Ты в детстве корью заболела. Ой, что было! Ты лежишь вся красная, стонешь, страдаешь, а мы мучились душой. Старый говорит: «Раиля, если с ней что-нибудь случится, я умру». Вот как мы любили. А когда тебе лучше стало, старый бегал с тобой на руках по двору, ржал, как жеребец, чтобы тебя рассмешить.

- Няня, почему ты перестала меня ласкать? Не любишь уже?

- Как не любить-то? Ты большая стала, настоящая дама. Замуж успела выйти, а я состарилась. Думаю, может противно, когда старая служанка, пристаёт с ласками. Нам надо быть осторожными. Мы - простые люди.

- Можно я голову тебе на колени положу?

- ОЙ! ОЙ! Что спрашиваешь? Радость моя, солнышко мое! Золотое сердце! Не забыла руки старой няни! Спасибо! Нежные мягкие руки Раили гладили головку, что лежала у нее на

коленях, плечи, грудь, спину. Она нагибалась и целовала ее.

- У тебя тоска на душе. Не мучай свое сердце. Отпусти его на волю, пусть свободно гуляет.

- Не могу, няня, не могу.

- Почему не можешь? А я знаю почему: ты, верно, цветочек мой влюбилась. Да?

- Влюбилась, няня. Я в мусульманина влюбилась.

- Ай-ай-ай! Я знаю, солнышко мое, знаю.

- Знаешь?

- Знаю, и старый Кави знает. Наверное, думаю и господин хозяин наш знает.

- Значит все знают, - она надолго замолчала.

Няня над ней запевала какую-то татарскую песенку, под которую усыпляла Елену в детстве. Пела тихо, задушевно, чуть покачиваясь, сама счастливая от того, что нужна оказалась этому взрослому ребенку.

- Няня?

У Раили был такой обычай допевать песенку до конца - недопетая песня, как недоеденное яблоко.

- Няня?

- Ай?

- А как люди становятся мусульманами?

- Когда кто захочет, так и становится.

- А это трудно?

- Очень легко. Есть такие слова, совсем немного слов, их надо говорить.

- И всего-то? И мусульманин?

- Да.

- А ты, няня, знаешь эти слова?

- Знаю.

- А ну скажи, я послушаю.

Няня сказала - а Елена за ней повторила: точь-в-точь - второй раз.

Раиля вздрогнула всем сердцем, схватила девушку в объятия и сильно, сильно прижала в себе.

- Ты что задумала? Ты что задумала? Думаешь, я не понимаю. А если хозяин узнает? Стариков на улицу выкинет. «Идите вон со своей верой! Девочку совращаете!». Куда мы пойдём? Кому мы будем нужны?.

- Мне. Я вас не брошу. Няня я правильно сказала эти слова?

- Очень правильно, - испуганно зашептала старуха ей на ухо, - как будто всю жизнь...

- Значит я уже мусульманка! Это он меня научил!

- Солнышко! Цветочек мой! Ты уж не обижайся, твои разговоры отцу передам, а то подумает, что мы. Только ты не обижайся.

- Да, пожалуйста, няня. Я ни от кого не собираюсь скрываться. Я свободный человек.

- Ой, отцу это не понравится. Среди людей разговоры всякие пойдут.

- Разговоры не пойдут, если мои близкие со двора не вынесут. А отец, - он примирится, - потому что сильно меня любит. Я еще у тебя, няня, научусь омываться и молиться. Елена поцеловала няню и пошла к себе, Раиля, кряхтя и стеная, пошла в дом.

* * *

- Хозяин, о хозяин, я должен с Вами поговорить. Не знаю.

Александр Константинович оторвался от бумаг и через очки посмотрел на дворника, что стоял, не решаясь переступить через порог беседки.

- А, Кави. Какая забота смутила тебя? Нужно что?

- Все есть. Ничего не надо. Не знаю, как сказать. не знаю.

- О чем это?

- Ваша дочь, хозяин.

- Ах! - засмеялся Александр Константинович. - Она мне все сама рассказала. Не мучайся, Кави, ты здесь совсем ни при чем. Живите себе спокойно. Это у нее со временем пройдет. Романтика! Абрека убьют рано или поздно - дурь из головы вылетит. А пока пусть побалуется. Кому она мешает. Противиться ей бессмысленно. Я ее знаю. И еще: по моему

совету она вышла замуж за этого офицера-подлеца. Мне трудно с ней разговаривать. Может даже это лучше. У девушек такое бывает – увлечение. Это - как головная боль. Ну и пусть.

- Вы на нас, хозяин, ничего не думаете?

- Думаю, что вы, оба, хорошие работники. Постоял несколько минут Кави, потоптался на одном месте и пошел. Александр Константинович глянул вслед старому слуге и покачал головой.

* * *

Елену позвали во двор. Там стоял мальчик-молочанин с небольшим берестяным коробом в руках.

- Чего ты хотел, мальчик?

- Вы будете Елена Александрова?

- Я Елена Александрова. А что?

- Мне велено передать вот это, - он протянул ей короб.

- А что в нем?

- Мне то неизвестно, госпожа.

- А кто передавал?

- Дяденька, то ли казак, то ли горец. Здоровый такой и на лошади. Хочешь, говорит, пять рублей заработать. Вот снеси это вон в тот дом и Вас назвал. Деньги сразу дал. Вот я и принес. Получите. Елена открыла крышку и ахнула: там стоял букет апыйских цветов, тех самых. Она уткнулась лицом в короб - те же незабываемые запахи! Когда Елена отняла от короба лицо, мальчик уходил.

- Мальчик, куда же ты? Подожди малость. Тот покорно вернулся назад.

- Что изволите, госпожа?

- Тот дяденька был с бородкой?

- С бородой, стриженной.

- Рыжий?

- Рыжий, кажись. Рыжий.

- А глаза не заметил какие?

- Как не заметить-то? Голубые глаза, госпожа.

Елена аж вскрикнула от радости:

- А ничего не передавал сказать?

- Как же? Скоро приду, говорит, погостить. Ждите, мол. Елена на радостях тоже одарила его деньгами. Посыльный ушел даже очень довольный. Девушка побежала в комнату, чтобы скорее поставить эти дорогие для нее цветы в большую вазу с водой, а вазу поставила на фортепьяно. Значит он ее помнит. А раз помнит - то любит! Иначе зачем ему тащить этот букет из гор. Он, видимо, шел к ней, но какие-то обстоятельства не позволили зайти. Он же абрек. За ним следят. Его ловят. Он должен быть осторожным. Не хватало, чтобы его заловили у нее в доме. Он обязательно навестит ее. Елена закружилась в комнате, а потом бросилась к фортепьяно и заиграла веселые и воздушные вальсы Штраусов: отца и сына. Два дня прошли, как счастливый сон. Утром и вечером меняла воду в вазе, чтобы столь дорогие «гости» с гор не повяли. Она просыпалась ночью, бросалась к инструменту» играла несколько часов подряд, а потом, уставшая, засыпала и ей снились горы, водопад, старая горянка, альпийский луг, усеянный цветами, она порхающая, словно бабочка, и Сулумбек на вздыбленном кон. А он все не приходил. Елена сидела у открытого окна. Взошла огромная луна. Было светло почти как днем. Свет и тени. Матовый, молочный свет и голубые тени. Где-то шумел Терек. Изредка покрикивала от скуки какая-то ночная птица. Елена вздохнула и села за фортепьяно. Легонько, без стука откинула крышку клавишей, плавно опустила пальцы - соната. Шопена тихо сошла в эту комнату с этих светлых небес, с этой полной луны, с дальних горных вершин. Она увлеклась, а увлекшись всей душой, отдалась игре, забыв все на свете.

Когда последние аккорды из-под нежных ее пальцев смолкли, словно растаяв на полу в лунном свете, она глянула в сад и услышала храп коня. Елена сорвалась с места и подбежала к окну - она увидела четкий силуэт коня и человека под яблоней. Сомнений не было - это он! Она выбежала, обогнула дом и понеслась туда, где он стоял.

- Почему так долго не приходил? Ты же был в городе, газеты писали. Сулумбек! Как тебе не стыдно?!

Он растерялся: его обнимала любимая девушка, не родственница. Как это приятно!

- В городе был, за деньгами приходил. Один близкий человек в тюрьму попал, выкупить надо было. Жадные русские начальники! Много денег запросили. Как раз хватило. Вот. Надо бы ее вежливо отстранить. Она по доброте своей обняла его от радости, что он живой, не убит еще, но это так приятно.

- Я соскучилась.

- Да? Во-о-о! А я думал, что проклинаешь меня. Я пришел, думаю, если не спит, попрошу простить меня. Музыка играет, а окно темное. Я хотел уходить. Сперва подумал: не здесь играют, у соседей, а потом я слушал и понял - ты играешь на ящик гармони. Хорошо играешь, прямо, не знаю, как хорошо. Я еще не слышал лучше.

- Я тебе всю ночь буду играть. Хочешь?

- Да? Ночь? Конечно, хочу!

- Всю ночь до самой зари! Отпусти коня, здесь травы хватит. Она взяла его за руку и повела между яблонями к дому, но на полдороге остановилась:

- Сулумбек, ты смелый человек. Правда?

- Не знаю.

- Ты боишься?

- Конечно! Кто не боится?

- А чего ты боишься?

- Вот сижу где-нибудь, спрятался, а в траве «шир-шир!» - оф-фой! - спина холодная становится. Вот такой смелый Сулумбек.

- А ты честный?

- Не знаю, но хочу.

- Тогда скажи честно мне одной, другим не говори, - она потянула его к себе и зашептала, - ты соскучился по мне? Сильно?

- Да, соскучился! Очень соскучился!

- А почему ты соскучился? Он задержался с ответом.

- Потому что полюбил меня? Правда?

- Правда! Ей Богу правда! Ну какой ты тяжелый человек, Елена, прямо в сердце. Скажи - и все!

- Ты не стесняйся - я же твоя невеста.

- Невеста? Да?

- Разве ты за меня не уплатил выкуп? Когда ее руки сомкнулись на его шее, сердце замерло, он потерял самообладание, чуть не лишился воли, попав во власть ее чар, голос в душе отчаянно взывал. Он мог смело сразиться с полчищем врагов, победить или умереть, но не покориться. То, что встретил на этот раз, было совсем, совсем другое. Он не знал, как тут сопротивляться. Она его повела в дом, в свою комнату, сходила на кухню, принесла еду. Поели за маленьким столом, сидя друг против друга. Потом она показала ему на постель:

- Полежи, Сулумбек, отдохни себе.

- А чья это постель?

- Это моя постель, постель твоей невесты. Ты поспи, мой любимый, отдохни до зари.

- А ты?

- Я посижу тут, тихо сыграю тебе на «ящик-гармони», посторожу. Он долго не решался даже сесть на эту постель. В конце концов он же тут гость. Ладно! Он снял шапку, разулся, снял черкеску, винтовку поставил рядом, прилег. Она села за рояль. Тихо, тихо заиграла, ну так тихо, что звуки его сливались со свежим ветерком, который шевелил занавеску на окне. Он сделал вид, что заснул, но не заснул. Какой там сон! Вон сидит и бегает нежными пальчиками по клавишам девушка-красавица, такая желанная. А руки, как крылья белой птицы. Встает, идет к нему, смотрит на него. Хорошо, что в комнате полумрак. Она нагибается и целует - его. - Ав-вой са Дяла! Его обожгло. Когда она снова отошла к инструменту, Сулумбек облизнулся проверить: действительно ли его обожгли. Он мучился и

чувствовал необыкновенное счастье. О, если бы Зелимхан видел бы меня сейчас. Он резко прикусил губу, сдерживая смех. Этому надо какой-то конец положить. Или жениться или нет, второе им не надо. Жениться! Жениться нормально, как положено у благородных людей. А где я ее поселю? Подумать надо. У Зелимхана есть жена? Есть. А почему у меня не должно быть жены? На рассвете она его провожала, как провожает жена мужа горца, уходящего в поход. Поддержала коня, пока он садился в седло. Повела за ворота, протянула вышитую замшевую сумочку.

- Что это?

- А ты посмотри. Сулумбек развязал шнурок и достал оттуда красивую курительную трубку, пачку дорогого турецкого табака и спички.

- Мой подарок, чтобы никогда не забывал.

- Табак пахнет, как духи.

- Это мой аромат. Сулумбек, езжай с Богом, но помни, что у тебя есть невеста, она ждет тебя. Поезжай, но не оборачивайся, а то мне будет тяжело.

- Ладно. - лошадь пошла тихим шагом, а потом остановилась. Всадник двинул корпусом, чтобы повернуться назад, но воздержался. Лошадь сделала еще несколько шагов. Он резко взмахнул рукой, развернулся и подъехал к ней, подхватил ее, как пушинку, посадил впереди себя и так сжал ее в объятьях, что у нее хрустнули косточки, поцеловал и спустил на землю.

- Неужели за это ты отправишь меня в ад? - вопрос, был обращен к небу. - Думаешь, мне легко? Сам виноват! Когда она пришла в себя, его уже не было – только удаляющийся стук копыт.

* * *

Там за Терекон у него было одно место, куда он приезжал отдохнуть и выспаться всласть. Незаметное боковое ущелье, небольшой каньон с ручьем и сочной травой. Вход до того тесный, что коню приходилось протиснуться, но зато потом - маленький рай. Сулумбек снял седло, разнуздал и отпустил Кадай на волю - пусть отдыхает. Сам стал взбираться на кручу. Наверху небольшая площадка и кустарник. В тени этого кустарника он и расположился. Постелил бурку, сложил аккуратно седло и оружие. Тут он не боится. Отсюда обзор и в каньон, где пасется Кадай, и на Терек. Сел и достал трубку, набил ее табаком и прикурил от спички, затянулся и закрыл глаза от удовольствия. Лег на бок. Сулумбек сегодня не пойдет стражника убивать. Стражника, конечно, надо убить и убьет, но не сегодня. Стражник ударом ногой выбил глаз старику. Старик нес из города пуд соли для овец. Стражник запросил за проход рубль серебром. Денег не оказалось. Он же не может сидеть здесь, встал и пошел. Стражник догнал, стал избивать, материться. Глаз выбил. Глаз - за глаз, говорят, но это хлопотно - он его просто пристрелит. Такое нельзя прощать, а то привыкнут избивать

нас, как бессловесный скот. И мы привыкнем быть избитыми. Но сегодня у него рука не поднимется, какой-то сладкий мир поселился в душе.

ПОРУЧИК ДУБОВ

Когда Елена вышла на веранду, ей представилась картина, которая возмутила и оскорбила: по двору и по саду ходили казаки, заглядывая в каждый угол, под каждый куст, двое на веранде заходили в комнаты. В домике прислуги тоже шныряли казаки, бедные старики стояли во дворе, перепуганные насмерть, не зная что им делать. Казак вышел из очередной комнаты, той, что была рядом с Елениной.

- Извольте посторониться.

- Что?

- Мне нужно туда пройти, для досмотра.

- Это моя комната! Это мой дом! Как-вы смеее?!

И тут она, наконец, заметила поручика Дубова, это он руководил всей экзекуцией, которой столь бесцеремонно подвергался ее двор.

- Поручик, что происходит? Чем объясните столь дерзкое вторжение в частное владение?

- Извините, Елена Александровна, обстоятельства чрезвычайной важности вынуждают нас на крайние меры, сопряженные с некоторыми неудобствами для Вас. Еще раз извините.

- Разбойника ищем.

- Какого такого разбойника?

- Саламбека Гараводжева. - он прошел по двору к самой веранде. Казак, которому Елена загородила дорогу в свою комнату, вопрошающе посмотрел на начальника, - Елена Александровна, посторонитесь, пусть удостоверится, что там никого нет.

Казак силой отодвинул хозяйку в сторону и вошел в ее комнату. От такого унижения кровь ударила в голову, она вся задрожала от бессильного гнева и обиды:

- Вам это, поручик, так не сойдет. У меня брат офицер и отец не последний человек в городе. Вы пожалеете, что явились ко мне во двор с этими.. с этими грубиянами.

- Долг велит мне поступать таким образом, долг перед государем.

- Какой такой долг?

- Долг поимки разбойника-абрека. Ну а насчет братца Вашего и папаши - то слухи нынче пошли, чести им не делающие.

- Какие слухи? Что за вздор Вы мелете?

- А слухи такие, Елена Александровна, что Саламбек Гараводжев, абрек, опасный государственный преступник, имеет

обыкновение частенько навещать Вашу виллу, а Вы, дескать, весьма даже благосклонно его принимаете тут.

- Вам, воякам, больше нечего делать, как собирать сплетни да врываться в частные дома?

- Не мы сплетни, то бишь, слухи распускаем. Слухи имеют обыкновение возникать на какой-то почве. Елена Александровна, есть один действенный способ избавить Вас и Ваших близких от этих домыслов и слухов.. Вы меня слушаете?

- Ну и что это за способ? Потрудитесь изложить.

- Выходите за меня замуж.

Ее точно плетью стегнули. Она даже подскочила.

- За Вас? За офицера?

- Офицер - государев слуга, Елена Александровна. Ваш брат тоже офицер. Не смешивайте нас всех с этим жуиром Алексеем Кубатовым.

- Федор не такой, как все.

- Похвально с Вашей стороны защищать брата, а так как нас некому защитить, Вы нападаете и всякие неприятные слова говорите.

Разговоры с этим человеком ее тяготили, она попыталась выдворить их со двора.

- Вы, поручик, надеюсь, свою миссию исполнили, так прошу удалиться и освободить мой двор от этих дикарей.

Нехорошо, Елена Александровна, служивых людей унижать такими оскорблениями. И все же подумайте о моем предложении, - бросил он, покидая этот двор. - В этом Ваше спасение.

- Забудьте дорогу сюда! Я позабочусь, чтобы Вас в числе наших гостей никогда больше не было. Он резко остановился, словно ему в спину всадили пулю. Такой оборот дела он не ожидал.

- За что же, Елена Александровна? Я Вас хотел от зверя этого избавить. Может, он Вас тиранит, денег выманивает, а Вы боитесь его и вынуждены, бывает же такое.

- Я никого не боюсь. А что до Сулумбека, то не Вы ли меня ему продали за двадцать пять своих же рублей? А теперь чего от него хотите? Он честно заработал эти деньги и уплатил за меня выкуп. Сделка совершена, и с его стороны все правильно. В чем Ваши претензии, поручик? Вы хотите расторгнуть сделку?

- Ему не избежать встречи со мной! По нему давно веревка плачет.

- Так вы же однажды встречались ведь! Не так ли? Поручик бросил на нее злобный взгляд. Команда уехала. Елена сошла вниз успокоить стариков-слуг, Оба плакали и дрожали от пережитого страха.

- Я знаю, кто тут языком работал - сосед наш.

- Купцы Сторешниковы? - изумилась Елена. - Что им до нас?

- Нет. Не купцы, а слуга ихний Базар. Всегда так хитро смотрит, все выпрашивает, а если к нам кто приезжает, на забор залезает, да во двор смотрит. Хотите я Вам, хозяйка, еще что покажу. Пойдемте в сад.

Он повел жену и Елену, над дощатым забором, выстроенным между их и соседней усадьбами. В одном месте был лаз внизу две доски подпилены так, что взрослый человек спокойно может пролезть в их сад. С той стороны был приставлен кусок доски. Трава примята, заметна тропинка, протоптанная тем, кто через этот лаз проникал. Она вела к задней части их дома.

- Видите? Вот! Я однажды видел, как он убежал. Думал в чужой сад лазит, что покушать берет.

- Зачем лазить в наш сад, когда у них свой побогаче нашего?

- Есть люди, которые сытятся только от чужого. Но он не за фруктами лазит - он язык.

- Язык?

- Да, язык Доносчик.

- Ах, доносчик. - тут она поняла, что к чему. Ее связь с абреком уже известна и поручик Дубов наехал по наущению. Сулумбеку грозит опасность.

- Что же делать? Что же делать? Ты, пожалуйста, Кави, заделай эту дырку.

- Ничего. Будем думать. У меня друг есть большой охотник. С ним посоветуюсь. Когда брат Федор придет, скажи, чтобы со мной поговорил. Все будет хорошо. Не тревожься. Федору в тот же день она передала просьбу старого дворника, и они во дворе долго о чем-то совещались. Потом повадился охотник, кумык Хасан, большой любитель вина. На неделе под вечер приехал Федор и еще двое его сослуживцев во всем горском: бурки, папахи, черкески. Сошли во дворе с коней и очень шумно говорили, коверкая слова на горский манер, как они считали.

- Ассалам Алейкум, хозяйева! Кито живиот издес?

- Гар-р-рабит! Давай денги! Ви богаты! Елена, как увидела брата в таком наряде, закатилась

ХОХОТОМ.

- Ты, девишк, что смееш? Абрек Саламбек смееш?

- Псе забрать! Денги забрать! Девишкэабрать! Офицеры, друзья Федора, как истинные артисты, разыграли спектакль, а затем, скинув бурки и папахи, уселись в столовой пировать. Елена посчитала, что молодежь решила подурачиться в свое удовольствие. Это были еще не успевшие испортиться младшие офицеры.

- Сыграть вам, господа, что-нибудь нагоняющее аппетит?

- Сыграйте! Сыграйте, Елена Александровна. С аппетитом у нас и так хорошо, сыграйте что-нибудь веселое. Она села за фортепьяно, хотела сыграть, как вдруг из сада раздались жуткие душераздирающие крики человека.

Федор вскочил:

- Господа, кажется, «зверь» в капкане!

- Так быстро? - молодой офицер-лезгин поставил полный бокал на стол.

- Поторопился очень. Предлагаю первые бокалы осушить, а потом уж идти смотреть «зверя». Пусть посидит пока. Его дружно поддержали. «Зверь» попался в капкан не там, где лаз был, а на тропинке у самого дома.

Старик Кави громко причитал над «уловом»:

- Ай! Ай! Ай! Кого поймал? Как попал? Что делал в чужом саду? Не стыдно? Ой беда! Ой беда! Яблоки хотел?

- Мне больно! Освободи меня! - и грязный мат. На шум прибегают офицеры.

- Ты, Кави, капкан на зверя ставил?

- На зверя. Куры у старухи пропадать стали, думаю лиса повадилась. Вот, оказывается, кто курей крал.

Очень серьезное лицо делает Федор и обращается к товарищам:

- Господа, думаю - это вор. Вор ведь?

- Вор! Вор! - решительно подтвердили офицеры, - как не быть ему вором, коли незваный в чужое владенье проник и тайно. Не снимайте его с капкана, пока околоточный не засвидетельствует. Пошлите в ближайший участок.

- У меня, может, нога сломана! Ну что вы за люди? Освободите же! Я на вас пожалуюсь!

- Нельзя никак. Ты почему сюда залез? Почему туда не смотрел. - пальцем показывает Кави на ветку яблони, с которой свисает картонка, а на ней крупным буквами: «Нэ хады суда! Плоха будыт».

- Видал? Э-э! Дурак! Смотреть надо. Офицеры были в восторге от этой надписи.

- Тут и предупреждение надписью. Каторга этак годков на пять. У Вас, Федор, вещи, небось, пропадали?

- Да не вор я. Сообщите обо мне поручику Дубову. Он поручил мне.

- Что поручил? - присел на корточки Федор.

- Какое поручение? Лазить в наш сад?

- Позовите поручика Дубова.

- Никого к тебе не позовем и капкан не снимем, пока не придет околоточный и не запишет все на бумажечку. А то как мы тебя на каторгу отправим?

- Зачем на каторгу, когда я это следил по поручению поручика Дубова.

- За кем следил?

- За домом Вашим. Он мне платил за это. Чтобы знать ему, кто сюда приходит.

Раиля привела купчиху Сторешникову.

- Тебе чего фруктов не хватало, али что? Зачем в чужой сад полез? Ворюга ты эдакий! Буслай!

- Я, Аглая Феофановна, Вам все объясню, когда дома будем. Прикажите, ради Христа, капкан снять. И не вор я вовсе.

- Как же не вор, когда тебя в капкан поймали в чужом саду? Вор и есть вор. И ты нам больше как работник не нужен. Пусть что хотят, то и делают с тобой. Во двор более не пуцу. Нам такая репутация ни к чему. Аглая Сторешникова демонстративно покинула двор, на ходу бросив соседям:

- Сдайте его полиции. Федор и друзья ушли к брошенному столу. Кави сжалился над несчастным доносчиком, нажал пружину капкана и разомкнул челюсти-дуги.

- Кость целая. Мало-мало мясо порвал на ноге, кровь пошла. Не ходи в чужой сад. Не хорошо! Бумагу почему не читал? Быстро убегай! Далеко убегай, а то господа в тюрьму отправят, - тихо шепнул неудачнику-сыщику на ухо Кави. Тот вскочил и прыжками, прыжками побежал со двора. Но в свой двор Сторешниковы его уже не пустили, выбросили через забор вещи:

- Убирайся, чтобы следа твоего здесь не было, вор несчастный! Убирайся! Базар нашел у забора сучковатую палку, забрал свою котомку, хныча и прихрамывая, побрел в сторону города. Его счастье, что нога хоть и пострадала, но не была поломана. Это Кави выбрал капкан без зубьев, богобоязненный мусульманин Кави. Но Базар и не думал благодарить доброго старика. Он проклинал и Александровых, и Сторешниковых, старика Кави со всей татарвой вместе, абреков и поручика Дубова. Такова уж судьба доносчиков. Даже Иуда, предавший Христа, не был счастлив тридцатью сребрениками.

* * *

Родители Маро не так богаты, как Александровы, но Елена любит бывать в небольшом уютном домике закадычной подруги. Арютюновы держат всего одну служанку Марфу, которую наняли совсем недавно. Мать Маро, госпожа Саламе, распределила домашние работы между всеми женщинами дома и требует их строгого исполнения. Домик чист, везде порядок, как в аптеке. Когда приходит гость, ту освобождают, к кому он пришел - такова семейная традиция.

- Маро, вы отпустили детей на каникулы?

- Да. Вчера мы все ушли в летний отпуск. Я – свободная птица до самой осени! Мама обещала отпустить меня к тебе в гости на целую неделю.

- Вот радость-то какая! А я тебе, Маро, новость привезла. И точно ты этого не знаешь.

- Что за новость? Рассказывай, не томи! - затормошила подругу Маро. - Ну?

- У нас на моей вилле обыск производили. Много казаков.

- Обыск? А чего они искали на твоей вилле?

- Ни чего, а кого. Сулумбека искали. Их привел Поручик Дубов.

- Дубов искал абрека?

- Абрека. - она заговорщицки прищурилась, понизила голос и в ухо Маро сказала. - Он ко мне приходит. Уже два раза приходил. Вот! Мы встречаемся. Свидания.

- Леночка, вы встречаетесь, как любовники?

- Ты что, Маро! Нет. Мы встречаемся - как муж и жена. Маро так и обомлела, хлопала глазами и долго не могла что-то выговорить.

- Но муж и жена, когда венчаются.

- Мы обвенчались с ним по их обычаю, нам Кави устроил венчание. Их священник был.

- А так можно?

- У них можно. Любой мусульманский мулла может обвенчать другого мусульманина, только чтобы по доброму согласию обеих сторон.

- А благословение родителя?

- Я получила. Отец согласился. Большие карие глаза Маро горели восторгом:

- Как-к-кая ты смелая, Леночка! Я бы так, наверное, не смогла.

- Я счастлива!

- А как вы собираетесь жить? Он же абрек.

- Если позовет - пойду с ним в горы. Я даже пистолет купила через брата - кольт! Вот.

ВСТРЕЧА СОПЕРНИКОВ

Встреча была настолько неожиданной, что Дубов оказать сопротивление не смог. Он отъехал от казармы всего-то шагов на сто. Из переулка с ним поравнялся всадник в казачьих погонах, рывком схватил уздечку его лошади, хлестнул ногой по крупу и погнал. Дубов потянулся правой рукой к кобуре, но там револьвера не обнаружил. Он за саблю, но его резко предупредили:

- Дубов, сиди смирно, если жить хочешь! Это длинное железо тебе не поможет. Спокойно! Они вихрем влетели в какое-то тесное пространство меж трех домов: два дома стояли друг против друга, а третий напротив поперек - одни глухие стены. Всадник снял с лица башлык:

- Узнаешь?

- Саламбек?

- Молодец! Узнал. Дубов, я мог тебя убить. Это мне совсем легко. И тебя мне не жалко нисколько. Но я не хочу принести уважаемым людям неприятности. Оставь свои грязные дела! Ты сказал, что меня поймаешь. Видишь, я тебя поймал, прямо там, где ты служишь. Второй раз.

- Ты у меня невесту похитил. Ты.

- Невеста твоя? Кто? Елена? Елена - моя жена. Поручик весь задрожал от ревности:

- Значит ты ее силой взял. Не достойно.

- Я силой?! Дурак ты настоящий, Дубов. Воллахи дурак! Это она меня взяла, а не я ее. - Сулумбек откинулся в седле и залился гортанным смехом, - вай, что говорит этот человек! Совсем с ума сошел!

- Наверное, ты угрожал расправой ее родным.

- Не-е-ет, Дубов! Нет! Не угадал! Любит! Понимаешь?!

- Тебя, вонючего горца любит, образованная?

- Э-э, Дубов, Дубов. Я пахну конским потом, травой, камнем, землей. А ты пахнешь говном. У тебя изо рта запах, как из грязного места. Образованная-мобразованная - наши умные люди говорят, все женские тела одинаково построены, только души там разные. Все! К моей жене близко не ходи. Убью! Абрек нагнулся, сверкнул кинжал, подпруга порвалась, седло стало съезжать набок. Дубов успел соскочить на землю.

- Это я - потому что ты дурак, чтобы тебя не убивать.

- Не смей оскорблять - я царский офицер!

- Царь? Большое дело, твой царь! Шакал он, твой царь.

- Я не позволю о царе-батюшке говорить всякие дерзости!

- Ба-а-тушки, батюшки! Моаташки, моаташки! - запел абрек, развернулся и поехал прочь. На ходу бросил. - Я тебя предупредил. Воллахи, Дубов, ты мне надоел.

БАГРОВАЯ ОСЕНЬ

Телега остановилась напротив усадьбы Сторешниковых. С нее сошел мужчина в горском облачении. Возница отъехал в сторону. Был еще мальчик лет девяти, видимо, сын возницы, он сидел на козлах рядом с отцом.

- Арба-хозяин, скажи сыну, пусть он подойдет к воротам и постучится. Я ему деньгу дам. Мужчина полез в карман, достал монетку и повертел ее перед лицом мальчика. Возница что-то сказал на своем языке, видимо, разрешил, мальчонка ловко спрыгнул на землю, пробежал шагов с десять, остановился:

- Что сказать, когда выйдут?

- Скажи, к госпоже Елене ингуш-посланец с гор что-то хочет передать. Потом я подойду.

- Какой ты ингуш? Одежда ингуш, ты не ингуш. Зачем обманываешь? - удивился возница. - Ты же русский человек.

- Тебе что за дело - вези куда приказывают, раз хорошо платят. Я тебя за два конца заплатил?

- Платил.

- Хорошо платил?

- Хорошо.

- Ну вот, а мальчонка пусть свое зарабатывает на пряник. А может, я всамделишний ингуш? Тебе зачем это: меньше знаешь - дольше проживешь.

- Ладно. Чего серчаешь. Я так говорил, так. Мальчик остановился У ворот Александровых, стал стучать. Калитку открыл старик Кави.

- Тебе чего, мальчик?

- Вон дяденька ингуш-посланец с порученцем к госпоже Елене. Пусть выйдет. Говорить будет.

- Сейчас позову.

Дворник усмехнулся про себя: наверное, опять привезли горшочек с медом. Кави ушел во двор. Мальчик вернулся к телеге.

- Кто меня звал?

- Елена вышла и оглянулась по сторонам. «Ингуш» надвинул папаху на переносицу, двинулся, к девушке.

- Это я Вас звал?

- Вы от кого?

- Я. Я от. - подойдя вплотную к девушке, этот человек неожиданно выхватил из кармана нож и нанес ей два удара в живот. Та вскрикнула и упала. Злодей бросил тут же нож и побежал к телеге.

- Вай! Вай! Что ты сделал, гяур?! - закричал возница и тронул вожжи. - Ты за это платил хорошие деньги?! У своих ворот взывали о помощи дворник Кави и прибежавшая на крики Раиля. Лошадь пошла бегом. Кричал мальчик, который не мог на ходу заскочить на телегу. Убийца пытался догнать телегу, тоже кричал:

- Стой! Стой! Ты деньги получил. Убью! Стой! Он догнал телегу и ухватился за нее. Возница развернулся и стал хлестать его кнутом.

- Кет [107](#)! Кет, шайтан! Не ходи моя арба. Кет! Ты человека убил. Мой честный. Такие дела не надо. И, наверное, злоумышленник все же сумел бы забраться на телегу, если бы два могучих удара не повалили его в дорожную пыль. То был купец Сторешников с толстой палкой в руке.

- Э-э! Вот оно что! Базар, никак ты? А вырядился как потом он крикнул вдогонку уезжающему вознице.

- Махмутка, я тебя знаю! Убежишь - хуже будет. Повертайся, коли сам, не замешан. Возница остановился и стал разворачиваться.

- Ай, что со мной будет? Довези, говорит, хорошо заплачу. Я не знал, что задумал, нож сперва не видел, потом увидел, оправдывался возница. Елену, истекающую кровью, повезли на фаэтоне Сторешникова в больницу, ее сопровождала Раиля. Базара с перебитым плечом и ребрами заарестовал околоточный, посадил на телегу Махмутки и повез в участок. Первым приехал отец Елены.

- Очень тяжелые ранения, очень тяжелые. Сделаем все, что в наших возможностях, господин Александров. Раненая потеряла много крови. Будем стараться, во сами видите, тяжелая. Стараемся. Извините, но Вам пока к ней нельзя. - хирург хотел уйти.

- Она хоть в сознании?

- Нет. В сознание не приходила. Зверский удар в живот. Примчался Федор. Узнав от Раили подробности случившегося, сел на скамью во дворе больницы и заплакал. К раненой их запустили только к вечеру. По лицам врачей Александр Константинович понял, что надежды нет никакой. Ледяной холод обдал его душу, он побледнел. У него тряслись руки.

- Что там?

- Пришла в себя. Вас, отца, хочет видеть и брата. Няню зовет. Плоха, очень плоха.

Раиля, как вошла, так и припала к ногам Елены:

- Маленькая моя! Нежная! Что это такое?! За что? Отец и брат встали на колени по обе стороны кровати, взяли каждый по ее руке. Казалось она была белее простыни.

- Хорошо, что вы пришли. Это няня там плачет? Не надо! Папа, я уйду, я была счастлива, я была.

- Какое это счастье, доченька, в таком возрасте? - вырвалось у несчастного отца вместе с рыданиями.

- Иные живут до ста лет - и ни дня счастья. А я была, была счастлива, была. Феденька, похороните меня в саду над обрывом. Ему передайте. У нее началась предсмертная агония.

* * *

Поручик Дубов одним из первых узнал о случившемся злодеянии. Он прискакал на коне к участку, где был заключен Базар. Убийца лежал на парах и стонал. Он был искалечен.

- Оставьте нас одних. Мне нужно с ним поговорить. Следователь, который был вызван на предварительный допрос, и околоточный вышли. Дубов закрыл дверь и подошел к нарам.

- Ты что натворил, тварь безмозглая?! Я тебе дал денег, чтобы ты нанял, а ты сам решил? Пожадничал. Напился до одури и пошел туда, где тебя хорошо знают. Ну не дурак ли?

- Вашеблародие.

- Молчи, негодяй! Чтобы моего имени не упоминал, когда допрашивать станут. Упомянешь - заплачу уркам, и они тебя удушат. Понял? Скажешь, что спьяну все получилось, не знаешь как и что. А я тебя потом вытащу. Обязательно вытащу.

- Вашеблародие, прикажите к врачу - умру ведь.

- Хорошо. Но помни, что я тебе сказал.

* * *

Показания купца Сторешникова Сильвестра Чеславовича, записанные следователем Титовым под диктовку показателя: «В тот день я возвращался домой на своем фаэтоне. Было время послеобеденное. Через дорогу напротив нашей усадьбы увидел кумыка Махмутку, которого давно знаю, потому этот Махмутка на рынке занимается извозом на своей телеге. С ним еще был мальчонка. Я остановился, хотел было постучать, что бы мне открыли, тут и услышал женский крик у ворот соседей, крик тот был от боли. Вижу человек в ингушском

облачении бежит к телеге Махмутки. Человека того я узнал: то был мой бывший работник Базар. Я того Базара более двух месяцев тому назад уволил, уличив в том, что этот Базар залез в сад соседей, тех же Александровых. Махмутка был испуган, пытался уехать, Базар его нагнал, чтобы сесть в телегу. Мухмутка кнутом сгонял убийцу с телеги, ругался. Тут я услышал крик дворника Александровых, что дескать девушку зарезали. Я схватил попавшийся под руку дрын и нагнал Базара, как раз когда тот лез в телегу. Я ударил его, что было силы, сколько раз не помню. Он свалился. Махмутку я узнал, потому он не стал уезжать. Не думаю, что он сообщник убийцы. Девушку Елену на моем фаэтоне доставили в больницу. Вот что я знаю по тому, как извергски была убита упомянутая девица Елена. Упомянутая Елена образованна и к культуре весьма охочая. Всегда читает умные книжки, играет на фортепьянах. Александровы, соседи наши по дачам, люди состоятельные, в городе известные».

* * *

Он был здесь четыре месяца тому назад. Тогда судьба протянула ему хмельную чашу счастья. Сегодня ему пришлось выпить горькую чашу. Куст, под которым он разостлал бурку, стал красным. Осень щедро расплескала по скалам и кручам багровый цвет увяданья. Сулумбек присел на бурке, достал трубку и стал набивать ее табаком. Та самая трубка - дар любви. Он долго и пристально на нее смотрел. Все, что у него осталось от нее, или не все? Нет, у него много чего осталось от нее - полная душа воспоминаний. Но как коротко человеческое счастье, и пришла словно запоздалая весна. Ее ждешь, ждешь, надоедает ждать - и ты махнешь рукой, совсем перестаешь надеяться. Забываешь о ней совсем, в одно утро небо ясно, как вода в ручье, свежая земля и яркое солнце. Весна! Душа наполняется радостью. Сулумбек слышал из песен и сказаний о большой любви и о необыкновенном счастье, которое сопутствует ей, но что оно может прийти к нему, к Сулумбеку, никак не предполагал. Любовь приходит к избранным, это какой-то божественный дар, за особые заслуги перед Всевышним. А он, абрек, человек грешный, - но и на его плечо опустилась благодатная птица, а прилетела она оттуда, откуда он и подумать не мог. Как он был счастлив! Он опьянел, ибо как он мог поверить в реальность того, что с ним случилось. Он увозит дочь богача, просто чтобы наказать этих пресыщенных людей за надменность, сделать им больно, чтобы показать им их бессилие против обычной отваги. Но получилось не то, что задумал Сулумбек, другое получилось - неожиданное, очень хорошее. Когда что-то человек замышляет, - а он не знает, куда это приведет. Сулумбек хотел поиздеваться над их растерянностью и отпустить девушку просто так, показать им, что плюет на их деньги. И если ему эти деньги понадобятся, то он их заберет в любое время с любого места. Увозя в горы девушку, Сулумбек упустил из виду, что и в теле этой девушки есть душа. Эта душа неожиданно распустилась ярким цветком - аромат опьянил Сулумбека, стал забывать, что он абрек, не имеет право на счастье, доступное всем остальным людям на земле. Они ворвались в его душу. Теперь они убили ее. А он щадил их в это лето. Белые лебединые крылья и нежнейшие пальцы властно снимали его руку с затвора винтовки. «Сулумбек - милосердия!» И он проявлял милосердие. Нет, конечно, он не кричал о милосердии - он просто не убивал того, кто был достоин смерти, кто сам не щадил других. Теперь пусть не ждут от него

пощадь! Он уподобится ангелу смерти Молколмовту, пока его самого не посетит Молколмовт. Ему теперь все равно: пусть приходит, когда захочет. Это солнце его больше не греет.

Сулумбек отложил трубку на землю, прилег и тихо закрыл глаза, задремал, - во сне счастье вернулось к нему: руки - лебединые крылья - самозабвенно ласкали его; густые черные волосы дарили прохладу ночи, после знойного дня, нежные пальчики бегали по клавишам «ящик-гармони», извлекая волшебное журчание; глаза светили в самое сердце, а огненные губы дарили хмельное счастье.

Сулумбек проснулся - счастье испарилось - то был сон, воспоминания былого, тень от его счастья. Он присел, оглянулся по сторонам, увидел трубку, выбил из нее пепел и снова долго на нее смотрел.

Встал тяжело, взял бурку и седло, стал спускаться в свой любимый каньон, где паслась его лошадь.

Когда он подъехал к Тереку, то был совсем другой Сулумбек, Сулумбек, не знающий пощадь.

* * *

Группу арестантов вывели из Владикавказской тюрьмы для отправки в Грозный. Осенний невзрачный день, морозящий дождь и слякоть под ногами. Конвойные сердито окрикивают тех, кто нарушает движение колонны. Мешали лужи. Арестанты шли через них.

- Шаг-г-гай вместе! Не отставай! Ты куда? Во главе колонны шли две подводы с больными неходячими

- Поех-х-хапи! Не зад-д-держивай! Казачий есаул на скаку догнал колонну и поравнялся с ней.

- Вашебродь, не положено - отойдите. На дистанцию заметил начальник конвоя, но есаул это замечание проигнорировал, приподнялся на стременах и крикнул:

- Я привез освобождение Базару. Есть среди вас Базар? Где Базар?

- Есть! Есть! Я - Базаров! - поднялся на подводе арестант.

- Это я. Освободите меня скорее. Я же говорил, что меня осво...

Грянул выстрел - Базар замертво свалился, в подводу на больных лежащих арестантов. Поднялась паника, крики, замешательство. Конвойные бросились сбивать арестантов в тесную кучу, чтобы никто не мог в суматохе убежать. Есаул исчез, как в землю провалился. Конвой не мог бросить арестантов и преследовать убийцу, тот ушел невредимый.

* * *

Владикавказские офицеры славились своим умением устраивать загородные увеселения.

Выезд офицеров с дамами предполагал не просто легкий пир на природе, а бурный веселый праздник вина и страстей. Выезжали по поводу важного события. Поводом могли послужить христианские праздники, дни ангелов, повышение по службе и просто воскресный день.

Имеют же право слуги царицы после тяжких трудов по удержанию в покорности этого буйного края, денек отдохнуть, имея одесную избранниц своих сердец? Разве они не заслужили этого?

Поручика Дубова переводили в г. Ростов с повышением. Он прощался с боевыми товарищами - это был повод сегодняшнего гулянья в лесочке под Лысой горой. На поляне был разостлан большой ковер, привезенный из города, а на ковре белоснежные скатерти, полные яств и вина всего в избытке.

Начиналось всегда с общего застолья: тосты, звон бокалов, веселые речи, учтивые слова кавалеров, одобрительный смех дам. Когда сердца достаточно разгорячались, объявлялся антракт: пары расходились в разные стороны, прихватив с собой закуску и вино. Выбрав для себя укромное место, пара располагалась для уединенного времяпровождения, и, чтобы их покой не был нарушен кем-то другим из компании, кавалер вешал свой головной убор высоко на сук так, чтобы издали видно было, что место сие занято. Новая пара, увидев на своем пути такой знак, шла в другую сторону.

- Пардон! Тут, милая, занято. Пойдем искать другие апартаменты! - вежливо замечал кавалер. Надо справедливо отметить, что кавалеры на таких вот загородных пикниках вели себя с дамами вежливо, проявляя нежность к слабому полу, хотя изредка между собой затевали ссоры, которые нередко кончались ранениями или даже гибелью. Когда пары уединялись, за пиршество принималась прислуга и музыканты, если они были приглашены. Прислуга знала, что господа к столу вернуться не скоро, по крайней мере, не раньше через три-четыре часа, и поэтому принималась угощаться на славу так, что к приходу господ были пьяны вдрызг.

- Пойдем-те, поручик, подальше от людского шума, возможно это наше последнее свидание. О! Борис! Ты меня покидаешь. Я тебя больше не увижу.

- О, моя Муза! В мой радостный день не говори грустных вещей. Я буду тебя навещать часто. Он увидел раскидистый бук, протянул руку и тихо запел даме на ухо:

Под чинарой густой

Мы сидели вдвоем.

Дубов повесил фуражку на макушку куста, снял мундир, разостлал на траву, посадил на него

Музу, а сам прилег рядом, обхватив ее нежно за талию:

Мне она отдалась

До последнего дня.

- Ты меня не любишь. Ты меня совсем не любишь. неблагодарный такой... Бросает... с постылым мужем, который про нас все знает, но молчит. Музе хотелось хоть немного романтики, ну хоть напоследок. Она прекрасно знала, что молодого любовника-поручика больше не увидит никогда. На новом месте он найдет себе другую, может, по моложе да побогаче и покрасивее. Говорили же, что он имел интерес к дочери грека-промышленника, которую какой-то пьяница недавно зарезал в пьяном угаре.

- Я тебя больше не увижу. - она легла рядом, его рука деловито и привычно высвобождала белую, пышную грудь. Ее ресницы увлажнились росой, он пришел от этого в восторг:

- Я такую тебя люблю, о Муза! - стал ее целовать в глаза, а она томно отвечать.

- Зачем тебе уезжать в этот Ростов. Мы вполне можем быть счастливы. Муж не помеха, он знает и примирился. Вдруг ее речь прервалась, глаза расширились, наполнились ужасом, посмотрели мимо лица любовника, в них отразился страх, один страх и больше ничего.

- Музочка! Услада! Медовая моя! Но та покачала головой, вся одеревенела и тихо кого-то умоляла:

- О-о-о! Не надо! Не надо! Пожа.

Дубов развернулся назад и встретился со свинцовой тяжестью горящих ненавистью голубых глаз. ,

- Саламбек! Не.

Абрек рывком опрокинул поручика на спину, вонзил кинжал в грудь по рукоять. Потом вырвал окровавленный клинок, почистил об одежду жертвы, вложил в ножны и с чувством исполненного долга скрылся в зарослях. У Музы от страха отнялся язык. Она долго не могла прийти в себя, не могла пошевелиться. Дубов лежал с открытыми глазами, по белой рубашке стекала кровь, подтекла под Музу и намочила ее платье. Тут она закричала, что было силы, и побежала к поляне.

- Убил! Он убил его! Уби-и-ил! При слуга, в самом разгаре своего пиршества, сначала ничего не поняла, но увидев кровь на платье Музы, вмиг протрезвела.

- Кто убил? Кого убил? Где?

- Он такой страшный - поручика Дубова зарезал! Там под чинарой лежит. Это был Саламбек! Тут Муза потеряла сознание и рухнула на траву.

ЕЛЕНИН ЧУРТ

Он долго стоял под яблоней и наблюдал, как Сулумбек хлопотал над могилой его сестры Елены. Человек до того был увлечен своей работой, что не заметил прихода Федора. Абрек уперся ногами в землю и вытянул крест, поставленный у изголовья. Крест он не бросил, взял, отнес к самому забору и приставил к нему. Мол, если он кому понадобится, берите, только на этой могилке ему не место. Он снял с крупа лошади плоский скальный камень-стелу, аккуратно отесанную горным мастером-камнетесом. Бурка и оружие лежали на могильном холмике. Шапку тоже снял и положил туда же. Достал кинжал и стал рыть прямоугольную ямку, временами выгребая землю руками. Когда ямка была готова, Сулумбек поднял стелу и установил туда. Отошел к подножью, посмотрел, ровно ли стоит, чуть поправил, опять посмотрел - остался доволен. Утрамбовал ногами, а потом еще куском тяжелой реи. Нежно провел руками по эпитафии, погладил всю могилу, оделся. Потом он долго молча стоял, держа руки перед собой - молился. Когда абрек провел руками по лицу и стал собираться, Федор пошел к нему. Заслышав шаги, абрек несколько не встревожился. Федор кивнул ему головой, тот ответил тоже кивком. Лицевая сторона верха стелы была гладко отшлифована, там круг, а в кругу - полумесяц и звездочка. Под кругом - альпийский цветок, тот самый, который привозили Елене женщины-горянки, проезжая мимо их виллы в город на базар.

- Елен-девка издес живу? - спрашивали они и передавали букет, но обязательно с кувшинчиком дикого меда. Елена очень дорожила этими приношениями. Под цветком была надпись.

- Что тут написано? - спросил Федор.

Абрек хриплым голосом ответил:

- Елена. Пускай это стоит. Креста не надо.

- Ладно, раз ты так хочешь. Я скажу, чтобы оставили. Несмотря на кажущуюся внешнюю грубость обработки, стела была тонка и изящна, и было понятно, что там в земле покоится молодая, красивая в жизни и кем-то очень любимая.

- Дубов виноват. Это он подослал убийцу.

- Он. - подтвердил Сулумбек. - он больше никого не убьет.

- Дубова я убью.

- Нет. Я его уже убил. Это было мое дело. Ты хороший человек, ваша семья хорошая. У тебя невеста - женись и живи, только уходи от них.

- Сулумбек пальцем показал на погоны.

- Я подам в отставку. Мы уедем отсюда - в Таганрог, отец не может здесь жить. Он очень любил Елену.

- Наверное, - абрек положил руку на плечо офицеру. - Ты никого не трогай. Это моя кровь - две крови. Я взял уже. И еще много возьму.

- Две? Почему две?

- Она была не одна! - голос у него дрогнул, он втянул голову в плечи и так стоял, пока не смог снова заговорить.

- Две крови - мои крови.

- Ты и Базара убил?

- Убил.

- Но как ты достал его в тюрьме?

- За деньги можно купить даже русского царя. Хорошо, что вы ее тут похоронили, можно приходить, когда душа.

- Перед смертью она попросила тут ее похоронить, чтобы тебе было легче навещать. Саламбек, она тебя очень любила.

Он вздрогнул всем телом, как от удара чем-то острым, издал стон, устоялся в землю и пожал руку Федору, погладил могилку, прижался щекой к стеле и пошел к лошади. Федор чуть не зарыдал, глядя вслед этому несчастному человеку, который потерял все, что имел, а последнее, самое дорогое, была его сестра.

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Не приведи, Господи! Не приведи, Господи! Господи, не приведи, не приведи, чтобы ожидать смерти через руки палача! Когда объявят, что часы твои сочтены, что смерть свою получишь в петле! Секунда за секундой тает твоя жизнь, как тоненькая свечка, приближая тебя к подножию виселицы. Люди, все мы смертны, но пусть смерть приходит так, как неожиданный гость, как ей положено приходить, не мучая живого. Хуже нет ужаса петли. Пусть пуля, нож под сердце, даже Яд, только не это. Ты молод, тебе двадцать с лишним лет, кругом кипенье жизни, а ты приговорен. Пятеро анархистов, приговоренные военно-полевым судом к смерти через повешение, ожидали своей участи в станичной каталажке. Здесь их арестовали, здесь судили и здесь, по настоянию станичников, их подвергнут казни. Их осудили накануне пасхи. Решили казаки, что нехорошо светлый праздник омрачать смертоубийством, Христос не велел. А потом, сразу после пасхального воскресения, начинается пасхальная неделя. После пасхальной недели три дня решили погодить: неудобно как-то с праздника на расправу. А куда торопиться-то? Смутьянов вздернуть всегда успеется. Закрыли анархистов в каталажку, повесили тяжелый дедовский замок, стражу приставили, да и успокоились, пошли на праздник. А каталажка крепкая, из нее не удерешь, она сделана из тесаных бревен. Стены бревенчатые. Потолок бревенчатый, пол тоже. Вместо окон - узкая щель в четыре пальца высотой, в аршин длиной. Дверь дубовая. Настоящий гроб для еще живых людей. Неделю в ней посидишь - поседеешь. Какими словами можно передать переживания молодых людей, чувствующих неумолимое приближение мученического конца? Наверяд ли поймет это тот, кто сам не пережил сие.

Ване Макалкину двадцать один год, семинарист, готовился стать учителем. Увлёкся учением Петра Кропоткина. Стал убежденным анархистом. Вступил в группу Дениса Ермакова. Вначале их было девятнадцать человек. Когда дело дошло до боевых действий, группа стала таять. Осталось восемь бойцов. Из них один оказался предателем. Начались аресты. Двое были убиты на явочной квартире. Ребята отстреливались до последнего патрона. Дом взяли штурмом, анархистов прикололи штыками. Четверым удалось остаться в живых. На счастье, их в тот день не оказалось в городе. Ребята затаились, дали друг другу клятву уехать из города Таганрога только после того, как будет наказан предатель. Через два месяца им удалось осуществить свой замысел. Предателя застрелили недалеко от своей квартиры. На грудь положили лист: «Костин Владимир Михайлович приговаривается к смертной казни через расстреляние за измену делу революции и предательство, повлекшее за собой гибель товарищей. Смерть предателям! Да здравствует свободный народ! Боевой отряд революционеров-анархистов». В городе Белореченске они напали на полицейского, который вел арестованную девушку-революционерку. Девушке удалось скрыться, полицейский был тяжело ранен. Однако полицейский, истекая кровью, вытащил револьвер и убил одного из них наповал, а второго ранил. Пришлось и оттуда бежать.

Ваня Макалкин и Денис Ермаков скрылись с места сражения. Раненого спасти не удалось, набежала полиция.

Видимо, раненный их товарищ под пытками проговорился. Началась настоящая охота за двумя анархистами. Власть подняла все свои силы на поимку «бомбистов»: полицию,

дворников, солдат, казаков - всех, кто еще держался за самодержавие. И быть бы им пойманными в чужом городе, где у них ни родных, ни знакомых, да помогла матушка-природа: неожиданно на город обрушился такой сильный ливень, что в нескольких шагах ничего не было видно. Друзья воспользовались этим обстоятельством и выбрались из города, имея за душой по револьверу и сто рублей денег на двоих. До Владикавказа добирались в основном пешком, временами подрабатывая у местных богачей. Во Владикавказе был старый знакомый Дениса Ермакова - вместе учились в Ростовском университете, дружили в студенческие годы. Старый друг принял анархистов холодно, но помог им найти единомышленников. Образовалась новая группа из пяти человек: командир Денис Ермаков, бойцы - Ваня Макалкин, Матвей Соборовский, Гиви Мгеладзе, Устин Евсеенко. Устроились, целой артелью, грузчиками на мучных складах. Революция - это война, которую ведут неимущие инсургенты с организованной силой государства. Инсургентам приходится приобретать оружие. На это нужны деньги, много денег: ружья, револьверы, патроны, бомбы на заработок чернорабочего не купишь. Где взять много денег? У богачей, разумеется. Экспроприация! Как раз такой урок им преподал абрек Сулумбек, ограбив в городе мельника Проханова. И не ночью, не тайком, а заехал на мельницу с двумя сорванцами рано утром, когда смена заступала на работу и хозяин был при своем заведении, взял тихо без криков и выстрелов, что ему нужно было и уехал, вежливо предупредив мельника, что панику поднимать не стоит, так как это будет ему стоить головы. Вот как надо действовать! Решили анархисты выбрать удобный момент и ограбить складскую кассу господина Кролика. Деньги из кассы обычно изымали под вечер. Лучше всего экспроприировать кассу после обеда, когда там будет много денег. Революционеры рассчитывали на трусость служащих. А то как же - Сулумбек со своими ингушами пришел, потребовал, забрал, преспокойно посчитал и уехал. И было их всего трое. А их пятеро революционеров.

Наверное, все дело испортил писклявый голос Вани Макалкина:

- Руки вверх! Деньги на стол! Революция! Дама-кассирша смутилась, услышав чистую русскую речь и такое приказание.

- Щас, достану деньги. - выдвинула ящик стола, выхватила револьвер и пошла палить в грабителей. Первой пулей она сразила Гиви, был ранен в плечо Устин Евшенко. Анархисты стали стрелять в служащих. Такое переполох поднялся. Тут уже не до денег. Пришлось бежать. Оказывается, хозяин вооружил многих служащих и сторожей. их преследовали до глубокой ночи. На рассвете эти места оцепили казаки - рядом станица. Они спрятались в балке. На них наткнулась казачка, которая гнала овец пасти. Девушка сильно испугалась, побежала, стала кричать. Они ее ранили. Казаки окружили балку. У анархистов кончились патроны - их поймали, избili, повязали и заключили в станичную каталажку. Дело их разбиралось тут же. Весь боевой путь группы полиции был известен вплоть до мелочей, следствие проводили в спешке, этого требовали «обстоятельства смутного времени». Выездной военно-полевой суд устроил показательное разбирательство - наглядный урок казачеству, среди которых тоже то и дело начали появляться смутьяны. Казаков наехало много со всех ближайших станиц - но ни одного сочувствующего они не увидели. Приговорили к повешению.

- Хотя бы скорее все это кончилось. Почему они нас сразу не порубили? - у Устина сильно разболелось раненное плечо. Он тихо стонал и жаловался на жизнь.

- У бродяжки родился, как собака бешенная умру. На Матвея Соборовского нашел сон. Его тянуло спать. Он лежал лицом к стене, свернувшись калачиком. Ваня Макалкин сидел на корточках у стены, положив голову на колени, в голове кружилась одна и та же фраза: «Конец! Это конец! Всему конец! Как все это глупо?». Только Денис Ермаков ходил мерными шагами по длине каталажки от стены к стене.

- Господа, так не годится. Нельзя падать духом. Мы знали на что идем. Напрягите всю свою волю, думайте, думайте, как нам Поступить в данной, ситуации. Говорят же, что не бывает такой беды, из которой нет выхода. У нас впереди целая неделя. За неделю что только не может случиться. Ну взбодритесь!

- Бодрись не бодрись, все одно - конец, - пробубнил Матвей Соборовский через плечо.

- А вот не согласен с тобой. Я еще поборюсь за наши жизни.

- Каким образом? Позволь тебя спросить. Ты видишь этот деревянный гроб? Мы в нем как пойманные зайчата.

- Ваня, на помощь надо звать.

- Я не заметил ни одно лицо ни то что сочувствующего, но просто сострадающего. Возможно у казаков такого чувства вообще нет. Они все за царя. Матвей Соборовский протер лицо руками и присел. Ермакову удалось втянуть товарищей в беседу. Даже Устин перестал стонать.

- Вот ты, Денис, говоришь - звать помощь. Где она эта помощь? Революцию почти подавили. Народ нас не поддержал. Нам казалось, что идея освобождения суха и готова вспыхнуть, как порох - нужна только искра. Все не так оказалось в жизни. Теория - одно, а жизнь - другое. Я предлагаю не тешить себя пустой надеждой, а подготовиться к достойной революционера смерти. Не ныть. Бодриться и подбадривать друг друга, идя на смерть.

- Вы не хотите меня понять, господа. Неужели на всем белом свете не нашелся бы человек, который, не из корысти, а просто так чисто по-человечески, пожелал бы нас освободить?

- Допустим такой воинствующий альтруист в природе человеческой существует, допустим, что и в кондовой Империи Российской есть, даже может быть и на Кавказе такие найдутся.

- Не надо, Устин, плохо думать о всем роде человеческом из-за того, что мы должны идти на виселицу. В нашем положении - наша вина - мы плохо подготовили акцию. Но а насчет альтруистов - они есть - вот мы, например. Разве мы не альтруисты?

- Мы? Ваня, ты о нас самих говоришь?

- О нас говорю. Наша борьба - не альтруизм? Вспомните, как мы девушку освобождали в

Белореченске. Вот, положим, не мы бы сидим в заточении, ожидая часа смерти, а другие, совсем незнакомые - разве не пошли бы освобождать? Денис обрадовался такому умозаключению Вани Макалкина, другие товарищи мимикой и жестам показали, что так оно и есть.

- Но где же наш спаситель? Где он? Чего ждет?

- Он просто не знает про нас.

- Кто он? Где он? Как нам ему дать о себе знать? Вот, господа, вопросы, над которыми нам следует подумать. А смерть она подождет.

Денис опять заходил, но шаги его были бодрее, он думал. Вдруг остановился, встал, как вкопанный, посмотрел по сторонам и улыбка осветила его лицо:

- На один из этих трех вопросов, господа, ответ мной найден.

Устин откинулся к стене, уставился на Дениса:

- На какой из этих вопросов тобою найден ответ?

- На вопрос «кто он»?

- Ну и кто он?

- Саламбек!

- Ингушский абрек-грабитель?

- Да! Господа, вот вам ответ и на второй вопрос: «Где он?». Он где-то совсем близко. До ингушей отсюда не более десяти пятнадцати верст. Соборовский совсем оживился, стряхнул с себя сонное наваждение.

- Денис, если бы ты сказал про Зелимхана, я бы легче поверил, многие из наших боевых товарищей считают его своим революционером. Но до Чечни далеко. Не в нашем положении. А Саламбек, о нем дурная слава - жесток, говорят, без меры. Да и грабитель он, просто, выражаясь полицейским языком бандит. Зачем ему освобождать нас? Что он от этого получит?

- Господа. Саламбека характеризуют, как жестокого преступника. А нас как характеризуют, не как преступников ли? А что до жестокости, то он - воин. А воин противников не жалуется милосердием. Но никто, ни один корреспондент, как бы к нему плохо ни относился, не написал, что Саламбек жаден до денег. Грабить противника ему удовольствие, и он не милует их. Кто ему в этом мешает? Таков Саламбек! Когда ему покорно отдают ключи от сейфов, он их опустошает, вежливо прощается и, никого не убивая, удаляется. Он эти деньги, говорят, раздает бедным. Как бы нам связаться с ним?

- Позвонить по телеграфу. - пошутил Ваня Макалкин или нарочного послать.

- Телеграфом мы не можем воспользоваться. - задумчиво пролепетал Денис, - а вот нарочного послать - это возможно. Все задумались. Теперь смерть казалась им не такой уж неотвратимой, Ваня тихо запел:

По диким степям Забайкалья,

Где золото роют в горах,

Бродяга, судьбу проклиная,

Тащился с сумой на плечах.

Второй куплет этой каторжной песни разом подхватили все:

На нем рубашонка худая

Со множеством разных заплат,

Шапчонка на нем арестанта

И серый тюремный халат.

Бежал из тюрьмы темной ночью,

В тюрьме он за правду страдал.

Звякнули затворы. Со стуком и скрежетом открылось окошечко в двери, молодой казак хмуро глянул вовнутрь:

- Поете, висельники? Харч вам принесли. Забирайте. Тот молодой пусть идет. Остальные сидите. Шаркая кандалами вышел Ваня Макалкин. Там в сенях стояли две сумки, полные еды.

- Кто о нас подумал-то?

- Есть люди сердобольные: конский доктор наш Карл Федотович и учительница Агата Никандровна, из ваших они, из иногородних. А у нас тут на такой случай предусмотрены только хлеб и водица. Ну а ежели кто по доброте, то пущай. Жалко что ли? Там бутылка с чихирем - вы поосторожнее. За это меня не поглядят старики. Забирайте свой харч.

- Тебе никак нас жалко, казак? - осведомился Денис.

- Как же не жалеть-то? Хучь вы и бунтари, а все же люди, да молодые очень. А девку зачем искалечили? Кому теперь она, хромоножка, надобна будет. Это вы, ребя, напрасно.

- Да нет, казак, мы напугать ее хотели, да нечаянно задели. Тут ты прав: неладно у нас получилось.

- Ну то-то же.

- Казак, вешать нас сами будете или как? - допытывался Денис.

- На то дело палач прибудет из города. А мы снаряжение за станицей поставим. Ну будет. За сумками Карл Федорович придет завтра утречком. Он тут во дворе.

- Ай, казак, не в службу, а в дружбу: позови человека - спасибо сказать.

- Можно и спасибо сказать, - казак крикнул на улицу, Карл Федорович, хотят Вам благодарность самолично высказать, идите сюда. В дверях появился худой человек, одетый по-городскому, в отличие от казаков.

- Здравие желаю, - он осекся.

- Большая Вам благодарность от нас за доброту и заботу. Передайте благодарность и жене Вашей, А. - запнулся Денис.

- Агата Никандровна.

- Агате Никандровне. Вы скрасили наши последние дни. У нас к Вам просьба, коли не затрудним: у товарища нашего плечо ранено. Очень мучается. Если мазь какая, чтобы боль утолить? И табачку бы.

- Имеется у меня такое снадобье. Табак найдем. Кирилл, я принесу этому мученику мазь, да наложу? Зачем ему страдать?

- Принесите. Не возбраняется. Ветеринар поклонился и ушел. Казак стал закрывать дверь, а потом придержал ее и говорит:

- Дочка у них Машка. Ух, девка! Писаная красавица! Белая лебедушка! Вся сахарная!

- Хочешь на ней жениться?

- С превеликим бы нашим удовольствием, да гордячка она, чтица книжная. Пойдет ли? Не, не пойдет за казака! - он печально помахал головой, - нет не пойдет. Не таковская, зараза.

- Давай мы про сватаем ее за тебя.

- Ой, сваты нашлись! Висельнички! Трапезничайте, пока живы, а посватаемся мы сами, как-нибудь.

Он захлопнул дверь. Снова заскрежетал большой засов на дверях и маленький засов на оконце. Оставшись одни, молодые люди заговорщицки переглянулись, понимающе

переморгнулись, стали эти сумки опустошать: сыр, масло, мясо, пироги, чихирь, маленький карандаш и тоненькая книжка - Евангелие. Все поняли: это - она! Стали листать, вертеть, переворачивать, под корешок заглядывать. Ничего. Так где? Секрет нашел Устин. Он стал отворачивать лист за листом с самого начала. На пятой странице у самого корешка карандашом растянутое слово «чем». На шестой - ничего, а на седьмой - «можем», на восьмой - пусто, а на девятой - «помочь?». Фраза из трех слов: «Чем можем помочь?» Лаконично, понятно. Стали думать над ответом. Они сошлись тоже на трех словах: «Абрек, Саламбек, Ингушетия». Так и записали, как продолжение на 11-ой, 13-ой и 15-ой. Положили книгу в пустую сумку и запели:

Бродяга к Байкалу подходит,

Рыбацкую лодку берет

И грустную песню заводит,

Про родину что-то поет.

Бродяга Байкал переехал,

Навстречу родимая мать.

- Ах здравствуй, ах, здравствуй, родная.

Здоров ли отец мой и брат?

- Отец твой давно уж в могиле,

Землей призасыпан лежит,

А брат твой давно уж в Сибири,

Давно кандалами гремит.

Первый раз после заключения в каталажку молодые люди жадно набросились на еду. Огненный чихирь помог аппетиту. Надежда! В них вселилась надежда. Под вечер вернулся ветеринар. Он принес мазь для Устина, табак и коробочку спичек. Когда ему вернули сумку, он заглянул туда, достал Евангелие, посмотрел на них через очки:

- А книгу что не оставили? Читали бы. Не интересная, что ли?

Те ответили сразу:

- Мы ее уже читали. Читайте теперь ее сами.

Карл Федорович понимающе закивал:

- Ладно коли так. Дня через два еще еды принесу.

* * *

Эски собирался на поле. У калитки кто-то постучался, послышался храп коня.

- Ва, Карл! Марша воаг1алва!

- Здравствуй, Эски. Здравствуй родной! Как домашние?

- Живы - здоровы. А как у вас?

- Мы тоже пока, слава Богу, все живы и здоровы.

- Приходи. У вас большой праздник, как попал сюда?

- Дело есть, Эски, дело.

- Большое дело?

- Очень большое. Ты мне должен помочь.

- Пойдем в дом.

- Нет, Эски, давай поговорим здесь, где никого нет.

- Хорошо. Давай лошадь. Вай, какой худой! Эски отвел коня гостя под навес, привязал и вернулся. Они сели рядом на бревно и Карл Федорович подробно, в простых понятных словах изложил то, с чем приехал к старому другу.

- Самому старшему двадцать шесть, а младшему еще восемнадцати нет. Жалко их, Эски.

- Жалка, - подтвердил старый ингуш, - оччин жалка.

- Повесят их.

- Казак повесит. Казак любит эт дел.

- Как ты думаешь, Эски, Саламбек помог бы им?

Эски мог объясняться по-русски в простых вещах, но сложные мысли изложить было трудно и он прибегал к бурной жестикуляции, выразительной мимике. Карл Федорович, выросший в кавказской среде прекрасно понимал этот способ общения. Когда к мусульманину обращаются с зовом о помощи, о спасении человеческой жизни, отказать нельзя, если откажет - он не мусульманин.

- Воллах!и так! Сулумбек - мусульманин и храбрый мужчина. Но Сулумбек абрек, а абрек - это ветер никогда не сидит на одном месте. Где и как мы найдем ветер? Фр-р-р! - прилетел. Фр-р-р! - улетел.

- Эски! - Карл Федорович сильно сжал худое колено друга, заглянул ему упорно в лицо, - Эски если захочет, Саламбека найдет. Я думаю так.

- Вах! Кокой слов! Тяжелый слов! Очень тяжелый! Эски сделает, что может.

- Сделай, друг! Во имя нашей дружбы сделай!

- Сколько виреми остался?

- Посчитаем. Значит так, семь дней пасхи - надежные дни. После пасхи три дня еще отложили. Но это не надежно. Палач может приехать сразу по окончанию пасхальной недели. Из этих семи два дня ушли, остаются пять.

- Мало. Но посмотрим. пос-мот-рим. Все, разговор канчал. Бистро кушаем - дело делаем.

Пока сидели во дворе за важной беседой, семья не потревожила мужчин, но как только они двинулись к дому, вышла жена Эски, сын Идиг, внуки высыпали, стали обнимать да приветствовать, кто как умеет:

- Драсти!

- Дасти!

- Расти!

- Здорово живете, кунаки! Принеси-ка, сынок, вон торбочка пристегнута к седлу, там гостинцы вам, малышня, от Агаты Никандровны, гостинцы пасхальные - кушайте на здоровье!

Чувствовалось, что Карл Федорович здесь не новичок, его здесь встречали, как близкого и хорошего родственника. Он был здесь свой человек. Знакомство их состоялось девять лет назад в большой базарный день. Эски повез двух овец на продажу. Одну продал сразу, а вот из-за другой возник скандал со старым казаком, цена ему не понравилась. Торговались долго. Наконец казак вспылил, стал ругаться матерно. Этому не мог снести Эски, он погрозил пальцем перед носом казака:

- Мой мать не трогай, он чистый, если хочешь свой мать пожаласта. Твой дел.

- Ах ты гололобая обезьяна! На кого голос повышаешь? На казака?!

Казак развернулся для удара, Эски нанес упреждающий удар. Казак свалился, вскочил и за кинжал. Поднялась суматоха. Многие слышали, как началась перепалка, но с казаками о справедливости не поговоришь - они признают только свое право. Началась драка. На Эски

набросились человек пять, зверски избили и ушли. Совсем рядом в тот день оказался Карл Федорович. Он вмешался, чтобы предотвратить драку, но его самого сбили с ног молодые казаки, а потом добили пинками.

- Будешь знать, мужик, как заступаться за горцев.

Избитым помогли люди, подняли и посадили у арбы. Эски протер окровавленное лицо полый черкески, выплюнул выбитый зуб и грустно посмотрел на незнакомого защитника:

- Ты какой наци человек?

- Русский я.

- Зачем помогал?

- За справедливость. За правду твою.

- Правда? Разве русски правда есть?

- Есть. Мы, русские, такие же люди, как и вы.

- Эта интересни дела.

- Давай поднимайся, поехали отсюда.

- Куда?

- Ко мне. Я недалеко живу, в станице. - Я домой как-нибудь, в станицу не пойду.

- Нет! Нет! Я тебя так не пущу, ты сильно побитый. Голову надо перевязать, раны посмотреть.

- Ты дохтур?

- Доктор, доктор, только конский доктор. Все одно - живое тело, а внутри - кровь.

Люди сердобольные помогли им сесть на арбу, подняли с земли, положили в арбу связанную овцу. Вожжи взял Карл Федорович, - ему меньше досталось, а Эски даже сидеть было тяжело, он еле сдерживал стоны, чтобы не радовать хохочущих казаков. Арба въехала во двор ветеринара, из дома выбежала жена Карла Федоровича и одиннадцатилетняя дочь Маша.

- Папа! Папа!

- Боже мой, Карл! Что случилось? Кто это с тобой?

- Да ингуш один. Нас казаки на базаре расписали. Этому очень плохо. Помогите ему сойти. Эски провел у этих людей два дня, пока не удалось сообщить брату Кахараму в Доланово.

Когда уезжал со двора, Эски подозревал Машу, обнял, поцеловал в голову, снял с арбы овцу, ту самую из-за которой спор разгорелся:

- Это тебе, Маша.

- Мне, дяденька?

- Тибе. Будешь хорошо кормить, маленький барашка будет, бе-е!

- Не возьмем. Ты что задумал - плату за уход? Мы закон о гостях блюдем, как и вы. Мы же кавказские люди.

- Э-э! Карл! Не так сказал. Это не плата - это такой закон ингушский. Когда в гости придешь, привези Машу. У нас есть дочь Салихат - дружба будет, родные будут. Вы туда ходи - мы сюда ходи!

Вот с тех самых памятных дней пошло у них куначество. Свою овцу Маша назвала Бякушой. Девочка целыми летними днями возилась с ней, кормила, поила и играла с ней. Куда Маша - туда и Бякуша. Зимой под Новый год Бякуша окотилась двумя ягнятками, обе - овечки!

- Ну, Маша, пошла у тебя баранта, придется в лето овчарню строить, а то им с коровой в сарае тесно будет. Богатая невеста будешь.

Стали часто друг к другу ездить. Однажды Эски приехал с дочерью Салихат, сверстницей Маши. Девочку оставил у Лонгиных, а сам поехал по делам. Целый день девочки играли вместе, а вечером, когда собрались домой, Маша прилипла к Эски:

- Дядечка! Родненький! Оставь погостить со мной Салиху. Ну, пожалуйста!

Знал Эски, что дома жена будет бурчать, ворчать, но не мог отказать полюбившейся ей девочке - оставил на неделю. А под мархаж Эски специально поехал и привез Машу в Долаково. И с тех пор девочки празднуют вместе христианское рождество у Лонгиных, а мархаж - в Долакове у Зубайровых. Салихат почти без акцента научилась говорить по-русски, читать и писать, а Маша овладела ингушским в совершенстве. Когда Маша приезжала в Долаково погостить недельку другую, подружки вечерами шли с кудалами за водой. Сельские парни заглядывались на белолицую красавицу с толстой золотой косой. Потом пошел слух, что гостью собираются похитить. Эски сильно затревожился, предупредил сыновей, чтобы присмотрели, но девушкам выходить не запретил, как обычно делают ингуши в таких случаях. Трое братьев Салихат с винтовками занимали позиции по дороге к воде. А сам Эски отправился к отцу того юноши, которому приглянулась Маша. Сперва, как водится, вежливо обменялись расспросами (хаттараш), затем Эски резко приступил к своей дипломатической миссии:

- Гонта, мы вам, вашей семье, вашему роду, что-нибудь должны?

- Нет. Воллахли! Что ты спрашиваешь?

- Может за нами числится долг, а мы его не знаем, то скажи открыто: долг деньгами, скотом, другим имуществом или долг чести.

Гонта не на шутку растерялся:

- Эски, ради Аллаха! Что случилось?

- А случилось то, Гонта, что твой сын вместе с другими вашими молодыми людьми преследуют мою гостью, русскую девушку, якобы хотят похитить. Вот что Я тебе скажу: если, действительно, у вас серьезные намерения, укажу эзди путь - родители девушки живут на той стороне Камбилеевки в станице. Это честный древний ингушский путь. А хватать девушек, как звери хватают овец, нас научили дикие кочевники. В общем, я пришел тебя просить, Гонта, не покушаться на честь моей семьи, на наш род. Мы оскорбления не снесем.

В тот же вечер Гонта собрал своих и приступил к следствию, как полагается у ингушей в таких случаях. Тревога Зеки была небезосновательна. Были случаи, когда понравившуюся девушку похищали, чтобы отрезать путь к ее возвращению в родительский дом, покушались на ее честь. За редким случаем, такое кончалось кровью, гибелью людей с обеих сторон. Опасения его усиливались еще и тем обстоятельством, что девушка, о которой идет речь, была русская, а у местных обывателей бытовало мнение, что дескать в этом вопросе русские не так щепетильны, как ингуши. Эски дал знать, что дело будут иметь с ним лично, с его сыновьями и их ружьями, а в крайнем случае - и с родом его в целом. В те недалекие по сути исторические времена ингуши жили по обычаям своих предков, выработанных и отшлифованных веками на практике жизни. Похищение человека (в том числе и девушки) нашими отцами рассматривалось как тягчайшее преступление против семьи и рода. Такую дерзость позволяли себе в двух противоположных случаях: первое - «жених похищал полюбившуюся девушку, если его дом, семья и род в народе считался по достоинству ниже, чем дом, семья и род девушки. Он, знал, что свататься бесполезно, это сватовство оскорбит родителей девушки. Как он посмел? Актом похищения он признавал своей «низкое» происхождение, он себя всенародно унижал. Но жажда заполучить любимую толкала на такой отчаянный шаг. Бывало, что вмешательство авторитетных людей к миру и согласию помогало оставить похищенную, но с жениха брали большой унижительный штраф - лай-урдув¹⁰⁸. Второй случай таков: похищали невесту по той банальной причине, что жених считал дом и род девушки слабыми, никчемными, его родители откажутся посылать туда сватов, его обсмеют свои родные, на смех поднимут. Он ставил своих перед свершившимся фактом. Хочешь - не хочешь, а дело решать приходится. Сам по себе акт похищения - хоть девушки для вступления с ней в брак, хоть любого другого человека для получения выкупа - дикость, мерзость и свинство. По преданию, то ли при Гла, то ли при Кланте, наши предки прокляли это позорное явление, объявили вий: «Да будет проклят Богом и презрен людьми тот, кто похитит человека! Да захиреет его потомство!». Возможно эти слова произнесены несколько тысячелетий тому назад. Сегодня я, их потомок, говорю: «Амин!». Вот едет человек по широкой и знакомой дороге к намеченной цели. Ненароком глянул в сторону - тропинка. А что там? Дай, думает, сверну, гляну, что там. Сворачивает с намеченного пути и пое-е-хал в степь. Так и писатель - слово какое-то возбуждает в нем посторонние для повествования мысли и пошел. Пока мы ругали пагубный порок, наши герои - Эски и Карл

Федорович лесными тропами напрямик пробирались в большое галгайское поселение Сагопши. Они были на откормленных лошадях. Лошаденку Карла Федоровича оставили в Долаково, самого пересадили на иноходца брата Эски Гудберда.

- Пospеть бы. Каково это сидеть ожидаючи, когда на шею накинута петля.

- Не царапай свое сердце, друг - будет как Он скажет, Эски указывает рукой вверх.

- Так-то оно так, да душа за них, за непутевых, болит.

- Душа болит - хорошо. У плохого человека душа не болит. У хорошего человека в глазах - вода, в сердце - боль. Помнишь, как мне помогал. Э-э-х! Как нам дали маклашку [109](#) казаки, св-вой!

- И то верно, два дня вставать не могли, до уборной еле добивались.

* * *

Сагопшинский их хозяин Гудант нашел, что затеянное гостями дело богоугодное, поэтому предупредил всех домочадцев держать язык за зубами и ни в коем случае не говорить о русском госте. Русский гость всегда вызывает вопросы: Кто он? Зачем он пришел? Не выслеживает ли тут кого? Не вынюхивает ли чего? А в русских городах творится что-то непонятное: русские, дескать, недовольны своим царем, намереваются его свергнуть. Зачем тогда они его выбирали? Разве у них мало умных людей? Трудно галгаям объяснить, что царя не выбирают, что царями становятся по наследству. Во-о! Как так?! По наследству можно передать дом, усадьбу, имущество, но ум по наследству не передашь. Это от человека не зависит, кому захочет, тому Бог и дает. А если наследник родился глупым, тогда что делать? Бывало и такое, объясняют галгаям, сидели на русском троне слабоумные, даже некоторые были эпилептиками. Один из них, когда нашел на него приступ, собственного сына убил. Вои-и! - поражаются галгаи. А те молодые галгаи, что углубленно познали керастанскую грамоту, приводят в замешательство соотечественников, рассказывая, что тот Иван-царь на площади ставил огромные котлы и в них варил живых людей. «Астоапарлах!! Астоапарлах! Хвала Тебе Господи, что Ты нас породил не одними из них!». Так почему русские люди терпят эти дикие ужасы? Есть же на земле железо, есть же среди них отважные. Нет, терпят. Поди, пойми их. И этот народ пришел править нами, приучить к своим жестокостям? Потому-то и отстреливают самых храбрых наших кантов. Господи, помоги нам! Избавь от них, как избавляешь от черной чумы! Полутора суток ушли на то, чтобы связаться с абреком через его ближайших родственников. Он пришел в дом Гуданта глубокой ночью один. Карл Федорович четко и лаконично изложил ситуацию. Сулумбек задумался, сидел, постукивая прикладом карабина о мазаный глиной пол. Наконец он поднял голову:

- А почему вы обратились ко мне?

- Видишь ли, Саламбек, ребята, видимо, считают, что на всем Кавказе им бескорыстно могут

помочь только два человека

- Зелимхан и ты. До Зелимхана - далеко, ты - ближе.

- Карл Федорович, что такое «бескорыстно».

- Бескорыстно - это когда не ради денег или другой какой выгоды, а просто так, по-человечески, за ради Бога.

Лицо абрека посветлело:

- Хорошее слово - бескорыстно, бескорыстно - несколько раз повторил он понравившееся слово и снова задумался, опять застучал прикладом по полу.

Глядя на то, как абрек сидит, сомнение взяло Карла Федоровича: не хочет помочь. Не хочет. Зачем ему это? Кто они ему?

- Сколько дней осталось?

- Не считая сегодняшней ночи - трое суток.

- Трое суток. Трое суток. Ладно! - он резко встал, - Гудант, нам нужны проводники: один до Долакова, другой в самой станице, чтобы не искать эту тюрьму.

- До Долакова поведу я, там нас встретит Эски с сыновьями, за рекой будет ждать Карл.

- Эски, ты и сыновья пойдете с нами в станицу.

- Пойду. У меня как раз там старый должок. Это и будет оплатой.

- Ладно. Послезавтра вечером в полночь встречаемся у Долаковских кладбищ в балке со стороны реки. Кони хорошие, винтовки, патроны. Удачи нам! - он встал и вышел.

* * *

На следующий день Сулумбек созвал небольшой тов из тех боевых товарищей, которые жили поблизости, собрались на опушке леса. Изложив суть дела, Сулумбек сказал:

- Земной выгоды не будет, вознаградит нас Бог за спасение людей от петли. Пусть каждый для себя решит. Скажите, что думаете.

- Хочу спросить тебя, - вскинул руку Юсуп из Инарки. Если я не пойду с тобой, будешь меня считать трусом и предателем?

- Нет. Мы - свободные люди, и каждый волен поступать так, как считает правильным. Я

даже не прошу вас идти со мной. Я объяснил дело, а вы решайте каждый за себя.

- Тогда я не пойду и знаешь, почему? Я пошел бы спасать галгая, нохчо - любого из кавказцев, попавшего в беду, но спасать русских не пойду. Сколько мы от них тут натерпелись?! Сейчас они что-то меж собой не поделили, да пусть передерутся все и погибнут, нам что. Я остаюсь, - Юсуп отошел в сторону. Еще трое молча встали рядом с Юсупом. Пятеро остались с Сулумбеком.

- А вы что думаете?

За всех оставшихся ответил весь седой Лорс:

- Сулумбек, в этой жизни только святой может прожить без греха, а мы не святые. Может, Господь простит нас, если нам удастся выгнать из петли головы четверых глупых мальчишек. Я себе представляю их состояние. Сулумбек, веди нас на богоугодное дело. Да поможет нам Бог!

Сулумбек утвердительно мотнул головой и прежде, чем сесть в седло, сказал:

- Я думаю, Аллах засчитает это нам в газават.

* * *

- Вот переждем мы эту реку - галгайский язык забудьте. Рот завязать. При встрече можно говорить: «Пос-торо-нись!», «С дороги, каналья!», «Прочь, задавлю!» Другие слова забудьте. Когда надо, буду говорить я. Для задуманного нами - самое лучшее время - казаки празднуют пасху. Стрелять только в крайнем случае. Мы - казачий разъезд. Держаться вместе. Я - офицер, вы - рядовые. Поехали. Отряд перешел вброд разлившуюся реку и двинулся к намеченной цели, обходя села и хутора. Всего их было двенадцать человек, к тем, кого привел Сулумбек, присоединились Эски с тремя сыновьями и Лонгин. Еще в Долакове Карл Федорович подробно изложил Сулумбеку план двора и самой каталажки. Ее найти нетрудно: едешь по главной улице до церкви - слева небольшой двор - каталажка. Карл Федорович туда не пойдет его могут опознать. Поедет домой. Прощальное твердое рукопожатие, и Карл Федорович поехал к своему дому на окраине станицы, на отшибе.

Едут по улице, навстречу компания молодежи, которые, видимо, возвращаются с гулянья.

- Посторонись!

- Христос воскрес, служивые! Куда едете?

- С дороги, каналья! - гаркнул младший сын Эски, но Сулумбек бросил свою фразу:

- Воистину воскреснет! У нас дело! Гуляйте, братцы! До церкви далече?

- Тута рядом.

Совсем рядом от того места слышен был веселый шум разгулявшихся казаков, хлопанье в ладоши и хоровой напев «Гайгуй! Гай-гуй!». Вот церковь, а за ней небольшое приземистое здание. Въехали во двор.

- Кто тама? - спросил с порога казак.

- Свои! Ослеп что ли? На подмогу прислали.

- Темновато, вашескородь.

- Охрана на месте?

- Все трое тута. Двое в сениях, а я вышел посмотреть.

- Не спите?

- Нет, вашескородь, караулим.

- Ну, пошли, проверим, как вы караулите. Ты тут оставайся, я сам войду. Сулумбек отстранил молодого казака в сторону, сам вошел в сени, которые служили караульным помещением.

- Руки вверх, губошлепы, если жить хотите!

В дверях появились еще вооруженные люди. Караульщики сопротивления не оказали, это было бессмысленно, их просто прирезали бы кинжалами. Трех туго повязали по рукам и ногам, положили в угол. Сулумбек взял керосиновую лампу, отодвинул засов и вошел в каталажку:

- Христос воскрес! Ну что, ребята, поехали?

- А Вы кто?

- Сулумбек. Не узнали? Вы же присылали мне благую весть - Евангелие от Иоанна.

- Это Вы - наша благая весть! - вскричал Денис Ермаков.

- Да здравствует Саламбек! Да здравствует свобода. Христос воскрес!

Матвей Соборовский тихо заплакал, как ребенок.

- Быстро! Быстро! Плакать, кричать, смеяться - потом. Выходите! Поторопитесь.

- Как же мы сядем на коней, ведь на ногах кандалы? - спросил Устин.

- Кандалы-мандалы - для них у нас есть инструмент. Сперва выберемся из станицы. Караульных внесли в каталажку и уложили в ряд.

- Вас спросят: кто здесь был? Скажите - Сулумбек. Передайте старикам-атаманам мое почтение и поздравление с праздником Христа. Сам прийти, мол, не смог - очень торопился. Просил, дескать, станичную казну пополнить, как-нибудь загляну.

* * *

Рассветало. Постепенно из мрака выдвигались очертания гор. Терек буйствовал. Чтобы рядом стоящий услышал, приходится говорить в самое ухо. Осман орудует своим знаменитым инструментом - зубилом. Оно толщиной с мужской палец и длиной в один вершок. Осман утверждает, что за этот стальной стерженек отдал овцу мастеру из кумыков. У Османа специальная сумка, там это зубило и бронзовый молоток. А почему молоток бронзовый? Потому что он при ударе не соскальзывает с зубила, а как будто прилипает. Идя пограбить богачей, тоаба арендует у Османа эту сумку и получает равную долю. Если Осман идет сам - то две доли: за себя и за инструмент. Это зубило режет любую сталь. Срезать заклепки с кандалов для него все равно, что кухонному ножу порезать тесто на чаплики. Каждый, размахнувшись, бросает свои оковы в кипящие волны знаменитой реки:

- Благослови нашу свободу, Терек-Батюшка! Христос воскрес! Теперь можно перебираться и на тот берег. Здесь, правда, выше в теснине есть мост. Но там стоит казачий пост, придется переходить вброд.

Наставленья освобожденным:

- Крепко держитесь за гривы коней, они вынесут вас на тот берег. Гривы намотайте на руки. Река холодная - горная талая вода. С Богом!

Раненного Устина взял с собой сам Сулумбек. Да, воистину, Терек весной в разлив не теплая ванная. Одни за другим кони рывками выбирались на берег, фыркали, отряхивались, победно ржали. Люди падали на камни, обессиленные борьбой со стихией, но радостные за эту победу.

* * *

Освободители анархистов растаяли, разъезжались по своим домам, но по пути останавливались у знакомых и родственников погостить - делали алиби на всякий случай. Ваню Макалкина, Матвея Соборовского и Дениса Ермакова горцы решили переправить по тайным тропам в Степанцминда с тем, что оттуда уже мохевцы проведут их в Тбилиси, там у Ермакова были знакомые. Устина Евсеенко оставили в горах на стойбище. У него сильно разбухло плечо, ему не выдержать эту дорогу. Пусть поправится, а потом идет, куда хочет, хоть к друзьям в Тбилиси, хоть на родину. Сулумбек седлал коня, ему надо в Чечню, проведать друга Зялмаха, это было прощание. Ваня Макапкин собирался выполнить почетное поручение группы - произнести трогательную речь о роли кавказского абречества

(а в частности Супумбека Гаравоажева) в деле освобождения народа от оков Самодержавия. Это, мол, будет записано особой страницей в истории освободительного движения. Ваня Макалкин был агитатором группы. После этой речи предполагалось, что каждый отдельно выразит свою благодарность. Торжественное прощание сорвалось самым непредвиденным обстоятельством: Сулумбек рывком вскочил в седло, махнул рукой и ускакал. Ваня Макалкин, опустил руки, скорчил обиженное лицо и тихо пролепетал:

- Христос воскрес.

ОВЦЕВОД МЕСЯЦЕВ, МАЛЕНЬКАЯ АЙЗА И ДРУГИЕ

Всадники осадили разгоряченных коней только тогда, когда въехали во двор Экономии Месяцева. Полковник Гребенекого полка ловко спрыгнул с лошади и протянул недоуздок молодому «казаку».

- На, поддержи. И тут из дома раздался громкий голос:

- Ты - разбойник Зелимхан! Меня не обманешь погонами. Уходи прочь! У меня маузер и много патронов. Лучше уходи подобру-поздорову. Ничего ты не получишь от меня.

Зелимхан, так гордившийся своими погонами и считавший их ношение великим изобретением, тактическим ходом, вдруг изумился и глянул на Сулумбека. Тот громко захохотал:

- Ва-а-ай, Зялмах! Твою хитрость разгадали. Что будешь делать? Зелимхан недовольно мотнул головой и решительными шагами двинулся к двери дома. Сулумбек, не переставая смеяться, щелкнул затвором винтовки, но с коня не сошел.

- Не подходи! Убью! Мой дом укреплен - тебе не войти сюда, абрек проклятый! Чечен. Зелимхан подошел к двери и постучался кнутовищем ногойки:

- Открывай. Что кричишь, как испуганная баба? Не откроешь - хуже будет.

- Уходи, Зелимхан! Уходи! В обойме десять пуль. На тебя одной пули хватит. Уходи, лучше будет. Я не боюсь тебя и твоей шайки тоже не боюсь.

- Со мной еще Сулумбек. Не боишься его?

- Не боюсь и твоего Саламбука проклятого!

- Смотри, бараний отец какой смелый, а? Зелимхана не боится, Сулумбека не боится, других не боится. Э-э! Ты не знаешь какой абрек еще с нами. Ей Бох, его ты боишься! Воллах! боишься!

- Кто таков?

- Огонь! Какие-то звуки раздались в доме. Человек глубоко и взволнованно дышал - тяжело думал. Защуршало, звякнуло в замке. Зелимхан рывком открыл дверь - перед ним стоял Месяцев с маузером в руке.

- Этим баловаться нельзя - оружие. Это мужское дело. Давай сюда! - абрек взял из руки овцевода пистолет и сунул себе за пояс. - Поехали.

- Куда?

- К нам в Чечню. Напиши бумажку жене: пятнадцать тысяч рублей пусть принесет и заберет

мужа.

- Я не пойду.

- Пойдешь!

- Ладно, ваша взяла. Помещик себе на уме: надеется, что его по пути вызволят. Ему пастухи загодя сообщили о появлении абреков, он успел послать вестника в Хасав-Юрт. До Хасав-Юрта сорок верст, полдня пути, но там телефоны - поднимут тревогу - Грозный, Ведено, а оттуда во все сельские правления, куда уже дошел стальной провод. Где-нибудь да преградят абрекам дорогу и освободят пленника. До Чечни далеко, надо проехать через ногайские и кумыкские земли, на пути казачьи станицы. Поднимут большую тревогу. Похитить помещика-овцевода - не простое дело - его освободить дело государственной важности. Месяцев был уверен в своем освобождении, думал только о том, как бы ему не пострадать во время боя охотничьих команд с абреками. Но Зелимхан лучше любого топографа знал каждую тропинку на своем пути. Он обошел засады и дозоры, избегая проторенные дороги, он вел свой отряд по лесным, еле заметным тропинкам. Несколько часов отдыха ночью в лесу, и к утру они вошли во владения беноевцев. Люди устали, а, самое главное, лошади устали, пора бы сделать большой привал. Жарко. Здесь где-то недалеко родник. Справа - кустарники, слева - кустарники.

- Тлатох! - команда с опушки леса. Залп. Те, что успели выйти на поляну, все кроме легко раненного Зелимхана, рухнули на землю. Сулумбек тоже упал, сраженный двумя пулями, только крикнуть смог:

- Засада! Не успел Зелимхан сорвать с плеча винтовку, как на него обвалом обрушился Буцо, старшина беноевский, огромный как пещерный медведь.

- Тебя-то мне и нужно, Зяламха! Для себя приберег. Рванулся, что было мочи Зелимхан - да куда там - сжал его в могучих объятьях Буцо, да так, что у прославленного абрека суставы хрустнули.

- Чтобы ты погиб, проклятый прислужник гяуров!

- Ругайся сколько угодно, Зяламха, тебя я с рук на руки передам самому полковнику. - и понес его, подхватив на руки, как ребенка. Сделал несколько попыток освободиться Зелимхан, но тщетно - у Буцо не руки, а настоящие клещи, которыми в кузне зажимают железо. И вскрикнул в отчаянии Зелимхан:

- Одолею ты меня, Дяла мостах, силой рук взял. Вот если бы мой побратим Сулумбек был в живых. Дошли до слуха Сулумбека эти слова. Он лежал навзничь, поперек тропы, кровь сочилась из тяжелых ран, сознание покидало его. Но слова побратима вернули на миг и зрение, и сознание. Он попытался подняться - боль ударила в левое плечо. Он пошарил правой рукой и нащупал приклад винтовки. Подтянул к себе. Приподнял голову от земли. Великан Буцо уносил в полон Зелимхана, его побратима, вот-вот скроется за деревьями. Буцо такой большой - в него не промахнешься. Но земля колышется из стороны в сторону,

ствол винтовки ходит туда-сюда. Выстрел. Буцо-остановился, выронил Зелимхана, закачался и упал, даже не охнул. Вскочил Зелимхан, подбежал к Сулумбеку - тот еще живой. Бросился к другим - мертвые. Коня своего подвел к поверженному другу, стал поднимать его:

- О-ов! Какой ты тяжелый, Сулумбек! Кое-как положил потерявшего сознание раненого поперек седла. Сил совсем не осталось: целую неделю его трепала лихорадка, да еще эта рана тоже мешает. Никогда он не думал, что винтовка на плече может быть такой неудобной ношей. Это Сулумбека винтовка. Ее Зелимхан ни за что не оставит. Свою винтовку Зелимхан держит наготове. Тут выскакивает на поляну один:

- Я с тобой посчитаюсь, хорачоевский Зялмах! - вскидывает винтовку, но нажать на курок не успел, абреческая пуля сразила его насмерть. Свернул Зелимхан с тропы, пошел по лесу и быстро скрылся в густых зарослях. Где-то слева гремели выстрелы. Это уходили их товарищи, значит не все погибли с первого беноевского залпа. Какая большая неудача!

* * *

Шум в ушах был такой, как будто он погружался на дно большого водоема. Сквозь этот шум до слуха доходили звуки человеческой речи, отдельные слова, целые обрывки речи. Сознание начало проясняться, шум стал затихать, а слова звучат все отчетливее. Тела своего никак не чувствовал. «Где это я? Что со мной? Кто это разговаривает так громко? Почему говорят по-чеченски? Неужели в преисподней говорят тоже по-чеченски?». Сперва появилась белая точка, которая стала расти, светлеть и яснеть.

- Открывай, открывай глаза! Не бойся, здесь все свои. Как себя чувствуешь, галга? Болит? - старик сидел у изголовья, лукаво прищутив глаза, глядел на раненого.

- Я ничего не чувствую. - пролепетал Сулумбек.

- Почувствуешь. Тело еще не очнулось от страшных травм. Пройдет немного времени - боли начнутся. Это - хорошо! Значит организм живой и еще хочет жить, а вот, когда боли вдруг прекращаются - плохо, очень плохо. Значит человек уходит, не хочет, не может больше жить. Пулю вытащили. Свинцовая пуля из берданки прошла через грудь и засела в лопатке. Ты крепкий! Не стонал, а кряхтел, когда вынимали. Зялмах за большие деньги привез из города русского лора [110](#). Он все сделал. Я так не умею. Сулумбек вдруг все вспомнил: жугутинский лес, засада, пальба... и как Буцо уносил обессилившего Зелимхана, широкую спину Буцо, и как он сам рукой искал винтовку, больше ничего не помнил.

- А, Зялмах? - вопрошал больной у старика.

- Зяламх? Зяламх в другой комнате с Аюбом баранину ест. У Зяламха рана легкая, кость не задета.

- Живой значит?

- Живой.

- А остальные?

- Солтмурад убит, старый Гошмузако убит. Все галгаи, которые пошли с вами, погибли. А йесара¹¹¹ русского привезли, спрятали. У беноевцев потерь меньше: Буцо убит и еще двое тяжело ранены. За русского помещика выкуп запросили - восемнадцать тысяч рублей. Не пришлют - Заламх его убьет. Вот такие дела, галга. А ты хорошо стреляешь, галга, - насмерть сразил Буцо.

- Я не помню. Пробуждение тела началось с тупой боли в голове:

- О-о! Моя голова!

- Ты, галга, постони, покричи, когда невтерпеж, это облегчает страдания. И не долго это будет - отсилу дня два - потом на поправку. Русский лор так сказал.

Сулумбек стиснул зубы:

- Не буду стонать!

- Почему?

- Вы, чеченцы, потом везде будете, смеясь, рассказывать, что галга из-за царапины орал, как баба-роженица. Не буду стонать. Не будет вам такой радости. Когда я сплю - это не считается. Старик-чеченец хлопнул ладонями по коленям и захохотал во всю мочь. Услышали это в соседней комнате и вбежали сюда, впереди всех Зелимхан Харачоевский:

- Что? Что такое, Бада? Рассказывай, чему смеешься у постели израненного моего доттаха¹¹².

Старик в точности передал слова Сулумбека - вот тогда смеялись так, что можно было подумать, что крыша улетит.

- Вай, галга, галга! Кура¹¹³ - галга!

- Посмотрите, о чем думает прошитый пулями человек?!

- Остопарлах! Старый Бада - тоже лор, но местный, чеченский. Русский лор уехал, поручив ему смотреть за раненым, приходит каждый вечер. Смотрит раны, накладывает мази, меняет перевязку. Раны бывают хорошие и плохие. Хорошие раны, даже тяжелые, поддаются лечению. Лор определил это через пару дней. А вот плохие, мертвящие плоть, - те раны Бада не любит. Это пахнет смертью. А у Сулумбека хорошие, но тяжелые.

- Лежи спокойно, галга. Не бойся. Если даже русский царь приведет сюда всех своих ищеек и все свое воинство, и то тебя не найдет. Здесь такое место. Не ты первый, не ты последний. Я приказал мясо варить до такого состояния, чтобы можно было пальцами растереть, тебе

жевать не надо, глотать и все. Много кушай.

- Я кушаю, Дади.

- Нет, галга, хозяйка жалуется, что ты почти ничего не кушаешь. Неужели, говорит, плохо, невкусно готовлю. Обижается она.

- Она готовит хорошо, пусть не беспокоится.

- Тогда в чем дело? Раненное тело борется с недугом. Ему надо помогать, поддерживать хорошим питанием. А ты от еды отказываешься. Сулумбек молчит. Понял старик, что есть у больного важная причина:

- Заклинаю тебя Богом! Скажи в чем дело? Посмотрел по сторонам раненый, удостоверился, что в комнате кроме них никого нет, поманил рукой лора, чтобы тот нагнулся.

- Дади, я - кьюонах, не могу ходить под себя. Пока сам не смогу ходить, буду кушать мало. Кьюонах не должен нарушать эздел. Дади, а пока ты организуй мне один раз в два-три дня парней, которые помогут добираться до нужника.

- Ваи-и-и! - изумился лор, - ты же тяжело раненный. Никто не упрекнет.

- Когда выздоровею, я сам буду упрекать себя. Организуй мне эту услугу, Дади. Не забуду.

- Хорошо, галга. Хорошо.

- Дади, я хочу домой.

- Домой? Домой, когда раны затянутся. А пока ранам нужен покой. Куда торопишься? А если по дороге схватят? Да и не отпустит тебя Зяламх. Не отпустит. Я скажу, чтобы не отпустил. Ты не беспокойся, родным уже сообщили. Но за твоими следят. По дороге могут перехватить. А брат твой приедет повидаться. Зеламх всем рассказывает, почему ты отказываешься стонать, когда больно. Старик снова смеется:

- Вай галга, галга! Гордое сердце! Часто Сулумбека навещает Айза, ей шесть лет и она маленькая, как кукла, что всегда носит с собой. Айза приносит все новости детского мира: кто с кем дружит, кто с кем поссорился, кто болеет, кого родители наказали. Сулумбек осведомлен во всех детских заботах поселения. Она даже однажды выступил посредником в примирении двух враждовавших сторон. Удивительное дело, эта миниатюрная девчечка - непререкаемый авторитет детей аула, даже у подростков. Айза умна. Это признано всеми. Задрались два мальчугана: один другому губу разбил, а другой противнику под глазом синяк поставил. Мириться не хотят, ни за что. Друг к другу парламентариев посылают: давай решим нам спор в очередном поединке на поляне за селом. Им поединок подавай. А Айза не любит ссоры и драки. Айза - миротворец. Идет Айза к Тутушу: «Тутуш давай помирись с Мутушем, а я за это тебе и твоим друзья песни спою». «Нет, Айза, не проси, не могу, пока не поставлю ему синяк под глазом. Смотри, что он мне сделал». Ладно, идет Айза к Мутушу: «Мирись с Тутушем. И что вы, как петушки? Не стыдно вам?» «Не примирюсь, пока губу ему не

рассеку». Идет Айза к раненному Сулумбеку, садится рядом на трехногий стул и глубоко вздыхает:

- Как твоя ножка, Ваша114? Болит?

- Нога уже зажила, я даже ходить могу.

- А головка у тебя все еще болит?

- Нет, Айза, и голова уже почти не болит. Хотя ее трудно назвать головой.

- А что у тебя болит?

- Плечо плохо заживает. Рана не закрывается.

- Ты большой и хороший, потерпи немножко, заживет твоя рана. А когда ты выздоровеешь, уедешь?

- Ну да.

- Куда?

- Уеду, - хотел сказать домой, но какой дом у абрека. Нет у него дома, его дом - лес и горы.

- Насовсем, насовсем уедешь?

- Наверное, я когда-нибудь опять приеду. Айза села прямо, положила ладошки на колени и вздохнула - в душе таилась забота.

- Ты почему такая грустная сегодня?

- Ваша, они не хотят мириться. Опять будут драться за селом на поляне. Мальчишки, они же всегда глупые, им лишь бы побить друг друга. Я им больше не буду песенки петь, хоть просить станут.

- А что за ссора? Кто с кем поссорился?

- Тутуш с того края с Мутушем с этого края. Айза рассказывает, как возник этот непримиримый конфликт между соперничающими мальчиками села, очень обстоятельно все изложила до самых мельчайших деталей.

- Айза, позови их сюда.

- К тебе?

- Да.

- Ты их помиришь?

- Попробую. Но мне раньше никогда не приходилось выступать посредником в ссоре между двух мужчин. Позови.

- Хорошо.

Айза уходит. У нее такая походка интересная, кажется, что девочка чуть-чуть только слегка касается подошвами самодельных старых мячи с землей. Ходит тихо, не бежит. Но она аккуратна во всем, что делает. В кармашке своего старенького платья содержит красивенький вышитый носовой платочек - не у каждой взрослой найдешь. Всегда умыта и расчесана, волнистые волосы блестят, как начищенное золото. С двух краев села двинулись к тому дому, где лежал галга-обарг¹¹⁵, два отряда чеченских мальчишек, один отряд возглавлялся Тутушем, а другой - Мутушем. Они подошли к тому месту, где стояла Айза, но в один поток не слились - ведь мир официально еще не заключен. Ведет их Айза во двор. Хозяйка даже перепугалась, увидев такое количество шального народа, но Айза серьезно объяснила ей суть совершаемого, и та одобрительно махнула головой.

- Но вы все не поместитесь в комнате.

- Сколько поместятся.

Комната заполнилась битком. Сулумбек начал судебное разбирательство с допроса драчунов:

- Кто из вас Тутуш?

- Я Тутуш.

- Тутуш, ты из какого тайпа?

- Я Энгало.

- А кто из вас Мутуш?

- Мутуш-я.

- К какому тайпу относишься ты, Мутуш?

- К тайпу Энгалой.

- Как?! - Сулумбек присел в постели, сделал удивленное лицо, ну до того удивленное, что начал печально качать головой. - И ты Энгало? Братья? Вай-вай-вай! Какой позор! Неужели такое на свете возможно?! Оф-фой! Теперь это пойдет по Чечне, из села в село: «Ва нах! Энгалой забыли заветы предков и готовы истреблять друг друга, брат на брата пошел войной». Какой позор! Какой позор! А потом эта весть и дальше пойдет до галгаев дойдет, Эшшах! Мне даже смотреть на вас стыдно». Сулумбек отвернулся к стене. Ни Тутушу, ни Мутушу и в голову не приходило рассматривать свое противостояние с такого ракурса.

Действительно, они оба Энгалой, значит братья. Разве можно братьям ссориться? А если об этом дознаются другие тайпы, такое начнется! Такое начнется! И Тутуш и Мутуш оба аж вспотели. Насупились, переглядываются вопросительно: что будем делать? Пожимают плечами. - А врагов у Энгалой предостаточно. Вот им будет радость. Насмех станут поднимать: «Эй, энгалойские петушки! А подеритесь меж собой, позабавьте нас!» - говорил в стенку Сулумбек. Гордые сердца энгалойских мальчиков в смятении: как они могли дойти до такого? Как спасти славный род Энгалой от позора?

- Ваша, так что же теперь делать?

- Не знаю, - грустно отвечает Супумбек, - вот если бы вы немедленно помирились и подружились, все улеглось бы, и этот позор не вышел из этого села, и никто из других тайпов про это не узнал. Я-то - галга, а вы - Энгалой. Сами думайте о чести своего тайпа. Я что могу? Могу помирить, но вы не пойдете на это - и позор Энгалой пойдет гулять по белому свету. Зачем я только тут оказался. Когда я уеду домой, галгаи будут спрашивать: было такое? А что мне отвечать? Врать мужчине не пристало.

- А если мы помиримся сейчас? Я готов! - говорит Тутуш.

- И я готов, ради чести Энгалой, - заявляет Мутуш.

Сулумбек снова садится в постели, сделал серьезнейшее лицо:

- Подойдите оба ко мне. Протяните правые руки.

Мальчики протягивают воинственные длани. Сулумбек сцепил эти руки в братское рукопожатие:

- Мир.

- Мир.

- А кто из вас первый нарушит мир, пусть у того на лбу вырастет вот такая шишка. - Сулумбек показывает кулак.

- Вай Дели! - крик ужаса.

- Идите, Энгалой-братья, и целый день играйте вместе!

- Мы пойдем купаться.

Комната быстро опустела. Айза с Сулумбеком снова вместе. Сулумбек сделал печальное лицо.

- Ваша, тебе плохо?

- Да, плохо.

- Что у тебя болит?

- Ничего не болит,

- А почему плохо?

- Ты меня сегодня не поцеловала.

- Я забыла, - девочка встает, достает из кармашка платочек, вытирается тщательно, нагибается и целует друга в щечку.

- Ах! Как приятно. Вот теперь я выздоровею. А теперь спой мне песенку про Поллу [116](#).

«Полла» - это целое вокально-хореографическое представление, сочиненное Айзой. Сперва наступает весна. Это она рассказывает и делает танцем. Потом вырастают цветочки на лугу. И тут появляется откуда-то сверху Полла-бабочка. Порхает кружится и песенку поет: про Солнце, весну и цветочки. В конце Полла садится на большой цветок пить нектар. Представление этим завершается, вместо аплодисментов Айза целует друга в бороду, а тот целует ее в обе щеки. Финал! В дверях стоит Бада, тихо хлопает в ладоши. Исполнив «Поллу», Айза засобиралась домой.

- Хорошая девочка! Бедная только очень. Сирота. У нее отца нет, да и мать.

- А что с отцом?

- Убили. Его офицер-чеченец Оздамар убил. Поссорились на вечеринке и убил. Офицер пьяный был, вел себя как хам. Эскарха, отец Айзы, сделал замечание. Не стерпел. Как, мол, ты черный человек, мне царскому офицеру в золотых погонах замечание делаешь? Подсторожил за селом и выстрелил из засады в спину.

- Отомстили за кровь?

- Нет. Близких никого не осталось. После похорон Эскархи, братья забрали мать Айзы. Женщина красивая, боялись за разговоры. Замуж ее выдали. Айза, считай, круглая сирота.

- А с кем она живет?

- С тетей, сестрой брата. Осталась старой девой, с этой девочкой сидит. Очень бедные.

- Где Оздамар?

- В Ведено, в русской крепости. Живет с одной крепостной кхяхпой. Не боится, знает, что некому за Эскарха мстить.

Сулумбек помолчал. Думал. Как не подумаешь, когда в сердце пожар поднимается? Пожар тушить надо, а то всю душу сожжет. А чем тушить? А тем, что на ум приходит, решением, созревшим для действия. Решение пришло - мотнешь головой. И Сулумбек мотнул.

- Сулумбек, мы получили деньги за Месяцева. Как ты думаешь, лучше распределить их? Чтобы справедливо было. Такие люди, как мы, не должны в душе держать обиды из-за денег. Скажи свое слово, доттах. - советуется Зелимхан.

Сулумбек покачал головой:

- Ничего не скажу, Зялмах, ты был тхамадой этого похода. Я никогда не сомневался ни в твоей храбрости, ни в твоей справедливости. Как ты сделаешь - так и будет. Подумай о семьях погибших.

- Если семьям убитых по две доли выделить, а живым по одной, как будет?

- Хорошо будет, тхамада. Умное и благородное решение.

- Ну раз так, вот твоя доля, Сулумбек, - Землихан сунул раненному под подушку увесистый сверток. Приехал племянник, сын двоюродной сестры. Так решили дома, меньше подозрений будет. Засобирался домой Сулумбек. Будут ехать тайными лесными тропами ночами, а днем отдыхать до сумерек. Их поведет сопровождающий до первого галгайского поселения. А там они - сами.

Горячо благодарил хозяев дома, а хозяйке к теплым благородным словам добавил сто рублей серебром. Отнекивалась для порядка и приняла. Пятьдесят рублей получил старик Бада за лекарские услуги.

- Дади, если тебя это не затруднит, я бы сделал тебе два поручения.

- То, что в моих стариковских силах, я сделаю для тебя, благородный галга. Что это?

- Первое поручение, - он достал из кармана деньги, - передай эти деньги тетке Айзы. Пусть она на них купит корову и оденет девочку. Не говори, что от меня, скажи, сердобольные люди собрали на сагла. Сделай так. Второе, когда будет убит Оздамар, убийца отца Айзы, слух пусти, что кровники взяли свою кровь. Нашелся, мол, один.

- Ты думаешь, галга, Оздамар будет убит?

- Бог даст, Оздамар скоро, очень скоро будет кушать землю. Старик сидел с опущенной головой, долго сидел. Когда поднял голову, утер влажные глаза широкой натруженной ладонью. Он что-то силился сказать, но слова застряли в горле. Чтобы успокоить волнение, ему пришлось еще посидеть, помолчать.

- У этого Оздамара ни чести, ни совести не осталось. Он с такими же ублюдками-офицерами из чеченцев, как сам, на прошлой недели посетил ловзар в соседнем селе, бахвалился, что убил Эскарха специально, чтобы потом завладеть его женой. Там оказался один из дальних родственников этой женщины. Скандал поднялся. За кинжалы схватились. Ловзар испортили. Когда Оздамар умрет, воздух в Чечне станет заметно чище.

После закатного намаза, Сулумбека аккуратно усадили на лошадь, и они поехали в сторону

Галгая.

* * *

Через два месяца Сулумбек приехал в Ца-Ведено под видом паломника. Он спешил с коня на западной окраине села. Ошибиться он не мог - примета: высохший добела череп коня, высоко поднятый на жерди у самой калитки двора. Плетень захудалый. Двор зарос бурьяном. Дом вот-вот обвалиться. «Гость не часто посещает этот двор», - подумал Сулумбек.

- Яьй! Кто живет в этом доме? - гость сильно постучал кнутовищем по калитке. - Хозяин!

Прошло какое-то время, дверь дома раскрылась, показался человек без шапки, в рубахе на выпуск. Он с минуту постоял на пороге, потом сунул босые ноги в чуваки и, шаркая, пошел по едва заметной тропинке к калитке. Удивительное дело, Сулумбек сразу понял, что здесь проявлять особое усердие в традиционных между вайнахами приветствиях и опросах не обязательно. Хозяин вместо приветствия мотнул головой, гость ответил тем же.

- Я ищю человека по имени Шаарани. Мне указали эту сторону Тауса Шаарани.

- Это - я, - лениво проговорил хозяин.

- Есть одна работа.

- Работа? Можно поработать. Разные бывают работы: легкие, средние, тяжелые.

- Работа не легкая и не средняя - тяжелая.

- Ты, наверное, знаешь тогда, что оплата.

- Знаю.

- Кто?

- Офицер Зайндиев Оздамар из крепости.

- Это даже очень тяжелая работа.

- Согласен. - гость достал из кармана сверток, - это половина, задаток. Сразу после исполнения получишь вторую половину.

Хозяин также лениво взял сверток, развязал и спокойно посчитал. Дойдя приблизительно до половины, он удовлетворительно махнул головой, повеселел заметно и посчитал остальные. Положил в карман.

- Къуонах, задаток не скупой. Но как мне быть уверенным, что после исполнения работы, я

получу вторую половину? Назови себя.

- Я - Сулумбек Сагопшинский.

- Да-а?! - он заметно оживился. - Хорошо! Ты будешь где-то поблизости?

- Буду.

- Тогда внимательно слушай, что люди говорят.

- Я буду слушать.

Прощание было подобно встрече: по кивку головы с обеих сторон. Сулумбек тихо поехал в Энгелой к своему давнишнему товарищу по тюрьме Хасо. Лучшее кушает. Спит. Ничего не делает. Хасо выходит в село послушать, что люди говорят: День. Второй. Третий. Четвертый. Быстрыми, бодрыми, широкими шагами возвращался Хасо домой. И сразу - в гостиную к Сулумбеку.

- Сулумбек, новость!

- Какая? Хорошая?

- Хорошая! Очень хорошая! Сегодня утром убили эту собаку Оздамара. Они, говорят, всю ночь веселились у знаменитого айкха Пашу. Пашу даже организовал притон для офицеров с грязными женщинами. Утром рано Оздамар возвращался с одним русским офицером в крепости. Выстрел - Оздамар упал. Прямо в сердце! Как ты думаешь: кто это сделал?

- Кровники, наверное. У него были кровники?

- Были. Но ...

- Всегда найдется мститель.

- Да-а. - задумчиво произнес Хасо. - Нашелся!

НА КИЗЛЯР!

Зелимхан сидел на поваленном бурей бревне, держа отяжелевшую от бесконечных забот и тревог голову.

- Этот мир, Сулумбек, как захламленный хозяйкой дом. У плохой хозяйки пол не мазан, мусор не убран, постели не заправлены, не мыта посуда, и на ней пасется бесчисленное множество жирных мух. В мире, в котором мы живем - несправедливость, жестокость, унижения, телесные и сердечные страдания для бедных, обездоленных, а сильные жиреют, как те мухи. О-о-о! Зелимхан говорил, не поднимая головы, говорил Сулумбеку, что сидел рядом, этой земле, которую так любил, говорил человечеству и хотел, чтобы Бог услышал его. Он - абрек, это правда. Так получилось, но он же не родился абреком. Разве абреком родился Сулумбек? Судьба вытолкнула их из мирной жизни.

- Муллы говорят: надо было тихо жить и терпеть. Зачем поднял первый раз руку? Мол в душе абрека гордость. Муллы хоть и Коран читают, но, видимо, толкуют, как начальству угодно. Не гордость выводит абреков из мирных хижин, а чувство человеческого достоинства, жажда справедливости. Куда ты ни сунешься, везде одно и то же: сильный, богатый, власть имущий считает, что имеет право поступать по собственным прихотям, будто весь этот прекрасный мир Аллах создал ради удовлетворения их желаний и страстей: солнце светит для них, трава растет для них, все блага земные принадлежат им. Их слово - закон. А неимущий, бедный, слабый даже на слово не имеет право. Сильному дано право карать, а у слабого отняли даже право на словесный протест. По мечетям ходит бумага, что Зелимхан - нарушитель шариата. Что шариат предполагает подчинение любой власти, а Зелимхан против власти. Под этой бумагой подписи нескольких мул. Как им не стыдно? Как не бояться Аллаха за подлое свое лицемерие, чтобы получить одобрителный кивок гяурской власти. Ох-ох-ох! С ума можно сойти! Нохчи и галгаи доносят на своих людей, а если им еще нацепят на плечи погоны, то совсем задирают нос, как индюки, начинают переходить дорогу мужчинам, ищущим справедливость. Приходится их убивать. И, представляешь, их хоронят, как настоящих мусульман: заупокойную молитву читают, саха дают, зикр творят. Был у родственников по матери один такой - Чугал. Половина всей жестокости пришедшей из ада на землю, помещалась в сердце этого Чугала. Это был палач. Пытки для него, как для молодого нохчо ловзар: шомполом бил, кончиком кинжала колол, пальцы зажимал в дверях, сдавливал эти мужские вещи. Русских солдат и казаков милосердными не назовешь, но даже они, говорит, в ужасе выбегали, когда он пытал очередную жертву. Он гордился этим. Зверь! Куда там - хуже зверя! Вот недавно его убили, отомстили за умершего под пытками сородича. Давай, думаю, схожу на тязет, послушаю, что нем люди говорят. И что ты думаешь, Сулумбек? Из этой змеи сделали белого ангела: омыли грязное тело, отмолили от грехов - подготовили в рай. «Удивительно мягкого нрава, доброй души человек был Чугал, мухи не обижал. Всем нашим помогал из беды выпутаться. Нацепил на плечи эти лоскуточки, чтобы семью прокормить. Проклятые Богом абреки убили из засады!». Я же знаю, для кого это говорилось - для меня. Молчат люди. - Слушают, Ведь среди них было много таких, которые натерпелись от этого Чугала. Почему молчат? Почему не говорят: зверь был, не человек был ваш Чугал, и он сейчас уже горит в аду, если там есть справедливость! Жестокость и несправедливость власть имущих выбили меня из нормальной человеческой жизни, стал

абреком, и с тех пор борюсь со злом, но зла не становится меньше, убиваю притеснителей, а они плодятся, как черви на тухлом мясе, по мере сил помогаю сиротам и обездоленным, а их становится все больше и больше. Сулумбек все это знал, испытал на себе, и переживания эти были в его душе, но словами выразить так, как выражал Зелимхан, у него не получалось. В такие минуты Сулумбек слушал друга, затаив дыхание.

- Сулумбек, ты привел из Галгаи кантов?

- Привел, Зялмах, много привел.

- Ты всех их знаешь?

- Знаю. Их я знаю, но они не знают: что и как.

- Надо нам съездить в Кизляр деньги из банка забрать. Сулумбек промолчал.

- Нас будет около шестидесяти всадников, на этот городишко хватит.

- Хватит, - подтвердил Сулумбек.

- Там нас ждут.

- Ждут?

- Мы письмо Вербиска [117](#) послали, Люб сочинил, не длинное, простое. Несколько правильных слов: «Вербиска, ты бабий генерал. Жди нас на днях в Кизляре». Тебя не было - Люб написал.

- Хорошее письмо. Я бы лучше не смог. Теперь уж обязательно нам надо его навестить, раз ты обещал.

- Объясни своим галгаям, как и что. Добыча - всем поровну. Ты хорошо знаешь, что говорить и чего пока лучше не говорить.

Сулумбек отвел своих людей подальше вглубь леса:

- Идем в набег на город, какой - узнаете в пути. Идем за деньгами, при удаче - доли! Всем поровну. Может постигнуть неудача. Кто надеется на легкую наживу, пусть возвращается домой. Каждый отвечает за свою жизнь. В бою сперва спасают живых, а потом выносят убитых, - таков абреческий кодекс. Мне, Любу, Зялмаху наши доли нужны для обеспечения семей погибших товарищей, вы поступаете со своими долями, как посчитаете нужным. Все. Согласны?

Один поднял руку:

- Я-нет.

- С чем ты не согласен?

- Почему вы трое лишаете нас права помощи семьям погибших?

- Когда получишь свою долю, можешь выделить из нее на саг1а, сколько захочешь. Все остальные тоже. Галгаи согласно закивали головами.

* * *

Такой большой отряд разделили на три группы. Первую группу повел сам Зелимхан через гудермесские земли. Вторую группу вел Сулумбек. Он повел своих всадников по нагорной Чечне в направлении Хасав-Юрта, а оттуда прямо на Кизляр. За Сулумбеком шел Люб со своими воинами. Оба маршрута отличались крайней сложностью и трудностью по той причине, что приходилось идти, обходя казачьи станицы, по землям ногайских и калмыцких улусов. Несколько суток не спать и не слезать с коней могут только самые выносливые. Дисциплина в отряде была железная, построенная на сознании каждого воина в отдельности. С древних времен у вайнахов дисциплина в боевых соединениях держалась на сознании, а не на страхе перед командиром (тамадой). Ты можешь не подчиниться тамаде, за это тебя не посадят на гауптвахту, не расстреляют в назидание остальным. Нет. Тебе тамада вежливо, но твердо скажет: «Выходи из тоабы, которой я командую. Ты теперь сам себе тамада». Все, больше ни один тамада никогда не возьмет его под свое руководство. Такой отказник или быстро погибнет или вообще перестает быть воином. Командиры-тамады выковывались в действии: в боях, в набегах - в тяжелых испытаниях. Тамада-командир - умнее всех, ловчее всех, храбрее всех. Тактике внезапных боев, штурмов, засад, выход из окружения он обучался не по учебникам в военных академиях, а в боях. Тамада - высокий, непререкаемый, заслуженный авторитет. Доверие - безграничное, замагли (младшие воины) тамаде доверяли больше, чем самим себе.

* * *

В России во все эпохи газеты, журналы и другие средства массовой информации находились (и находятся поныне) в негласном добровольном подчинении у властей. Четвертая власть не сложилась. За власть нужно бороться, утверждаться, а это сопряжено с житейскими неудобствами и политическими травмами. Российские СМИ усвоили себе правило без исключения: с сильным дружить - спокойно и сыту быть! Иногда, правда, появляются так называемые оппозиционные издания. Но они долго не живут, ибо не пользуются в народе авторитетом. Для огромной массы россиян (русских и всех инородцев) авторитетом является власть и то, что одобряет власть. Здесь власть издревле научила людей уважать себя казачьими ногайками, солдатскими штыками, полицейскими экзекуциями, лобными местами, пыточными камерами, БТР-ами, танками, вертолетами, «эскадронами смерти» - сильная рука! Россиянин любит целовать сильную руку. Методы утверждения власти выработал Иван Грозный еще в XVI веке. Со времен этого деспота в мире много чего

изменилось, а в России изменились только технические средства утверждения власти и названия. Была опричнина, потом опричнина не стала называться опричниной - ЧК-ГПУ-НКВД-НКГБ-КГБ-ФСБ. Названия другие - суть та же, опричинская. Опричнина не позволяет массам, называемым россиянами, перестроиться в граждан. Граждане - люди с правами и чувствами собственного достоинства. А зачем они? Не лучше ли колбаса, селедка, водка и сильная рука - Имперская гордость бомжа! Между абреком Золимханом и атаманом Вербицким завязались особые вражеские отношения. В самом начале их вражды, Золимхан относился к противнику с уважением, как к благородному воину, но Вербицкий это воспринял как слабость абрека, как хитрое желание задобрить его. Он решил не просто убить абрека физически, а убить сперва его авторитет, уничтожить его мужское и воинское достоинство. С этой целью Вербицкий собрал чеченских коллаборационистов-подхалимов из офицеров, духовенства и старшин, которые выработали письмо, унижающее достоинство Зелимхана, кьуонаха-воина. Это был коварный документ. С одной стороны атаман Вербицкий отдавал должное мужеству и доблести чеченцев, ингушей и других северокавказских народов. Это должно было пощекотать самолюбие этих народов, вызвать уважение к автору письма воззвания: «Вы - храбрые племена. Слава о вашем мужестве известна по всей земле: ваши деды и отцы храбро боролись за свою независимость, бились вы и под русскими знаменами во славу России!». Во как! Прямо целительный бальзам на гордое сердце горцев. «Но за последние годы между вами завелись люди, которые своей нечистой жизнью пачкают, грязными делами позорят вас. Это отбросы ваших племен, все свои силы направили на разбой и воровство, заливая краской стыда ваши честные лица. Имам Шамиль за разбой рубил им головы, а за воровство отсекал им лапы.». Найдя в начале подход к сердцу горцев, атаман, даже прибегая к памяти Шамиля, ловко убеждает, что абреки, борцы с насилием пришельцев-интервентов, это воры и бандиты, а вовсе не национальные герои, как горцы по наивности своей природной полагают. Далее шло обращение ко всем «ворам» и «разбойникам»: «Объявляю вам, что ваше царство приходит к концу. Я поймаю вас, и те, на ком лежит пролитая при разбоях кровь, будут повешены по законам военного времени. Поэтому советую вам помнить мои слова и отнюдь не отдаваться моим отрядам живыми, а биться до последней капли крови. Кто не будет трус, умрет как мужчина, с оружием в руках.». Представьте себе чеченцев, ингушей тех лет, еще не утративших свою национальную идентичность, в абсолютном большинстве своем храбрых и потому уважающих храбрых. Они, конечно же, высоко оценили непреклонную волю и мужественный тон автора послания. И тут он наносит удар в гордость Зелимхана прямым мужественным вызовом: «Теперь ты, Зелимхан! Имя твое известно по всей России, но слава твоя скверная. Ты бросил отца и брата умирать, а сам бежал с поля битвы, как самый подлый трус и предатель. Ты убил много людей, но из-за куста, прячась в камни, как ядовитая змея, которая боится, чтобы человек не раздавил ее голову каблуком своего сапога. Но я понимаю, что весь чеченский народ смотрит на тебя, как на мужчину, и я, войсковой старшина Вербицкий, предоставляю тебе случай смыть с себя пятно бесчестия и, если ты действительно носишь штаны, а не женские шаровары, ты должен принять мой вызов. Назначь время, место и укажи по совести, если она у тебя еще есть, число твоих товарищей, и я явлюсь туда с таким же числом своих людей, чтобы сразиться с тобой и со всей твоей шайкой, и, чем больше в ней разбойников, тем лучше. Даю тебе честное слово русского офицера, что свято исполню предложенные тобой условия. Докажи же, Зелимхан, что ты мужчина из доблестного чеченского племени, а не трусливая баба.». Зелимхан через

доверенных людей получил это послание. Копии этого послания были разосланы по чеченским аулам, послание было напечатано в тогдашних газетах Северного Кавказа. Однако ответ Зелимхана Вербицкому не был напечатан, народу он был неизвестен вовсе, кроме ближайших соратников абрека. Получалось что? А получалось, что войсковой атаман мужественно вызвал на поединок абрека Зелимхана, а Зелимхан трусливо промолчал. Вот что умеют делать российские СМИ! А Зелимхан что? У Зелимхана уже был опыт подобного общения с другим офицером царской армии. Он сразу оценил сколько стоит «честное слово русского офицера». Абрек явился в назначенное место намного раньше назначенного времени, увидел, как войска окружают поле, но самого Вербицкого не увидел. Он встал, расхохотался: «Эх ты. Вербицкий. Баба в погонах!». И скрылся. Сотни солдат видели его - исчез, растаял, сквозь землю провалился. Слышали, как он громко смеялся и кричал. И вот нету его. Целый день искали - не нашли. Зелимхан потом жаловался Сулумбеку на коварство военных. Сулумбек промолчал, но когда Зелимхан стал настаивать, Сулумбек сказал:

- Зялмах, твоя ошибка в том, что в душах наших врагов ищешь то, чего там нет. Ты на этом ожегся. С врагами говорят на языке оружия. Вербицкого за это письмо следовало убить сразу, как бешеную собаку. У Вербицкого есть власть, но нет ни чести, ни доблести, ни совести - то, чем мы так дорожим. Убивать их! Убивать! На поединок выходят с равными по духу. Эти генералы и в уборную ходят с вооруженной охраной. Нохчо, когда ты поймешь, что имеешь дело с плебеями в воинских одеждах.

- Но у этих баб-генералов есть сотни и тысячи бессловесных рабов, Сулумбек, которых безжалостно гонят на убой. У меня не всегда поднимается рука на этих солдат. Я хотел, чтобы эти несчастные своими тазами увидели, чего стоит их генерал. Поэтому согласился.

- Э-э! Мярж яь! Если собрать всех генералов, которые сейчас находятся на Кавказе, то навряд ли среди них нашелся бы хоть один, который бы согласился выйти на поединок с первым попавшимся ингушом или чеченцем, не то что с абреком:

- Ои-и! - удивился Зелимхан. - Неужели ты думаешь, что все русские военные трусливые шакалы?

- Не думаю. Русские - обыкновенные люди и среди них встречаются разные, но сюда на Кавказ приходят самые худшие из них, самые трусливые, а трус он всегда защищается коварством и подлостью. Разумный и честный человек, когда его сюда посылают, должен спросить: «Неужели эта земля пустует и у нее нет хозяина? А если там кто-то живет, то я должен буду его притеснить. Это насилие и несправедливость. Я не хочу быть захватчиком». Зялмах, ты слышал, чтобы кто-нибудь из них так сказал? Зелимхан рассмеялся рассуждениям своего друга:

- Теперь я знаю, какова участь постигла полковника Таллуева. Ты как узнал про его хвастовство?

- Я был на базаре в Буро, седло себе выбирал. Шорники кумыки газету читают, друг у друга перехватывают. Громко читают. Чему-то удивляются. Что там? - спрашиваю. Да вот, говорят, полковник Галлуев обещается за неделю на аркане притащить ингуша-абрека

Саламбака. Меня спрашивают: поймают ли. Увидим, отвечаю, неделя недолгий срок. Я седло покупать не стал, а надел погоны и поехал, где у них там штаб. Там их много, туда-сюда ходят. Спрашиваю: где полковник Галлуев? Опоздал ты, есаул, говорят, час как выехал в Кизляр. Догнал и убил.

- А потом?

- Что потом?

- Седло купил?

- Нет.

- Почему?

- Ты же знаешь, как это было.

- Не знаю. Расскажи.

- Я на второй день пошел к тем же шорникам, думал, седло купить и у них узнать, написали ли про гибель этой паршивой собаки. Кумыки завели меня в свою будку и говорят: уходи! Мы тебя узнали, про тебя спрашивали ищейки, шныряют по всему рынку и по ближайшим кварталам, тебя кто-то предал. Ладно, говорю, заберите моего коня, он привязан там-то. А как мы его узнаем? - спрашивает. Там, наверное, много других лошадей. Узнаете - к гриве привязана небольшая зеленая лента. На нее не садитесь - сбросит, ведите под уздцы. Я знал, что у коновязи меня ждут. Ну, конечно, абрек без коня не бывает. Нащупал свой кольт и пошел через базар. Я подходил к воротам, когда засвистели. Эй! - кричат, - Стой! Двое дорожку-мне загородили. Одному оплеуху дал - упал, как мешок с воза, а второму. Воллахи, Зялмах, этим носом он больше сморкаться не будет - ударом кулака вдавил ему этот нос в лицо. Погоня. Ай! Вай! Держи! Лови! Я в проулки. У одной пекарни хлеб на воз нагружают рабочие. На них такие широкие черные балахоны. Я мимо, но один хватает меня за руку: «Дядя Саламбек, Вы куда торопитесь?» - смеется. «Аь, Коля! Отпусти, за мной - шакалы». «Квартал окружили, тебе из круга не выбраться, ребята тащите для него балахон». Эти рабочие меня затащили в пекарню, шапку мою спрятали, сажей лицо измазали, балахон надели. Давай, хлеб таскай! Таскаю. Прибежали эти. «Эй, пекари, здесь Саламбака не видели, бандюгу-абрека проклятого?». Рабочие смеются: «Как не видеть? Он каждые день за свежим караваем приходит. Ружье поставит: «А ну, хлебопеки, руки верх! Лучший каравай давай, а то секир-башка сделаю! Вах-вах-вах!» - смеются, я тоже смеюсь вместе со всеми. Обыскали пекарню, под возы заглянули, мешки с хлебом разворошили. Ушли. «Все равно поймаем». «Поймайте, поймайте. Если сюда еще раз заглянет, мы его кочергой по култыжке, свяжем и приведем к вам». Опять смеемся. Этот Колька сидел со мной во Владикавказской тюрьме. Совсем мальчик был, за кражу хлеба сидел. я его обижать не давал. За лошадью потом, знакомого послал. Не знаем, ответили кумыки, никакого Саламбака, про какую лошадь ты говоришь. Без лошади пришел. Боялись предательства. Два месяца у них была. Сам забрал.

- Смотри, Сулумбек, эти кумыки, эти русские рабочие с парнем Колей, они тебя не предали, а помогли, как могли - значит в других народах есть простые и порядочные люди.

- Конечно! Я никогда не допускал мысль, что мы, галгаи и нохчи, особые люди. Мы - как все. С нашими подлецами хуже, чем с чужими. Чужого убил - и все. А за нашего предателя, доносчика, клеветника взывают, как за настоящего мужчину. Вот, что очень обидно. А какова настоящая цена доносчика? Такая же, как у змеи. А чем лучше шакала доносчик? Есть такие: в руке - сулхъаш, на голове - тубетейка, постоянно произносит имя Аллаха. Ему следовало залить грязный рот расплавленным свинцом, как делали в древности, а мы иногда таких щадим. Особенно мне противны, до брезгливости, те из мулл, которые лизут руки, ноги гяурам.

Впервые Сулумбек разговорился при своих боевых товарищах такой длинной речью. Обычно слова он употреблял в действиях и намерениях, пользовался лаконичными фразами. Сегодня чуть приоткрыл дверцу в душу. У Зелымхана на лице играла добрая улыбка, Аюб слушал товарища внимательно и серьезно. Все, что было сказано, выразило их общие чувства к жизни, к людям, к борьбе. Плохо, когда человек всегда молчит, особенно если это абрек: почему он бросил дом, семью, мирную жизнь и сел в седло? Как тверд в нем дух борьбы? Каково будет его последнее слово? А если он молчит, как это узнаешь? И если этого не знаешь, то не поймешь, где, когда и как этот человек сойдет с седла. Сулумбек глянул в небо на солнце. Зелымхан достал часы:

- Пора. Как обещали, к двенадцати будем там. Если эта баба Вербиска там - заберем его, а потом продадим своим, как дойную корову. Я - впереди, я - полковник. Сулумбек и Люб - офицеры. Рот не открывать. Прикальвайте погоны.

Через несколько минут абреческий отряд превращается в казачий разъезд при Его Благородии, полковнике во главе и при господах офицерах. По еле заметной тропе разъезд выбрался из камышей и направился прямо на Кизляр. Встречные офицеры отдали честь старшему по званию. «Полковник» отвечает, как самый настоящий полковник. У въезда в город оставили группу из семи человек - они прикроют отступление на случай неудачи.

Вот и главный подъезд к банку. Останавливаются, деловито передают лошадей коноводам и идут трое к дверям банка.

Часовой требует пропуска на вход. Сулумбек усмехается:

- Бумага-документ? Есть, конечно, вот наш документ, - звонкая оплеуха, - солдат закачался, а следующий абрек принял от него винтовку, ударом приклада в грудь опрокинул на спину.

Зелымхан раскрывает дверь, останавливается на пороге, достает часы:

- Без девяти минут двенадцать. Немножко не точно, но это ничего. Руки вверх! Я - Зелымхан!

В зале много народу: служащие и посетители. Зал замер от страха. В это самое время Зелымхан заметил кассира-казначей, что стоял у самого сейфа. Этот глупец и, кажется, не

совсем трезвый, скорчил такую гримасу и швырнул ключи в открытое окно, можно было подумать, что он спас всю Империю от неминуемой катастрофы:

- Фу! Фу! Зелимхан-разбойник! А теперь что ты сделаешь?

Раздался выстрел - казначей рухнул мертвый, это стрелял Аюб, он опередил Сулумбека. Ключи принесли с улицы.

- Сидите смирно! Не двигайтесь! Нам нужны деньги, а не вы. Так! Сели! Вот умные люди! - назидательно сказал абрек.

В это время Сулумбек открывал сейф, достал оттуда толстую зашнурованную книгу:

- Приходно-расходная книга. Видишь?

- Это что?

- Здесь записаны все деньги, которые пришли в банк.

- Очень хорошо!

Сулумбек стал доставать кипы перевязанных ассигнаций и мешочки с монетами. Абрек, довольный, усмехнулся:

- Вот, что значит грамотные люди: на каждой пачке, на каждом мешочке написано сколько там денег. Мы можем прямо здесь посчитать и даже сверить с тем, что записано в книге.

- Ты хоть что-нибудь понимаешь в этой книге?

- Я? - самолюбие Сулумбека было задето. - Я целых три книги прочитал, вот таких толстых, в каждой не меньше, чем по двести листов. Я даже библию читал, которая у них вместо Корана. Этим аргументом он, кажется, сокрушил сомнения Зелимхана. И, чтобы окончательно убедить друга в своих высоких познаниях в христианских, т.б. русских науках, открыл наугад приходно-расходную книгу, стал смотреть туда, водить по страницам пальцем и перекладывать деньги с одного конца стола на другой.

- Ах!-ах!, тут написано «двадцать новых рублей медью». Правильно. Вот двадцать рублей медью, вот этот мешочек, еще тут написано тысяча рублей ассигнациями.

Зелимхан сразу смекнул, что Сулумбек в бухгалтерии разбирается не лучше его, этот счет всего-навсего - имитация. Он усмехнулся, решив подшутить на Сулумбеком:

- По-моему ты не точно посчитал, ты запутался. Потом Зелимхан сильно пожалел за свою невольную шутку.

- Ты, действительно думаешь, что я ошибся?

- Да, ты точно ошибся. Ты не посчитал один мешочек с мелкой медью. Сулумбек пошарил руками в сейфе - нашел его пустым, взял стул и сел.

- Пересчитаем. Тут очень удобно работать. - он спокойно уселся на стуле чиновника, закурил трубку, пустил облако дыма и преспокойно начал пересчитывать деньги, перекладывая с одного края на другой. Там за стенами банка началось сражение, поднялась пальба. Сулумбек, попыхивая трубкой, считал мешочки с медью и серебром, туго перевязанные кипы старых ассигнаций и новые нераспечатанные пачки. Заметив беспокойство Зелимхана, Супумбек отложил очередную пачку на кипу уже посчитанных и сказал:

- Зялмах, не беспокойся, на этот раз я внимателен и не ошибусь. Зелимхану ничего не оставалось, кроме как ждать, когда этот своенравный галга досчитает деньги до конца. Водрузив последнюю пачку десятирублевок на кипу, Сулумбек возложил на нее свои руки и назвал сумму.

- Может, еще раз посчитать по купюрам отдельно?

- Не стоит, - сказал Зелимхан, - все правильно. Стали укладывать деньги в хурджины. Молодой чеченец абрек шел, покачиваясь под тяжестью меди и серебра. Сулумбек бросил ассигнации в почтовый саквояж и обратился к служащим банка:

- Господа, мы покидаем вас. Передайте вашему царю, что не стоит чеканить много медных денег, с ними морока, бумажные лучше. Кизлярский банк оправдал своей славы богатейшего банка Кавказа. Мы довольны. До следующей встречи!

Покинув здание банка, отряд двинулся по главной улице в сторону городской управы. У входа стоял часовой.

- Мне нужен атаман Вербицкий. Часовой отдал честь, вытянулся перед казачьим «полковником»:

- Господин полковник Вербицкий отсутствует, Вашеблагородие, Отбыли в Грозный по делам-с.

Не стали никого тут трогать, развернулись и поскакали, но мост оказался уже занят солдатами. Кто-то, учуяв недоброе, поднял тревогу. Оказывается казаки, спешившие на выручку банку, напоролась на засаду, оставленную у околицы города. Они, потеряв много людей, отступили. Поравнявшись с мостом, Зелимхан пальнул из винтовки, и все последовали его примеру. Отряд на полном ходу проскакал мимо, стреляя по солдатам, занявшим мост. Солдаты отвечали, но никого, к счастью, не задели. В версте от моста абреки стали переходить Терек вброд.

- Во-о, Зеламх! Там же болота! - вскричал, пораженный действиями главаря, Аюб.

- Как раз то, что нам нужно. Так мы уйдем от погони - готовая могила для преследователей. Зелимхан, конечно, был отличным тактиком абреческих набегов. Никто не станет их

преследовать в болотах. Может, подумали, что они там сами все погибнут в трясиных. Сам Зелимхан остался на берегу, отбивал нападающих пехотинцев, и только после того, как последний абрек оказался на середине реки, он, с именем Аллаха, спокойно пустил своего коня в мутные волны Терека.

* * *

Целый месяц российские газеты рассказывали о знаменитом военном рейде абреков во главе с Зелимханом из Чечни на Кизляр. Слава абреческого вождя росла, авторитет самих абреков среди кавказских народов поднялся на самый высокий уровень. Правительство не знало, что делать. Российские лжепатриоты были оскорблены до глубины души тем, что их «славное воинство Отечества» не может укротить несколько десятков повстанцев. Абреки свое обещание сдержали. Это свершившийся факт - что делать? Остается только одно: очернить, осмеять, унижить воинский подвиг кавказских смельчаков. Думали, думали и надумали - пустили через газеты нужную информацию: мы, де, этих аборигенов надули, знали, что придут, все большие деньги из банка унесли, оставили одни медяки. Хи-хи-хи!

Из поймы реки по протоптанной целыми поколениями тропинке поднималась вереница девочек, старшей из которых было не более десяти лет. Поднявшись на поперечную улицу, они пошли вдоль плетней, демонстрируя грацию. Они подражали старшим сестрам и матерям, они учились быть красивыми. Каждая несла сосуд с водой: тыквенные бутылки, узкогорлые кувшины, кумганчики, одним словом то, что ей разрешили домашние взять. Но несли они сосуды с водой так, как положено нести кудалы, на плече. Девочки не шли - они шествовали: вода - не главное, даже вода здесь просто как предмет, необходимый для демонстрации себя самой, своего умения ходить, своей грации, своей красоты. Ногами шаркать нельзя, нельзя топтать и дрыгать, ноги красоток должны плавно плыть над землей. Этому матери и старшие сестры учат их сызмальства. Тут все должно быть в гармонии: рост девушки, комплекция, одежда, размер и форма кудала. Если кудал тяжелый, не по ее силам, она будет идти согнувшись в три погибели или накрываясь на один бок. Какая тут грация! Каждый кудал имел индивидуальные характеристики. В те времена по кудалу могли определить физические данные девушки. Каждый кудал делался мастером для конкретной девушки, чтобы он подчеркивал и дополнял ее красоту. А девочки учились грации - школа Красоты! Всадник залюбовался ими и придержал своего коня. Они поравнялись с ним. У каждой из них какой-то внешний предмет красоты: у одной шелковая ленточка свисает из-под платка на спину, у другой новый поясок, у третьей новые тапочки. Здесь всаднику положено первому приветствовать «девушек». И это никак не может быть просто приветствие - должно быть приветствие-восхищение - комплимент! Он не может сказать: «Девочки, здравствуйте!» Господи, какая неучтивость, какое непонимание. Где он вырос? Неужели в их доме никто не давал уроки эдела? Невежда! Так не скажут в лицо, но так подумают. Но наш всадник оценил обстановку:

- Я вижу альпийский лужок, который движется по улице этого счастливого села. Откуда вы, ромашки, идете? Я вами восхищен! Ходите с миром по этой земле! Даже солнце любит вас! «Девушки» остановились и, как положено у ингушек, старшая ответила на приветствие:

- Будь свободен, бяри [119](#)! Мы приглашаем тебя в гости. Бяри соскочил с коня.

- Цветите, красотки, на радость родным и тем, кто на вас заглядывается! Я счастлив видеть вас! Я очень тороплюсь, гостить у вас не могу, но вы могли бы жаждущему путнику предложить родниковой воды. Старшая посмотрела на своих подруг: ну, не предложишь же ты благородному всаднику выпить воды с горлышка, это не красиво. У самой маленькой шестилетней Муи на глиняном горшочке медная кружечка. Девочки поняли свою ошибку: идя к роднику, обязательно должно прихватить ковшик или кружечку - чем напоить жаждущего. Вздохнули от огорчения. Что делать?

- Мун, напои гостя-всадника водой. У тебя кружка есть. Мун подходит к всаднику и протягивает ему блестящую как золото кружку, потом тихо наливает воду. Радужные блики играют в тоненькой струйке. Когда кружка наполнилась, всадник присел на корточки, потому что стоя пить благородному человеку не положено - так пьют плебеи, произнес

формулу творца этой воды и мелкими глотками выпил. Последнюю каплю он пустил на ладонь и провел по лицу:

- Такой вкусной воды я нигде никогда не пил. Не вода, а животворный бальзам! У него забрали кружку, она пошла по кругу - каждая плеснула по глоточку из своего сосуда:

- Пей на здоровье! Это от нас всех. Выпил всадник и эту воду.

- Да возлюбит вас каждый, кто хоть раз в жизни претерпел жажду! - потом он протянул девочке ее блестящую кружку. Мун, какая ты красивая! Можно я тебя поцелую в щечку? Девочка посмотрела на подруг, а те переглянулись меж собой - старшая ответила за всех:

- Ее можно целовать - она еще маленькая. Он осторожно прикоснулся губами к нежной щеке Муи, достал из кармана горсть монет, отсчитал и бросил в медную кружку столько, сколько было девочек.

- Муи, я сейчас поеду, а ты каждой раздашь по одной монетке, это вам на гостинцы. А девочка продолжала смотреть на всадника, что-то хотела, видимо, сказать.

- Мун, ты что-то хочешь у меня спросить?

- Да, хотела бы.

- Спрашивай.

- А как тебя звать?

- Сулумбек.

- Сулумбек, я тебе полюбилась?

- Очень!

- Приедешь, когда я вырасту, как наша Моаши. Буду тебя ждать. Никого к себе не подпущу. Хорошо? Моего отца зовут Лорс. Лорса Муи.

- Хорошо. Помолвка состоялась.

Получив такие заверения в любви и преданности, абрек вскочил на коня и поехал, а навстречу ему в клубах дорожной пыли мчится «кантий тоаба» на взмыленных «конях». Не беда, что кони - ветки и зеленая конопля, что оружие деревянное, что «всадники босы - важно, что сердца горят отвагой. Поравнявшись с «тоабой», Сулумбек высоко поднял правую руку:

- Свободу вам, о храбрые канты! Тамада дал знак - и «тоаба» остановилась. Им нелегко было удержать разгоряченных боевых «коней».

- Будь свободен, бяри! По каким делам, по каким нуждам вышел ты в путь? И удачен ли он?

- Дела были разные. Одни - удачные, другие - не совсем, но последнее дело - самое удачное. Я теперь, кажется буду считаться зятем вашего села. У меня с вашей красавицей помолвка состоялась.

- О-о! - прошло по сгрудившейся толпе «кантов». - Нужное дело. И кто же твоя избранница?

- Лорса Муи. Облик «тоабы» мигом переменился: от доброжелательности и вежливости - к враждебности и дерзости:

- У-у-у!

- В чем дело? - изумился Сулумбек.

- А в том, чужой человек, что на Лорса Муи свой глаз положил один из наших кантов, - ответил решительно тамада, - тебе здесь ловить нечего.

- Да? И кто же мой соперник?

- Я! - из толпы вышел вперед «кант» лет восьми-девяти со страшной физиономией. Он был черен, как сажа, каленые черные глаза, большой орлиный нос и выдающаяся нижняя челюсть. На лице синяки. Облезлая папаха в дырках. Рубашка не имела левого рукава, видимо, потерял в каком-то сражении.

- Ты? - удивился Сулумбек.

- Я - Пихе Гоар! Никому не уступлю Лорса Муи. Только через мой труп! Сулумбек посмотрел на экипировку соперника: на боку меч, на поясе - кинжал, за плечами ружье и такая отвага.

- Са десе бада гож! - воскликнул Сулумбек и пустил коня с места. Конь мчался во весь опор. Сулумбек хохотал во все горло. А «канты» выхватили мечи и издали победный клич:

- Буув! Буув! Мы его прогнали!

НАЗВАННАЯ СЕСТРЕНКА

Хозяйка вошла в гостиную, где ее муж Хасолт и Сулумбек тихо беседовали в ожидании ужина. Женщина была испугана, растеряна:

- Ты что, - спросил у нее муж, - лесное чудовище увидела? Или джин напугал?

- Там женщина пришла.

- А какое нам дело до чужих женщин?

- Это жена пирстопа. Она спрашивает Сулумбека. Я сказала, что не знаю никакого Сулумбека, но она заявила, что точно знает, что он здесь. На два слова просит выйти. Мужчины переглянулись: что делать?

- Хорошо, Залихан, поведи меня к этой женщине, может, она родственница. - Сулумбек встал и вышел во двор вслед за хозяйкой дома. Там у калитки стояла молодая женщина. Она двинулась к Сулумбеку, поздоровалась и по-родственному обняла его, а Залихан попросила:

- Оставь нас на короткое время.

Залихан отошла к порогу своего дома.

- Ты удивился, что я тебя обняла? - усмехнулась она.

- Право же я не знаю, кто ты, женщина. - засмутился он.

- Я - Йиси. Неужели ты меня не помнишь?

- Йиси? Какая Йиси?

- Да, названная сестра твоя. Помнишь в детстве ты из-за меня страшного быка зарезал.

- Ва-а-а, Йиси! Какая ты большая стала! Ты такая маленькая и щупленькая была. А теперь полная женщина. Ну как ты живешь? Замужем?

- Да, я жена пиретопа. А знаешь, кто мой муж - тот самый мальчик, который напускал на меня этого быка.

- О-и-и! Это удивительное дело! Ну как он относится к тебе? Обижает?

- Нет, Сулумбек, я хорошо устроилась. У меня четверо детей. Ни в чем не нуждаюсь.

- Я рад за тебя, Йиси. Я очень рад. В этой жизни, оказывается, есть и хорошее. Но как ты узнала, что я здесь? - удивился он.

- Муж сказал. Это он меня послал. Сходи, говорит, выручай своего брата, чтобы мне не

предавать своего уст-воща [120](#). Мы часто вспоминаем тот случай. Смеемся.

- А как он узнал, что я здесь?

- Пришел эакх. Мужу теперь придется сообщить власти. Тебе надо быстро уходить отсюда. Здесь будет обыск. Пусть Хасолт уберет все, что нежелательно видеть русским. Надо торопиться, а то эакх донесет и на нас. Придешь к нам.

- Что? Я к самому пиретопу? Прямо в дом?

- Это самое безопасное место для тебя. Разве я тебе не сестра? Аддал так сказал.

- Аддал - это твой муж?

- Да. На коня не садись - могут заподозрить. Эакхи засекут. Коня твоего я поведу по другой улице. А ты иди пешком, но без бурки, налегке. Дорогу не забыл? от того места, где ты быка свалил, вверх идет тропа, на самом гребне холма - два дома. Наш дом - справа. Примета: вместо воротных столбов - тутовники. Я тебя буду ждать. А может, ты мне не веришь?

- Что ты?! Верю!

- Еще бы! Я, кажется, у тебя единственная сестра. Кому тогда верить, если сестре не верить? Мне пора. Скажи, чтобы лошадь привели.

- А оружие?

- Заверните в бурку, привяжите к седлу. Я с конем унесу.

* * *

Солдаты нагрянули на рассвете, окружили дом Хасолта, обыск произвели самый тщательный. Штыками искололи стены. Разворошили скирду сена, облазили хлев - ничего, даже никаких следов, что абрек тут был. Пуще русских старался пристав Баче Аддал. И когда все пошло в пустую, приказал казакам привести сексота. А те буквально пригнали его, как скотину. Как напустится на него Бачи Аддал:

- Где твой стыд, Гоам-Корт [121](#)? Решил с властью играть в пряталки? Шутишь, да? Это тебе не шутки. Посмотри, из-за твоего языка целый полк подняли, село всполошили. Где Сулумбек, я тебя спрашиваю? Куда он подевался? Ты же мне говорил, что видел, как на лошади заехал во двор Хасолта.

- Видел, я видел, клянусь могилой отца!

- Молчи! Твой отец был не лучше тебя: курокрад был. А ты, если уж сделался платным доносчиком, то доноси по делу.

Баче Адцал кричал так, что слышно было за два квартала. А люди слушали, да посмеивались.

- Этот Хасолт едва кормит своих детей, работая с утра до ночи на небольшом поле. Куда ему абреков принимать?! Сулумбек сейчас, видимо, преспокойно сидит в каком-то доме состоятельного человека. Йовсар - ты, настоящий йовсар, Гоам-Корт. Еще раз ты мне такое устроишь, я выпрямлю твою голову о камень. А ну пошел вон! Из-за тебя перед начальством красней. Гоам-Корт получил плетью по спине. С него свалилась шапка. Он ее подхватил и побежал прочь. Пристав стал извиняться перед есаулом. Извините, охотно бы помог, да вот неудача. Дело в том, что сексот не только приставу сообщил о Сулумбеке, но сразу же послал сына к командиру отряда. Власть проверяла и своих ставленников-приставов на верность.

К обеду казаки и солдаты, обыскав несколько подозрительных дворов, обшарив всю округу, ушли восвояси. Баче Адцал вернулся домой после обеда, под вечер.

- Ну, уст-воша, как я тебя искал!? Целый взвод солдат да казачий отряд поднял - а ты тут около сестры уселся и в ус не дуешь, рыжую бороду почесываешь. Ва-ха-ха!

За обедом вспоминали далекое детство. Ухаживала за столом старшая дочь Йиси Яхи.

- Яхи, а ты знаешь, кто наш гость? Девушка пожала плечами.

- Это тот самый мальчик, который убил истязавшего меня быка, не бык - а зверь настоящий. А напускал на меня твой отец, вот этот, что сидит и смеется.

Чувствовалось, что этот случай далекого детства часто вспоминается в семейном кругу. Яхи развеселила всех своим комментарием:

- Если бы отец знал, что ты станешь потом его женой, он ни за что не пугал бы тебя этим быком. Откуда это ему было знать? Сулумбек чуть-чуть задумался, потом рассмеялся прежде, чем задать вопрос:

- Аддал, когда началось ваше сватовство, вы оба помнили.

- Еще бы! - закатился хохотом Аддал. - Мне и моим двоюродным братьям так хотелось, так хотелось поймать ее и вывалить в грязи в отместку за гибель быка, - но при воспоминании о том страшном рыжем мальчике с кинжалом, наше мужество начинало таять. Ва-ха-ха!

- Ну как же она согласилась выйти за тебя?

- А я заявился к ней на дом с друзьями и просто извинился за глупые и грубые шалости детства - растаяла твоя сестра.

- Ты умно поступил. Адцал! Простое, доброе слово - большая сила! Я рад за вас. Береги ее! Не обижай!

- Сулумбек, ты не так сказал. Тебе следовало ей сказать, чтобы она меня не обижала. Этот

дом, все хозяйство в руках твоей сестры. В моей власти в этом дворе ничего нет, кроме моей шапки и двух сапог. Я утром ухожу на службу, вечером возвращаюсь. Она - царица! И еще хочу, чтобы ты знал: я стараюсь беречь своих односельчан по мере возможности.

Сулумбек уезжал от них глубокой ночью, на душе было светло, радостно за Йиси и за Аддала. Значит среди служак есть такие, которые не продаются.

БЛАГОДАТНАЯ ПТИЦА

Тачанка с девушками была убрана коврами и цветными кошмами. Сытые кони несли этот прекрасный груз легко и прытко. Лошадьми управлял юноша лет семнадцати. Погонять, понукать ретивых коней ему не приходилось, он их, наоборот, сдерживал. Дорога была мягкая, проселочная, и погода установилась на радость новобрачным: прохладный осенний воздух, ласковое светлое солнце, и небо без единого облачка. Молодые всадники то и дело вырывались из стройных рядов, подлетали к тачанке, перекидывались благородными комплиментами со знакомыми девушками, на ходу передавали с рук на руки гостинцы - сладости. Залимат была на голову выше всех подруг. Она отличалась красотой наряда, гордой осанкой, умением вести себя скромно и непринужденно. Но, а насчет личной красоты - в Ингушетии не было мужчины, который тайно или явно не вздохнул бы при виде ее прекрасных глаз. Но ни один из ингушских парней не мог сказать, что Залимат грубо, надменно отвергла его ухаживание - она была одинакова со всеми, кто с ней говорил, как положено истинной галгайке. Девушки сзади передали Залимат большой бумажный пакет с гостинцами, крест-накрест перевязанный шелковой розовой лентой. Сама эта лента была для девушки того времени дорогим подарком:

- Этим гостинцем почтил тебя Сулумбек из Сагопши. Он справа от тебя. Посмотри туда.

Девушка повернулась в ту сторону - Сулумбек сидел на лошади стального блеска, кабардинский иноходец нес всадника легко и стремительно. Казалось, что конь и всадник - единое целое, горный орлан, разбежавшийся для взлета.

- Быть тебе свободным во веки веков, благородный Супумбек! - чуть приподнялась со своего сиденья Залимат. – Спасибо, что почтил меня и моих подруг гостинцами.

- Живи счастливая, Залимат! Я хотел бы при твоих подругах, как свидетелях, задать тебе один важный для меня вопрос.

- Задавай его, Сулумбек, но смогу ли я на него ответить?

- О, Залимат! Ключ от этого вопроса в твоих руках.

- Ну что ж! Тогда ты получишь ответ, Сулумбек.

- Чтобы мне такое сделать, Залимат, чтобы добиться твоей благосклонности. Я хотел бы заслать к тебе сватов, но только с твоего разрешения. Залимат посмотрела по сторонам.

- Сулумбек, ты видишь вон ту птицу, что сидит на кусте?

- Вижу.

- А ты знаешь, что это за птица?

- Нет, Залимат, не знаю.

- Это птица-Фяра. Принеси ее мне и ты получишь ответ на своей вопрос. Конь по воле всадника внезапно сорвался с места и понесся в указанную сторону, как стрела, пущенная из лука. Птица сидела на ветке кустарника в шагах двадцати от дороги. Она, видимо, была привычна к путникам на этой дороге: и пешим, и гужевым, и всадникам. Она слишком поздно почуяла опасность, прямо на нее летел всадник. Птица встрепелулась, ветка под ней согнулась, она взмахнула крыльями и оторвалась от куста тут ее всадник ухватил на лету за ножки.

- Девушки, передайте Залимат и этот гостинец.

Залимат приняла птицу обеими руками и подбросила вверх:

- Я дарю тебе свободу!

- Залимат, будь хозяйкой своего слова.

- Ты найдешь меня такой, о Храбрый Сулумбек!

ПРИГЛАЩЕНИЕ НА СВАДЬБУ

Слуга раскрыл ворота и красавец офицер въехал во двор, ловко соскочил с коня, поправил на себе одежду, глянул вверх - на открытой веранде второго этажа стоял его отец, князь Арчил Бердиашвили. Старый князь залюбовался статной фигурой сына, гордо выпрямился и, хлопнув рукой по резному столбу, тихо, но с чувством сказал:

- Эйх! Важклати [122](#)!

Сын сделал несколько шагов, остановился и поздоровался:

- Добрый вечер, отец!

- Добрый вечер! Добрый вечер, сынок! Ну что? Пригласил друзей на свадьбу?

- Да, отец, пригласил, всех пригласил: и друзей и не друзей. Им же хватит места за нашим столом?

- Об этом не беспокойся: Бердиашвили никогда не тяготились множеством гостей. Гость от Бога, с какими бы намерением он к тебе ни пришел - уйти должен с добрым сердцем. Ты, Тариэл, никак прямо с гулянья явился домой?

Сын виновато опустил курчавую голову:

- Да, отец. Собралось много друзей - из офицеров и гражданских, посидели немного. - я их всех пригласил на свадьбу. Я им сказал, что на нашем пиру будет весь Владикавказ. Там было два ингуша: один служит в казачьем, полку, а второй - он коммерсант, коней в армию поставляет. Вот я возьми этому Султану и скажи: «Передай мое приглашение на свадьбу самому Сулумбеку Сагопшинскому, абреку». Компания вся так и расхохоталась.

Старый князь притих, задумался:

- Ты чем-то недоволен, отец?

- Нет, не в этом дело, Тариэл. Но стоило ли приглашать Сулумбека, абрека. Не потому что он абрек - тут будет много его врагов... Определенные неудобства для хозяев дома... видишь ли, молодой князь, я не позволю в своем доме никаких дерзостей по отношению к гостю, кто бы он ни был, как бы.

Тариэл развел руками:

- Что ты, отец?! Разве Сулумбек посмеет явиться на нашу свадьбу в центр города среди белого дня, где за столами будет сидеть чуть ли не целая рота офицеров? Он же не глуп, этот Сулумбек.

Князь Бердиашвили закачал головой:

- Глуп-то он неглуп, сынок, да дело-то в его крови, которая, кстати, течет и в твоих жилах, молодой князь. Уж если что ему в голову придет, то никто и ничто его не остановит, кроме как Бога. Я по себе это знаю. Так что, Тариэл, готовься встречать гостя-абрека. И учти, тебе его следует сажать не среди людей низкого сословия - оскорбишь, встанет и уйдет, смертельным врагом сделаешь. Тариэл весь обмяк, словно его остудили, опрокинув на голову целый чан холодной воды:

- Ты думаешь, отец, что он заявится на мою свадьбу вместе со всей своей бандой?

- С бандой или без банды, но Сулумбек на свадьбу придет и бокал вина за твое счастье выпьет. Это уж точно. Что сделано, то сделано. Ну. - князь твердой походкой прошел до конца в ранды и скрылся в своей комнате для отдыха. Тариэл серьезно задумался над своим опрометчивым приглашением. Да! Действительно, что делать, если этот дерзкий абрек, несмотря ни на что, появится на свадьбе? Как поведут себя офицеры? А если они захотят его повязать, а старый князь будет противиться этому? Да и абрека так просто не возьмешь. Не свадьба получится, а побоище. Он же не может предать отца при том, что сам во всем виноват. Что из этого получится? Не имея ответа на эти вопросы, он, как и отец, вспомнил кавказскую поговорку: «Чему быть - того не миновать!», махнул рукой и пошел отдыхать в свою комнату.

* * *

Грузинское застолье подобно грузинской хоровой песне: у нее есть зачин, что-то вроде запева, веселье нарастает постепенно, но никогда не переливается через край, оно течет, как быстрая река, которая уважает свои берега. Свадьба была в разгаре. Старый князь, который часто с тревогой поглядывал на дверь, мало-помалу успокоился. «А может, не придет? А может, его здесь поблизости нет, может, он ушел в набег на какой-то казачий город или крупную станицу. Может, пронесет. Могли же те двое ингушей просто не передать слова молодого баламута, не принять всерьез. Может. ». Однако, увидев бегущего к нему вприпрыжку дворецкого и смятенное его лицо, князь Арчил понял, что приглашенный прибыл,

- Ботоно Арчил! Ботоно. - дворецкий был напуган. - Ботоно.

- В чем дело, Бибо? Кто тебя так напугал?

- Гости.

- Ну и что? Один говорит, что он Саламбек и говорит, что приглашен на свадьбу самим молодым князем.

- Бибо, ты кто по национальности?

- Ботоно? Вы же знаете - я кахетинец, грузин.

- Вот и хорошо! А кахетинцы пугаются приходу гостей? Разве гость на Кавказе должен заранее извещать хозяев о своем приходе? Бибо смутился, но не успокоился.

- Ботоно, но этот Саламбек - абраг.

- Мне дела нет до его занятий, это его дело. Мое дело принять и посадить гостя за стол.

- Но, Ботоно. здесь полно царских офицеров.

- Они тоже мои гости и должны понимать, что находятся в гостях у грузинского князя. Иди зови гостей, почему ты их оставил во дворе одних? И будь вежлив с ними. Бибо был у самых дверей, когда князь окликнул его. Слуга вернулся и хозяин спокойно, но назидательно сказал:

- Бибо, смотри за их лошадьми. Никого к ним не подпускай. Будешь отвечать головой, поставь своего сына сторожить их, пусть стоит рядом, не отходя ни на шаг, пока они не уедут. Ты понял, Бибо?

- Понял! Понял, ботоно Арчил. На них муха не сядет.

- Ну смотри, Бибо! Ну смотри!

Когда слуга скрылся за дверью, князь поднялся и попросил внимания. Веселый князь Арчил заговорил спокойным рокочущим голосом, в котором чувствовалось глубокое уважение к гостям и чувство княжеского достоинства:

- Господа, мне очень приятно видеть вас на свадьбе моего сына. Вы, друзья моего сына, мне вы все очень дороги. Грузины говорят: гость от Бога. Между прочим, так говорят все кавказцы. Бывали случаи, когда в гостях за одним столом встречались кровники. Но из-за уважения к хозяину дома, они расходились мирно. Таков наш великий закон гостеприимства. Кавказский стол уравнивает все сословия в правах: князь, слуга, азнаур, крестьянин и даже беглый раб, все они за столом равны. К нашему пиршеству прибыли новые гости, званые гости, их позвал князь Тариэл. Пусть они вас не смущают. Помните, господа, оказывая уважение моим гостям, вы оказываете уважение мне, я князю Тариэлу, вашему другу. Вот что я хотел сказать, - потом старый князь обратился к своему племяннику, который сидел напротив, среди молодых грузин:

- Михо, когда они войдут, вы все встаньте и посадите ингушей с собой, им с вами будет удобнее.

- Хорошо, ботоно. Первым вошел Бибо, с серебряным подносом в руке, сделал несколько шагов, остановился и громко произнес:

- Саламбек Сагопшинский, приглашенный лично князем Тариэлом! Князю Гариэлу подарок - конь! Невесте - золотое кольцо!

Они вошли легкой походкой людей, уважающих свое и чужое достоинство. Их было трое.

Справа молодой человек, лет тридцати - тридцати пяти, богатырского телосложения. Короткая рыжая густая борода окаймляла его круглое лицо. Синие глаза светились, как морская волна в ясную погоду. На лице играла лукавая, добродушная улыбка. По рядам гостей прошел шумок: Саламбек! В середине стоял мужчина пожилого возраста, а слева от него стройный юноша лет двадцати. Одеты по-горски, в праздничное, как положено, идя в гости. Оружия на них не было, кроме кинжалов.

- Мир этому дому! - сказал старший на чистом без акцента грузинском языке. - Князь Тариэл, Вы приглашали Сулумбека на свадьбу?

- Да, я пригласил его! - сказал, вставая, молодой князь. - Я пригласил Сулумбека на свою свадьбу и очень признателен ему, что он пришел, несмотря ни на что. Встала невеста, встали грузины, а затем все гости - это получилось само собой. Князь Арчил указал гостям рукой, грузины раздвинулись, потеснились и усадили этих странных гостей на почетные места. Потом начали все садиться. Бибо передал поднос служанке-девушке, та отнесла его и поставила перед невестой. Натела глянула на обшитую замшевую коробочку, а лотом на жениха. Тариэл протянул руку и раскрыл коробочку, блеснуло золото и заискрились дорогие камушки. Это было дорогое кольцо. Натела не удержалась, примерила:

- Тариэл, оно мне в пору! Красивое!

- Да, Натела. А я пойду посмотрю свой подарок. - Тариэл вскочил и вышел во двор.

Тамада стола приказал налить гостям чаши приветствия. За столом установилась неловкое молчание. Одни офицеры делали вид, что ничего-то незаурядного не случилось, а некоторые, что помоложе да погорячее, угрюмо поглядывали на новых гостей. Ингушей это нисколько не смутило. Когда им предоставили слово, встал старший, произнес короткий тост на грузинском языке:

- Мир и благодать этому дому! Молодым долголетнего счастья и хорошего потомства! Обилие вашему столу! Сотрапезникам - безмятежного веселья!

Старый князь поднял руку и спросил:

- Уважаемый гость, ты - грузин? Как тебя звать?

- Мое имя Мате. Я - ингуш. Моя мать имеретинка. Простите, князь, я знаю только ингушский и грузинский языки. А здесь много русских гостей. Передай и им наше почтение. Сулумбек потом скажет это, он хорошо говорит по-русски. К тому времени вернулся со двора жених в весьма веселом настроении.

- Господа, настоящий аргмак! Я такого красавца еще не видел. Сулумбек, как мне тебя отблагодарить? Это дорогой подарок! Дорогие подарки! Я благодарю и от имени невесты.

Сулумбек встал с бокалом в руке:

- Князь Тариэл, разве князьям дарят дешевые подарки! Езди в свое удовольствие! В связи с

обстоятельствами моей жизни кое-кто может подумать, что подарки приобретены грабежом. Не берите грех на свои души, мой брат - коневод. Он мне подарил его пять лет тому назад жеребенком. И кольцо, даренное невесте, чистое. Будьте счастливы, на долгие лета! Грузины затащили застольную песню, свадьба снова вошла в свое нормальное русло. Тамада заявил, что желает посмотреть на танец молодых.

Заиграла музыка. Ротмистр Пенкин незаметно юркнул в дверь, выскочил во двор и пошел за дом, по садовой дорожке, направляясь в сторону конюшни. Его вдруг окликнули:

- Яй! Сабардел [123](#). Далеко хади? Пенкин обернулся - к нему с недоброй усмешкой шел горец, а второй стоял под грушей, держа винтовку наготове. Горец погрозил ему пальцем, как шаловливому ребенку.

- Палхой дел делай! Без башка будешь! Отпрягай леворт! - приказал он. Пенкин трясущимися руками расстегнул пояс с револьвером и протянул горцу.

- Умный! Башка есть! Немного масло есть! Его повели к конюшне. Туго перевязали за спину руки, перевязали ноги и бросили внутрь, там уже на полу лежала вся его команда, из которой он засаду устроил.

- Отдыхай мал-мала! А в зале играла музыка. Есть такой танец - танец жениха и невесты: это плавность, изящество и нежность - красота! Таризэл и Натела прекрасно исполнили этот почти ритуальный танец. Гости были восхищены и красотой этой изумительной пары, и исполнением танца. Заиграл вальс и зал завихрился кружащимися парами. Ингуши с любопытством наблюдали за танцующими, изредка перебрасываясь словами. А когда закончился вальс и господа отвели дам по своим местам, в середину вышла девушка, подняла руку, прося внимания:

- Я хочу станцевать с одним из дорогих гостей, с Сулумбеком Сагопшинским. Господин Арчил, прикажите, пожалуйста, оркестру сыграть ингушскую лезгинку. Я Вас очень прошу!

Князь усмехнулся и махнул в ту сторону рукой. Оркестр заиграл. Девушка пошла по кругу в такт музыки, перебирая ножками. Чувствовалось, что она это делает не впервые. Когда девушка поравнялась с ним, Сулумбек пожал плечами и пошел за ней. Гости начали хлопать. Тихо, извиняясь, он проговорил:

- Девушка, я не знаю, что ты задумала, но я мало упражнялся в этом деле. Я не умею танцевать.

- Делай, что умеешь, но убежать я тебе не позволю.

- Вай! Ты хочешь меня пленить?

- Очень хотела бы.

Сулумбек отстранился от нее, с тревогой подумал: Господи, что у нее на уме? Но отдалиться

ему не получилось, она его нагнала. Все видели, что пара о чем-то говорит, но слов не слышали. И это придавало танцу особую интригу.

- Не убегай. Пожалеешь!

- Отпусти меня с миром! Кто ты такая?

- Я - Маро, дочь армянского купца. Ты приходил нас грабить. Помнишь?

- Что ты хочешь от меня? Опозорить?

- Я тебя люблю! Я тебя ревновала к Лене, она было моей подругой.

- Ты - сумасшедшая!

- Я сумасшедшая! Когда девушка влюбляется, с ума сходит. Сулумбек подвел Маро к группе женщин, поклонился в знак того, что он ее отпускает. Но когда он повернулся, чтобы уйти к своим, девушка схватила его за руку и рывком потянула к себе, подтянулась и поцеловала его в рыжую бороду. Абрек отпрянул, не растерялся и громко, чтобы слышали все, сказал:

- Мы знакомы это был поцелуй сестры.

- Не верьте ему! это был поцелуй влюбленной! - заявила Маро. Некоторые из женщин заплодировали, а по рядам мужчин прошел ропот недовольства: видано ли дело, чтобы девушка из общества целует при всех отъявленного абрека!

- Мы уходим, - сказал Сулумбек своим, - дальше здесь оставаться нельзя. Для хозяев очень тягостно наше пребывание здесь. Но князь держится гордо, виду не подает. Когда гости снова уселись за стол, Сулумбек попросил слова и объявил о своем решении покинуть гостеприимный дом:

- Спасибо Вам, князь Арчил, за хлеб-соль и Вам, благородный Тариэл, за приглашение. Нас не часто приглашают на веселье. Мы пришли в этот дом с миром и с миром уходим. Я знал, куда иду и с кем придется делить трапезу. Благодарю всех. Веселитесь от души. До свидания! У самых дверей абрек обернулся:

- Князь, я знаю, что в Ваших помыслах ничего дурного не было. Вы - человек чести. Но кое-кто нам устроил засаду. Эти люди лежат связанные в Вашей конюшне, а их оружие висит на заборе. Мы не взяли даже патрона, хотя нуждаемся в них. Абреки ушли.

- Бибо! - закричал старый князь дворецкому, - поди со слугами на конюшню, там увидишь связанных вояк. Приведи сюда, не развязывая им руки. Где-то на заборе висит их оружие - тоже сюда принеси. Хочу проверить, правда ли, что кто-то без моего на то разрешения расставляет в моем дворе капканы на моих гостей. Слуги ушли исполнять волю хозяина, а стол замер в ожидании. Сперва принесли оружие: целые охапки винтовок, сабель, кинжалов, патронташей. Сложили все это прямо на пол, потом ввели незадачливых засадников - шестерых казаков. Пенкин от стыда прятался за спины своих подчиненных.

- Господин ротмистр, выходите вперед, как подобает офицеру. Что все это значит?

- Что, а то, что не удалось заловить этого зловредного бандита. Нас кто-то из Ваших слуг выдал. Засада на засаду - повязали бандиты моих людей, да и все.

- А Вы не посчитали необходимым известить меня о Вашем замысле?

- Я знал, что Вы не согласитесь. А грабителя этого давно пора повесить.

- Бибо, развяжи этому офицеришке руки. Это не Ваш ли пояс с кобурой?

- Мой.

- Берите свое оружие и покиньте немедленно мой дом! Вам не место в порядочном доме.

Пенкин поднял с вороха свой пояс и поспешно удалился.

- Кто старший из вас, вояки?

- Я, Вашескородие. Урядник Чепурнов.

- Урядник, я не спрашиваю, как с вами такое могло приключиться. Ответ об этом будете держать перед своим начальством. Разбирайте свое оружие и ответьте мне: все ли ваше в целости? У вороха с оружием началась возня: каждый отыскивал свою винтовку, пояс с кинжалом и саблей, патронташ. Теперь уже при полной экипировке они столпились у дверей.

- Вашескородие, все наше тут. Ничего кунаки вроде и не взяли.

- Идите тогда и догоняйте своего горе-командира. Бибо, отведи их в комнату для прислуги и налей им по чарке вина - как никак со свадьбы уходят. И они ничем не виноваты.

- Премного благодарны-с, Вышескородие.

Когда и казаки ушли вслед за Бибо, хозяин дома громко рассмеялся:

- Ну князь Гариэл, надолго запомнится нам твоя свадьба!

Молоденький офицер с конца стола обратился к старому князю:

- Объясните нам, Арчил Автандипович, почему абреки Саламбека не забрали себе оружие? По обычаю, кажется, это их законные трофеи. Я уверен этот вопрос в душе у всех здесь сидящих.

- Молодой человек, - ответил князь, - загадки тут никакой нет. Это из-за уважения к нашему дому. Вы слышали, что они сказали, произнося тост: «Мы с миром пришли и с миром уходим!» Они сдержали свое слово полно, как подобает кавказцам мужчинам.

Среди молодых офицеров прошли короткие бурные разговоры, а тот корнет вскочил со своего места, высоко поднял бокал и страстно сказал:

- Господа, поддержите мой тост. Не смею провозгласить тост за абрека Саламбека - скажут, российский офицер за здоровье бандита пил. Я пью за отвагу и за честь, чему были свидетели все мы. Я восхищен этим Саламбеком, будь я проклят!

* * *

На объяснения с властями по поводу инцидента на свадьбе сына старый князь не напрашивался, но когда приехал вестовой с приглашением от начальника края, с готовностью стал собираться. Арчила Автандиловича беспокоило только то, что у сына на службе могли быть неприятности. Князь явился в управление в парадном мундире, при всех своих регалиях: вся грудь в высших российских орденах всех степеней, на боку почетное наградное оружие - сабля с золотым эфесом. Этими наградами были отмечены подвиги князя-воина в русско-турецкой войне 1877-1878 годов, а затем в русско-афганском конфликте 1885 года в оазисе Пендс, фактически это была война с Англией, которая пыталась вытеснить Россию из этого региона. Генерал Михеев, как увидел князя в блеске своей воинской славы, сразу понял, что тот ему не по зубам. С ним надлежало говорить весьма, весьма корректно. Получилась даже недолгая, но неловкая заминка. Князь Арчил сел на предложенное ему кресло и твердым воинским голосом спросил:

- Чем обязан Вашему приглашению?

- Знаете, Арчил Автандилович, то что произошло на свадьбе Вашего сына, хотелось бы.

Князь не преминул ответить:

- На свадьбе моего сына, господин генерал, ничего не произошло, но произойти могло, не имея мы достаточной выдержки. Этому городу пришлось бы хоронить не только офицеров и лиц гражданского звания, но и женщин. Надеюсь, генерал, Вы не упрекаете меня в том, что я свадьбу сына не превратил в побоище?

- Нет! Что Вы, князь? Вы поступили осмотрительно. Однако этот абрек, говорят, был приглашен. Не так ли, князь?

- Князь Тариэл, мой сын, устроил в ресторане пирушку для друзей, где и объявил о своей свадьбе и пригласил всех присутствующих. Его спросили: а хватит ли места и вина на всех, он ответил, что ни один гость не будет лишним. Он стал приглашать всех посетителей ресторана и в горячке закричал, что приглашает даже Саламбека, ингушского абрека. Это что подсудное дело?

- Ничего тут подсудного нет. Однако Вы сурово обошлись с ротмистром Пенкиным. Вы его опозорили.

- Я его не позорил. Это он хотел опозорить мой двор, мое княжеское достоинство. С такими вояками абреков Вам не одолеть. Господин генерал, надеюсь, Вы его примерно накажете. Во время боевых кампаний таких мы называли простым словом «трус». И еще прошу учесть: свою приверженность к Государю и Отечеству я привык отстаивать на полях сражений, а от полицейских ухищрений избавьте - не моего ранга это дело. Вы хотите еще что-то спросить?

- Нет, князь. Простите, если мое приглашение чем-то обидело Вас.

- Нет, генерал, Вы меня ничем не обидели. Но, а насчет прощения - я никогда не наношу обид другим, и не прощаю обиды, нанесенные мне. Честь имею! Князь встал, откланялся и ушел.

СЕСАРИЙ ЛОВЗАР [124](#)

В благостное утро разговения от мархаш, сразу после того как мужчины вышли из мечети, совершив праздничную идду, по улицам побежали быстроногие мальчишки, оглашая такую весть налево, направо и всем встречным:

- Идите на Поляну, там девушки начали Сесарий-ловзар! Ой, как интересно! Как там весело! Все бегут туда. Аля-лай!

Погода была отменная: ни жарко - ни холодно. Народ в нарядах. В воздухе повис таинственный дух счастья и радости. Поляна располагалась на восточной стороне у околицы села, старые люди ее называли Цайний Бай, что переводится как Поляна Празднеств. Когда-то до принятия ислама на этой поляне, говорят, жрецы отправляли священные ритуалы. Но людей туда тянуло по привычке. Свадебный кортеж, возвращаясь в село с невестой, здесь обязательно останавливается для короткого ловзара. Обязательно заставляют невесту станцевать с деверем. Муллы всячески боролись с авторитетом Цайний Бай, но безуспешно: ломать традицию - неблагодарное дело. Народ опять потянуло к Поляне после неопровержимого чуда. Девять лет тому назад у столетнего старца Гихи заболел сын, единственный живой наследник. Сыну было за сорок, и он еще не был женат, а звали его Хамбор. Больной лежал и чах, таял как сальная свеча. Лечили его знахари, лечили врачи, вешали на него амулеты - ничего не помогало. И вспомнил старый Гиха Цайний Бай, Священную Поляну. Мальчиком он слышал от старших, что мольба, произнесенная на этой поляне в предрассветный час, не остается безответной - такое место. Встал старец на рассвете, совершил омовение и с молитвенным ковриком в руке направился на эту поляну. Как раз, когда он ступил на нее, с минарета мечети прокричали азан. Отмолился Гиха и поднял руки для дуа. Слова не шли на ум, тогда он от обиды разрыдался: «Ва-а, Дяла! Ва-а, Дяла!». Сердце сильно, сильно сжало, старик потерял сознание и упал. Лежал, видимо, недолго. Он явственно услышал голос сверху: «Иди, Гиха, домой. Иди!». Гиха встал. Рассветало. Он побрел к своей хижине, торопливо повторяя хвалу Милосердному. Когда Гиха вошел во двор, увидел сына, стоявшего на пороге, опершись обеими руками за косяк двери дома. Гиха опешил: вторая неделя, как он переворачивает его в постели с одного бока на другой, на собственных ногах-не стоял третий месяц.

- Хамбор... ты... как...? Может...

- Воти, я давно не совершал намаза.

Больной, покачиваясь, спустился во двор, взял кумганчик и направился в сторону нужника.

- Тебе лучше, Хамбор?

Сын обернулся:

- Да, Воти, мне лучше. Я много намазов пропустил - не хорошо. Буду наверстывать.

- Может, я помогу...?

- Нет, нет. Я сам могу. Иди в дом, Воти, не беспокойся. Я, кажется, здоров. Совсем здоров, только слабость в коленях. Когда сын скрылся за сараем, Гиха снова заплакал, стал причитать: - Воистину я слышал Твой Голос! Благодарю Тебя, что не дал мне умереть у чужого плетня, как старый пес. Алхьамдулиллах1! Алхьамдулиллах1! Алхьамдулиллах1! - непрерывно повторял старец даже тогда, когда сын вернулся, сел у стенки на стульчик и стал совершать омовение.

Потом, когда они завтракали, отец спросил у сына:

- Ты лежал, даже не мог присесть или повернуться на бок - и вдруг ты встал и пошел - как это получилось?

- Я вроде спал и вроде не спал. Показалось, что прилетала большая белая птица и уцепилась когтями за меня. «Не срывай с меня одеяла!» - сказал я. А она говорит: «Я не одеяло с тебя срываю, а болезнь». Я почувствовал, как она из меня что-то сильно вытягивает аж до боли. Потом белая птица это сорвала с меня и унеслась. Мне сразу стало легко. Двинул руками, подтянул ноги, повернулся на бок, а потом присел на постели. Хамбор возвращался к постели только для ночного отдыха. Через неделю он поехал проведать свое кукурузное поле, которые засеяли родственники, пожалев немощного старика. Осенью после уборки урожая Хамбор женился на молодой вдовушке. Таким счастливым Гиха себя не чувствовал никогда. Из-за Цайний Бай между духовенством и адептами народных поверий шла борьба.

Играла гармоника, звенели девичьи голоса. На всю поляну - большой круг нарядных девушек. Посередине этого прекрасного круга в землю была воткнута палка в рост человека, а на ней мужская папаха. Девушки пародировали мужские танцы. Выходила пара, одна изображает какую-нибудь любительницу танцев, а другая надевает на голову папаху, пародирует знакомого мужчину. Гармоника играет, пара начинает танец. Сразу же после первых кругов зрители узнают, кого они пародируют по точно подмеченным движениям. Раздается хохот, сыпятся реплики:

- Эта девушка из Инарков, а мужчина из Кескема! Смотрите, как она ломается! Глазами что делает! Мимика! Мимика! Вроде она такая стеснительная!

Мимика на лице девушки до уморительности слащавая, но зато у «мужчины» вид суровый и грозный, вроде он вышел не на танец с девушкой, а на смертельный поединок с врагом. Глаза выпучены, зубы оскалены, шея искривлена на один бок. Руками машет так, что девушка вынуждена бегством спасаться от «него». Смех такой сильный, что еле слышна гармошка. Но люди не называют тех, кого пародируют. Это опасно. Глупый может обидеться, а обидевшись, наброситься с кинжалом на смеющихся. В следующей паре «мужчина» одноглазый. В страстном танце, увлекшись, потерял «девушку». Опомнился, а ее не найдет, хотя та рядом. Перестает танцевать, бегаем по кругу, ищет «напарницу». Потом имитировали хромого, но любящего танцевать весельчака. Опять смех, опять реплики. Зрительский круг становился все плотнее и эмоциональнее. Вот уже добрались до знахарки Залейхи. Весьма искусно разыгрывали сцену, как к Залейхе приходит молодая, но пышнотелая вдовушка, желающая приворожить возлюбленного с приношением.

- Мундаь [125](#) молла идет! Разбегайтесь! - раздался среди шумного веселья чей-то тревожный голос. Но, занятые забавным зрелищем, люди не придали этому сообщению должного внимания. Появился человек в необычном для этих мест одеянии: белая рубаха до пят, наподобие тех, что старые наши женщины одевают, отходя ко сну. На голове высоченная красная турецкая феска, пере вязанная белой лентой - в знак того, что обладатель ее совершил хадж. В руке посох, сам худой, худой и с длинной шеей. Бороденка жидкая, глаза навывкате. Он пробрался в центр круга, грубо растолкав стоявших. Ему грубостью не отвечали, пасуя перед его саном: хаджи [126](#) и дийша саг [127](#). - Прекратить этот балаган! - зычный голос резко прервал представление. - У вас нет имана! У вас нет совести! Вы не мусульмане! Язычники! Топливо для ада! Люди молчали, не зная, что им предпринять. Все прекрасно знали, что особо греховного не совершали, но перед ученостью и перед хаджийской ленточкой они робели. Самим дийша нах люди прощали и более тяжкие грехи за их ученость, а вот некоторые из этих дийша нах [128](#) людям даже их слабости не прощали.

Одна из девушек все же высказала возмущение:

- Что мы сделали? Разве сегодня не день радости? Дайте хоть этот один день в году прожить счастливо, без упреков и брани.

Эта дерзость окончательно вывела Мунда-моллу из себя, он замахнулся на девушку своим посохом:

- Я не позволю в своем селе сучьи игры! Вы все здесь язычники! Топливо для Ада!

Мунда-молла дошел и до некрасивых бранных слов, когда люди почтительно расступились перед подъехавшим всадником. Он с коня не сошел, въехал в круг, остановился напротив раскричавшегося «нравоучителя». Увидев прямо перед собой не сходящего с коня всадника, тот сперва оробел, притих, но перед лицом народа грозно заговорил:

- Ты, кажется, что-то мне хочешь сказать?

- Хочу.

- Я разрешаю. Можешь говорить.

- Мне твоего разрешения не нужно. Ты - самый большой йовсар в этом селе. Вся ваша семья была курокрадами. Инарки это помнит. А ты, по трусости своей, и на это не был способен. Если кто из этого села пойдет в Ад, то ты будешь первым, за гнилую душу. Муталим Тахир по твоему доносу второй год мается во Владикавказской тюрьме. Не будь этой хаджийской ленты на твоей феске, я отхлестал бы тебя плетью. А ну пошла вон отсюда, паршивая собака! Всадник стал наступать, а тот попятился назад, выбрался из круга и пошел своей дорогой.

Всадник обратился к людям:

- Мне очень обидно на вас смотреть. Все вы знаете, кто этот крикун - эакх, сексот. Знаете. Но почему молчаливо переносите лай этого пса на наших девушек.

- Дийша саг, ведь, - оправдывался кто-то.

- Дийша саг? А если дийша саг эакх, вы ему будете покорно подчиняться? Такого дийша сага надо не просто убивать, а голову ему откручивать. У нас есть нормальные алимы.

Потом он тепло улыбнулся и обратился к девушкам:

- Простите нас, мужчин, золотые голубки! Наша вина, что он посмел приблизиться к этому месту.

Высокая, стройная, красивая девушка вышла из толпы подруг и обратилась к всаднику:

- Меня зовут Залимат, я дочь Идига. Помнишь меня? Спасибо тебе, Сулумбек, что заступился за нас, как брат. С праздником Мархаш тебя и всех присутствующих! Девушки нашего кура решили в этом году праздник начать с Сесарий гома¹²⁹. Дело в том, что у одной нашей подруги брат попал в беду. Ее хотели увести похитители, а брат бросился на выручку - тяжело ранен. На лечение деньги нужны. Думали, что на Сесарий гоме люди сбросятся. Этот человек все испортил. Но ты не должен думать, что наши мужчины слабы, просто с этими дийша нах тяжело говорить - привыкли уважать, даже если...

- На правах гостя хочу попросить у вас, девушки, об одной услуге. Не откажите.

- Если это в наших силах.

- Исполните для меня «танец золотых голубою». Девушки собрались в стайку, стали меж собой совещаться. Это был древний массовый танец галгайских девушек. Теперь исполнялся редко и то на многолюдных гуляньях. Залимат, как ведущая и тамада, распорядилась так: самых голосистых (в их было двенадцать) отделила и поставила плотной толпой у самого краю поляны, к ним присоединила и трех гармонисток, настоящая капелла - музыкальное сопровождение. Остальных девушек выстроила по три в ряд. Закончив приготовление, она обратилась к публике:

- Этот танец начинает забываться. Мы, сегодняшние девушки, не так искусны, как наши матери и бабушки. Поэтому не судите нас строго за ошибки. И помогите нам: хлопайте в такт певицам спокойно, тихо - звук должен быть нежный, очень нежный, еле слышный, как шорох травы, как шелест листвы это шуршание ножек золотых голубок доходят до нас, когда они собирались на свадебный танец. Залимат повернулась к певицам и взмахнула носовым платочком - и сразу тихо-тихо заиграла одна гармоника такую приятную успокаивающую мелодию.

- Вы слышите? - говорит шепотом Залимат. - Вы слышите? Это сопят дети в своих постельках. Как сладок их сон в предрассветный час! Мелодия подхватывает вторая гармоника, но у нее свои свежие вариации.

- Ангелы открывают небесные окна - свет льется сверху тонкими струями, как роднички, и расплывается по всей земле. Вступает в мелодию третья гармонь, но у нее своя миссия - что-

то звонкое, тонкое, светлое, радостное.

- Вы слышите, как пучок лучей ударился о вершину горы? Вы видите, как засиял Беш-Лоам? Солнце восходит! Радуйтесь, люди, новому дню, который вам подарил Бог! Это счастье прожить на этой земле, прожить один день, обласканный солнцем, накормленный матерью-землей, напоенный родниковой водой. Радуйтесь, люди!

И хор запел.

Слава Тебе!

Слава Тебе, Господи,

За жизни сладкий дар!

Слава Тебе!

Слава Тебе, Господи,

За наш родимый край!

За хлеб и соль,

Слава Тебе, Господи,

За близких нам людей!

За свет в очах

Слава Тебе, Господи,

И за речь людей!

Девушки стали тихо хлопать в ладоши с нарастающим темпом, потом - пауза - и нисходящий темп. Это повторилось несколько раз.

- Вы слышите? Голуби! Золотые голуби летят. Сегодня свадьба: невеста Благодатная птица из Грузии, она выходит замуж за нашего Сизого Орла. Вот голубки вступают в танец. Вы слышите? Вы слышите?

Одна девушка играет Благодатную птицу, вторая, нахлобучив папаху на голову, - Сизого Орла. Они в центре круга. У них свой танец - танец радости и счастья. Они заняты собой. «Золотые голубки» движутся по кругу. Клювы-ротыки вытянуты, красивые головки поворачиваются то вправо, то влево, ножки отбивают шуршащий такт. И все это в лад, синхронно. Музыка, ласкающая слух и сердце. В движениях девушек - грация, услада для глаз. Вот музыка смолкла, девушки стали и замерли. Наступила тишина. Люди боялись ненароком потерять то удовольствие, которое они получили от этого зрелища.

- Великий вам баркал [130](#), золотые голубки! - Сулумбек отдал юноше поводья, а сам прошел в круг, остановился возле палки с папахой, глянул на большую медную чашу - она была совсем пуста - ни одной монетки, достал из кармана кошелек и раскрыл его - в медную чашу с приятным звоном посыпалось серебро. Когда кошелек опустел, он полез в нагрудный карман, вынул несколько ассигнаций, бросил их в чашу - у меня больше нет, - сказал он извиняющимся голосом.

- Дай Бог здоровья хорошему, храброму брату вашей подруги.

Потом уже взобравшись в седло своего коня, обратился к собравшимся мужчинам:

- Какую красоту мы сегодня увидели! Знаете, откуда эта красота - она из сердец наших сестер, матерей, невест. Мужчины галгайские, защищайте их, ибо в этом большом и жестоком мире их некому защищать, кроме нас. - он опустил голову, усмехнулся и добавил. - А у нас нет другой нежности и красоты, кроме них.

Конь рванул с места и унес абрека прочь от этого счастливого, хоть на короткое время, места. Все смотрели ему вслед: мужчины, завидуя его отваге и прямолинейности, а девушки - с обожанием.

- Орел! Настоящий сизый орел! - сказала, глубоко вздохнув, Залимат, дочь Идига, прославленного наездника и храброго воина. - Но, говорят, он одинок.

- Но как такого посадишь в гнездо?

- Его гнездо - седло боевого коня.

- Все в нем есть: прямой взгляд, отвага, правдивое слово, удача, а подруги нет.

- Давайте, девушки, искать ему Благодатную птицу.

Этой полемике положила конец дочь Идига:

- Сулумбеку нужна не Благодатная птица, а Орлица! Орлу гнездо совет только орлица!

«СОЛЬ ПОЕВШИЙ ДА НАПЬЕТСЯ ВОДЫ!» [131](#)

«По правде сказать, не имел ни малейшей надобности в сей сволочи, но потому приказал набрать оную (сволочь), чтоб возродить за то вражду к ним и поселить раздор, полезный на будущее время», - писал в свое время генерал Ермолов, определяя цели по созданию милиции из горцев. Горская милиция создавалась для борьбы с горцами. Тот, кто вступал в милицию, должен был быть готов, не задумываясь, пролить кровь соотечественников. Значит он - предатель своей крови. На такое способны только отбросы горского общества. То бишь, как выражается генерал-склочник, «сия сволочь». Империя создавала из среды горцев особую элиту вооруженных ею людей, хорошо оплачиваемую, но презираемую сородичами. Эти презренные служили верой и правдой тем, кто возвысил их, подняв из праха, одел, обул, вооружил, посадил на коня. Трусливые и робкие в начале, со временем они становились жестокосердными и дерзкими. Дерзость их усиливалась по мере того, как вполне начинали осознавать мощь той силы, что стоит за их плечами - могучая держава со своей гигантской военной машиной, а те из их соотечественников, с кем они вели борьбу, защищались кинжалами да кремневками. А почему бы и не подерзнуть, если можно подерзнуть безнаказанно? Когда худо одетые, угрюмые горцы молча переносят хамство, кажется, что они не способны на протест, тем более на физическое сопротивление. Это ошибка. Горцы просто хитрят. Они думают, что хитрят. Они знают, что у хамства будет плачевный конец. Каждый терпит, надеясь, что терпение кончится у кого-то другого раньше, чем у него. И еще есть предел горского терпения - это когда задевается достоинство.

Сонтаала Шод считал себя грозой поселений, потому что матери пугали своих малолетних детей его именем: «Уймись, сорванец, вот придет Шод и отхлещет тебя плеткой!». А был такой случай, ворвался Шод в село во главе казачьего разъезда и подверг несколько дворов бесцеремонному обыску. Молодая женщина возмутилась, когда усатый казак стал копаться в ее бельевом ящике.

- Закрой свою пасть, сука! - размахнулся на нее Шод. Этого не выдержал свекор, старик восьмидесяти лет. Он ответил обидчику так, как положено отвечать ингушу в таком случае.

- Она не сука! Она чистая женщина. Сука ты, Шод, и суки все твои поганые предки! Как ты смеешь поднимать руку на мою сноху?

Старик схватился за кинжал. Тогда Шод ударил его плетью по голове, а казаки повалили на пол и избили до потери сознания. Еще раз в другом селе он повторил подобное. Вот и пошла слава о нем, как о дерзком, бесстрашном человеке. Детей им стали пугать. Конечно, оскорбленные не думали прощать ему, терпели, ожидая удобного случая. «Не забывай - не торопись». А Шод был крайне осторожен. Никогда не ездил один и редко ночевал дома, боясь засады. В этом ингуши видели особый смысл - наказать обидчика у ворот своего дома. О-о-о! За Шодом числилось много грехов, много мерок пороха и свинцовых пуль носили поселяне в газырях черкесок на его счет. А он этим гордился. Когда один из старейшин тайпа намекнул ему о том, что ингушский долг чести не остается неоплаченным, Шод расхохотался:

- Если они такие храбрые, почему носят на себе следы от моей плетки?!

Задумал Шод жениться, заслал сватов к родителям красавицы Губати, несмотря на то, что к ней уже сватался Забейр, его односельчанин, и помолвка вот-вот должна была состояться. И он туда же.

Вернулись сваты к Шоду и говорят:

- Тут мы втиснулись в чужое дело. По всему видно было, что они намерены отдать дочь за сына Берса Забейра. Они, конечно, об этом нам не говорили, мы поняли из их поведения. Ищите себе невесту в другом месте, у нас другие намерения.

Старики не изъявили желания повторить сватовской заезд во двор родителей Губати. А старший по тайпу Антоя Боскар накричал на отца Шода:

- Вам что, Сонтаал, других девушек в Ингушетии мало? Обязательно надо становится другим поперек дороги. Нам жить с людьми. Оставьте это дело. Не позорьтесь. Отказали, потому что у них другое на уме. Это их дочь. У людей вот-вот сватовство состоится, а мы туда влезли, как дикие кабаны в цветущее поле. Шод решил избавиться от соперника и немедленно засадить в тюрьму. Сватовство Забейра не должно состояться. Казаки нагрянули на восходе солнца, когда люди, позавтракав, приступают к полевым работам. Ворвавшись во двор Забейра, казаки начали обыск. Вывели из сарая двухгодовалую телку.

- Откуда у вас эта телка? - спрашивает Шод.

- Вырастили, - отвечают и Забейр, и его мать Шаши.

- Да, вырастили, только не вы, а карабулакские казаки.

- Какие казаки? Что ты говоришь такое, Шод? Я своими руками вырастила ее. Мне деверь подарил ее двухмесячным теленком.

- Воистину, это так! - подтвердил Шовшал, вбежавший во двор. - Шод, ты же наш односельчанин, разве мы прослыли, как скотокрады? Я подарил своей снохе теленка, а она его выходила. Вы не там ищите свою пропажу.

- Ты врешь! Покрываешь своего племянника. А он вор!

Шовшал заговорил тихо и назидательно:

- Шод! Посмотри на мою белую бороду: похож я на вруна? Здесь какая-то ошибка или козни недоброжелателей. Не делай нам зла и уведи этих казаков с нашего двора. Нам, нашим с тобой тайпам, жить в этом селе, на этой земле, под этим небом. Опомнись! Остановись! Как радостно забилося сердце подлого Шода: он ведь за тем и пришел, чтобы спровоцировать их на скандал. Его задумка удалась!

- Ах ты, старый пес! Ты угрожаешь мне, царскому слуге и моему тайпу?! - он замахнулся на

старика плетью, но ударить не успел.

Тут его племянник Забейр, который стоял в окружении нескольких казаков, сорвался с места, двумя прыжками настиг зазнавшегося подлеца, стащил его с коня, повалил на землю и занес руку с кинжалом, чтобы нанести смертельный удар. Не удалось ему это осуществить, набросились казаки, повязали молодого человека, поставили на ноги, но сами бить его не стали: они были поражены отвагой юноши, защитившего честь своего дяди. А Шод все же не удержался, растолкал казаков и ударил разочек плеткой соперника.

- Хорошо, Шод! Я и этого не забуду. Если я останусь жив и вырвусь когда-нибудь на свободу, с тобой поквитаюсь за все, и удар плети тоже верну.

- Ты никогда больше не увидишь свободное небо! - махнул перед его лицом плетью Шод.

Увели Забейра и заключили в Шолхинскую каталажку. Увидев, как уводят арестованного сына, Шаши побледнела, закачалась и рухнула на землю, потеряв сознание.

* * *

Она сидела у очага и размеренно покачивалась из стороны в сторону. Очажные щипцы мирно покоились на ее коленях.

Золотые огоньки вспыхивали то там, то здесь на головешках, блуждали и гасли. Она немигающим взглядом смотрела на огонь. Она пела, пела печальную балладу о своей неудавшейся жизни, несмотря на то, что и она, и ее родные сделали все, чтобы эта жизнь состоялась. Голоса не было слышно - она пела душой, беззвучно. Как она вышла замуж за отважного Солса из Ассиновского ущелья. Как они стали жить да радоваться счастью. Как у них родились три дочери и два сына. Как эти дочери одна за другой повыходили замуж и стали плодовитыми и добрыми снохами в других тайпах. Как Солс отправился на войну с пришельцами по кличу Шамиля. Как он сложил голову у славного Ведено. Как старший из сыновей Бейти погиб в стычке с казаками. Как рос и мужал младший ее сын Забейр, единственная надежда матери быть погребенной родными руками. Как и эта надежда разбилась, словно сосуд из тонкого стекла. Сегодня какие-то люди похитили Губату, любимую ее сына. Шаши молча смотрела на очаг. Ее не грел этот огонь. Он не мог согреть ее сердце, там ледяной холод и морозный туман. Она не услышала, как человек постучался в дверь, но, не получив никакого ответа, тот вошел в дом и встал у стенки. На дворе сгущались сумерки, а в комнате царствовал мрак. Бледный отсвет от потухающего очага падал на застывшую фигуру старой женщины.

- Да будет добрый твой вечер, Шаши! - поприветствовал вошедший, становясь у стенки справа. Она не ответила, потому что не услышала. Тогда он взял с ниши в стенке свечу, присел на корточки рядом с ней и зажег от головешки. Блеснул золотой огонек, треснул, брызнул искрами, засветился ярким пламенем. Тогда она вздрогнула, повернул ась к нему и спросила:

- Кто ты!

- Я Сулумбек.

- Сулумбек? Какой Сулумбек?

- Гоарожа Сулумбек Сагопшинский.

- А-а! Да. Я слыхала про тебя. Ты такой же несчастный и гонимый, как и мы. Я знаю, ты мне сочувствуешь.

Она опять замолчала, погрузясь в то состояние. Он продолжал сидеть на корточках, держа свечу в руке, неотрывно глядел на отрешенное лицо бедной женщины. У него навернулись слезы, дрогнувшим голосом произнес:

- Нани! Ты слышишь меня?

Она покачала головой.

- В этой жизни, мальчик, опасно любить. А без любви жизнь - не жизнь. А что делать? Когда была маленькой, меня любили в отчем доме, и я любила их. Потом я вышла замуж - любила мужа Солса. Детей любила - всех. Наши любви вырывают из сердца одну за другой, там остаются рваные раны. У меня теперь больше ничего нет, кроме этих кровоточащих ран. Ты кажется сказал что ты Сулумбек, сын Гоарожа? Ты женат?

- Нет, Нани! Нет. Не женат.

- Ты же большой. Почему до сих пор ходишь одинокий?

- Я. Я был женат, Нани. был.

- А где твоя жена?

- Она умерла! Ее убили.

- Ты ее любил, правда?!

- Очень!

- О-о! У тебя большая рана на сердце. Зарубцевалась?

- Иногда ноет.

- Ты совсем молодой. Не то, что я. У меня из сердца вырвали все. Ты еще можешь быть счастливым. Постарайся.

- Нани, я абрек.

- Ну и что? Счастье, сынок, меряется не количеством вместе проведенных ночей, а силою тяги друг к другу - любовью.

- Нани, я пришел тебе сказать.

- Не надо, сынок, не надо. Нет таких слов, которые утешили бы старую Шаши. Это будет все равно, как утешать родных о том, что их усопший еще, быть может, оживет.

- Нани, ты дослушай меня до конца. Я совсем не о том, что ты думаешь.

Она, глядя в очаг, проговорила:

- Ты, очевидно, хороший человек, сын Гоарожа.

Тогда он поставил свечу на пол, схватил ее за худенькие плечи, встряхнул и выпалил:

- Твой сын Забейр на свободе и в безопасности!

- Что? Кто его освободил?

- Я и мои друзья, галгайские канты. Он сейчас в недостигаемости для врагов. Нани, ты поняла меня?

Он увидел, как что-то такое таинственное, непостижимое менялось в глубинах ее глаз, как жизнь возвращалась к ней откуда-то издалека.

- Ну значит ты говоришь, что Забейр не в тюрьме? Он не в руках гяуров? Это правда?

- Забейр на свободе. И Губати похитили мы.

- Зачем? Для кого?

- Для Забейра. Они сейчас вместе их обвенчали. Не совсем верно то, что мы ее похитили. Брат вывел сестру и передал нам с рук на руки, передал от отца разрешение на венчание. Нани, тебе здесь оставаться нельзя. Бери свои очажные щипцы, все остальное бросай, вы будете жить в другом месте, далеко отсюда, на той стороне наших гор.

- А Шод?

- Он уже кушает землю.

* * *

Казачи нагрянули к обеду следующего дня. Обыскали весь тайп - искали Забейру и Шаши. Не найдя их, сожгли для острастки его дом и ускакали. А у Сонтаала был большой тязет. Собралось много духовенства и «именитых» людей. Тело этого паршивца отмыли, одели в саван, отпели и понесли хоронить, как истинного мусульманина, под пение священного

зикара. Приходили соболезновать группами и по одиночке. Близкие родственники говорили, что их Шод был добрый и отзывчивый человек, что служить он пошел только для того, чтобы прокормить свою семью и помогать людям. Никому зла не делал, а, наоборот, по мере сил выручал тех, кто попадался в лапы власти, он был такой мягкий, такой благородный. Люди молчали, хотя знали, что это явная ложь. Взорвался неожиданно столетний Антою Боскар, который приходился двоюродным дядей Сонтаалу:

- Не надо здесь лгать! Если не можете говорить правду молчите. Шода постигла заслуженная кара. Поевший соли - да напьется воды! Пусть это будет уроком для других. Распоясались совсем. Нацепят на плечи лоскутки и думают, что они стали неуязвимы.

* * *

Всадник поравнялся с возом, на котором ехала Шаши в сторону гор. Была лунная ночь.

- Аи-и! Сулумбек, это ты. Вот еду, а сама не знаю, куда.

- Ни о чем не беспокойся. Этот человек довезет тебя до Балтов. С Балтов тебя переправят в Ольгети. Там ты встретишься с сыном и снохой. А тамошние люди по горной тропе переправят вас в Кахетию. Вас там ждут.

- Господи, что за люди живут в этой Кахетии? Они хоть понимают галгайский язык?

- Там живут грузины. У них свой язык. Нани, на земле много разных народов и у каждого свой язык, своя вера. Но все люди очень похожи друг на друга: в горе - страдают, плачут, а в радости веселятся, как и мы.

- А как же ты, сынок? Поехали с нами.

- Нет, Нани. Я останусь. У меня здесь много дел и много долгов.

Она поманила его к себе, абрек склонился с седла.

- Сулумбек, неужели ты не залюбовался ни одной девушкой с тех пор как погибла твоя жена?
- шепотом спросила она.

- Знаешь, есть два мира: мир живых и мир мертвых. Мертвые живут своей жизнью, а нам, живым, следует жить нашей жизнью. А ты такой молодой! Почему же ты свое сердце превратил в могилу? Нехорошо это. Богу не понравится.

Он воровато посмотрел на парня возницу, придвинулся совсем близко к лицу Шаши и быстро заговорил:

- Есть у меня на примете, но мне стыдно.

- Мертвые не должны мешать жить живым. Оставь эту глупость. Женись! Женись, если даже проведешь с ней трое счастливых суток.

Он на мгновение застыл, чего-то постигнув, резко выпрямился в седле, крикнул:

- Нани! Счастливой вам жизни на новом месте! Конь понес его в другую сторону.

ТАЛИСМАН!

С тех пор, как покинула родину семья Шаши, Сулумбек чувствовал какое-то постоянное внутреннее беспокойство. Старая женщина, сама того не подозревая, раздула искру, которая упала в его сердце, после инцидента на Цайний Бай в день разговения уразы. У этой искры было имя - Залимат! Сулумбек стал разговаривать сам с собой. По ингушскому поверию это плохо, очень плохо - первый признак, что с мозгами человека не все в порядке. Откуда быть порядку, когда это наваждение тиранит его и днем и ночью. Нет покоя. Пропал покой. Раньше было хорошо, а хорошо, потому что было было ясно, понятно. Душа знала: есть он, Сулумбек, и его народ, есть чужаки-пришельцы и предатели, подвергающие насилию его соотечественников. Он - воин, избранный Провидением и призванный карать врагов. Наводить на них страх! Отстаивать честь и достоинство мужчин, носящих папахи. Другое ему не надо. Нет. Об этом ему много лет тому назад сказал кумыкский мулла, почитаемый всеми за овлияя: «Будешь грозой гяуров и умрешь от их рук». После гибели Елены он совсем успокоился. Выбирал очередную жертву, какого-нибудь зарвавшегося негодяя, карая и безмятежно засыпал в своем тайном логове. Никаких снов. Никаких тревог. Или вот надо бедолагу несчастного спасти от каторги, выкупать у этих жадных русских хакимов. Нужны деньги. Слава Аллаху, денег много в банках и кассах Буро! Это они хорошо придумали - собирать много денег в одном месте. Поехал, забрал, передал. Когда-нибудь на этом пути его настигнет смерть. Он знает. Наваждение неотступно преследовало его, даже во сне.

Однажды ему приснилось, что она лежит здесь в пещере рядом над его буркой. Он машинально протянул руку, чтобы обнять, но резко отпрянул, вспомнив. Нет, так больше продолжаться не может. Его спасет только талисман. Закре-мулла напишет ему, а он повесит на грудь. И все будет по-прежнему. Он обретет покой, абреческий покой. Закре-мулла - настоящий алиим, честный и правдивый, никого не боится, кроме Всевышнего. Он уже отсидел четыре года за свою правду. Собрали однажды в Нясаре всех наших мулл и потребовали в своих пятничных проповедях поддержать действия властей. Дескать власть от Бога. Одни из алиимов горячо поддержали этот почин, большинство просто промолчали: и врать не хочется, за это в День Судного Дня придется отвечать перед Верховным Судьей, и власти перечить боязно. А вот Закремулла встал и заявил, что данная власть не от Бога, так как она тиранит подданных. Закре-мулла, как возмутителя, осудили. Вот какой должен быть наш ингушский мулла! Выслушал Закре-мулла абрека, долго-долго думал, чему-то улыбаясь про себя, и, наконец, сказал:

- Да, Сулумбек, тебе срочно нужен талисман. С этим делом медлить никак нельзя. У этого талисмана есть свое имя. И знаешь, как он называется?

- Как?

- Залимат, называется твой талисман! Никакой другой талисман тебе не поможет, кроме нее. Сулумбек, у каждой болезни свой конкретный талисман.

Сулумбек осадил коня, сдвинул шапку на затылок. Закре-мулла прав. Он знает, какой талисман нужен абреку Сулумбеку. В последние дни красавица его буквально преследует:

явственно слышится ее грудной голос, а прекрасные глаза пронзают все тело лучами-стрелами. И нет спасения от них: туда повернешься - смотрит! Сюда развернешься - смотрит! Вверх глянешь - опять смотрит!

- Понимаешь, Залимат, ничего путного из этого не получится, что бы там ни говорили старая Шаши и Закре-мулла. Ну какая жизнь с абреком? Ты бы скорее уж вышла замуж за какого-нибудь мирного человека. Только, пожалуйста, не выходи за этих высокомерных офицериков. Мне будет обидно. За простого ингуша выходи. А я. У меня вот - винтовка, конь-турпал, а жена. Я однажды пытался. Оставь меня в покое, Залимат! Уходи! Он пришпорил коня, чтобы уйти от нее. Но она его легко догнала. Сулумбек остановился у ручья. Чтобы избавиться от ее образа, решил освежиться холодной водой. Набрал полную пригоршню, хотел плеснуть в лицо - она плещется в его руках. Он отошел от ручья, сел на травку и долго сидел, держась за голову. Потом встал, сел на коня и тихо поехал в сторону села.

ЗАЛИМАТ

Керосиновая лампа в ту эпоху только начала входить в нашу ингушскую жизнь. После лучин, бага¹³² и свечей, керосиновая лампа считалась невероятно яркой. Старики даже ворчали, что она портит зрение, советовали долго не сидеть при таком сильном свете. Если в доме была дочь на выданье, отцу приходилось раскошелиться на покупку керосиновой лампы. Наши девушки тех лет, тонко чувствовавшие красоту, к лампе, дающей свет, относились, как к священному предмету. Прежде всего, на стену вешали хийтта ферта¹³³, окрашенный в цвета, со светоотражающим эффектом. Каждая девушка имела в своем сундучке специальное полотенце для чистки стекла. Умение чистить стекло до идеальной прозрачности высоко ценилось. Если при госте зажигали лампу, а на стекле черные прожилки копоти, девушка считалась неряхой. Почти целый век лампа оставалась девичьим символом. Лампа - свет, девушка - радость, тоже свет. Они оба в этом похожи друг на друга. Лампой для постоянного освещения пользовались только очень состоятельные люди. Остальные лампу зажигали ради гостя.

Во дворе дома Идига у коновязи храпели лошади. На веранде в железной печке горели сухие дрова, там хлопотали женщины, готовя угощение для желанных гостей: варилось мясо, пеклись чаплики, готовились разные приправы. В крайней комнате слева из окна лился яркий свет, там горела большая керосиновая лампа, которую засветили в честь прихода гостей - молодых людей. Они пришли на смотрины, как говорят у нас «б1арьг туоха» (ударить глазом). Наши смотрины по существу имели более широкий и глубокий смысл. Это было началом борьбы молодого человека за избранницу. На ее руку могут претендовать и другие. Это было начало начал - молодой человек знакомил своих ближайших друзей с будущей невестой. А самое главное - это было свидание для объяснения в любви. В этом наши смотрины уникальны. Тайные свидания где-то под кустами или под чужим забором галгайский мужчина считал унижительным для своего достоинства. Он шел к девушке прямо в дом, никак не пряча от людей своих намерений. Он шел с друзьями и там при них объяснялся в любви. При этом не краснел, не бледнел и не терялся. Наши предки считали любовь святым, божественным чувством. А разве чистого, хорошего нужно стесняться? И, конечно же, не каждая девушка положительно отвечала на выражение любви к себе. Могла отказать, но она это делала с таким тактом, чтобы не ранить самолюбие молодого человека. Молодые люди чинно восседали на длинной скамье, покрытой войлочной подстилкой. Старший - Эки Шаам. Шаам пользовался большим авторитетом среди молодежи Инарки, Кескема и Сагапчи за ум, сдержанность и эздел. Рядом сидел Янарсха Гармаха, близкий родственник Сулумбека по матери. Потом сам Сулумбек и с краю Элмарзий Ати, сосед хозяев этого дома. Залимат в голубом прекрасном наряде стояла у противоположной стены. Когда она делала легкое движение, нагрудное серебро и пояс загорались бледным пламенем, а на шапочке вспыхивали радужные искры от бисера. Сама высокая, стройная, со строгим красивым лицом.

- Мы - твои пленники, Залимат. Можешь наказать, а можешь и помирить. Все зависит от твоего милосердия.

Лицо Залимат озарилось теплой улыбкой:

- Хотя ты и гость, Шаам, я не могу согласиться с твоими словами. В наших краях говорят по-другому: гость - князь, хозяин - слуга. Так что распоряжайтесь мной, как со своей подчиненной. Я сделаю все, что в моих силах, постараюсь украсить ваш досуг. Благородные гости обычно слегка намекают на то, чего они желают, мне вы можете говорить прямо, как сестре.

- Баркал, Залимат, баркал! В этом мире у нас, у галгайских мужчин, три радости: добрая мать, заботливая сестра и нежная подруга. При последних словах Залимат залилась краской смущения, а Шаам продолжал:

- Добрые матери нас родили и поставили на ноги. Заботливые сестры нас обхаживали и чистенькими провожали со двора, а вот с подругами не у всех получается удачно. Мы между собой поговорили и решили обратиться к тебе за помощью. Откажешь ли? Неужели хитрыми словами утетишь и проводишь ни с чем? Или, что еще хуже: вот мотылек сидит где-то в темном углу, боится, никакой надежды на счастье. Вдруг зажгли свечу. Мотылек обрадовался свету и бросился в объятья - обжег себе крылья и умер. Этого мужчины боятся больше всего. Красота и Свет - родные сестры. Все живое тянется к свету, а мужчины - к красоте. Если красота злая - обжигаемся, как тот мотылек, если же красота добрая, светлая - обретаем счастье. Что ты скажешь?!

- О-о, Шаам. Ты опускаешься в такие умственные глубины. А я девушка простая.

Шаам покачал головой, а потом это сделали и его товарищи:

- Нет! Нет! Залимат! Мы знаем, что ты умная и благородная девушка. И об этом говорят не только в наших краях.

- Ладно, я не буду с вами пререкаться, но замечу, что в нашем селе, в каждом куре, по несколько девушек намного красивее, умнее и обходительнее меня. Ваши хвалебные слова в свой адрес отношу к вашему же благородству. Теперь к делу. Вы вышли искать? Я правильно вас поняла?

- Правильно! Слава Аллаху, наконец-то ты сказала это слово.

- Ну что же, вы пришли на цветочную поляну. Вокруг вас цветы, один красивее другого. Не топчите и не набрасывайтесь на первый попавший. Успокойтесь, оглянитесь и выбирайте каждый по своему вкусу. А Я вам помогу.

- А как ты нам поможешь? - неожиданно спросил Янаsrxa Гармаха.

- Я приведу к вам полный цветник, пообщайтесь, может, найдете среди них таких, сердца которых связаны с вашими золотыми цепочками.

Гармаха поднял руку:

- Не торопись, Залимат, если ты приведешь сюда инаркиевских красавиц, мы можем забыть, за чем пришли. У нас дело к тебе. Сегодня это так. Ты помнишь случай на Цайний Бай в

день разговения Мархаш?

- Как такое забудешь! Я этот день буду помнить всегда.

- С того самого дня у людей на устах два имени: Сулумбека и твое, Залимат. Тебе не кажется, что это Божье дело.

- Не знаю, что ты имеешь ввиду, Гармаха.

- Я имею ввиду Сулумбека и тебя. Может, Залимат, тебе рассказать, кто такой Сулумбек?

- Не стоит, Гармаха. Сулумбека знают во всем славном Кавказе..

Девушка потупила взор, чувствовалось, что она очень взволнована.

- Разреши мне, тамада, поговорить с Залимат? - попросил слово Сулумбек.

- В самый раз, Сулумбек! Тебе пора самому заняться своим делом. Говори. - обрадовался Гармаха.

- Спасибо. Залимат, подними голову и посмотри на меня. Как видишь, я далеко не красавец и не обладаю несметными богатствами. Я - сельский житель, сын обыкновенного галгая, который достаток добывал трудом и потом. Мои предки пахали землю, косили, растили скот, делили радость и горе с другими, принимали гостей. В этом счастье простого человека. Я этого счастья лишен. Я изгнан от людей, как дикий зверь. В этом повинны чужаки, но не в меньшей мере, повинны люди из нашей среды с гнилыми душами. Я - абрек, Залимат. Может быть, нехорошо, что я пришел к тебе со своим предложением. Что я могу тебе дать - не знаю. Боюсь обещать, а обещать и не исполнить - не достойно мужчины. Воллах!и, Залимат! Воллах!и! Мне нечего тебе дать, кроме любви. Он замолчал, утер пот со лба и положил руки на колени, глубоко вздохнул. Залимат тоже долго молчала. Он продолжал:

- С тех пор, как мы встретились на той поляне, я постоянно думаю о тебе, ты стоишь у меня перед глазами. Мне в душу светят твои лучистые глаза. Я даже стал мягкий, как воск. Этот Мунд-молла обо мне сплетни распустил. Пришел к нему в дом, хотел отхлестать плетью, поднял руку, тебя вспомнил, показалось, что ты головой помахала, недовольная, я его отпустил. Что мне делать? Скажи. Залимат, у меня есть конь и оружие все мое богатство, больше ничего, ничего.

Залимат подняла лицо и посмотрела прямо в глаза Сулумбеку:

- То, что ты называешь, дороже всех богатств на земле, даже, может быть, дороже самой жизни. Вот тебе мой ответ, Сулумбек. Есть, конечно, девушки, которые предпочитают богатство любви. Я не считаю их умными. Богатство дает Господь, кому сколько положено. Хорошо, конечно, когда к любви прилагается и достаток. Поверь, я об этом совсем не думаю. Но - она чуть замялась прежде чем сказать то, что было на уме, - не будет ли с моей стороны некорректным, если задам один вопрос тебе, Сулумбек?

Сулумбек хлопнул себя по коленям, вздрогнул, сверкнул глазами:

- Задавай свой вопрос, Залимат. Задавай все вопросы, которые у тебя в сердце имеются. Я не буду темнить. Я буду чист перед тобой. Хотел бы соединить наши судьбы в одну жизнь. В прозрачном ручье каждый камушек на дне видно. Я хочу, чтобы так было у нас с тобой. Спрашивай.

Она застеснялась.

- Спрашивай! Спрашивай!

- Хорошо. Сулумбек, ты был женат?

Сулумбек громко засмеялся:

- Я тебе расскажу вот что, у наших соседей был забавный котенок. Девочка-мальшка целый день играет с ним. А знаешь, как? Берет осколок зеркала и пускает по полу солнечный блик. Вот он бежит за ним, никак поймать не может. Я был похож на этого котенка. Такое было со мной.

Все разом засмеялись от этого сравнения.

- Никак не подумала бы, что славный Сулумбек сравнивает себя с несмышлёным котенком. Любая посчитает за честь, если ты посватаешься к ней.

- Вай! Не говори, Залимат! Не говори. Я первый раз обжегся, когда похитил девушку. Мне еще девятнадцати не было. Забрали у меня. От любви к ней у меня осталась небольшая меточка вот здесь, - он показал пальцем на щеку возле угла носа, - царапнула.

Опять все засмеялись.

- И больше ты не пробовал? Не искал себе невесты?

- Я не искал. Она сама нашлась, - лицо стало серьезным, а голос погрузнел, и это заметили все, - была невеста и жена, хорошая, не из наших.

- Христианка?

- Нет, мусульманка, гречанка. Она стала мусульманкой.

- Ты ее любил, Сулумбек?

- Любил. Очень. Я ее любил, как собственную душу.

- Так почему ты с ней не живешь?

- Убили ее.

- Прости меня, Сулумбек, что я потревожила старую рану.

- Теперь, наверное, Залимат, ты откажешь мне.

- О, Сулумбек! К мертвым не ревнуют. Они в другом мире, на то воля Господня, а живым надо продолжать жить здесь. Сулумбек, решай свой вопрос с моими родителями. Как они скажут - так и будет.

- А если родители поинтересуются твоим мнением? Шаам решил внести ясность.

- В таком случае я скажу «Да».

* * *

Это сейчас и на сватовство, и на женитьбу уходит пару недель, редко когда целый месяц. В начале XX века этот процесс занимал у галгаев многие месяцы, а кое-где и годы. Тогда люди ездили на волах и конях, а сейчас мы ездим на скоростных машинах - время летит быстро, потому и дела решаются быстро. Сулумбек заслал сватов к Идигу первый раз на второй же день, как переговорил с Залимат в ее доме. Ответ был обыкновенный, по тогдашним меркам стандартный: подумаем, посмотрим, посоветуемся с родственниками. На это нужно время. Этот ответ ничего определенного не значил, ни в положительную, ни в отрицательную сторону. Жених к этому был готов. При всех благоприятных условиях сватовство могло состояться не раньше, чем через три-четыре месяца, а свадьба через год, но, случилось непредвиденное. Тут заявился смотреть инаркиевскую красавицу ингуш-офицер. Он приехал, восседая на шикарном фаэтоне, сопровождаемый друзьями-офицерами: два ингуша и аварец. Цунтоев Аси блаженно полулежал на огромном дорогом ковре, края которого свесились сзади и по бокам. В этом был особый шик.

На офицерах парадные мундиры: фуражки с кокардами, позолоченные погоны, эполеты, на ремнях сабли, украшенные кисточками. Все это должно было привести в восторг девушку, а родителей поразить, склонив их «дикие» сердца перед этим великолепием. И надо сказать, что многие аульные девушки мечтали о таких женихах, слагали песни:

Воаг1аргва со йолча

Глалий тгара эпсар,

Бларьг туохар духья,

Воаг1аргва со йопча.

Хаьн уллаш хургда цун

Д1аьха из тура,

Турах Юуллаш ва

Дошо клудж хургба цун

Белажашт1 а хургья цун

Дошо ва погонаш,

Погонех Гоадаш

Хьоаса инзаш хургда цун[134](#).

Гостей встретили и проводили в гостиную. С первых же минут они выказали чванливый характер, еще бы - выходцы из самолюбивых горцев, да к тому же волею судьбы ставшие царскими офицерами. Она не просто носили усы, они их закручивали вверх. Эти усы потом стали предметами насмешек цороевских мальчишек.

- Алайк, ва Алайк! Ты видел, какие усы у этих эпсаров? - спрашивает один мальчик другого.

- Нет, когда я прибежал, они уже вошли в гостиную.

- Знаешь, какие у них усы? Закрученные, точно как хвостик у вашего Овни. Овни - дворовая собачка соседского мальчика Алайка хвост крючком, так что из-под нее постоянно сверкала белая звездочка. «Гость - посланец Бога», - гласила древняя поговорка. Наши предки не делили гостей на дорогих и простых, любой, пришедший под твою кровлю, к твоему столу, был гостем, а если он был к тому же гонимый, преследуемый - защитить его был долг хозяина. Послали за соседом Элмарзий Ати, чтобы посидеть с гостями.

- Тебя как звать? - спросил тот, что сидел на месте тамады. Посмотрел он на Ати как-то свысока.

- Вы меня, гости, извините, но я приветствовал вас саламом, вы не ответили, возможно не услышали, занятые беседой меж собой. Первым ответил на приветствие аварец:

- Ва алейкум салам! - он встал во весь рост и сел, как положено кавказскому мужчине, ингуши-офицеры промямлили нехотя салам, сделали некое движение нижней частью туловища, что должно было обозначать почтительное вставание. Ати их сразу невзлюбил. Он понял, что эти выскочки из семей духовенства и состоятельных людей ими, простыми сельскими жителями, пренебрегают. Но Ати демонстративно не покинул их, чтобы не подвести дом Идига, очень им почитаемого. Он набрался терпения, мужественно переносил их надменные взгляды, усмешки и замечания, делал вид, что он этого не понимает. Залимат нужно было какое-то время, чтобы привести себя в порядок: одеться и нарядиться.

- Что-то долго не идет наша Нефертити. Ингуши-офицеры имя Нефертити слышали от русских офицеров и произносили это как нечто очень таинственное и значимое в их знаниях, запредельных возможностям ума обыкновенных сельчан.

Ати не удержался:

- Должен вас поправить, уважаемые гости, девушку этого дома, которую вы намерены смотреть, зовут Залимат, а не, как вы сказали, Фуртити.

Офицеры, пораженные дерзостью этого сельчанина, посмеявшегося поправить их, посмотрели на него сурово, но один из них, все же не совсем, видимо, испорченный, сразу оценил ситуацию, понял, что скандал может сыграть против них, довольно вежливо заговорил:

- О-о, да, Ати! Спасибо! Мы оговорились, потому что человек, порекомендовавший нам эту девушку, неясно сказал, а мы не точно запомнили.

- Такое бывает, ничего. - пошел на примирительную Элмарзий Ати. - Запомните точно - Залимат. Не ошибитесь, когда она сама предстанет перед вами.

- Можешь о нас не беспокоиться - мы сумеем с ней объясниться, - высокомерно заявил тамада.

- Ну, конечно. Еще бы вам не суметь - царским офицерам.

Офицеры демонстративно, игнорируя Ати, говорили между собой, вплетая в свою речь русские фразы и предложения, что, по их разумению, должно было означать их особый элитарный статус, их наднациональное возвышение. Залимат явилась, как восходит полная луна в полумраке небосклона. Приветствовала гостей, произвела традиционный опрос. Спесь с офицеров опала, как иней после восхода солнца, они были поражены ее красотой и грацией. Один даже смотрел с широко открытым ртом. А сам кандидат в женихи Цунтой Аси пожирал ее выпуклыми очами. Во всем облике девушки чувствовались достоинство, строгость, умение постоять за то, что ей дорого. Тамада начал свою пышную речь:

- Залимат, дорогая! Мы не просто залетные гости в твоём доме, а люди с серьёзными намерениями. Мы, можно сказать, искатели. А что мы ищем? Мы ищем напарницу для своего друга Цунтой Аси. Он давно намеревается свить своё гнездо, да одному это не с руки. Гнездо может свить только пара. И вот дошла до нас молва о твоей домовитости и добром нраве. И подумали мы: почему бы нам не съездить к Залимат? И вот мы здесь, в доме твоего отца. Теперь тебе, может быть, интересно знать кто такой Цунтой Аси. Цунтой Аси - настоящий мужчина, а не каждый носитель штанов считается мужчиной, как тебе известно. Он из благородного ингушского тайпа, а дом их славится достатком во всей Ингушетии. Отец Аси Цунто дружит с властью, пользуется у нее почетом. Аси сам блестящий офицер, как сама видишь. В бою он рычит, как лев. Его отвагу на своей шкуре много раз испытали воры, скотокрады и йовсары, которых именуют абреками. Эти награды, что сверкают на его груди, получены из-за этих подвигов. Когда офицеры собираются на свои совещания, Аси, вот этот наш Аси, садится по правую сторону самого полковника! Вообрази только себе - по правую руку господина поп-ков-в-ника! Вот какой он человек! Теперь, Залимат, посмотри ему прямо в глаза и скажи, согласна ли ты стать хозяйкой его очага? Мы хотим услышать от тебя хорошее слово. Залимат помолчала несколько минут, народный этикет требовал такой паузы, подняла голову, прямо посмотрела на господ офицеров, остановила свой взгляд на

Цунтой Аси:

- В нашем роду этим вопросом занимаются старшие мужчины, и наш дом не является исключением. Я - девушка, должна быть послушна воле родителей.

- А если твои родители будут благоволить нам, что скажешь ты?

Залимат пожала плечами, но словом ничего не ответила. Гости, посчитав, что молчание Залимат - стыдливое согласие, довольные засобирались отъезжать, от угощения отказались, заявив, что их через три часа ждут офицеры во Владикавказе - в ресторации. Хозяева посчитали, что ресторация - это, видимо, какой-то специальный дом для военных совещаний. Однако Ати, зорко следивший за офицерами, услышал короткий диалог между ними, произошедший у караза [135](#).

- Зайпал, как ты думаешь - она согласна?

- Еще бы! Какая ингушка не мечтает выбраться из этого, навоза?

Гости уехали. Провожать соседа вышел сам Идиг. У калитки они остановились.

- Ну что ты скажешь об этом женихе, Ати? Понравился он тебе?

Ати промолчал, хотел уйти, но Идиг его удержал за рукав.

- Говори, Ати, говори начистоту.

- Ты хочешь знать мое мнение?

- Хочу.

Ати развернулся и ткнул пальцем несколько раз в грудь Идига:

- Если бы, Идиг, я имел целое стадо из несколько сот дочерей, которых утром выгонял бы на пастбище, а вечером пригонял бы домой, то не отдал бы самую никчемную ни за одного из них. Вот мое мнение. - потом Ати рассказал Идигу все, что увидел и услышал от них.

- А ты, Идиг, поступай, как считаешь нужным.

Ати быстро зашагал домой. В следующее утро Идиг сам заявился во двор Ати.

- Заходи, Идиг, чего стоишь там? Позавтракаем вместе.

- Баркал. Я не гнушаюсь вашим столом. Сойди вниз, у меня к тебе дело. Два соседа отошли в дальний угол, где их никто слышать не мог.

- Ати, посвяти сегодняшней день мне.

- Я готов услужить тебе. Говори, что мне делать.

- Съезди в Сагопши к Гюандлой. Пусть приедут завтра в пятничную ночь, если они не отказались от сватовства к моей дочери.

- Ты решил отдать ее за Сулумбека? - обрадованный Аги не мог устоять на месте.

- Да, решил. Я сразу решил, но хотел соблюсти традиции.

- О-о, Идиг! Вот теперь, наконец, я понял, что ты за человек. Ты - настоящий кьюонах!

Через месяц состоялась свадьба.

- Теперь у нас наживка на эту щуку! - радостно потирали руку царские ищейки. Рассаживали сексотов, охотничьи отряды стояли наготове. А он, Сулумбек, незамеченный никем приходил к невесте, проводил с ней счастливые часы и также незамеченный уходил. Его народ берег.

САГОПШИ В ОКРУЖЕНИИ

Акхмарза еще раз провел тряпочкой по блестящему стволу мажара¹³⁶, заткнул отверстие ватным тампончиком, чтобы туда соринка не попала, любовно погладил и приставил к стене, стал считать круглые пули в медной чашке, по одной перекладывая в деревянный поднос.

- Тридцать девять готовых пуль. Но у меня еще есть кусок свинца, из него я отолью еще больше, чем готовые. Сегодня они, кажется, не собираются нас атаковать. Успеем хорошо подготовиться. А ты как, Изахат? Готов твой лук?

- Не могу накинуть тетиву. Силенок не осталось, все ты из меня высосал, старый. Помоги лучше.

Акхмарза встал со своего места, подошел к жене, взял у нее из рук дугу лука, легко согнул, накинул тетиву на вторую сторону и протянул жене.

- На, твое оружие готово, - усмехнулся он. - Пусти-ка стрелу вон в тот бечо¹³⁷. Посмотрю я, что осталось от твоего бывшего мастерства. Старуха выбрала стрелу из того вороха, что лежал на кошме, покрутила, проверила ровное ли древко на глаз, отошла на шаг. - Ты вроде насмехаешься, Акхмарза. Забыл, что я тебя полгода кормила мясом диких курей¹³⁸? Я била их из этого лука и редко промахивалась. Старик замешкался, заторопился извиниться перед любимой женой:

- Эх1! Как я могу насмеяться? Я потому спрашиваю, что ты давно не брала лук в свои руки.

- Нет, ты не веришь. А повесь-ка свою шапку вон на тот сучок, если такой смелый. Старик развел руками, пошел к столбу, снял шапку и повесил куда указала жена, отошел на несколько шагов, стал ждать.

- Я не буду стрелять, пока ты не вернешься сюда, не дай Бог, стрела...

Акхмарза вернулся и встал рядом. Она прицелилась, а потом повернулась к мужу, лукаво посмотрела на него:

- Ты думаешь, что я так испорчена, что буду стрелять в шапку мужа? Потеряла эздел? На четыре пальца ниже шапки. Смотри!

Зазвенела тетива, резкий свистящий звук и стрела вонзилась туда, куда указала Изахат. Акхмарза сперва выпучил от удивления глаза, потом с восхищением посмотрел на улыбающуюся жену, воровато оглянулся по сторонам. Убедившись, что их никто не видит, захватил лицо жены в свои огромные руки и расцеловал.

- Так-то лучше! - засмеялась она, - а то ты в последнее время вроде избегаешь меня.

- Я не избегаю тебя. Я жалею. Может, думаю. Старый стал. Неужели я тебе не надоел?

- Акхмарза, когда мне надоедят твои ласки, я тебе об этом скажу сама, а ты тогда сразу сходи в лавку Унди и купи мне на саван белой материи. Оба от души рассмеялись, потом подошли к плетню, стали смотреть в поле. Дом Акхмарзы стоял на околице села, дальше шла пустошь, на которой сельчане пасли овец. Сегодня там не видно отар - там враги. - Эти конники, видимо, казаки.

- Нет, Изахат, видишь их островерхие шапки – это селий [139](#). Целое войско селий, Их очень много там.

- Ои-и, Акхмарза! А что мы сделали им плохого? Разве селий не мусульмане?

- Мусульмане, родная, но они заступаются за керастанского царя.

- Все они попадут в ад, - сделала свое заключение Изахат.

- Они предают единоверцев.

- Знаешь, Изахат, сейчас все так перемешалось, ничего не поймешь. Там среди них даже есть, говорят, наши, они называются - милици.

- Галгаи? - не поверила Изахат. - Да как же мы в них будем стрелять?

- Они в нас стрелять будут точно, они - предались. Нас окружили плотно: казаки, русские пехотинцы и еще какие-то.

- Все свое воинство против нашего Сагопши направил царь керастанский. - вздохнула Изахат.

- О-о, Изахат, у царя эрсов войск несметное количество.

Оборонительное сооружение Акхмарзы состояло из дров, сложенных вдоль всего плетня. Прячась за ним эта старая пара решила отражать атаки на своем участке обороны села. Их соседи копали окопы. Каждый готовился к защите, как мог и как умел. Общего командования вовсе не было. Вчера на рассвете село окружили, а потом явилась офицерская депутация от генерала Михеева на площадь перед мечетью. Народ собрался. С одной стороны - те, что пришли, напротив них - плотная толпа сагопчан. С офицерами пришли старики, которыми власть во все времена подтирается в любом своем грязном деле. Сагопчане смотрят на этих предателей с омерзением. Те чувствуют себя неудобно. Надо же начинать. Офицер-распорядитель подтолкнул старика с хаджийской повязкой на папахе. Он сделал шаг вперед и многозначительно начал:

- Мы считаемся мусульманами, хотя в своих поступках постоянно нарушаем заветы Ислама. В священной книге сказано.

Тут раздался резкий голос из толпы сельчан:

- Мута, оставь в покое священное писание, не тебе его провозглашать. Скажи лучше какой

мукой вам оплатили это предательство - кукурузной или пшеничной? По сколько головок сахара получили? Дали ли вам по серебряному червонцу или медяками обошлись?

- Как ты можешь? Что ты? Ты забыл, Бекмарза, с кем говоришь? Я - дийша саг и хаджи.

Толпа взорвалась гневом против этих холуев:

- Нам не о чем с вами говорить. Вместо того, чтобы защитить своих соотечественников, вы единяетесь с нашими врагами и давите на нас. Мы знаем все, что вы можете сказать. Нам не нужны такие посредники. Мы лучше поговорим напрямую со своими врагами. Старики-крохоборы, как говорится, поджали хвост, отошли назад. Впереди толпы стоял богатырского телосложения мужчина в возрасте, одетый очень просто. Суровый взгляд, а рука на рукояти широченного кинжала.

- Вон ты с усиками, офицерик. Я даже знаю чей ты: ты сын Дударкий Шовхала. Говори - зачем пришли, если ты еще не забыл свой язык. Говорят, вы забываете родной после того, как переспите в крепости с моаташкой. Зачем вы окружили наше село? Чем мы провинились? Что еще нужно от нас этому русскому царю? Он у нас отнял все равнинные села, все пахотные земли, леса, пастбища. Оставил один воздух. Какой он голодный!

Служака посчитал, что не может молча выслушивать эти дерзости в адрес самого царя.

- Яй, кьюонах! Ты о царе такие вещи не говори.

- А кто мне запретит? Ты что ли? Подойди и останови меня, если ты мужчина.

Другой офицер тоже вскипел или делал вид, что закипает, покраснел, замахал руками и заговорил, кривя рот на одну сторону, что, по его мнению, должно было означать отчаянное бесстрашие:

- Ты знаешь, кто я? Я, Боабуолия сын Хамбик. Наш тайп из самых эздельских, наш дом знает вся Ингушетия. Я был на войне! Мне сам царь награду вручил.

- Ну и повесь ее себе.

Из толпы вышел глубокий старик с лицом, окаймленным с седой бородой, поднял руку, прервал слова дерзкого мужчины:

- Бекмарза, здесь пререкаться не стоит. Этот человек - чужой слуга, от него ничего не зависит. Пусть скажет с чем его прислали. - обратился к офицеру. - Говори, мы вас слушаем.

Офицер наконец собрался и приступил к своей миссии:

- Генерал Михеев, самый большой хаким в наших краях, требует от вас, жители Сагопши, выдачи абрека Гоарожа Сулумбека из рода Г1оандлой. Сулумбек - грабитель и убийца. Терпение власти кончилось. Теперь он должен быть выдан, его будут судить. Село ваше окружено. Никому не будет позволено ни выехать, ни въехать до тех пор, пока Сулумбек не

будет выдан. Если вы будете упорно стоять на своем и не проявите благоразумие, ваше село будет сожжено дотла, а сами вы поголовно все будете переселены в Иркутскую область, туда, где зима длится шесть месяцев, где выпадает снег выше человеческого роста. Там стволы деревьев в два обхвата трескаются от холода. Генерал считает, что среди вас найдутся достаточно умные люди, поймут, что другого выхода нет, кроме как выдача разбойника. Я изложил вам то, что поручено моим начальством. Подумайте и пришлите человека с ответом. Генерал дает вам время на размышление. Там за селом на поляне разбита палатка. Перед ней царский флаг. С ответом придете туда. Эта депутация развернулась и пошла туда, где за мечетью стояли их кони. Уехали.

* * *

Конечно же, в селе были люди, которые осведомляли русских обо всем, что творилось в селе. Сведения были неутешительные. Сагопчане готовятся к защите, если будет штурм. В сопредельных поселениях мужчины покупают патроны, точат кинжалы. Расчет генерала был провести карательную экзекуцию на устрашение. А если вспыхнет восстание? Народ здесь все равно, что порох. Сам воздух в этих краях какой-то необыкновенный. И пойдет полыхать. Вторая кавказская война? Нет, за это не поглядят. Как бы оскому не набить. Или зубки не поломать. Генерал распорядился довольно умно для военного человека:

- Точного срока не указывайте, дескать, вот вам сутки или трое суток. Как бы самих себя в омут не загнать. Уже и то, что сидят в окружении, - притеснение, большое неудобство и беспокойство для них. Нужно будет и недельку, и месяц постоим. Не хотим, мол, кровопролития.

* * *

Мужчины собрались в мечети. Имама не было, прислал сказать, что ему не здоровится. Совет старейшин села проходил под руководством Тарко-хаджи. Сам он больше молчал, давал говорить другим. Время от времени поднимал из задних рядов молодых людей и просил высказаться. Хаджи проверял и взвешивал, какова решимость людей отстаивать свое достоинство.

- Разве в одном Сулумбеке дело? - говорит худощавый, но с живым взглядом Аксолта, - разве это первое дело, затеянное гяурами? А по сути спросить их: кто вас сюда звал? Откуда у вас право распоряжаться судьбами наших людей? После всего, что они с нами сделали, они еще хотят, чтобы мы лучших своих людей сами повязывали, приводили к их виселицам. Кто не помнит, как пьяная свинья-пирстоп схватила за бороду Иэда-хьаджи? А такое случается ежедневно в каждом селе. Что это? Это - нас приучают быть рабами, а не мужчинами. Я категорически против того, чтобы мы тут обсуждали: сдавать или не сдавать Сулумбека. Надо думать, что нам делать. Вот мое слово!

Одобрительный рокот прошел по рядам. Человек пытался встать. Приподнимался и снова падал на свое место. Но он упорно хотел встать. Тарко-Хаджи замахал на него руками:

- Зейпал, сиди. Говори с места. Тебе трудно стоять.

Но Зейпал хотел говорить стоя. Тогда ему помогли молодые люди, мягко подняли и придержали за торс. Колени дрожали, руки тряслись, стучали зубы, как от холода. Бедный Зейпал не мог выдать первого слова. Наконец, он просто разрыдался и стал причитать:

- О, горе нам, галгаи! Как мы после этого будем жить? Как мы будем смотреть в глаза другим: гуржи, сели, черси, глумки? Они же нас будут упрекать: галгаи, вы сами сунули голову своего героя в керастанскую петлю? Разве вы мужчины после этого? наших потомков будут упрекать. Аи-и-и!

Крепкий, полный мужчина среднего возраста откашлялся, поправил ремень, вскинул руку, в знак того, что скажет нечто важное.

- Зейпал больной человек и его словам не следует придавать большого значения. Он из моего тайпа, поэтому я должен предупредить людей. Он болен до той степени, что иногда заговаривается.

Горячий Бекмарза привскочил в середине мечети и резко оборвал говорившего:

- Унди, ты хочешь высмеять Зейпала? Ты? Торговец женским бельем и детскими жвачками? Не беспокойся, тебя русские не тронут. А слова Зейпала - слова мужчины, хоть и телом слабого. Я бы не отдал за тебя, твою семейку, все твое состояние один волос Зейпала, сиди и помалкивай там, где настоящие мужчины решают свою судьбу. Унди поежился, поерзал и замолчал.

- Дади, прости меня за мою вспыльчивость, не могу молчать, когда...

На этот раз Тарко-Хаджи махнул головой, и все понял, что это знак одобрения. Бекмарза сел. Говорил Тайсам, почитаемый людьми за мудреца:

- Мы должны ясно осознать перед чем стоим: нас ждет судьба Эрше, Цорхе, Нелхи¹⁴⁰. Раз мы понимаем, исходя из этого, будем решать, мужчины, что нам делать. И мы не должны сомневаться: все что происходит, случается по воле Всевышнего. Наше дело принять это, как должное, и поступать по чести и совести. Нам отцы оставили заветы. И никто не родился в этот мир, чтобы жить вечно. Наши отцы говорили: «Не позволяйте страху надевать цепи на свои сердца. Встречайте врага с оружием в руках, а невзгоды лицом к лицу. Важно со всей серьезностью осознать, что нас ожидает. У нас, жителей Сагопши, три пути, как я понимаю: первый путь нам предложен царским генералом, второй - робко ждать, пока наше село со всех сторон подожгут, а нас погонят в Сибирь, третий путь - драться и умереть. Первый путь мы отвергаем сразу, остаются те два, которые ведут или в Сибирь, или на погост. Здесь сидят и те, которые с семьями готовы идти в Сибирь, но не выдавать нашего славного односельчанина и народного турпала. В конце-то концов, и там, в Сибири, живут люди, есть

такие, есть и их немало, которые вручив судьбу детей, женщин и стариков Аллаху, готовы встретить чужаков с оружием в руках и умереть. Эти две последние тоабы должны поступать по своему желанию, не упрекая друг друга, ибо у нас есть единство в главном - не выдавать соотечественника. Не выдавать ни в коем случае! Как уже здесь говорили до меня: нас хотят научить предательству, хотят научить весь народ. Однажды предавший предаст всегда. Те, кто нас принуждают к измене, предательство считают обыкновенным делом, сами, не задумываясь, предали бы своих, окажись они в нашем положении. Так воздайте же хвалу Господу, что не создал нас одними из них!

- Алхамдулиллах! Хвала тебе, Господи, что мы не из них!

- Хвала Тебе, Великий Дяла, что не создал нас ни насильниками, ни предателями! - люди горячо благодарили Создателя за это.

Тарко-Хаджи еще раз обратился к молодежи:

- Очень важно знать ваше настроение и мнение, потому что бремя любого решения ляжет на вас. Выскажитесь, молодые люди, выскажитесь. Молодежь в задних рядах начала тихо переговариваться. Поднялся один и тихим спокойным голосом заговорил:

- Дади, вы, старшие, как решите, так и будет. Мы всем сердцем согласны с тем, что вы сказали. Каждый из нас сын какого-то отца. Те из нас, отцы которых поведут в изгнание, пойдут в Сибирь, а те, чьи отцы хотят остаться и умереть в родном селе, лягут рядом с отцами. Другого мнения здесь нет. Он сел. Подошло время обеденного намаза. Решение в сердцах сагопчан было принято.

- Зейпал, - обратился Тарко-Хаджи к своему соотечественнику. - Соверши дуа, и он будет услышан.

Ловкие молодые люди подхватили больного под мышки, аккуратно, бережно подняли и поставили, стали придерживать:

- Воа-а-а Дяла! - вскричал хриплым голосом Зейпал, - Господи, Создатель наш! Да свершится воля твоя! Но не подвергай нас позору предательства и измены, которые не смыть ни нам, ни нашему потомству во веки веков!

- А-а-мин! - хором вторил народ. Послеобеденного, полуденного намаза старейшины решили обратиться к Сулумбеку с просьбой возглавить защиту села. Группа стариков во главе с Тарко-Хаджи пошла к дому Сулумбека. Их почтительно встретила Залимат, пригласила в дом, но старики отказались.

- Залимат, жена не может не знать, где ее муж, особенно такая жена, как ты. Наше село окружено войсками. От нас требуют предательства. Мы не можем сделать то, от чего отреклись наши отцы. Сообща мужу, что его односельчане готовятся встретить беду лицом к лицу, мы хотели бы, чтобы в этот нелегкий час он был с нами.

Залимат потупилась и тихо произнесла:

- Старшие, я передам ему ваши слова, как можно скорее.

* * *

Сагопшинцы организовали ночную охрану, на случай внезапного нападения врага, конные караулы по пять человек, которые всю ночь кружили вокруг села. Один из таких караулов задержал аварца, который пробирался к жителям в село. Он заявил следующее: на юго-западной стороне окружения стоят кумыкские и аварские отряды, которые в большинстве своем сочувствуют соотечественникам-галгаям, кроме офицеров. Аварские и кумыкские воины решили меж собой помочь детям и женщинам выбраться из села. Они будут каждую ночь опаивать своих офицеров и группами выводить семьи из села. Связным будет он - Лачин. Отвели Лачина к старейшинам, которые подвергли его допросу. Это было в мечети. Неожиданно Лачин схватил Коран, что лежал на подоконнике, и поклялся в искренности своих слов.

- Верьте ему, - сказал Тарко-Хаджи.

И в последующие ночи из Сагапчи стали потоками выбираться женщины и дети. Старики и больные отказались уходить. Конечно, наши соотечественники - кумыки, аварцы, лакцы, андийцы, ногойцы - подвергали себя большой опасности спасая наши семьи. Их, на случай обнаружения, могли предать военно-полевому суду. Мечеть в эти грозные дни превратилась в казарму, большинство мужчин перебралось туда со всем своим оружием. Здесь и спали, накрывшись бурками, готовые по тревоге вскочить и вступить в бой. Каждому Тарко-Хаджи определил место, где он будет стоять при защите села. После утреннего намаза расходились по домам, а к сумеречному намазу снова возвращались в мечеть-казарму. Женщины организовали горячее питание. Залимат выбралась из села вместе с другими семьями, с нею шел тринадцатилетний сын младшего деверя. Она добралась до Инарков к брату. Брат ее отправился в Чечню на поиски Сулумбека, а Залимат на следующую ночь вернулась в родное село.

* * *

- Сулумбека спрашивает один гость из Галгайче, сказал, что дело спешное, - молодой чеченец-абрек остановился в дверях.

- Он имя свое назвал? - спросил, повернувшись к младшему, Сулумбек.

- Да, сказал, что зовут его Азамат и что близкий родственник твой. Заходить не пожелал, просит выйти на два слова.

Сулумбек встал, собираясь выйти из-за стола.

- Зялмах, это брат моей жены, видимо, что-то серьезное там стряслось. Извините, я выйду и узнаю, какую весть этот человек принес.

Сулумбек вышел. Когда за ним захлопнулась дверь, Зелимхан отстранил чашку с едой от себя, посмотрел на товарищей, покачал печально головой и проговорил:

- Сердце чует: недобрую весть принес этот человек. Прославленный абрек тяжело опустил голову, предался горестным размышлениям. Тревога вторглась и в сердца остальных абреков. Тягостное молчание. Сулумбек отсутствовал всего несколько минут. Когда он

вернулся в комнату, никаких внешних признаков тревоги не было видно, как всегда, улыбнулся, но то, что потом сказал, ошарашило абреков:

- Сагопши окружено войсками генерала Михеева: дагестанцы, кумыки, ногайцы, казаки, русские пехотинцы, требуют выдать меня. На случай отказа село будет сожжено, а жители высланы в Иркутскую область.

- А что намерены делать сельчане? - спросил один из чеченцев. - Они хотят, чтобы ты сдался?

- Сельчане что побогаче покидают село, остальные готовятся к сражению. Старейшины решили меня не сдавать. Надо мне туда ехать.

- Мы поедem с тобой.

- Нет, братья, я поеду один. Если нужно будет, я подам вам весть. Храни вас Господь! Может встретимся в этом мире или в другом. Сулумбек снял с вешалки бурку и винтовку, вышел из комнаты. Зелимхан буквально вихрем вылетел за ним.

- Сулумбек, что ты задумал сделать? Ты мне сейчас не нравишься. Когда ты очень спокоен, я тебя боюсь. Не задумал ли ты сдаться?

- Там на месте я решу это, Зялмах. Но в любом случае поступлю так, чтобы у обездоленных женщин и детей не было повода упрекать меня. Зялмах, разве мы до сих пор боялись смерти? Так зачем ее бояться теперь?

- Сулумбек, если ты сдашься, они тебя повесят, а народ они будут тиранить и после нашей гибели. Эта власть - исчадие ада. Своей гибелью ты не остановишь их. Да ты меня слышишь ли?

- У Зелимхана на глаза навернулись слезы.

Сулумбек вскочил в седло:

- Прощай, Зялмах! - он поехал, за ним поскакал напарник. Чеченцы долго смотрели им вслед, пока всадники не скрылись за ближайшими холмами. Зялмах сорвал с себя шапку и сильно ударил по колену два раза:

- Он поехал умирать! Он поехал умирать! Он.

* * *

Редко когда абреку удастся тихо, спокойно потрапезничать вместе с семьей за собственным столом. Сулумбек был спокоен, очень спокоен. Эта ночь - дар Бога любящей паре, и они насладились ею без смятения и тревог. В колыбели сопит их дочь Золобан. Ей три месяца.

Сулумбек не может оторвать взгляда от ее милого личика.

- Залимат, на кого она похожа? На тебя или на меня?

- И на тебя, и на меня. Больше на тебя. Когда дочь больше похожа на отца, она будет счастлива. Таково народное поверие.

- Пусть Господь отмерит ей полную меру счастья! Избавит от бед и напастей. И еще я прошу у Бога, чтобы выросла красивой, как мать. Залимат, скоро рассветет. Мне пора собираться. Мы с тобой, видимо, не скоро встретимся. Ты мужественная, крепкая. Держись! Не поддавайся слабости. Наши слезы - радость врагам. Не предоставляй им этой радости.

- Сулумбек, - голос у Залимат дрогнул, - а если ты пойдешь сдаваться, страшно.

Он взял ее за плечи, чуть встряхнул и заглянул в глаза:

- Сагопшинцы приготовились умереть за меня. Так неужели же я слабее мужчина, чем они? За таких умереть не страшно, даже на виселице! А если расстреляют - так я всегда хожу под прицелом ружья. Я сдамся только с одним условием, что не буду повешен. Потребую от генерала мужское слово. Прощай!

И он исчез. Залимат медленно опустилась на край постели мужа.

* * *

- Господин генерал, я адвокат Гандалоева Сулумбека, из-за которого Вы подвергли его родное село Сагапчи экзекуции, окружили войсками, никого не впускаете и не выпускаете.

- Вы пришли от этого разбойника с каким-то предложением?

- Да, генерал.

- Изложите, что предлагает мне абрек.

- Он готов сдать.

- Так!

- Но у него два условия.

- Какие?

- Первое - после его сдачи Вы немедленно снимете осаду села. Второе - Вы даете слово, что он не будет повешен, а будет расстрелян.

- И как скоро Сулумбек исполнит свое обещание, коль я дам это слово?

- Немедленно.

- Вот как! И он не обманет?

- Господин генерал, у наших мужчин слово ценится больше жизни, и Вам это известно не хуже меня.

- Ну что же, передайте, адвокат, вашему протее, что я сниму осаду Сагопши, как только он заявится к моим людям и сдастся. Даю вам слово русского офицера, что Сулумбек не будет повешен, но может быть расстрелян. Вы удовлетворены?

- Думаю, что мой подопечный, зная его характер, будет вполне удовлетворен, господин генерал.

- Я буду ждать первого шага с его стороны.

- Он шаг этот сделает. Адвокат покинул кабинет генерала Михеева.

ПЛАЧУЩИЙ СТАРЕЦ

Конь по инерции пронес Сулумбека мимо старика, стоявшего у обочины дороги, опершись на посох. Старик плакал. Да, он явно плакал, утирая слезы рукавом выцветшей черкески. Всадник спешил, взял коня под узды, развернулся и подошел к старцу.

- Ты прости меня, отец. Я очень спешил.

- Бог простит. Милосердный Бог простит. - продолжал плакать старик.

- У тебя большое горе, отец. Что заставило тебя плакать? И могу ли я чем-нибудь тебя утешить?

Старик горестно закачался, а слезы катились по щеке и по седой бороде:

- Разве ты не знаешь, сынок, какой сегодня день? Разве ты не знаешь, что Гоарожа Сулумбек сегодня пойдет сдаваться керастанской власти? Об этом говорят везде.

- Видимо, этот Сулумбек приходится тебе близким родственником? - допытывался всадник.

- Он из тайпа Г1оандлой, а я из тайпа Маци, и я не знаю между нами другого родства, кроме того, что мы оба - галгаи. Он стоит тысячу таких, как я! Он - народный герой. Как не плакать в такой день?

Всадник вложил конец недоуздка в руки старика:

- Отец, я дарю тебе этого коня. Езди на нем в память обо мне. Людям скажешь, что это последний дар Сулумбека своему соотечественнику. Смерть страшна, когда гибнешь зазря... За народ свой, за такой народ - умереть не страшно! Сулумбек крепко обнял старика, а потом быстрыми шагами пошел в сторону города. Сулумбек сдался властям. Генералу об этом доложили. Генерал этой вестью был так обрадован, что вскочил и отдал адъютанту распоряжение:

- Прикажете от моего имени отвести войска из-под Сагопши. Попался волк в капкан мой! Попался! Это многого стоит!

ГРАФ ВОРОНЦОВ-ДАШКОВ, НАМЕСТНИК КАВКАЗА

Граф Воронцов-Дашков Илларион Иванович грузин особой любовью не жаловал, но любил их веселые пиршества, где вино лилось рекой, где в честь Его Сиятельства произносились вычурные славословия, князья и дворяне старались перещеголять друг друга в заздравных тостах, называли его Спасителем и Оберегателем грузинского народа, Великим Христианским братом, Щитом Православия на Кавказе... Графу конечно же, это очень льстило. Кавказцев он не любил всех по причине неприятия их природы. На ногах сыромятные чуваки, шаровары из домотканного сукна, заплатка на заплате, черкеска выцвела и обветшала до невозможности. На голове неизменная и летом, и зимой одна и та же меховая папаха с обвислой шерстью. Но на поясе, представьте себе, широченный кинжал в полтора аршина длиной. Ну что твой меч! И скажи ты ему, этому бродяге, неудобное слово (не посмотрит, что ты выше его и умом, и званием, и образованием, и сословием, наконец), пустит в ход свое оружие. Куда это годится? Уже сто лет, как Российская держава утвердилась здесь, как хозяйка, а эти кавказцы, что дворяне, что простонародье, богатые и нищие с кинжалами не расстаются. Почему? Почему до сих пор не издан Высочайший указ о запрете ношения кинжала? Почему покоренные народы до сих пор нам непокорны? Эти вопросы мучили графа, российского патриота, всем своим естеством преданного делу государства. Но он должен ехать. Князь как бишь его там?. швили.. швили.. да Николошвили празднует день ангела дочери, и он туда приглашен. Нижайше просили быть. Солнце катилось к закату. Прекрасное время для развлечения. Душе тоже нужен праздник, как телу отдых. Вошедший управитель делами канцелярии щелкнул каблуками, сделал поклон головой:

- Все готово для отъезда Вашего Сиятельства. Однако осмелюсь доложить о последнем прошении интереснейшее.
- О чем оно, милейший?
- Просьба об аудиенции.
- Откого же?
- От жены абрека Саламбека Гараводжева!
- Не тот ли это Саламбек, что является побратимом Зелимхана, знаменитого разбойника чеченского.
- Да, Ваше Сиятельство, это, именно жена Саламбека, преданнейшего друга Зелимхана Харачоевского. Граф прошелся по просторнейшему кабинету несколько раз, ухмыляясь про себя.
- И что этот Саламбек? Каков он? Что скажешь?
- Дерзок и бесстрашен до безумия. Шалил. Грабил банки, налетал на города. Владикавказ почитал своей вотчиной, но в прошлом году осенью самолично сдался генералу Михееву.

- Что так? Раскаялся в грехах стервец?

- Генерал пригрозил подвергнуть жестокой экзекуции родное село Саламбека: село сжечь, людей выселить поголовно в Сибирь. Вот он и сдался.

- Ишь ты! Разбойник! Получается вроде честь свою блюдет.

- Видимо так, Ваше Сиятельство.

Граф остановился напротив управителя:

- Такты, милейший, передай этой особе, что я достаиваю ее аудиенции. Поглядим на нее, что она за птица такая, что прилетела к нам из-за гор высоких. Жду ее завтра к одиннадцати часам. Она хоть калякает по-русски? Как мы говорить-то будем? Может, толмача?

- С нею адвокат из ихних, Ваше Сиятельство. Сама она по-русски не говорит.

- Прекрасно! С адвокатом и приму. Это будет весьма интересно!

- Ваше Сиятельство, хотел бы Вам напомнить, что это тот самый Саламбек Гараводжев, который в пятом году совершил дерзый налет на казачью станицу, освободил шесть революционеров-бомбистов, почитай из-под виселицы увел. Настоящий бестия, Ваше Сиятельство. Никаких законов и препонов не признает, кроме своих дикарских обычаев, а их соблюдает рьяно. Граф присел в кресло, задумался. Двинул плечами и встал.

- Старость, милейший, старость. Восьмой десяток пошел. Как я мог его забыть? Вот ты надоумил - припоминаю. Сколько веревочка не вьется, а конец будет. Попался голубчик, однако! Сумел-таки генерал Михеев этого неукротимого абрека запереть. Завтра, как сказал, в одиннадцать! А еще вот что, милейший: как придет завтра эта марушка Гараводжевская, да повалится нам в ноги, будет плакать и просить о помиловании супруга, ты поднимать ее не спеши. Пусть поползает, да порыдает, унижится, как положено сословию ейному, тогда и поднять можно, проявить нашу милость. Поговорить, пораспрощать. А как поступить с абреком ее - на то воля наша. Подумаем. А приходит мне на ум мысль поэта нашего славного Александра Грибоедова о том, что всех этих дикарей кавказских легче изничтожить, нежели к цивилизации привести.

Управитель канцелярии Княженцев с 1898 года постоянно находился при графе Воронцове-Дашкове, выполняя любые его поручения, служил верой и правдой, и граф это ценил. Его Сиятельство тогда был министром государственного двора. Чиновники в массе своей, хапуги и нахалы, государственная служба для них, как обильное пастбище для скота, и они ведут себя тут, точно как скот, пасутся до тучных тел, мало заботясь о государственных интересах. Княженцев был не таков - честен, исполнителен, дотошен. Подчиненные его презирали, но боялись, поэтому канцелярия и работала исправно. К сему прибавлялось еще одно важное достоинство - великолепная память: даты, фамилии, названия мест, номера канцелярских дел, однажды побывавших в его руках, он знал наизусть. Это был природный канцелярист. В вулканические дни пятого года Воронцова-Дашкова определили заместителем буйного

Кавказа. Граф из всех бывших сослуживцев взял с собой одного Княженцева. У этого Княженцева не было ни родственников, ни жены, ни детей, ни друзей - одна служба!

Граф уехал на именины. Княженцев заметил необыкновенное оживление среди канцеляристов и прислуги из туземцев, то бишь грузин, но он не понял причину сего. А Бог его знает, что там у них в неведомых душах: может, праздник какой, свой нехристианский. Грузины почитаются за православных, но чем-то вера их отличается от русской. Так народ он не скрытый, как горцы, к примеру, веселый, общительный. И все же в чем-то непонятный. В душе каждого грузина спрятан тот же ингуш, лезгинец или чеченец, готовый в любую минуту выскочить с кинжалом. Княженцев глянул в окно. На той стороне улицы толпа грузин окружила родственника жены Гараводжева и о чем-то волнительно толкует. Этот родственник двоюродный брат Саламбека-абрека. Ну, ну! Толкуйте. Кипятитесь сколь угодно! Здесь наместничает слуга царев с твердой рукой, спуску вам не даст ни горцам-абрекам, ни грузинцам-бунтовщикам. «Я, милейший, старый русский медведь. - любит он поговаривать по душам с Княженцевым, - у меня не лапа, а лапище. Как схвачу - кости затрещат! Этот край обрусить надобно. Дерзких - изничтожить, срубить под корень. Непокорных заломать и привести к покорности. А покорных обласкать, благодетельствовать всяческими способами. Все туземное население должно быть доведено до состояния русского крестьянства - да так, чтобы последний отставной русский солдатик шел бы в мундире своем, а они бы ему кланялись в пояс: «Что угодно, Ваше Русское Превосходительство». Вот высшее устремление наше, милейший. Тех, кто валится к ногам нашим - миловать! Тех, кто только кланяется - терпеть! Тех, кто и кланяться не захочет - карать!». Сии правила графом неукоснительно проводились в жизнь, особенно касательно абреков и бунтовщиков. Карательные экзекуции! Как он их любил! Это необходимое государственное предприятие уже имеет своих славных героев - разумеется, Илларион Иванович Воронцов-Дашков, первый из первейших, а там еще генерал Михеев, Вербицкий - славные сыны Отечества Российского. Ишь привязались к кинжалу своему, вроде других красот и услад в жизни нету. Землю паши, да Государю Императору плати положенные подати. Торгуй! Вот, как армяне, каждый второй торговец. За место кинжала - кошель с деньгами. Или ремеслом каким займись. А то стоит у сакли своей каменной, сам худюш, как жердь сухой, на нем лохмотья висят, а кинжал на поясе и смотрит из-под папахи волком. Ненависть к кинжалу, неотъемлемому атрибуту одежды кавказца у Княженцева от графа. Графу казалось: сними с них кинжал - и они в один миг переменятся. Так думал и Княженцев, повторяя мысли графа, и в мыслях своих не допускал никакой пощады к туземному населению. Они, завоеватели Кавказа, как-то забывали, что сами у этих туземцев плодородные земли отобрали. С плоскости их загнали в скалистые горы. А ведь до прихода завоевателей жили эти самые туземцы зажиточно и счастливо. Поселения их были опоясаны фруктовыми садами и виноградниками. Распахивали тучные поля, сеяли на них ячмень, просо, овес и полбу. Каждый, даже бедный, имел в достаточном количестве хлеба для семьи, пиво или вино на праздники. А потом невесть откуда навалятся, как саранча, голодные и жадные, загонят этих мирных землепашцев на бесплодные камни. Наедятся от чужого добра до икоты и винят тех, кого обездолили: Ах вы бездельники! Ах вы абреки да головорезы! Ах вы налетчики проклятые! А безделье-то отчего? А от того, что там на этих камнях нечем заняться. Они пахари, а камни не распашешь. А налеты от чего делаются? Неужто от легкой жизни? От разбойного характера, как утверждали в прошлом и утверждают ныне российские

умники? Нет! Ей же ей, нет! Садится горец на коня и идет в набег (не надеясь вернуться живым) ради спасения семьи от голода. Он грабит. Правда это. Но он берет малую толику от того, что у него и у его отцов отняли силой. За это значит он разбойник? Странная логика у этих завоевателей. И то надо сказать, что русские не первые завоеватели на Кавказе. Здесь были и хазары, и гунны, и монголы. Нас пытался осчастливить своим «джихадом» Тамерлан. Потом пришли русские, православные добродее. А какая разница между ними? Да никакой по сути. Преданья гласят, что гунны и хазары жителей истребляли всех подряд (спасайся, кто может!), имущество забирали, а поселения сжигали. Девизов никаких не было. Они честно служили своей жадности и жестокости. А Чингизхан уже имел девиз: пусть ужас мчится впереди наших коней! Тут уже- политика! А Тимур? «... жителей тамошних, по приказу Тимура, связав, сбросили с горы... огонь гнева его так пылал, что сжег и сухое и влажное. » (Йезди). Завоеватель Тимур, как он заявлял, нес на лезвии своего меча Ислам, хотя до его нашествия вся плоскость была мусульманской, а после «джихада» Великого Завоевателя аборигены возвращаются к языческим верованиям. Ну что взять с Тимура?! С ним все понятно.

И вот появляется новый претендент на Вселенское правление - Государь-Император Российский, защитник Православия, Христианнейший Белый царь! Дескать он несет заповеди Христовы, в которых первейше провозглашено - не убий! Благая миссия! Ее весьма определенно выразил Николай в рескрипте о награждении покорителя Армении генерала Паскевича, подавившего до этого Польское восстание 1831 года. Вот что пишет царь-батюшка Паскевичу по-отечески: «После того, как выполнена и эта задача, задача покорения Армянского нагорья, предстоит Вам другая задача, в моих глазах не менее важная, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшая, - это покорение горских народов или истребление непокорных». Не правда ли христианнейшая задача?! Николай прямо таки сошедший с Евангельских страниц Белый ангел Милосердный.

* * *

Весть о приезде жены знаменитого абрека с Северного Кавказа мигом разошлась по всему Тбилиси. Весть эта расходилась, пока граф Воронцов-Дашков наслаждался лучшими винами и изысканнейшими блюдами грузинских поваров. В кавказских городах народ тоже любит свои простые радости: ортодоксальные мусульмане любят крепкий ароматный чай, сладости, прохладительные напитки после жаркого трудового дня, а все прочие, в том числе и нерьяные мусульмане не прочь опрокинуть в разгоряченное горло несколько стаканов вина, съесть шампур шашлыка или, кто победнее, горячий хачапури. Таково обстоит дело и в Тбилиси. Духаны! Чайханы! Харчевни! Новости со всего мира стекаются сюда, а отсюда растекаются по венам и артериям славного Тбилиси.

- Эй, Гиго! Гамаржоба! Новость слышал?

- Какую, Нико?

- В Тбилиси приехала жена отважного кистинского абрека Саламбека Сагапшури.

- В-вах! Что она делает в Тбилиси, кацо?
 - Хочет встретиться с самим наместником. Прошение подает.
 - О чем она, Гиго, ты может знаешь?
 - Знаю. Мне рассказал человек, который все знает.
 - Не тяни душу, кацо. Так интересно!
 - Этот абрек-кистинец Саламбек Сагапшури самолично явился к власти и сдался. Сейчас сидит в тюрьме в Дзауге[141](#).
 - Он что ума лишился что-ли совсем этот наш Саламбек?
 - Ты ничего не понял. Так вот слушай: наместник приказал окружить и сжечь родное село абрека Сагапшо, если тот не сдастся, а всех односельчан этапом отправить в Сибирь. Саламбек принес себя в жертву ради спасения родного села. Вот какие важкаци на свете бывают!
 - Вот это новость! Жена верно будет просить о помиловании мужа. А как же иначе? - хитрит Гиго, чтобы вытянуть из Нико все, что то знает.
 - Эх, Гиго! Сказал же тебе: ты ничего не знаешь! Не будет она просить о помиловании.
 - Так о чем же? - у собеседника от удивления широко открываются рот и глаза, на лице на секунду застывает вопросительная мимика.
 - Кацо! Шени чериме[142](#)! Она будет просить. Она будет просить расстрелять мужа.
- Рот растягивается еще шире:
- Бичо? Она будет просить расстрелять?
 - Да! Да! Наконец ты понял. Она будет просить мужа расстрелять, а не вешать. А смерти ему все равно не избежать.
 - С этим она приехала из-за гор в Тбилиси?
 - Да, с этим. Говорят, красавица писаная. Гордая!
 - Вай ме! Вай ме[143](#)! - хватается тот за голову.

Весть идет от стола к столу, перебегает из этой харчевни в другие харчевни, чайханы, духаны. Проникает и в рестораны, где отдыхает самая богатая публика. Легенда обрастает подробностями.

- Эй, Юсупи, чем угостишь старых друзей? Завари для нас самый душистый чай. Мы к тебе пришли, нам вино надоело, понимаешь, чай хотим.

- Вай-вай-вай! Что грузин говорит?! А! Вино надоело Арчил-джан? Смотрите, что тут есть. Заказывайте, что хотите.

- Иди к нам, Юсупи, к нашему столу. Мы тебя такой новостью угостим. Твои посетители чай будут пить в прикуску с этой новостью. Толстый, юркий и веселый азербайджанец присаживается к столу и слышит такое, такое, что просто поверить трудно.

- Ара, Арчил-джан! А такое бывает на белом свете? Может ты шутишь, а? Скажи, я не обижусь.

Тут воистину обиделся Арчил-джан, который в харчевне бросил друзей и кувшин вина, приплелся через четыре квартала, чтобы сообщить Юсупи эту новость, а он - шутишь. Таков он вот Тбилиси. Здесь не живет каждый сам по себе. Люди здесь делятся всем: хлебом, вином, радостью, горем, новостью. Получил от добрых друзей - передай дальше - таков Тбилиси.

* * *

Хамбор остановил телегу на противоположной стороне резиденции наместника у старого тутовника. Там и тут толпами стояли грузины, которые громко приветствовали сошедшую с телеги женщину. Некоторые даже кланялись. Особо выделялась группа пожилых мужчин в черкесках и при кинжалах. И был среди них старик, солнцеликое ясное лицо которого обрамлялось густой белоснежной бородой. Он и шапку снял и дважды поклонился Залимат.

- Хамбор, эти грузины, оказывается, очень добрые и чистосердечные люди. Ответь им на приветствие, ты ведь знаешь их язык.

Хамбор вскинул руку:

- Гамарджоба, картвелебо!

- Гагиморжос! Гагиморжос! - хором ответили те.

Залимаг оправила свою одежду и легкой грациозной походкой двинулась через улицу к резиденции Воронцова-Дашкова. Адвокат Башир пошел рядом. Хамбора окружили грузины. Башир достал карманные часы:

- Мы пришли вовремя. Скоро будет одиннадцать.

Княженцев их ждал в приемной:

- Я доложу графу о вашем прибытии.

- Будьте так добры, доложите. - поклонился Башир.

- И что это они тут после каждого слова кивают головами. И ты тоже отвечаешь им тем же, - напустилась на адвоката Залимат. - Это для чего? Что значит?

- Обычай такой в среде русских хакимов. Так выражается по-ихнему эздел.

- Это не эздел, Башир. Это - раболепие, унижительный жест для свободного человека.

- В аварской арбе, говорят, играй на аварской зурне.

- Что верно, то верно, но я научена играть только на своей зурне. Резиденция превратилась в некое подобие муравейника: чиновники и служащие низших рангов, как бы случайно, по надобностям, выходили из своих кабинетов поглазеть на эту знаменитость, жену абрека, запросившую аудиенции у наместника. А она их не удостоила взглядом. Большая, резная дверь раскрылась, вышел Княженцев:

- Наместник ждет вас, пожалуйста в его апартаменты, - и он указал на раскрытую дверь.

Залимат решительно шагнула туда, Башир поспешил за нею. Граф в мундире, при всех регалиях стоял, держась одной рукой за краешек большого стола. Он очень любил позу Ермолова, позу, выражавшую имперскую мощь, непреклонность и тяжеловесность. Зарвавшийся маленький человек должен воочию увидеть, с чем он столкнулся, перед кем он стоит. Молодая женщина, сухая, но крепкая и стройная, с тонкими кавказскими чертами лица твердой походкой прошла до середины апартаментов и остановилась, вскинула голову. Эти красивые карие глаза смотрели прямо на собеседника. В них не было униженности. Вся ее фигура выражала неподступность. Граф Воронцов-Дашков понял, что ничего того не будет, к чему он готовил себя и Княженцева. В таком положении он оказался впервые. Обычно просители низшего сословия бросались на пол и почитали за счастье облобызать его сапоги. Да и легко ли простому просителю добраться до самого наместника?! Она повернулась к адвокату и чистым сильным голосом сказала по-своему:

- Башир, поприветствуй его от моего имени, как здесь это принято, потом я скажу то, с чем пришла.

- Ваше Сиятельство, Залимат Гараводжева просит меня передать Вам свое приветствие и почтение, и если Вашему Сиятельству будет угодно ее выслушать, она изложит свою просьбу.

- А Вы кто будете?

- Я адвокат, а в данном случае выполняю и роль переводчика. Башир Аксолтов, адвокат, Ваш покорный слуга.

- Присаживайтесь, Гараводжева, и излагайте свою просьбу.

Сам граф сел в свое кресло, но Залимат категорически отказалась садиться.

- Она не может садиться при Вашем Сиятельстве.

- Почему? Что ей мешает?

- Ваши седины, граф. Наши женщины при старших не садятся.

- Вообще не садятся?

- Да.

- Никогда? Никогда? Ни перед кем? Весьма интересно.

- Ваше Сиятельство, садятся малолетние девочки перед отцами, когда они еще несмышленные, а повзрослев, не садятся ни перед отцами, ни перед старшими братьями. Так уж заведено издревле.

- И это в строгости соблюдается поныне?

- Неукоснительно, всеми и всегда.

- Вы удовлетворили мое любопытство - надо же знать тех, кем управляешь. А теперь пусть она излагает то, с чем пришла. Я выслушаю ее.

- Залимат, великий хаким предлагает тебе изложить свою просьбу. Что мне передать?

Женщина легким движением коснулась плеча адвоката:

- Башир, у тебя получится передать слово в слово то, что я буду говорить?

- Да, получится. Но а если я посчитаю, что твои слова повредят нашему прошению, как мне тогда поступить.

- Передай мои слова точно.

- Хорошо, Залимат. Я так и сделаю.

- Я пришла к Вам со своей бедой, большой начальник, а беда подобна бурному потоку, что уносит человека прочь от родного берега в пучину. Но попадись ему в этот гибельный миг могучее дерево, которое протягивает ему с берега ветку человек хватается за нее, как за самую жизнь. А если ему удастся ухватиться и за вторую ветку - он спасен. Перед Вами несчастная женщина, которую половодье несет Бог весть куда. За одну ветвь я кое-как успела ухватиться. Поток хочет разъять мои пальцы, и, если я не ухвачусь за вторую ветвь, мне не спастись.

- Господин адвокат, у вас все говорят в такой иносказательной форме.

- Народ наш любит мудрое слово, Ваше Сиятельство.

- Две ветви значит. И что есть та первая ветвь, за которую по счастливой случайности ухватилась госпожа Гараводжева? Не муж ли ее Саламбек-разбойник?

Залимат отрицательно мотнула головой:

- Муж сам по себе в этом деле мало что значит. Я бы жила с любым мужем, за которого меня выдали замуж, даже если он был самый последний тихоня или даже трус. В этом случае мне повезло - отвага и бескорыстие Сулумбека, мужа моего, известны. Не каждой женщине выпадет жребий быть женой такого человека.

Граф вскочил, уперся взглядом в эту удивительную женщину, хлопнул ладонями по столу и спросил:

- Будьте добры, господин адвокат, пусть просительница вначале назовет ту первую ветвь, за которую она, успела ухватиться.

- Это слово, данное генералом Михеевым, что он не повесит Сулумбека, а расстреляет, если тот самолично сдастся ему. Сулумбек сдался, явился сам во Владикавказ и теперь находится там в тюрьме.

- Вы полагаете, Гараводжева, что петли Ваш муж сумел избежать?

- Да, тому порукой слово генерала Михеева.

- Так. Так. Поговорим теперь о второй ветви. Смеею предполагать, что вторая ветвь - это я.

- Не Вы, Ваше Сиятельство, а Ваша честь.

Все также упорно глядя на Залимат, наместник медленно опустился в кресло. В апартаментах наступило долгое молчание. Граф не знал, как себя вести в данной ситуации. Впервые проситель говорил с ним таким образом. Залимат дала ему прийти в себя.

- Вы не можете отрицать, что Сулумбек храбрый мужчина, каких и на Кавказе немного.

- Нет, упаси Бог! Чего-чего, а этого у него даже с избытком.

- Храбрые люди должны уважать друг друга, даже если они враги, Граф откинулся в кресле, сраженный этим сокрушительным доводом. Господи, Боже мой! Эта дикарка загоняет его в угол. Она его обязывает! Он решил обороняться тем же оружием, каким она нападала на него.

- А хотел бы я знать, как бы поступил твой муж, абрек Саламбек, окажись я в его руках.

Она ответила, не задумываясь:

- Окажись Вы пленником моего мужа, и приди Ваша жена к нему, как я пришла к Вам, - Ваша жена бы за руку увела Вас с собой. Кто-кто, а уж я-то хорошо знаю, на что способен

Сулумбек.

- И Вы хотите, чтобы я отпустил его после того, что он вытворял десять лет? Вы, верно, забываете, что я государственный человек, я исполняю свой долг.

На что Залимат отпарировала:

- Нет выше долга, чем долг чести. Я не пришла просить Вас отпустить моего мужа на все четыре стороны. Я знаю, даже при сильном желании, Вы этого не можете. Но я также знаю, что при желании Вы можете сохранить жизнь Сулумбеку, в Вашей власти отменить расстрел, который теперь грозит Сулумбеку. И я буду до самой смерти молиться за Вас.

Граф был озадачен. Такого он никак не ожидал. Он задумался. То, что наговорила эта суровая, но на редкость привлекательная женщина, перемешало все в душе, и в голове неразбериха. Граф начал припоминать, что Ермолов, которого почитал за идеала служения долгу перед Отечеством, предостерегал от воинских столкновений с ингушами: «если бы народ сий, самый воинственный и мужественный, доведенный до возмущения...». Вот! Вот! С пустяков все начинается. Этот Саламбек жил себе в ауле, сеял кукурузу, косил сено, содержал многочисленную семью и никому не мешал. Храбрость свою мог проявить в стычке с соплеменниками. И то навряд ли. Говорят, был уравновешен. Пьянчуга-балбес, приставом назначенный, из-за чечевичной похлёбки, почитай, вытравил этого пахаря из сакли - и вот он превратился в свирепого волка. Целому краю покоя нет. Надо бы тут что-то предпринять - чтобы не нарождались эти абреки, ан руки не доходят. Не позволять же ему вольничать и грабить города, Воронцов-Дашков поднял голову и взглянул на Залимаг.

Та стояла спокойно, ждала ответа:

- А Вы могли бы заручиться за него, если бы он был, предположим, отпущен?

Залимаг усмехнулась:

- Я - женщина. Мое поручительство унизило бы его. Но если бы он дал Вам, мужчине, слово - не нарушил бы ни за какие богатства земли.

- Так, так, госпожа Гараводжева. Можете считать, что получили полное удовлетворение своей просьбы: я употреблю всю власть свою, чтобы Саламбек, Ваш муж, не был расстрелян. Услышав такой ответ, ясная улыбка озарила ее суровое лицо, а из глубины глаз брызнул теплый свет.

- Я предполагала, что Вы так и поступите благородство обязывает чести. Спасибо! Оставайтесь с миром!

Той же твердой походкой она пошла из апартаментов. Противоположная сторона улицы была заполнена людьми. Раскрылась дверь резиденции, Залимат стала спускаться по ступенькам вниз, грянул древний гимн. Залимат на одно мгновение остановилась, замерла и пошла через улицу к своей телеге. Башир шел за ней, опустив голову. Казалось, поет весь

город. Залимаг не села в телегу. Хамбор повел коня, Башир и Залимат пошли рядом, и вся эта процессия двинулась по мощенной улице вверх. Там на самом гребне подъема телега остановилась, ингуши решили распрощаться с людьми, которых они не знали до сегодняшнего дня, но которые от чистого сердца сочувствовали. И их было много - несколько сот человек.

- Хамбор, передай этим добрым людям мою сестринскую благодарность. И еще объясни им, что Сулумбек не был ни грабителем, ни тираном. Он, как и вы все, хотел жить мирно и в достатке. Но он не мог сносить оскорбления и унижения. Все, что произошло с ним, случилось из-за этого. Наместник обещал сохранить ему жизнь. Увидим. Но что бы ни случилось, ваш брат Сулумбек останется мужчиной. Пусть Бог избавит ваши семьи от подобных несчастий. Люблю вас всех! Я сюда пришла с тяжестью на сердце. Теперь мне гораздо легче. Оставайтесь свободными, благородные и сердечные грузины! Она подошла к толпе мужчин, крепко обняла старика с седой бородой, махнула остальным рукой и быстро зашагала впереди телеги в сторону сияющего вдали Казбека. Грузинская песня провожала их до самого горизонта.

* * *

В тот день наместник больше никого не принимал. Он распорядился, чтобы Княженцев перенес даже назначенные встречи с весьма влиятельными в городе людьми в другие дни. Разные чувства бушевали в душе старого, много всего повидавшего служаки. Господи! Она же его околдовала эта необразованная горянка. И как хитро она расставляла свои капканы: ты, дескать, должен поступить так, а не иначе. Как вам это нравится?! И как он, всю жизнь, почитай, прослуживший при императорском дворе, генерал - высокий сановник - мог поддаться на ее чары? И в чем суть ее чар - одна дерзость! И добилась же своего.

ВКАПКАНЕ

Волк, говорят, попал в капкан. Больно. Очень больно, но это терпимо. Он рванулся, но железные челюсти держат его, крепко не пускают. Сел волк на снег, оглянулся по сторонам: поле, лес, горы мир, в котором он привык жить и двигаться свободно. Рванулся снова, но капкан наносит ему такую боль, что ударяет по нервам всего тела, но это не самое страшное, самое страшное - потеря свободы: вот он перед ним огромный мир, в котором жил, но его у него отняли. Сидеть и мучиться? Ждать, когда придут эти двуногие коварные и жестокие существа, которые дубинками добьют его? - жалкая смерть в неволе! Нет! Волк отгрыз свою лапу повыше капкана, оставил свою неволю в капкане и побрел в лес искалеченный, но свободный. Дорогую цену - лапу - он заплатил за свободу. Но это волк. Стая не отвечает за действие одного волка. Здесь каждый за себя... А как чувствует себя абрек, попавший в тюрьму? Свобода волка ограничена враждебными обстоятельствами. У абрека свобода ограничивается его собственной волей, тем, что он сам себе запретил: совестью и кодексом чести. Абрека Сулумбека никто не поймал в капкан. Его десять лет ловили, ставили капканы, бывало, он на них наступал, но Сулумбек дерзко их ломал и уходил на свободу. Сегодня он сам сдался кровным врагам во имя спасения родного Сагопши. Он знает, что враги ему не простят ни его дерзость, ни мужество, ни свободу, ни тем более жажду утверждения на земле справедливости. О-о-о!

Эту-то справедливость и тех, кто любит ее, гяуры ненавидят свирепо, потому что они враги свободы и справедливости. Голова тяжелела и опускалась все ниже и ниже на грудь. Он впадал в забытье - кандалы успокаивались, переставали жалобно звенеть. Иногда он совсем забывал, где находится.

Вчера инспектор обходил камеры, проверял порядок. Надзиратель открывает эту дверь, входит и видит, что сидит арестант, как вкопанный, смотрит перед собой, вроде ничего не видит. А он - инспектор! Начальство, елки-палки! Перед ним положено вскакивать, вытягиваться, а если есть жалоба какая, то просительным, унижительным голосом излагать. Дескать, вот я такой-то, жалуюсь на то-то. Могли бы Вы, Вашество, по милости Вашей пособить? Нет же! Сидит бестия, как истукан, начальственного голоса не слышит, в струнку не вытягивается, руки по швам не опускает, глазами боязно не хлопает. Надзиратель из-за спины инспектора попытался привести в ясное чувство Сулумбека:

- Эй, арестант Саламбек, положено тебе перед начальством встать, почет и уважение оказать.

Вздыхнул глубоко арестант, но молчит. Как гаркнет инспектор:

- Встать! - как затопает ногами. Арестант тут вроде очнулся, прищурил глаза, глянул вверх, увидел нервно дергающийся ус инспектора, усмехнулся. Тут инспектор и пнул его в колено. Вскочил тут арестант, как раненный зверь, хотел размахнуться да ударить кулаком, а кандалы не позволяют, тогда он нанес удар локтем в грудь, короткий и резкий, - не в первый видать приходилось в рукопашной сражаться. Инспектор рухнул метком на пол, весь посинел. Но падшего не стал бить. Сел. Надзиратель крик поднял, сбежались, хотели побить арестанта, но, увидев жесткий бесстрашный взгляд рыжего великана, раздумали. Инспектора унесли. Целых два часа понадобились тюремному врачу, чтобы привести его в чувство. Как привести в покорность такого арестанта? Думали, гурьбой войти в камеру и хорошенько отметелить. Но он, медведяра, если кого схватит, то убьет, а кого-нибудь обязательно схватит. Что делать? Ах! Глухарь - глухой арестант, которого начальство использует для усмирения строптивых. Он очень сильный. За ним несколько тюремных убийств. Его вся владикавказская тюрьма боится. За такие подвиги начальство разрешает ему обирать арестантов. Заводят его в камеру, где полно народу. Глухарь собирает у всех сумки, выбирает, что ему нравится, складывает в один мешок. Никто не возразит - Глухарь! Пришибить может. Искалечить. Бог с ними с харчами, кабы цел остаться. Приводят Глухаря. И страшный же этот Глухарь. Сам невысокий, плечистый, голова кривая, глаза маленькие, колючие, а лицо - сплошной шрам - жутко смотреть. Руки короткие, пальцы толстые. Волосаты й. Ему там в своей камере объяснили, что и как делать: бить, калечить можно - убивать нельзя. С Глухаря кандалы сняли полная лафа! Сгрудились у камеры. Открывают дверь. Глухарь переходит порог, делает два шага и останавливается. Арестант сидит, отрешенно глядя в пол, весь ушел в себя. Как положено было в те времена у тюремных героев, Глухарь из своего рта сделал нечто такое криволомное, прошепелявил:

- Вставать положено, когда барон Глухарь, батька тюрьмы, входит! Тебя вежливости не учили, харя?

Арестант встряхнулся, поднял голову и уставился на новоявленного с каким-то детским любопытством. Мол, чего стоишь - садись, в ногах правды нет. Глухарь зыркнул глазами, вздрогнул, широко открыл рот и ка-а-ак заорет:

- Караул! Спасите! Загубит проклятый!

Он бросился назад, стал кулаками бить так, что железные двери гремели раскатами грома:

- Открывайте, фараоны-душегубы! Открывайте!

Глянули в глазок - «квартирант» сидит, ни с места, а Глухарь бьется о дверь. Открыли дверь - Глухарь с разбегу рухнул на пол под ноги надзирателей.

- Ты чего так перепугался-то, Глухарь?

- Дак это он! Он - зверюга! Это он кагдысь искалечил все лицо и глухим сделал.

Глухарь дрожал со страха. Его отвели на место.

* * *

- Эх, Саламбек-Саламбекушка, непутевая твоя головушка! Опять угодил. Соскучился по казенной фатере-то? Не успел тюфяк тюремный обогреть - набедокурить успел. - в дверях с горячей коптилкой стоял старый знакомый - надзиратель Семеныч.

- О-о, здравствуй, отец! Давно не видал. Работаешь?

- Работаю. Как не работать-то. А Глухаря вчера запужал?

- Не пугал я никого. Был один. Зашел, на меня посмотрел и давай кричать: ой-вай, здесь зверь сидит. Я и слова не сказал - Кто такой?

- Не признал?

- Нет.

- Глухарь это. Когда-то Арканом звали. Помнишь? Как ты ему оплеухой уши попортил - оглох, кличка новая прилипла, теперь Глухарь.

- Ваи-и, - замахал головой Сулумбек, - не узнал я. Жалко. Узнал бы - живой не ушел.

- А ты за что на этот раз?

- Большие дела, Семеныч! ав-вой! Убьют меня, но Михай обещал расстрелять, а не повесить. Расстрел - это чепуха. Я расстрела не боюсь. Не знаешь, когда?

- Дак это не скоро. Тебя следовательно будет допрашивать, долго, нудно. Потом суд будет. Как он порешит.

- Э-э, зачем эта хурды-бурды? Решили убить - убей скорее. Вывели в поле - застрелили - и все.

- Ну нет, абречушка! У них это не так. Главное, конечно, тебя заловить, дело очень беспокойное, а как поймают, тут и поиграться можно. Видел, как кошка играет с мышкой, которую заловила? Вот! Ну а может, пронесет, каторгой отделаешься.

* * *

Сулумбека удивлял следователь, вернее, его вопросы: какие-то пустячные кражи, похищение скота. Да он никогда на такие мелочные дела не шел. Спрашивает, как уводил молодняк телят из Фельдмаршальской. Зачем ему эти телята, когда можно увести целый табун отборных лошадей?

- Ты меня про коров и телят больше не спрашивай, - рассердился Сулумбек. - Зачем мне коровы, телята?

- А для того, чтобы продать и деньги заиметь за это.

- Де-е-ньги! - надвинулся на него Сулумбек. - Ты говоришь деньги!?! Да их в кассах и банках сколько хочешь. Я приезжал за ними в город днем и забирал, когда нужны были. Если тихо отдавали - не трогал, а если хирт-пирт [144](#) - убивал. Абрек - не мулла, абрек - воин. У него разговор короткий. Деньги! Скажешь тоже!

Сулумбек в подробностях рассказал ряд своих дерзких налетов на г. Владикавказ, как карал офицеров. Следователь слушал с вниманием, но не записывал.

- Пиши! - требовал абрек. - Пиши, что я рассказал. Меня расстрелять положено! Я ваших многих пострелял!

- Я пишу то, что надо. И это, если потом понадобится, напишу. А ты мне вот расскажи, как, и опять вопрос о каких-то низких делах, не достойных уважающего себя абрека.

Понял Сулумбек! Понял, что его хотят не просто наказать, а унижить. Хотят его большое сердце утопить в маленькой зловонной лужице. И он замолчал. «Да - Нет». Или качнет головой. И больше ни слова.

* * *

А потом был суд. Говорили то же самое. Над ним просто издевались. Он молчал.

- Ваше последнее слово. Он отрицательно покачал головой.

- Вы не хотите сказать последнее слово?

- Нет.

- Но скажите что-нибудь. Так нельзя. Положено Вам слово.

- Абрек свои слова говорит винтовкой. Нет винтовки в руках - нет слова.

До последней минуты Сулумбек надеялся, что будет кем-то из охраны застрелен. Как-никак слово давал генерал, большой человек. Слово мужское твердо, он должен его выполнить. Но когда его вывели к виселице, расхохотался:

- Это цена твоему слову, генерал? Бабой кто родится, мужчиной золотые погоны не сделают!

Палач эти последние слова абрека передал другим, те третьим, и дошли они до ушей самого генерала Михеева.

- Стервец! Даже погибая, пальнул в меня дерзким своим абреческим словом.

МЕХК ТЯЗЕТ

По улицам села на тощей лошаденке разъезжал старик в худой изорванной одежде и в ветхой шапке. Он кричал вернее он причитал сквозь слезы:

- О-о! Сагопчане! Мы потеряли Сулумбека, заступника бедных и обиженных. Безбожные гяуры повесили нашего героя, он умер за нас. Он избавил нас от холодной Сибири. Он умер за всех нас, за взрослых и детей, за стариков, за-мужчин и женщин. У нас большое горе! У нас большой тязет [145](#). Сотрите с лиц улыбки. Запретите детям играть. О-о, сагопчане! Со дня основания села у нас не было такой беды. Воа-а, Дяла! Ты справедливый судья! Покарай тех, кто загубил Сулумбека. Всех покарай: и пособников, и исполнителей. Воа-а, Даьла! Ты Милосердный! Раскрой ворота рая душе Сулумбека! О-о, сагопчане! А что теперь нам делать? Кем будем пугать наших притеснителей? Кто накажет насильника за жестокость?! О-о, бедные люди, такие, как я! Кто нас утешит в безысходном горе? Кто, не брезгуя нашим тряпьем, обнимет нас за плечи, как родных? Кто спасет от голода? Что будем делать? Что теперь будем делать? Это был Талхи Овд, самый бедный человек в селе, старый и одинокий. Он плакал, отдаваясь горю всей душой, как плачет ребенок-сирота, которого некому больше утешить. Народ выходил из домов и дворов на улицы, становился вдоль плетней. Останавливались встречные. Всадники соскакивали с лошадей. Мужчины становились суровыми, их руки ложились на рукояти кинжалов, челюсти смыкались, как тиски, в глазах недобрый блеск. Старики произносили молитвы. Женщины начинали тихо плакать, а вслед за ними - дети.

Улица за улицей Сагопши погружались в глубокий траур.

- Во-о-а Сулумбек! Я же просил тебя выкопать мне могилу и своими руками уложить в лахт. А ты что сделал? О-о-о!

Душераздирающий плач старого мужчины - это страшно. Никто не подумал и не сказал, что Овд доастама. Говорили потом, что один недоброжелатель усмехнулся про себя, но это увидел его родной брат и залепил ему звонкую пощечину.

* * *

Одна группа всадников ехала из Той-Юрта на примирение крови в Сурхохи. Вторая группа ехала из Яндаре в Мочкий-Юрт. Встретились в Нясаре. Остановились.

- Ассалам Алейкум!

- Ваалейкум салам!

- Вы слышали мехка хатар [146](#).

- Да, Сулумбека повесили вчера.

- Да простит ему Аллах земные прегрешения!

- Амин!

- Да примет Господь его героическую душу в Раю!

- Амин!

Молча соскакивают с коней, передают их под присмотр нескольким младшим, а сами, расстелив бурки на поляне, становятся в ряды для исполнения траурного намаза. Исполнив траурный намаз, садятся снова на коней. Тамада Той-Юртовских всадников говорит так:

- И в древние времена у нашего народа были настоящие герои. В наше время Сулумбек показал, что несокрушим дух галгайский ни русскими штыками, ни казачьими шашками, ни ногойками, ни кознями предателей, ни шепотом сексотов доносчиков.

А тамада яндарских всадников добавил:

- Герои являются, как блеск молнии во мраке ночи. Молния ударяет в дерево и зажигает ее. Страшно! Но зато светло! Не оставляй нас и в будущем без защитников, о Господи!

* * *

Зелимхан то метался по поляне, как раненный зверь, то сидел тихо, обхватив голову руками. Этот мир опустел и в нем жить совсем не хочется. Э-э, Сулумбек, Сулумбек, непослушная твоя голова. Зачем ты это сделал? Зачем ты дал себя повесить? Поверил слову царского генерала, который обещал тебе смерть под грохот винтовок. Он дал тебе слово генерала? Их слово - воздух, вонючий воздух, что выходит из-под хвоста старого пса. Нет! Ты не верил им. Ты знал. Ты пошел на мученическую смерть ради своих людей. Ты любил своих людей, очень любил. Нам-бы так! А разве я тебя не любил, Сулумбек? Тут Зелимхан вспомнил сражение в Жугутинском лесу. Как медведеподобный Буцо захватил его своими клещами-лапами и понес. Он и пошевелиться не мог, не то что вырваться. После перенесенной лихорадки он был слаб, как ребенок. Сулумбек убил Буцо, а сам на грани смерти истекал кровью. Зелимхан поднял и понес тяжелого Сулумбека, а тот, теряя сознание, говорит: «Хоть раз в жизни удалось поехать на чеченце». О-о! Сулумбек. Зелимхан не смог сдержать слезы. Они потекли по щекам, он утерся рукавом бешмета. Второй день Зелимхан был в таком состоянии, боевые товарищи не могли найти слова для утешения. Они сами сильно переживали. Под вечер он стал седлать коня, друзьям сказал:

- Со мной никто не поедет.

- Зелимхан,- взял коня под уздцы молодой чеченец, - может, нам пустить кровь какому-нибудь большому гяуру? Они взяли и повесили такого мужчину и справляют той [147](#).

Зелимхан об этом сам думал, но стоял твердо на своем:

- Я поеду один. И он поехал. В сумерках он въехал в Сагопши и проехал по главной улице. Когда он поравнялся с мечетью, с минарета прозвучал азан. Зелимхан сошел с коня, привязал его к забору и вошел в мечеть. Снимая бурку, абрек незаметно снял винтовку и положил рядом с собой. Кроме Зелимхана в мечети было еще двое стариков. Отмолились. Старики пригласили гостя к себе. Тот вежливо отказался, ссылаясь на срочное дело. Зелимхан проехал из конца в конец по всем улицам. В одном доме мать убаюкивала плачущего ребенка. Наверное, ребенок чем-то болен. А через квартал в одном дворе целая стайка детей играла в пряталки - полная чаша веселья. А вот в том дворе семья ужинает на воздухе. Большая полная семья. Зелимхан видел всех поверх плетня. Он остановил коня под тутовником. Они его не видят - уже темно, а он их видит, На столике горит большая сальная свеча, брызгает искрами. Старый кьюнах со своей старой женой ужинают отдельно. Прямо на траве кошма, а на ней остальная семья. Ужин у галгаев - ритуал - священнодействие, не смотря на бедность или изобилие стола. Ужин «пхьор-пхьер» - от пхье род, племя. Пхьор - время, когда племя собирается в одно место, насыщается едой и получает назидание старших: молодое потомство вместе с едой получает знание жизни, уроки мужества и эздла.

- У нашего народа никогда не было легкого времени. И сейчас нам нелегко. Спасение народа в достойных мужах кьюнахах, героях. Герой весит столько, сколько он любит свой народ, в его готовности защищать честь, свободу и счастье своего народа. Цена народа в том, кого он считает героем, насколько он предан памяти достойных героев. Если народ забывает истинных героев - это лай-народ. Да погибнет он! Зачем ему жить?

Подросток вскакивает и задает вопрос:

- А нам, Дади, кого считать героем?

- Гоарожа Сулумбека. Он пошел к русскому генералу и вложил свою голову в петлю, чтобы избавить нас, сагопчан, от изгнания в далекую Сибирь. - старик понизил голос. - Умереть в бою совсем не страшно, умереть после боя на своей постели от ран - привычное дело, но пойти и умереть за родных людей такой смертью - на это способны единицы из нескольких тысяч храбрецов. Да пребудешь в раю вместе с самыми великими героями рода человеческого, Гоарожа Сулумбек, Турпал Галгайский!

- Амин, Господи!

- Амин! - воскликнула семья. Зелимхан тихо поехал дальше по улицам Сагопши. Сагопши отходило ко сну, мир и покой, оплаченные мученической смертью его друга Сулумбека. На рассвете следующего утра Зелимхан убил начальника Назрановского округа Андронникова, его адъютанта и нескольких стражников. Было много раненых. Но облегчение его душе не наступило. Нет среди гяуров равноценных Сулумбеку жертв. Нет!

Коля сидит на табурете, а в руках у него газета со странным названием «Кавказская копейка». Коля читает, а пекари уселись на лавку вдоль стены и с грустным вниманием слушают его: «На днях, как сообщалось по телеграфу, по приговору кавказского военно-окружного суда во владикавказской тюрьме казнен абрек Саламбек Гараводжев.». Коля бросает газету, она падает на стол. Он начинает реветь:

- Как же так? Дядя Саламбек!

Пекари печально переглядываются, пожимают плечами.

- Дак, как не плакать-то - он заступник евойный, пусть плачет. - хрипло замечает старый пекарь Сисой. - Живодеры проклятые! Анчихристы!

* * *

Старик-айсор услышал весть о страшной гибели Сулумбека на рынке. Он вчера купил новый воз и сегодня собирался хорошо заработать. Как ни говори, люди охотнее нанимают того, у кого и воз новый и лошадь видная, крепкая. На рынке люди сбились в кучи и что-то бурно обсуждали. Новость эта резанула его по сердцу. У него онемели руки и ноги. Он долго стоял посередине рынка, опустив голову, повесив, как плети, руки.

- Где твоя арба? Поедем в молоканскую слободку. Четыре мешка ячменя. Сколько берешь? Только шкуру не сдирай.

Айсор молчал, он просто не слышал.

- Эй ты, язычник! Чего молчишь? - молоканин дернул айсора за рукав.

Тот продолжал молча глядеть себе под ноги.

- Ты чего уставился в землю-то? С тобой говорю. Повезешь в молоканскую слободу четыре мешка ячменя? Нет, так я другого найму. Старик поднял голову.

- Я сегодня не работаю.

- А чего так?

- У меня траур.

- По ком плачешь-то?

- Абрека Саламбека повесили.

- Ингуша гололобого? Так язычник он, как и ты!

- Сам ты язычник.

Ой как возмутился «духовный христианин» тем, что его самого обозвали язычником:

- Я тебе покажу, кто язычник ...

Но встретив пылающий недобрый взгляд старого айсора, ретировался. Старик повел свой новый воз прочь от рынка. Сегодня у него траур. Он не будет работать.

* * *

Купец Арютюнов всегда возвращался домой в веселом настроении, но сегодня он был печален.

- Давид, - спросила жена, - беда какая? Не уж то компаньон подвел?

- С компаньонами все хорошо, да весть очень плохая. Газеты пишут.

- О чём это, Давид? Арютюнов рассказал. Маро побледнела. Замерла. Странно так посмотрела на домашних, тихо встала и пошла в свою комнату. Мать последовала за ней.

- Мама, мне очень плохо, но я хочу остаться одна.

- Понимаю тебя, доченька. Может, поплачешь - легче станет.

- Легче никогда не станет, никогда! Мать вышла, осторожно прикрыв дверь. Много дней пролежала Маро в постели. Когда, она встала и вышла к семейному столу, все увидели ее, постаревшей.

* * *

Плакала Йиси и раздавала сагу по семи соседям на помин души названного брата. Плакала чеченка Айза и тоже раздавала сагу на помин души доброго Ваши. Таких, от души скорбящих по убиенному Сулумбеку, не только в Ингушетии и Чечне, но и среди других кавказских на родов было много. Воистину, то был всекавказский тязет.

* * *

В эти дни возобновился древнейший обычай карлагов - каменных курганов проклятья. Формула проклятья была крайне лаконична: «Да покарает Господь наших притеснителей, их пособников и эаххов-сексотов! Вий глойла царех!». Где-нибудь на обочине дороги из камней

вырастал курган проклятья. Не просто проклятья, а всенародного проклятья. В те дни в дорожной сумке каждого путника вместо еды камень с кулак. Еды в сумках нет, так как нельзя класть пищу рядом с таким камнем. На дорогу брали кусок чурека и клали отдельно в карман. Первый такой Курган вырос на дороге между Сагапчи и Инарки. Об этом сообщили начальству. Начальство вызвало старшин этих сел и приказало убрать эти камни или сложить старшинские регалии. Старшинам не хочется лишаться больших привилегий, но и ссориться с односельчанами тоже неудобно. Но как убрать карлаг? Обговорили меж собой, решили: налагать на сельские куры очереди по уборке этих карлагов. Пошел первый кур - небольшая куча по пояс выросла в настоящий курган в рост человека. Остальные куры подняли карлаг еще выше. Кричат, ругаются старшины, а люди им отвечают: идите со своими домочадцами разбрасывать эти камни, если не боитесь ни Бога, ни народного проклятья. Пришлось начальству организовывать целые казачьи команды. Сегодня разбрасают, через два-три дня гора камней вырастает на том же месте. В одном месте камни вывозили возами - карлаг вырос у околицы другого села.

Произошел памятный случай. В Экжконьг-Юрте был один негодяй по имени Кхизьг, презренный народом и изгнанный родом. Он промышлял мелкими кражами, доносил и постоянно пил. Вот он и нанялся ликвидировать карлаг у околицы своего села, на высоком берегу Кена. Ему за это наперед заплатили серебром, а после завершения работы обещали еще больше. С Кхизьгом расправились дети. Произошло это так: Кхизьг залез на самую вершину карлага и швырял камни в пойму реки. Он уже было порушил верхушку, когда туда прибежали дети.

- Ты что делаешь, Кхизьг? Это же народное проклятье! Побойся Бога!

- Да плевал я на эти проклятья! Идите лучше, помогите мне. Я дам вам за работу каждому по медному шейу [148](#), купите себе сладостей в лавке.

- Уходи, Кхизьг! Уходи! Не трогай эти камни, а то умрешь!

- Еще чего! Ах, вы толхишки [149](#) - босоногие! Чем пугают меня! Старшина даст мне еще много вот таких вот чикара-чикара! Он достал из кармана монеты и стал ими позванивать.

- Уходи, Кхизьг! Уходи! Эти камни бросили наши отцы и братья. Оставь! А не то мы исполним над тобой обряд вийа.

- Боюсь я вашего вийа! Исполняйте. Тогда дети встали вокруг карлага и пошли справа налево, топая в ритм ногами и повторяя страшную формулу:

- Вий г1ойла хьох! Вий г1ойла хьох [150](#)! А Кхизьг стоял на карлаге, смеялся и хлопал в ладоши. Прделав двенадцать кругов, дети ушли в село. На второе утро Кхизьга нашли мертвым там же на берегу реки, без признаков насильственной смерти.

ЗАХОРОНЕНИЕ

- Элмарза, почем пуд кукурузы?

- Э-э, Аламбик! Это ты? Ты покупаешь или продаешь?

- Не покупаю, не продаю.

- А что ты делаешь тогда на рынке?

- Ищу товарища для одного дела, народного дела.

- Я тебя в этом деле устраиваю?

- Очень даже. Я с утра ищу односельчан, и вот - ты. Бог послал.

- Говори тогда свое важное дело, Аламбик.

Аламбик смотрит по сторонам не слышит ли их посторонний человек, кому довериться нельзя, нагибается близко к собеседнику:

- Элмарза, я выкупил тело Сулумбека.

Неподдельное удивление отразилось на лице односельчанина, он даже рот открыл и забыл закрыть:

- Как тебе удалось?

- Здесь в Буро у меня есть хороший знакомый - русский, большой мастер по жестяным работам. Я у них останавливаюсь, когда приезжаю на рынок. Помнишь, в прошлую зиму у меня жил, железные печи делал

- Захар?

- Он!

- Ну? А при чем здесь жестянщик?

- Через него я связался со здешними могильщиками. Это они хоронят безвестных мертвых и казненных. Я им заплатил. У меня своих не было столько, сколько они просят, я занял у Захара. Сегодня ночью надо тело выкопать и увезти - мне нужен надежный товарищ. Элмарза решительно заявил:

- Я готов хоть сейчас.

- До вечера продавай свою кукурузу, а потом подъедешь к жестяной мастерской, там я буду тебя ждать вместе с Захаром. Нас на кладбище встретят могильщики в сумерках.

- А не устроят нам там засаду?

- Нет, не бойся. Они нас не продадут. Эти могильщики продают трупы за деньги. Зачем им терять такой легкий барыш? Я им дал половину на задаток, как выкопаем труп -, получат остальное.

- Хорошо. Ждите меня.

* * *

Когда Аламбик, Элмарза и Захар пришли на кладбище, могильщики уже откапывали гроб при свете керосинового фонаря. Гробом назывался грубосколоченный ящик из необработанных досок. Двое могильщиков и трое наших с трудом подняли наверх этот тяжелый ящик и поставили у края ямы.

- Надо проверить. А если не он?

- Да что ты, кунак?! - возмутились могильщики, - как мы можем вас обманывать? Чего проверять. Ваш он человек - Саламбек.

Элмарза настоял на своем.

- Аламбик, ты много денег за это отдал. Дело верное должно быть.

Побежал могильщик в сторожку, принес гвоздодер и молоток. Стали отдирать среднюю доску. Когда она поддалась, подняли на аршин, посветили фонарем:

- Гляди, вот голова. Посмотрел сперва Аламбик, а затем Элмарза.

- Закрывай - он.

С кладбища подъехали к дому Захара, где оставили бричку Элмарзы. Сагопшинцы хотели ехать немедленно, тем более с таким грузом, но Захар дал им дельный совет:

- Кунаки, не стоит ехать в ночь. Вас в чем-то заподозрят и первый казачий разъезд или городской караул задержит. Погодите до восхода солнца - и с Богом, айда домой это был благоразумный совет. Согласились.

- Хозяйка вам постелит - отдыхайте.

Прилегли мужчины все трое в одной комнате, но заснуть им не дала собачка-дворняжка - такой вой подняла, что жутко становилось:

- Учужало животное, нутром учужало беду. Плачет как дитенок. Ишь! - встал и вышел во двор хозяин дома, там стал утешать Хабарку, успокаивать ласками да речами, - Ну, что ты,

Хабарушка, распричитался так? Ну что делать-то? Убили абречушку, убили сердечного, вздернули на перекладине. Это их человек, хотят бедолагу предать земле, как положено по обычаю своему, по-человечески, чтобы душа успокоилась. Они и так бедные страху натерпелись, ты теперь душу тянешь из них. Пожалей хоть ты их! Успокойся! Успокойся! Песик сперва повизгивал, перешел на рычание и, наконец, совсем успокоился. Захар вернулся в дом.

- Люди убили - собака плачет! - сказал Аламбик.

- Да уж точно, животное, что дитенок - беду чувствует.

Утром засобирались домой. Ящик с телом устроили на днище воза, а сверху наложили ячменной соломы. Стали маскировать по предложению Захара: поставили сверху две железные печки, наложили труб, угольников, совков, несколько ведерок с таким условием, что это будет в селе реализовано, а деньги привезены хозяину. Захар проводил их до самой заставы, вывел за город и там сошел:

- Ну, с Богом, кунаки!

- Спасибо. А ты пешком домой? Далеко.

- За меня не беспокойтесь, кунаки, я у себя дома. А вы осторожнее в дороге особенно с казаками, лютые они бесы.

* * *

Прибыв благополучно в Сагопши, Аламбик и Элмарза не направились к дому Сулумбека, а остановились во дворе Аламбика. Туда вызвали ближайших родственников погибшего. Посовещались и решили, что шумного траура не стоит организовывать, привлекая внимания властей, тело следует немедленно предать земле. Молодой алим Закре сказал собравшимся:

- В смерти Сулумбека три признака мученической гибели, гибели в джихаде: первый - смерть в неволе, второй - смерть от руки неверных, третий - смерть во имя спасения жизни целого поселения своих людей. Таких шариат рекомендует предать земле в том виде, в каком они приняли смерть. Его следует вынуть из гроба, просто завернуть в материю и похоронить.

Сразу молодые парни пошли копать могилу. Пока они копали, тело Сулумбека вынули из этого ящика. Многих поразило то, что от него не шел тлетворный запах. Привезли на бедарке Залимат попрощаться. Она не стала проявлять ложную стыдливость. Подошла к телу мужа, открыла лицо и тихо сказала:

- Ты жил, как мужчина, и умер мужчиной. Да простит тебя Господь и введет в Рай!

Процессия двинулась к кладбищу. И тут из переулка выскочил гнедой конь, жалобно заржал

и подбежал к людям.

- Турпал! Турпал! - закричала молодежь. - Боевой друг Сулумбека!

Конь пошел рядом с траурной процессией, горестно махал головой, ржал, уходил в бок, снова возвращался. Да, тут и самое твердое сердце не выдержит. Заплакали мужчины, не стесняясь друг друга. Когда тело сняли с арбы у ворот кладбища, Турпал заржал так печально, что у многих нутро похолодело. Он встал на задние ноги, покачнулся и рухнул в десяти шагах от трупа своего хозяина, забил ногами. Люди бросились к этому преданному животному - оно глубоко вздохнуло и испустило дух.

ЗАЛИМАТ У МОГИЛЫ ЕЛЕНЫ

Старик Кави стоял в проеме открытой калитки, а перед ним две женщины-горянки и мальчик лет десяти. Мальчик поздоровался по-русски почти без акцента:

- Здравствуйте!

Женщины почти в один голос:

- Драсти!

- Здравствуйте, вам кого?

Мальчик переговорил с женщинами на своем, видимо, переводил вопрос. Та, что была помоложе, высокая, статная, четко произнесла «Александрю», а мальчик сообщил старику:

- Мы хотим встретиться с кем-нибудь из Александровых. Разве это не их дом?

- Их дом, их дом, сынок, но они уже здесь давно не живут.

- А где же они живут?

- В городе Ростове. Как только умерла дочь, они продали здесь все и уехали, вот только этот двор оставили, как память о дочери, потому что здесь ее могила. А этот домик, что отдельно стоит, переписали на нас с Раилей. Вот мы охраняем, получается, одну могилку. Иногда они приезжают то отец, то сын, навестят, постоят у могилки - и уезжают, А вы кто будете? Заговорила старшая. Мальчик перевел:

- Вот Забанта вас помнит. Они приезжала из гор и передавала мед и цветы для Елены. Была еще старая женщина с Вами. Где она?

- Это Раиля, моя жена! Больная лежит, не может вставать. Вспоминаю! Вспоминаю! Да. - старик придвинулся близко, прищурил глаза, разглядывал женщину. - Да, похожа, но все горянки похожи друг на дружку. Я не знаю. Но цветы привозили и медок в кувшинчике. Запах такой приятный шел может она. Может Раиля лучше видит, она, может узнала бы.

- А вот эта высокая, знаете, кто?

- Откуда мне знать, сынок? Я себя-то еле помню. - ответил Кави.

- Это жена абрека Сулумбека!

Старик сразу весь обмяк.

- Жена? Жена Саламбека?

- Жена! Она пришла навестить могилу Елены за то, что Сулумбек любил ее. Это правда, что

он любил ее?

- Правда, сынок, правда. Они очень любили друг друга, тихо, робко произнес Кави. - Они любили так чисто, как дети любят. Значит это - жена. Пойдемте, я проведу вас к ней. Здесь недалеко, там за домом в саду, над самым обрывом. Идите за мной. О, Аллах! О, Аллах! Алы, сынок, где выучился так чисто говорить по-русски?

- Дедушка, я здесь в городе родился. Мой отец работает в кузнице. Он хоть что может сделать из железа. А они - наши родственницы. Вот они меня взяли с собой переводить. А я еще знаю по-кумыкски. У нас рядом соседи кумыки, они медники. Я играю с их детьми.

- Как тебя зовут, бала151? - спросил Кави по-татарски.

- Лорс. Меня зовут Лорс. - ответил мальчик по-кумыкски.

Над обрывом росли молодые акации, а у изголовья могилки - раскидистая ива, покрыв ее всю зелеными ветвями.

- Эти акации я посадил по совету Саламбека, чтобы берег не осыпался, а иву посадила Раиля от себя. Скамеечку я соорудил. Мы здесь сидим, когда жена ходит, чтобы не скучала наша Леночка, - голос старика дрогнул.

- Значит на самом деле она была мусульманкой? Я думала, что это так говорят, - Залимат смотрела на чурт.

- Мусульманка. - подтвердил Кави.

- Этот чурт Вы с женой поставили?

- Нет. Это Саламбек привез из гор и сам поставил. Когда хоронили, поставили крест. А потом Саламбек приехал, крест вытащил и поставил вот это. Женщины переглянулись, опустили головы и тихо стали читать молитвы во искупление грехов усопшей. Отмолились, погладили холмик руками:

- Да простит тебе Господь!

Залимат встала у чурта. Думала. Какие-то душевные чувства, какие-то глубокие мысли отражались на ее красивом с тонкими чертами лице. Но она молчала. Это было ее сокровенное, не для передачи другим.

- Забанта, пойдем, навестим больную жену этого доброго старика, а то, что мы принесли как угощение, оставим старикам на сагла, на помин ее души.

Мальчик забеспокоился о возе, который оставили на улице. Кави раскрыл ворота и хотел ввести коня, но гости отказались:

- Мы сейчас уедем. Не беспокойтесь.

Женщины сняли с воза гостинцы, которые они принесли для Александровых по кавказскому обычаю, чтобы «руки не были пустые».

- Раиля, к нам гости. Они зашли тебя навестить. А ты и не догадаешься, кто они.

Старушка долго и внимательно рассматривала гостей, глубоко, тяжело дыша и облизывая сухие губы.

- Кави, эта старшая однажды была в нашем дворе. Она пришла из гор, мед принесла и те красивые цветы, которые любила Елена.

- Смотри, помнишь, а?! - обрадовался старик, - а кто эта высокая, знаешь?

- Нет, Кави, я ее не знаю, не видела ее раньше.

- Раиля, это жена Саламбека.

- Да? - старушка попыталась поднять голову. - Красивая тоже.

- Она приехала посетить могилу нашей Елены. Она издалека приехала.

- Значит она очень хорошая женщина, а то бы не приехала.

- Они помолились за упокой ее души. Нам с тобой они и богатый садака привезли.

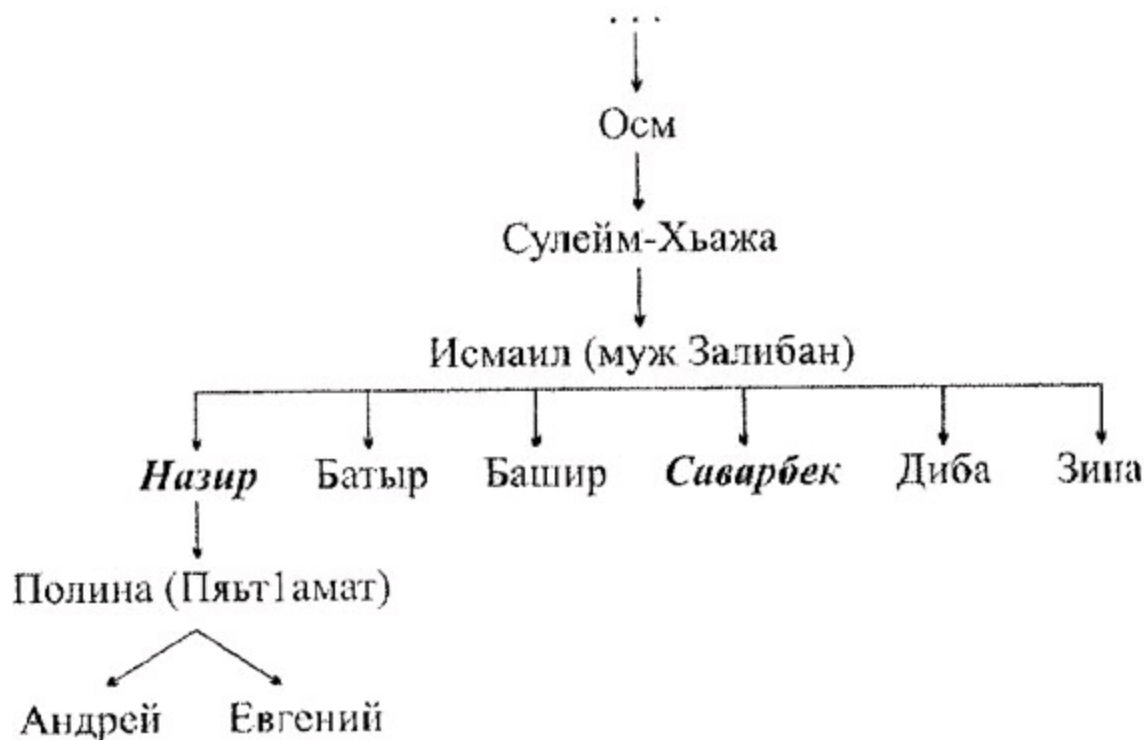
- Пусть Аллах воздаст им добром!

Пожелав выздоровления больной, они вышли во двор. Залимат оставила всех во дворе, а сама одна пошла к могиле, встала у чурта.

- Елена, у тебя было девичье счастье, как запах тех цветов, которые ты так любила, как радужный блеск росы. И ты была его невестой? Мне он подарил женское счастье, хоть и короткое. И один-единственный цветок подарил - называется он Золобан. Я тебе благодарна за твою любовь к нему. Он был достоин любви всех женщин Кавказа!- настоящий мужчина. Так что я на тебя нисколько не сержусь. Вот он тебе чурт своими руками поставил, а мне уже не поставит. Это обидно. Тут ты оказалась в выигрыше. Ты здесь лежишь в красивом месте. Сулумбек - в Сагопши, а где буду лежать я - один Аллах знает. Прощай, Елена. Да пребудешь в Раю! Дай я тебя обниму, хоть ты и соперница. Залимат обняла чурт, как живую, и пошла.

НАСЛЕДНИКИ (БЛИЗКИЕ РОДСТВЕННИКИ) ПО ЛИНИИ ЗОЛОБАН - ДОЧЕРИ СУЛУМБЕКА

У Сулумбека не было мужского потомства. В июле 2010 года автор этой книги при помощи Гадаборшева Беслана отыскал в г. Малгобеке сына Золобан - Саварбека Мошхоева. Мы считаем необходимым привести небольшую веточку схемы генеалогического древа тайпа Мошхой.

Вот что нам рассказал Саварбек. В Али-Юрте живет его родственник некий Гагиев, который случайно прочитал в интернете такое сенсационное для всех ингушей послание: «Я, Полина Николаевна (Назировна), ищу своего отца Мошхоева Назира Исмаиловича». Посмотрите на нашу схему и Вы убедитесь, что Саварбек и Назир - родные братья.

По соседству с тем Гагиевым живет замужем родная сестра Назира и Саварбека Исмаиловичей. Позвонили Саварбеку в г. Малгобек: «У тебя нашлась родная племянница, дочь Назира». А они считали, что у Назира никакого потомства не было, т.к, тот не был официально женат. Через интернет связались с Полиной Николаевной (Назировной) - действительно она оказалась дочерью Назира, родной племянницей Саварбека. Как это случилось? В феврале 1944 года нас выселили в Казахстан. В 1950 году юношей Назир попал в г. Караганду в ФЗО¹⁵². Тут он познакомился с девушкой Валентиной тоже ФЗОшницей из Екатеринбурга. Подружились, полюбили друг друга. Назира вскоре арестовали за участие в массовой драке с жертвами, дали 20 лет. Он погиб в Сусумане, как тысячи ингушских парней тех лет. Валентина уехала на родину, так как была беременна. Родила дочь Полину. В метрике записали «Николаевна», чтобы в будущем власти не преследовали ее за ингушскую кровь. В графе «национальность» значилось - русская. Всю жизнь Валентина скрывала от дочери Полины, кто, был ее отец, боясь, что дочь уйдет к единокровным родственникам. Она

по опыту знала, как ингуши ценят родную кровь. На одре смерти Валентина исповедовалась и открыла дочери истину ее рождения, назвала имя отца, показала его фотографию. Похоронив мать, Полина стала искать родных через интернет и нашла. В мае 2010 года Полина приехала к дяде Саварбеку в г.Малгобек и долго гостила у него. Ознакомившись с бытом, обычаями и верой своего народа, Полина решила принять это для себя как норму жизни.

2 июня 2010 года в соборной мечети г. Малгобека она приняла ислам. Потом Саварбек поехал в г. Екатеринбург к родственникам и был ими очень тепло принят. Саварбек с любовью говорит о своих внучатых племянниках, сыновьях Полины - Евгении и Андрее. Он гордится ими, как людьми характера и крепкой воли.

Слева направо: Евгений, Саварбек, Андрей

Саварбек Мошхоев

Полина (Паџтамат) с внуком

БЛИЖАЙШИЕ РОДСТВЕШИКИ (ПОТОМКИ) СУЛУМБЕКА ПО ЛИНИИ ОТЦА (ГЮАНДЛОЙ)

МОИ СОАВТОРЫ

Возглавляет гимназию из вестный в республике педагог, заслуженный учитель Республики Ингушетия Ахмет Шарпудинович ГАНДАЛОЕВ. Ему слово:

- За десять лет в становлении гимназии вложено много сил и нервов - как моих, так и моих коллег. А сколько еще предстоит! Но успехи радуют.

Моим соавтором этой книги является весь ингушский народ, который сохранил память о своем национальном герое. Мой дед Эльбузко и его брат Атаби во времена, описываемые в романе, имели свои хутора недалеко от с. Кескем. Абрек Сулумбек часто бывал на этих хуторах, скрываясь от властей. Впервые я о Сулумбеке услышал от Эльбузко в Казахстане, когда я был во втором классе в 1948 году. Родственников Сулумбека я нашел аж через 62 года - Мошхоева Саварбека, о котором мы уже выше говорили, и Гандалоева Ахмеда, директора гимназии №1 г. Малгобека. В 2006 году в сборнике «Первые шаги» напечатана обстоятельная исследовательская работа Ахмеда Гандалоева о жизни Сулумбека под названием «Сулумбек - народный герой». Мы считаем необходимым напечатать некоторые главы из этой книги. Читателю представится возможность сравнить реальные события с художественным текстом.

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ АХМЕДА ГАНДАЛОЕВА

«СУЛУМБЕК - НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ»

(в сокращении)

«Н. Сулумбек - народный герой

2.1. Абрек- изгой или народный мститель?

В эпоху завоевания царизмом Северного Кавказа стало распространяться абречество. Абреки в прошлом у народов Северного Кавказа считались изгнанниками из родов, вели скитальческую или разбойничью жизнь. А также абреками называли одиночек - борцов против царского режима. А в словаре С.И. Ожегова¹⁵³ дается следующее определение абречества: «Абрек - в период присоединения Кавказа к России, горец, участвующий в борьбе против царских войск и администрации». На мой взгляд, наиболее точное, соответствующее действительности толкование дает В.И. Даль¹⁵⁴: «Абрек - отчаянный горец, давший обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово!» Размышляя над причинами появления абречества, молодой Асламбек Шерипов в предисловии к чеченским песням писал в 1918 году: «... Когда на Кавказ явились русские завоеватели - вся страшная злоба абреков была перенесена на незваных пришельцев, и потому во время войны они явились предводителями отрядов.». Среди абреков большой известностью пользовались Зелимхан из Харачоя и его сподвижник Сулумбек Горовожев, из рода Гандалоевых. О Зелимхане написаны книги снят фильм, а имя Сулумбека как бы остается в тени.

А ведь старожилы, да и многие предания о нем говорят, что Сулумбек по отваге, мужеству и силе даже превосходил Зелимхана. Жену Гандалоева Сулумбека звали Залимат, а единственную дочь - Золобан. Сыновья Золобан - Машхоевы Саварбек, Батыр и Башир, дочери - Зина и Дибя живут в городе Малгобеке. Семья Сулумбека проживала в селе Сагопши, в том дворе, где и сейчас живут Гандалоевы Иса и Муса Ахмедовичи.

2.3. Легенды о Сулумбеке

Конь-турпал¹⁵⁵

Однажды Сулумбек приехал в крепость «Назрань» к своему племяннику Албасту. Оставив у него уставшего коня, Сулумбек на коне Албаста уехал по своим делам. А Албасту, возившему почту для жителей Сагопши, Пседаха и Инарки, неожиданно пришлось везти срочную депешу, и Албаст поехал на коне Сулумбека в Пседах. Конь шел медленно, понуря голову. «Неужели у такого знаменитого абрека такой никудышный конь?» - подумал всадник и прищпорил коня. Конь взвился на дыбы, опустился и как ветер помчал Албаста через Пседах. Один из стоявших на площади стариков догадался, что проехал Албаст село, не останавливаясь, не по своей воле. Несколько молодых парней бросились вслед и только в Инарках догнали «пленника». В обратный путь ехать на коне Сулумбека Албаст категорически отказался. В Пседахе ему дали другого коня, а коня Сулумбека он повел на поводу. Узнав о приключении Албаста, Сулумбек от души рассмеялся и сказал, что это конь-

турпал (богатырский конь) и только его понимает по-настоящему. Рассказывают в народе и другой случай.

Абреки возвращались с набега. Ехавший впереди Зелимхан придержал коня, увидев, что Терек после дождей очень бурный. Ехавший сзади Сулумбек, ни на секунду не останавливаясь и не задумываясь, бросил коня в бурные воды Терека. Устыдившись минутной слабости, Зелимхан тоже следом за ним бросил коня в реку.

III. Судьба семьи

Мой рассказ о Сулумбеке Сагопшинском был бы неполным, если не рассказать о судьбе его жены Залимат и дочери Золобан.

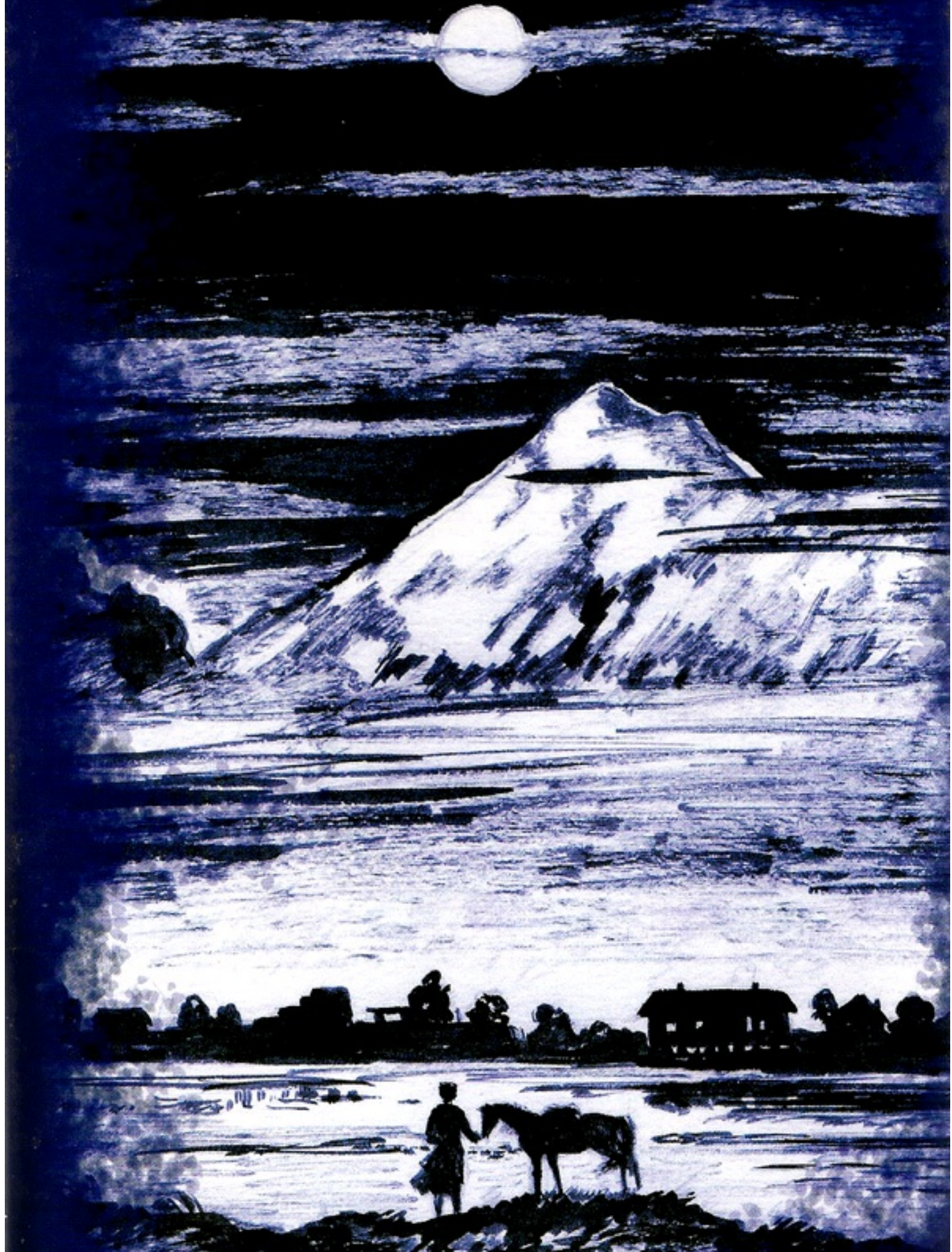
Вот что мне поведал об этой семье А.Ш. Гандалоев: «При жизни Сулумбека Залимат была достойной своего мужа женой и подругой. Она до конца своей жизни была верна памяти Сулумбека, воспитала хорошим человеком дочь. Оставшись после смерти мужа одна с маленькой дочерью Золобан, Залимат с трудом поставила на ноги единственную дочь. Правда, как мог, помогал им брат Сулумбека, Усман. Но он в 1933 году умер после тяжелой болезни. Наступило 23 февраля 1944 года, черный день в жизни ингушей и чеченцев. Умело настроенная сталинская «мясорубка» заглатывала целые ни в чем неповинные народы и отдельно взятых людей. Накануне высылки Золобан вышла замуж за Мошхоева Исмаила, выходца из селения Инарки. И вот холодный и мерзлый товарняк увозил жену абрека с молодой семьей Золобан в суровый Казахстан. Определили их в местечке Жикишты Павлодарской области. Жили они в старом полуразвалившемся доме, Исмаил и Золобан работали в местном колхозе, а Залимат присматривала за маленькими детьми. А было их в семье шестеро: Назир, Батыр, Башир, Саварбек, Дибба и Зина. Однажды Золобан, прежде чем уйти на работу, положила сырой кизяк [156](#) в печку, чтобы он высох, и ушла. Дома остались старая Залимат и маленькие дети. Башир, вернувшись с улицы, чтобы согреться, решил растопить печь, взяв стоящую рядом с печкой бутылку с бензином, он брызнул ее туда. Правда, Башир думал, что в бутылке керосин. Залимат в то время готовилась к обеденному намазу. Башир, поднося зажженную спичку к печке, неожиданно уронил ее в бутылку, бензин воспламенился. Крики детей заставили Залимат оторваться от намаза, и она начала выталкивать их в дверь. Растерявшись, она не видела, где маленькая Зина, которая еще не умела ходить, а ползала на четвереньках. «!аържаварг! !аържаварг!» (чернявый, чернявый), так звала она Башира, кричала обезумевшая старушка, кидаясь к печке и ища маленькую Зину. А Зину сразу же вынесла из дома старшая Дибба. На крики детей прибежали соседи казахи, которые вытащили из огня Залимат с обгоревшими ногами. Они же потушили и пожар, не дав сгореть дому. Больную Залимат привезли в городскую больницу г. Павлодара. Родственникам не разрешили сопровождать Залимат. Как известно, в то время без разрешения коменданта нельзя было пойти из села в село, а тем более в город. И Залимат одна, без единой души, очутилась в незнакомом городе в больнице. Наша семья в то время жила в г. Павлодаре. И вот кто-то принес весть о том, что в горбольнице с обожженными ногами находится Залимат, жена знаменитого абрека Гандалоева Сулумбека. И просит, если есть кто-то из тейпа (фамилии) Гандалоевых, чтобы пришел к ней. Моя мать – Тамара Асхаб-Хаджиевна посетила больную. Она сразу же узнала ее, это была ее односельчанка

Залимат, дочь Цороева Идига из Инарков.

На улице стояла суровая казахстанская зима 1952 года. Умиравшая Залимат попросила мою мать, чтобы она принесла ей вареную баранью голову с галушками и чесночной приправой. На следующий же день утром мать уже была в больнице, исполнив заказ бедной старушки. Залимат очень обрадовалась кушанью, правда, поела очень мало. Ей с каждым днем становилось все хуже и хуже: ноги опухли, покраснели, раны не заживали. В больницу не допускали без разрешения коменданта даже единственную дочь Золобан. Да и врачи не так уже смотрели за спецпереселенкой, к тому же она еще и жена абрека. Придя на третий день в больницу, мать заметила, что кровать, где лежала Залимат, уже вынесена в коридор. Она сразу же поняла, что Залимат уже нет в живых. Только через месяц с большим трудом Золобан, единственной дочери Горожа Сулумбека, удалось попасть на могилу матери. Залимат похоронена в г. Павлодаре, рядом с моей бабушкой в 1952 году. Так, в жестоких муках умерла Залимат - дочь Цороева Идига, жена Сулумбека сына Гандолсева Гоарожа. Она лежит в казахстанской земле, а он в родных Сагопшах. Вечная им память».

Впервые о знаменитом абреке было написано в книге Дзахо Гатуева «Зелимхан», описаны страницы жизни совместной борьбы Сулумбека и Зелимхана против царских опричников и их ставленников. Некоторые публикации о Сулумбеке были в газетах «Сердало», «Ленинское знамя». Естественно, есть архивные данные тех далеких лет, когда Сулумбек своей смелостью и храбростью наводил страх на царских чиновников и на всех, кто несправедливо угнетал бедный народ. Но к этим документам у нас нет пока доступа. Мой рассказ о Сулумбеке составлен из воспоминаний наших близких родственников - внуков Саварбека и Башира Мошхоевых, сыновей Шарпудина - Ахмеда и Хасана Гандалоевых. Наш герой Сулумбек заслуживает того, чтобы увековечить его память, назвать в его честь улицы, написать книгу, создать фильм и т.д. Особенно ценно это сейчас, когда возрождаются традиции, культура, язык, история и имена лучших сынов вайнахского народа. Таким был Сулумбек, который ради спасения своего народа, села пожертвовал своей жизнью».

А. Ганцапов. Газета «Ленинское знамя». 21.02.1991.

СНОСКИ

- [1](#) Баадала Борцакха - у ингушей при почтительном обращении сперва называют отчество человека (Баадала), а потом уж имя. Получается по-русски Борцакх Баадалович.
- [2](#) Йовсур - хулиган, бродяга, непутевый.
- [3](#) Ловца - благословение, обновка.
- [4](#) Нясаре – Назрань.
- [5](#) Уци - здесь кличка быка, ласкательное от ингушского уст (бык).
- [6](#) Во имя Аллаха!
- [7](#) Ноанай (инг.) - родственники по матери.
- [8](#) Дади (инг.) - бабушка.
- [9](#) Сутара (инг.) - жадные.
- [10](#) Зовза (инг.) - трусливый.
- [11](#) Доастама (инг.) - емкое понятие в этике галгаев: нечто позорное, унижительное, недостойное, самоуничижительное.
- [12](#) Зама (инг.) - эпоха.
- [13](#) Мяржа яь! - междометие, выражающее отчаяние.
- [14](#) Жувр (инг.) - кукурузная мука.
- [15](#) Исий (инг.) - ласкательное от Исхак. У ингушей дети дают старшим ласкательные имена.
- [16](#) Мячи (инг.) - тапочки.
- [17](#) Дяци (инг.) - тетя по отцу.
- [18](#) Чара (инг.) - ванна.
- [19](#) Боал (инг.) - плата зерном за помол.
- [20](#) Жеро (инг.) - вдова, незамужняя женщина.
- [21](#) Место, где гандалоевский мальчик быка поверг.
- [22](#) Пхьадж (инг.) - конский навоз.

- [23](#) Ади-Боаз (инг.) - холм Ади.
- [24](#) Васкет (мусульм.) - завещание.
- [25](#) Лахьта (инг.) - ниша в могиле, куда укладывают умершего.
- [26](#) Кхыз (кум.) - девушка.
- [27](#) Су бар (тюрк.) - Вода есть?
- [28](#) Сен якхши кхыз! - Ты хорошая девушка!
- [29](#) Сылу (тюрк.) - благородная.
- [30](#) Рахмат (тюрк.) - спасибо.
- [31](#) Гуль (тюрк.) - цветок.
- [32](#) Иш (тюрк.) - Пей!
- [33](#) Мангал-кий (инг.) - войлочная шляпа.
- [34](#) Булак (тюрк.) - подарок.
- [35](#) Ай (тюрк.) - месяц, луна.
- [36](#) Сылу гюзель (тюрк.) - княгиня.
- [37](#) Ровшан (гюрк.) - роза.
- [38](#) Алтын (тюрк.) - золотое.
- [39](#) Жирек (тюрк.) - сердце.
- [40](#) Махабат (тюрк.) - любовь.
- [41](#) Аксакалы (тюрк.) - старики.
- [42](#) Бер алтын сакина! (тюрк.) - Давай золотое кольцо!
- [43](#) Саламат (тюрк.) - приветствие.
- [44](#) Овлиязь (инг.) - святой.
- [45](#) Каралоацам (инг.) - дар от девушки в знак благоволения.
- [46](#) Клудал (инг.) - медный кувшин для воды.

- [47](#) Чами (инг.) - ковш.
- [48](#) Ловзар (инг) - гулянье.
- [49](#) Них (инг.) - брага.
- [50](#) Кяньк (инг.) - мальчик. Снохе не положено называть деверя по имени.
- [51](#) Пирстоп - пристав.
- [52](#) Эакх (инг.) - сексот, доносчик.
- [53](#) Халгамаш (инг.) - галушки к мясу.
- [54](#) Берх (инг.) - приправа.
- [55](#) Керастан (инг.) - христианин, иноверец.
- [56](#) Хаким (инг.) - начальник.
- [57](#) Ба устаз! (инг.) - О святые!
- [58](#) Маарьга (инг.) - пинок.
- [59](#) Нохчольг - чечененок.
- [60](#) Сабар (инг.) - спокойствие.
- [61](#) Джей - Священное писание.
- [62](#) Герд (инг.) - мера веса около 24 кг.
- [63](#) Эакх-накьен - Доносчиковы, Сексотовы.
- [64](#) Буронская кхяхьпа (инг.) - владикавказская проститутка.
- [65](#) Живари (инг.) - давайте же.
- [66](#) Цьн (инг.) - хмельной напиток.
- [67](#) Паччахь (инг.) - царь.
- [68](#) Кюрни (инг.) - любимый парень.
- [69](#) Тязет (инг.) - траур.
- [70](#) Ийче (инг.) - веранда.

[71](#) Белхи (инг.) - работа в помощь кому-то.

[72](#) Бурсага Бунхо - знаменитый ингушский лекарь.

[73](#) У ингушей в прошлом предателям отрезали нос.

[74](#) Шолж (инг.) - р. Сунжа.

[75](#) Комбо (инг., чеч.) - конвоир.

[76](#) Кыдай берген (тюрк.) - Дай-то Бог!

[77](#) Тоъит (инг.) - Хватит!

[78](#) Сага (инг.) - милостыня.

[79](#) Пайхамар (Мир ему от Бога!) (инг., чеч.) - пророк.

[80](#) ЗамагI (инг., чеч.) - младший.

[81](#) Тов (инг.) - обычай созывать мужчин для оповещения чего-то важного.

[82](#) Беттит (инг.) – тюбетейка.

[83](#) Молколмовт (инг.) - ангел смерти.

[84](#) Алим (араб.) - ученый богослов.

[85](#) Ехъ (инг.) - ген наследственности.

[86](#) Наии (инг.) - мама.

[87](#) Сыскал (инг.) - чурек.

[88](#) Кантий тоаба (инг.) - отряд храбрецов.

[89](#) Йовсарий куташ (инг.) - мелкое позорное воровство.

[90](#) Мархаш (инг.) - пасха.

[91](#) Дяра (инг.) - Ей Богу!

[92](#) Дил (инг.) - бульон.

[93](#) Оаркув (инг.) - деревянный поднос

[94](#) Кондар (инг.) - чабрец.

[95](#) Глала (глала) (инг.) - боевая башня.

[96](#) Г1урт (инг.) - похлебка из сухих кусочков хлеба, растений, мяса - всего понемногу; в переносном смысле - мешанина, неразбериха, хаос

[97](#) Песка (инг.) - деревянная лопаточка.

[98](#) Диканд (инг.) - Хорошо!

[99](#) Няци (инг.) - тетя по матери.

[100](#) Ведольг (инг.) - альпийский луг.

[101](#) Овдал (инг.) - глупый.

[102](#) Балаж (инг.) - ячменный хлеб.

[103](#) Локамы (инг.) - оладьи.

[104](#) Да умру за твои беды! Какое мягкое у нее сердце!

[105](#) Ипха (инг.) - доски, которыми прикрывают лахът.

[106](#) В момент захоронения над могилой расстилают бурку.

[107](#) Кет (тюрк.) - Уходи!

[108](#) Лай-урдув (инг.) - выкуп с раба.

[109](#) Макпашка (местное выражение) - взбучка.

[110](#) Лор (чеч., инг.) - врач.

[111](#) Йесар (чеч., инг.) - пленник.

[112](#) Дотгах (чеч., инг.) - побратим.

[113](#) Кура (инг., чеч.) - гордый.

[114](#) Ваша (чеч.) - уважительное, дядя.

[115](#) Галга-обарг (чеч.) - ингуш-абрек.

[116](#) Полла (чеч.) - бабочка.

[117](#) Вербицкий - казачий полковник, командир отряда охотников

[118](#) (инг.) Хотите сохранить душу - шевепитесь, колени! (народное выражение, поговорка) -

говорят, когда ситуация такая, что лучше ретироваться с того места - спасай душу бегством.

[119](#) Бяри (инг.) - рыцарь, всадник.

[120](#) Уст-воша (инг.) - брат жены.

[121](#) Гоам-Корт (инг.) - Кривая Голова.

[122](#) ВажкIаци (груз.) - храбрец.

[123](#) Сабардел (инг.) - подожди-ка.

[124](#) Сесарий ловзар (инг.) - древний обряд.

[125](#) Мунда (инг.) - идол.

[126](#) Хаджи - совершивший хадж, паломник.

[127](#) Дийша саг (инг.) - алим, знаток исламского учения.

[128](#) Дийша нах (инг.) - знатоки исламского учения.

[129](#) Сесарий гом (инг.) ритуальный круг девушек, древний обряд.

[130](#) Баркал (инг.) - благодарность.

[131](#) Ингушская пословица

[132](#) Бага (инг.) - лучина.

[133](#) Хийтта ферта (инг.) - войлочный ковер.

[134](#)

Приедет ко мне из крепости офицер,

Чтобы повидаться

Приедет ко мне.

На боку у него висит

Длинная сабля,

А к сабле подвешена

Золотая кисточка.

На плечах у него

Золотые погоны,

А с них свисают

Шелковые эполеты.

(Вольный перевод автора).

[135](#) Караз(инг.) - коновязь.

[136](#) Мажар (инг.) - кремневое ружье.

[137](#) Бечо (инг.) - воротный столб.

[138](#) Дикие куры - тетерева.

[139](#) Селий (инг.) - аварцы.

[140](#) Села, разрушенные царскими войсками за приют, оказанный абреку Зелимхану.

[141](#) Дзауг (груз.) - Владикавказ.

[142](#) Шени чериме (груз.) - мой дорогой.

[143](#) Вай ме (груз.) - О, Боже мой!

[144](#) Хирт-пирт (инг.) - шум!

[145](#) Тязет (инг.) – траур.

[146](#) Мехка хатар (инг.) - беда Родины.

[147](#) Той (инг., чеч.) - пир.

[148](#) Шей (инг.) - пятак

[149](#) Толхишк (инг.) - оборванец.

[150](#) Вий глойла хьох! (инг.) - Будь проклят ты.

[151](#) Бала (тюрк.) - мальчик.

[152](#) ФЗО - фабрично-заводское обучение.

[153](#) С.И. Ожегов. Толковый словарь русского языка. Москва, 1989. С. 15.

[154](#) В.И. Даль. Толковый словарь русского языка. Современная версия. - М., 2002. С. 11.

[155](#) Рассказал Гандалоев Бамат-Гирей - житель с. Сагопши.

[156](#) Прессованный, с примесью соломы, навоз, употребляемый в степных и южных районах как топливо.

vk.com/ingbooks

Ингушская литература в электронном формате ePub и PDF для чтения на таких устройствах как: iPad, iPhone, Android и Windows телефоны и планшеты.

Наша Ингушская библиотека постоянно пополняется как литературными, так и историческими произведениями.

<http://vk.com/ingbooks>